ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК
КОСМИЧЕСКИЕ
ОБОРОТНИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Магия, оборотни, борьба с инопланетным разумом… в захватывающих остросюжетных романах знаменитых классиков американской фантастики Роберта Хайнлайна и Эндрю Нортон.

- Сборник
  - Р.Хайнлайн. ПОВЕЛИТЕЛИ МАРИОНЕТОК
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Глава 19
    - Глава 20
    - Глава 21
    - Глава 22
    - Глава 23
    - Глава 24
    - Глава 25
    - Глава 26
    - Глава 27
    - Глава 28
    - Глава 29
    - Глава 30
    - Глава 31
    - Глава 32
    - Глава 33
    - Глава 34
    - Глава 35

- А.Нортон. ЛУНА ТРЕХ КОЛЕЦ
  - КРИП ВОРЛАНД
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
  - МАЙЛИН
    - Глава 4
  - КРИП ВОРЛАНД
    - Глава 5
    - Глава 6
  - МАЙЛИН
    - Глава 7
  - КРИП ВОРЛАНД
    - Глава 8
    - Глава 9
  - МАЙЛИН
    - Глава 10
  - КРИП ВОРЛАНД
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
  - МАЙЛИН
    - Глава 15
    - Глава 16
  - КРИП ВОРЛАНД
    - Глава 17
    - Глава 18
    - Глава 19

Сборник

Космические оборотни

Р.Хайнлайн. ПОВЕЛИТЕЛИ МАРИОНЕТОК

Глава 1

Действительно ли они разумны? Я имею в виду, сами по себе. Не знаю и не думаю, что мы когда-нибудь узнаем.

Если это всего лишь инстинкт, мне очень хотелось бы надеяться, что я не доживу до того дня, когда нам придется столкнуться с такими же, но разумными тварями. Потому что я знаю, кто проиграет. Я, вы. Так называемое человечество.

Для меня все началось рано утром - слишком рано - 12 июля 67 года: телефон зазвонил так пронзительно, что и мертвый бы, наверно, проснулся.

Надо заметить, что наш Отдел пользуется особыми аппаратами; аудиореле имплантировано под кожей за левым ухом и работает за счет костной звукопроводимости. Я принялся было ощупывать себя, потом вспомнил, что оставил аппарат в кармане пиджака в другом конце комнаты.

– Ладно, - проворчал я. - Слышу. Выключи этот клятый зуммер.

– Чрезвычайное положение, - произнес голос у меня в ухе. - Срочно явиться в Отдел.

Я коротко посоветовал, как им поступить с их чрезвычайным положением, но голос не унимался:

– Немедленно явиться в Старику.

Так бы сразу и говорили.

– Иду, - ответил я и резко вскочил - аж в глазах потемнело. Прошел в ванную и ввел под кожу микрокапсулу "Гиро". Пока вибростойка вытрясала из меня душу, стимулятор сделал свое дело, и из ванной я вышел новым человеком - ну почти новым, так скажем. Осталось только прихватить пиджак.

На базу я попал через одну из стоек в туалете на станции метро Макартур. Разумеется, вы не найдете наше заведение в телефонной книге.

Строго говоря, нас вообще нет. Выдумка, иллюзия. Еще туда можно попасть через крохотный магазинчик с вывеской "Редкие марки и монеты". Тоже не пытайтесь - вам наверняка постараются всучить там какую-нибудь старинную марку.

Короче, искать нашу контору бесполезно. Как я и говорил, нас просто нет.

Существуют вещи, которые не может знать ни один руководитель государства - например, насколько хороша его разведывательная служба.

Понятно это становится, только когда она его подводит. Чтобы этого не произошло, есть мы. Так сказать, подтяжки для

дяди Сэма. В ООН о нас никогда не слышали, да и в ЦРУ тоже - надеюсь. А все, что о нашей организации знаю я, это полученная подготовка и задания, на которые посылает меня Старик. Интересные, в общем-то, задания - если вам все равно, где вы спите, что едите и как долго проживете. Будь я поумней, давно бы уволился и нашел себе нормальную работу.

Только вот со Стариком работать больше не доведется. А для меня это много значит. Хотя начальственной твердости ему, конечно, не занимать.

Этот человек вполне способен сказать:

– Парни, нам нужно удобрить вот это дерево. Прыгайте в яму, и я вас засыплю.

Мы прыгнем. Все как один.

И если будет у него хотя бы пятидесятитрехпроцентная уверенность, что это Дерево Свободы, он похоронит нас заживо.

Старик поднялся из-за стола и, прихрамывая, двинулся мне навстречу с этакой зловещей ухмылкой на губах. Большой голый череп и крупный римский нос делали его похожим то ли на Сатану, то ли на Панча.

– Привет, Сэм, - сказал он. - Мне, право, жаль, что пришлось вытащить тебя из постели.

Черта с два ему жаль, конечно.

– У меня отпуск, - коротко ответил я.

– Верно, и ты все еще в отпуске. Мы отправляемся отдыхать. У Старика весьма своеобразные представления об отдыхе, поэтому я, разумеется, не поверил.

– Ладно. Теперь меня зовут Сэм. А фамилия?

– Кавано. А я теперь твой дядюшка Чарли. Чарлс М.Кавано; пребываю на заслуженном отдыхе. И познакомься - это твоя сестра Мэри.

Я, как вошел, сразу заметил, что он в комнате не один, но Старик, когда хочет, умеет приковывать к себе внимание целиком и удерживать его сколько нужно. Теперь же я взглянул на свою "сестру" внимательно и невольно задержал взгляд. Оно того стоило.

Стало понятно, почему для работы вместе он назначил нас братом и сестрой: ему так хлопот меньше. Как профессиональный актер не может намеренно испортить диалог, так и агент, получивший инструкции, уже не может выйти из заданного образа. Короче, удружил: такую девушку - и мне в сестры!

Высокая, стройная, но спереди все как положено. Хорошие ноги. Широкие - для женщины - плечи. Огненно-рыжие волнистые волосы и, как бывает только у рыжих от рождения, что-то от ящерицы в форме черепа. Не то чтобы красавица, но очень даже

симпатичная. И взгляд такой внимательный, оценивающий.

В общем, мне сразу захотелось опустить крыло и пуститься в брачный танец. Наверно, по мне это было заметно, потому что Старик сказал:

– Спокойно, Сэмми, спокойно. Сестра, конечно, в тебе души не чает, и ты ее тоже любишь, но чисто по-родственному. Ты заботлив и галантен до тошноты. Как говорится, старая добрая Америка.

– Боже, неужели все так плохо? - спросил я, не сводя глаз с "сестры".

– Хуже.

– А черт, ладно. Привет, сестренка. Рад познакомиться.

Она протянула мне руку - твердую и ничуть не слабее, чем у меня.

– Привет, братец.

Глубокое контральто! Моя слабость. Черт бы побрал Старика!

– Могу добавить, - продолжил он, - что сестра тебе дороже собственной жизни. Чтобы защитить ее от опасности, ты готов даже умереть. Мне не очень приятно сообщать тебе это, Сэмми, но, по крайней мере в настоящий момент, сестра для организации важнее, чем ты.

– Понятно, - ответил я. - Спасибо за деликатность.

– Сэмми…

– О'кей, она - моя обожаемая сестра. Я защищаю ее от собак и посторонних мужчин. Когда начинаем?

– Сначала зайди в "Косметику". Они сделают тебе новое лицо.

– Пусть лучше сделают новую голову. Ладно, увидимся. Пока, сестренка.

Голову мне, конечно, не сделали, зато примостили мой персональный телефон у основания черепа и заклеили сверху волосами. Шевелюру выкрасили в тот же цвет, что и у новоявленной сестры, осветлили кожу и сделали что-то такое со скулами и подбородком. Из зеркала на меня уставился самый настоящий рыжий - такой же, как сестра. Я смотрел на свои волосы и пытался вспомнить, какого же цвета они были изначально, много-много лет назад.

Затем мне пришло в голову, что и с сестренкой могли сделать что-нибудь в таком же духе. Но может, она и в самом деле так выглядит? Хорошо бы…

Я надел приготовленный костюм, и кто-то сунул мне в руку заранее уложенную дорожную сумку. Старик и сам, очевидно, побывал в "Косметике": на голове у него вился бело-розовый пух. Лицо ему тоже изменили. Не скажу точно что, но теперь мы, без сомнения, выглядели родственниками - троица законных

представителей этой странной расы рыжеволосых.

– Пошли, Сэмми, - сказал Старик. - Я все расскажу в машине.

Мы выбрались в город новым маршрутом, о котором я еще не знал, и оказались на стартовой платформе Нортсайд, высоко над Нью-Бруклином, откуда открывался вид на Манхэттенский кратер.

Я вел машину, а Старик говорил. Когда мы вышли из зоны действия городской службы управления движением, он велел запрограммировать направление на Де-Мойн, штат Айова, после чего я присоединился к Мэри и "дядюшке Чарли" в салоне. Первым делом Старик поведал нам наши легенды.

– Короче, мы - беззаботная, счастливая семейка, туристы, - закончил он. - И если нам придется столкнуться с чем-то непредвиденным, так мы себя и ведем - как любопытные бестолковые туристы.

– А ради чего все это затевалось? - спросил я. - Или на месте будем разбираться?

– М-м-м… Возможно.

– О'кей. Хотя на том свете чувствуешь себя гораздо лучше, если знаешь, за что туда попал, а, Мэри?

"Мэри" промолчала. Редкое для женщины качество - умение молчать, когда нечего говорить. Старик бросил на меня оценивающий взгляд и спросил:

– Сэм, ты слышал о летающих тарелках?

– Э-э-э…

– Ну полно тебе! Ты ведь учил историю.

– А, эти… Повальное помешательство на тарелках, еще до Беспорядков?

Я думал, ты имеешь в виду что-то недавнее и настоящее. Тогда были просто массовые галлюцинации…

– Ой ли?

– Я, в общем-то, не изучал статистическую аномальную психологию специально, но уравнения, кажется, помню. Тогда само время было ненормальное; человека, у которого все шарики на месте, могли запросто запереть в психушку.

– А сейчас, по-твоему, наступило царство разума, да?

– Ну, утверждать не стану… - Я порылся у себя в памяти и нашел нужный ответ. - Вспомнил: оценочный интеграл Дигби для данных второго и более высокого порядка! Вероятность того, что летающие тарелки - за вычетом объясненных случаев - лишь галлюцинация равна по Дигби 93,7 процента. Я запомнил, потому что это был первый случай, когда сообщения об инопланетянах собрали, систематизировали и оценили. Одному богу известно, зачем правительство затеяло этот проект.

Старик выслушал меня и с совершенно невинным видом сказал:

– Держись за сиденье, Сэмми: мы едем осматривать летающую тарелку. И может быть, мы, как и положено настоящим туристам, даже отпилим кусочек на память.

Глава 2

– Семнадцать часов… - Старик сверился с часами на пальце, - …и двадцать три минуты назад неопознанный космический корабль приземлился в окрестностях Гриннела, штат Айова. Тип - неизвестен. Форма - дисковидная, около ста пятидесяти футов диаметром. Откуда - неизвестно, но…

– Они что, не отследили траекторию? - перебил я.

– Нет, не отследили, - ответил Старик. - Вот фотография с космической станции "Бета".

Я взглянул на снимок и передал Мэри. Обычная, не очень четкая фотография с высоты пять тысяч миль. Деревья, как мох, тень облака, испортившая самую хорошую часть снимка, и серый круг - возможно, и в самом деле космический аппарат, но с таким же успехом это мог быть резервуар для нефти или даже пруд.

Мэри вернула фото, и я сказал:

– Похоже на большой шатер. Что еще нам известно?

– Ничего.

– Как ничего? Спустя семнадцать часов? Там должно быть полно наших агентов!

– Посылали. Двое были в окрестностях, и четверо отправились к объекту. Никто не вернулся. Я очень не люблю терять агентов, особенно когда это не дает никаких результатов. Я вдруг осознал, насколько серьезная сложилась ситуация: Старик решил поставить на карту свой собственный мозг, рискуя потерять всю организацию, ибо он и есть Отдел. Мне стало не по себе. Обычно, агент обязан спасать свою шкуру - чтобы выполнить задание и сообщить результаты. В данном случае получалось, что вернуться с результатами должен был Старик, вторая по значимости - Мэри, а сам я - не дороже скрепки. Радоваться тут, понятно, нечему.

– Один из наших сотрудников успел-таки сообщить, - продолжил Старик.

– Он отправился к месту посадки, изображая обычного зеваку, и передал по личному телефону, что это, по всей видимости, и в самом деле космический корабль. Затем сообщил, что постарается подобраться ближе, за полицейский кордон. Последнее, что он сказал, было: "Вот они. Маленькие существа, примерно…", и больше ни слова.

– Маленькие человечки?

– Он сказал "существа".

– А сообщения из других источников?

– Полно. Студия стереовещания из Де-Мойна направила туда

съемочную группу. Все снимки, что они передали, были сделаны с воздуха и издалека.

На всех - только дисковидный объект. Затем в течение двух часов - ни снимков, ни новостей, а после этого крупные планы и новое объяснение.

Старик замолчал.

– И что? - спросил я.

– Оказывается, это розыгрыш. Космический корабль якобы собран из жести и пластика двумя подростками в лесу неподалеку от фермы, где они живут. А первые репортажи были переданы комментатором, который и подговорил их на это дело, чтобы устроить сенсацию. Его, мол, уже уволили, а сообщение о пришельцах из космоса - не более чем очередная "утка".

Я поежился.

– "Утка", значит. И тем не менее мы потеряли шестерых сотрудников. Наша задача - отыскать их?

– Нет. Я думаю, мы их уже не найдем. Нам нужно узнать, почему месторасположение объекта на этом снимке не совпадает с тем, что сообщили в новостях, и почему стереостанция Де-Мойна на два часа прервала передачи.

– Я бы хотела поговорить с этими подростками, - сказала Мэри, нарушив молчание впервые за всю поездку.

***

Я опустил машину на дорогу в пяти милях от Гриннела, и мы принялись искать ферму Маклэйнов: в новостях виновниками всего этого переполоха были названы Винсент и Джордж Маклэйны. Найти ферму оказалось несложно. На первой же развилке стоял большой щит с надписью: "К КОСМИЧЕСКОМУ КОРАБЛЮ СЮДА", а чуть дальше уже теснились припаркованные по обеим сторонам дороги машины - наземные, летающие и даже трифибии. У поворота к ферме работали две стойки, где торговали прохладительными напитками и сувенирами, а движением руководил полицейский.

– Остановись, - сказал Старик. - Нам тоже посмотреть не помешает, а?

– Точно, дядюшка, - согласился я.

Старик выпрыгнул из машины, взмахнул тростью и двинулся вперед. Я помог Мэри выбраться, и она на мгновение прижалась ко мне, опершись на руку. Каким-то образом ей удавалось

выглядеть одновременно и глупо, и застенчиво.

– Какой ты сильный, братишка, - сказала она, глядя на меня.

Мне сразу захотелось ей наподдать. Один из агентов Старика - в роли этакой сентиментальной простушки. Ну прямо как улыбка у тигра.

"Дядя Чарли" во всю изображал обеспеченного старого придурка на отдыхе - приставал к людям с расспросами, суетился, цеплялся к полицейскому. Затем купил у стойки сигару и, когда мы подошли, небрежно махнул рукой с дымящейся сигарой в сторону сержанта.

– Инспектор говорит, это надувательство, мои дорогие. Местные мальчишки подшутили. Едем дальше?

Мэри сделала разочарованное лицо.

– Что, никакого космического корабля нет?

– Почему же? Есть - если, конечно, это можно назвать космическим кораблем, - ответил полицейский. - Идите за толпой, там найдете. И я пока еще сержант.

Мы миновали пастбище, дальше начинался редкий лес. Пройти за ворота фермы стоило доллар, и многие сразу поворачивали обратно, поэтому люди на тропе встречались редко. Я держался настороженно и страстно желал, чтобы вместо радиотелефона у меня на затылке были глаза. Дядя Чарли и сестренка шли впереди, Мэри без умолку несла какие-то глупости. Мне показалось, что она даже выглядит теперь меньше ростом и моложе. Наконец мы добрались до поляны и увидели "космический корабль".

Больше ста футов диаметром, но сделан - явно на скорую руку - из тонкой жести и листового пластика, выкрашенного серебрянкой. Формой - как две суповые тарелки одна на другой. Кроме этого, и смотреть не на что. Тем не менее Мэри пискнула:

– О, как здорово!

Из люка на вершине этой чудовищной конструкции высунул голову парнишка лет восемнадцати-девятнадцати с глубоким устойчивым загаром на прыщавом лице.

– Хотите посмотреть внутри? - спросил он и добавил, что это будет стоить еще пятьдесят центов с каждого.

Дядя Чарли решил раскошелиться. У самого люка Мэри в нерешительности остановилась. Оттуда вынырнула еще одна прыщавая физиономия - точная копия первой. Парни хотели помочь Мэри спуститься, но она вдруг отпрянула, и я тут же оказался рядом, решив, что лучше помогу ей сам. Однако в данном случае я на девяносто девять процентов руководствовался профессиональными соображениями, потому что нутром чуял здесь какую-то опасность.

– Там темно, - дрожащим голосом произнесла Мэри.

– Не бойтесь, - сказал второй парень. Мы сегодня весь день тут людей водим. Меня, кстати, зовут Винс Маклэйн. Ну, идите же, девушка.

Дядя Чарли опасливо заглянул в люк, словно заботливая курица, сопровождающая выводок на прогулке.

– Там могут быть змеи, - решил он. - Мэри, тебе лучше туда не ходить.

– Да что вы! Какие змеи?! - принялся уговаривать нас первый Маклэйн.

– Ладно, джентльмены, деньги оставьте себе. - Дядя Чарли взглянул на палец с часами. - Мы уже опаздываем, дорогие мои. Пошли.

По тропе я опять шел позади них - постоянно настороже, аж волосы на затылке дыбом встали.

Сели в машину, и, едва тронулись с места, Старик строго спросил:

– Ну? Что вы заметили?

Я парировал вопросом на вопрос:

– Насчет первого сообщения никаких сомнений? Того, что оборвалось?

– Абсолютно.

– Этой штукой агента не обманешь даже в темноте. Он видел другой корабль.

– Разумеется. Что еще?

– Сколько, по-вашему, может стоить этот розыгрыш? Новая жесть, краска и, судя по тому, что я заметил внутри, несколько кубометров бруса для крепежа…

– Продолжай.

– На этой ферме только вывески не хватает - "Заложено". Ясное дело, они не сами оплачивали эту шуточку.

– Безусловно. А ты, Мэри?

– Вы заметили, дядюшка, как они со мной обращались?

– Кто? - резко спросил я.

– Полицейский и эти двое парней. Когда я прикидываюсь этакой обаятельной милашкой, с мужчинами обязательно должно что-то происходить.

Здесь же - никакой реакции.

– По-моему, они обратили на тебя внимание, - возразил я.

– Ты не понимаешь. Я просто чувствую реакцию. Всегда чувствую. Что-то с ними не так. Они словно мертвецы. Или евнухи - если ты догадываешься, что я имею в виду.

– Гипноз? - предположил Старик.

– Возможно. Или действие наркотиков. Мэри озадаченно

нахмурилась.

– Хм… - Старик задумался, потом сказал: - Сэмми, на следующем разъезде сверни налево. Нам нужно осмотреть место в двух милях к югу отсюда.

– Место посадки, вычисленное по фотоснимку?

– А что же еще?

Однако добраться нам туда не удалось. Мост впереди рухнул, а разогнаться, чтобы перескочить реку по воздуху, было негде, да и правила дорожного движения для летающих машин этого не разрешали. Мы заехали с юга, по единственной оставшейся дороге, но там нас остановил полицейский.

Сказал, что проезда нет из-за пожара. Кустарник, мол, горит, и если мы поедем дальше, нам придется участвовать в тушении. И вообще, ему положено бы отправить меня туда сразу.

Мэри захлопала ресницами и наврала, что ни она, ни дядюшка Чарли не умеют водить машину. Полицейский смилостивился и оставил нас в покое.

Отъехав от заграждения на дороге, я спросил:

– А этот как?

– Что как?

– Евнух?

– Ни в коем случае! Очень симпатичный мужчина.

Меня это задело.

Взлетать Старик запретил. Видимо, это и в самом деле было бы бесполезно. Мы отправились в Де-Мойн и вместо того, чтобы оставить машину у заставы, заплатили за программу до студии местного стереовещания.

"Дядюшка Чарли" принялся скандалить, и мы прорвались-таки в кабинет главного управляющего: Старик врал на ходу, хотя, может быть, "Чарлс М.Кавано" и в самом деле был какой-нибудь шишкой в Федеральном управлении связи.

Очутившись в кабинете, Старик продолжал строить из себя Высокое Начальство.

– Что это за глупый розыгрыш с летающей тарелкой, сэр? Я требую четкого ответа и предупреждаю, что от этого может зависеть судьба вашей лицензии.

Управляющий, небольшого роста, сутулый человечек, однако не испугался; подобные угрозы, видимо, лишь действовали ему на нервы.

– Мы передали опровержение по всем каналам, - сказал он. - Нас просто подставили. Но виновный уже уволен.

– Этого явно недостаточно, сэр.

Человечек - фамилия его была Барнс - пожал плечами.

– А чего еще вы от нас ожидаете? Мы что, должны его

повесить?

Дядя Чарли ткнул в его сторону сигарой.

– Предупреждаю, сэр, со мной шутки плохи. Я совсем не убежден, что два молодых олуха и младший репортер могли самостоятельно провернуть этот возмутительный розыгрыш. Тут пахнет деньгами, сэр. Да-да, и немалыми. А теперь скажите-ка мне, что именно вы…

Мэри сидела рядом со столом Барнса. Она сделала что-то со своим нарядом и уселась в такой позе, что мне сразу вспомнилась эта картина Гойи - "Маха обнаженная". Спустя несколько секунд она подала Старику сигнал большой палец вниз.

Барнс вроде бы не должен был этого заметить: мне казалось, что он смотрит только на Старика. Однако заметил. Он повернулся к Мэри, лицо его словно помертвело, а рука потянулась к ящику стола.

– Сэм! Стреляй! - коротко приказал Старик.

Я выстрелил. Луч отжег ему ноги, и туловище Барнса грохнулось на пол.

Не самый удачный мой выстрел: я думал прожечь дыру в животе.

Пальцы Барнса все еще тянулись к упавшему пистолету, и я отпихнул оружие носком ботинка. Человек с отстреленными ногами уже не жилец, однако умирает не сразу, и я хотел избавить его от мучений, но тут Старик рявкнул:

– Не трогать! Мэри, назад!

Он осторожно, словно кошка, обследующая незнакомый предмет, подобрался поближе. Барнс протяжно выдохнул и замер. Старик потыкал его тростью.

– Босс, пора сваливать, а? - сказал я.

Не оборачиваясь, он ответил:

– Здесь ничуть не опасней, чем где-то еще. Возможно, их в этом здании полно.

– Кого "их"?

– Откуда я знаю? Их, таких вот, как этот. - Он указал на тело Барнса.

– Нам как раз и нужно узнать, кто они такие.

Мэри судорожно всхлипнула и выдохнула:

– Он еще дышит. Смотрите!

Тело лежало лицом вниз. Пиджак на спине медленно поднимался и опадал, словно легкие Барнса продолжали работать. Старик присмотрелся и ткнул в спину тростью.

– Сэм. Иди сюда.

Я подошел.

– Раздень его. Только в перчатках. И осторожно.

– Взрывное устройство?

– Не болтай. И осторожно.

Должно быть, Старик догадывался, в чем дело. Я всегда думал, что у него в голове компьютер, который делает верные логические заключения, даже когда фактов всего ничего - как эти ученые парни, что восстанавливают облик доисторических животных по одной-единственной косточке. Я натянул перчатки - специальные перчатки: в таких можно и кипящую кислоту перемешивать, и на ощупь определить рельеф на монете - затем принялся переворачивать Барнса, чтобы расстегнуть пиджак.

Спина у него по-прежнему шевелилась. Мне это совсем не понравилось неестественно как-то - и я приложил руку между лопаток.

У нормального человека там позвоночник и мышцы. Здесь же было что-то мягкое и податливое. Я резко отдернул руку.

Мэри молча подала мне ножницы со стола Барнса, и я разрезал пиджак.

Под ним оказалась тонкая рубашка, а между рубашкой и кожей, от шеи и до середины спины было что-то еще - толщиной около двух дюймов, отчего и казалось, что человек сутулится, или на спине у него небольшой горб.

Но эта штука пульсировала.

На наших глазах "горб" медленно пополз со спины, прочь от нас. Я протянул руку, чтобы задрать рубашку, но Старик стукнул тростью мне по пальцам.

– Ты все-таки реши, что тебе нужно, - сказал я, потирая костяшки пальцев. Он молча засунул трость под рубашку, поворочал и мало-помалу задрал рубашку к плечам. Теперь уже ничто не мешало разглядеть эту тварь.

Серая, чуть просвечивающая, с раскинувшейся по всему телу системой каких-то органов - бесформенная, но определенно живая тварь. Она перетекла на бок Барнса и, неспособная продвинуться дальше, застыла между рукой и грудной клеткой.

– Бедняга, - тихо произнес старик.

– А? Это?

– Нет. Барнс. Когда все это закончится, напомните мне, что ему полагается "Пурпурное сердце". Надо будет проследить. Если закончится. - Старик выпрямился и принялся расхаживать по кабинету, словно напрочь забыл про тварь, которая примостилась под рукой мертвого Барнса.

Я попятился, не спуская с твари взгляда и держа ее под прицелом.

Быстро передвигаться она, похоже, не могла, летать, видимо, тоже, но кто ее знает, на что она способна. Мэри подошла,

прижалась ко мне плечом, словно ища утешения, и я обнял ее свободной рукой.

На маленьком столике рядом с рабочим столом Барнса лежала стопка круглых коробок со стереопленкой. Старик взял одну, вытряхнул кассету и вернулся к нам.

– Это, думаю, подойдет.

Он поставил коробку на пол рядом с серой тварью и принялся загонять ее внутрь, подпихивая тростью. Вместо этого тварь перетекла еще глубже под руку Барнса и спряталась под телом почти целиком. Я взял труп за другую руку и оттащил в сторону. Тварь сначала цеплялась, но потом шлепнулась на пол. Мы с Мэри настроили оружие на минимальную мощность и под руководством Старика все-таки загнали тварь в коробку, поджигая пол то с одной стороны, то с другой. Тварь заполнила коробку почти до краев, и я тут же закрыл ее крышкой.

Старик сунул коробку под руку.

– Что ж, вперед, мои дорогие.

На пороге кабинета он обернулся, "попрощался" с Барнсом, затем закрыл дверь, остановился у стола секретарши и сказал:

– Я зайду к мистеру Барнсу завтра… Нет, я еще не знаю во сколько.

Предварительно позвоню.

И мы неторопливо двинулись к выходу: Старик прижимал к себе левой рукой коробку, я настороженно вслушивался, не поднял ли кто тревогу. Мэри без умолку болтала, во всю изображая красивую дурочку. Старик даже остановился в фойе купить сигару и расспросил клерка, как доехать до нужного нам места - этакий добродушный старикан, немного бестолковый, но с чрезвычайно высоким самомнением.

Сев в машину, он сказал, куда ехать и предупредил, чтобы я не превышал скорость. Спустя некоторое время мы остановились у авторемонтной мастерской и заехали в гараж. Старик велел позвать управляющего и, когда тот явился, сказал:

– Машина срочно нужна мистеру Малоне.

Этой кодовой фразой я и сам не раз пользовался: через двадцать минут от машины останутся только безликие запчасти в ящиках на полках.

Управляющий окинул нас взглядом, отослал двоих механиков из кабинета и коротко ответил:

– Сюда, пожалуйста, через эту дверь.

***

Мы очутились в квартире престарелой супружеской пары, где я и Мэри стали брюнетами, а Старик вернул свою лысину. У меня появились усы. Мэри, надо заметить, выглядела с темными волосами ничуть не хуже, чем с рыжими.

Вариант "Квано" отбросили: Мэри превратилась в медсестру, я - в шофера на службе у богатого старика-инвалида - как положено, с пледом и вечными капризами.

На улице нас ждала новая машина. Назад добрались спокойно. Возможно, нам даже незачем было менять морковного цвета шевелюры. Я настроил экран на студию Де-Мойна, но, если полиция и обнаружила труп мистера Барнса, репортеры об этом еще не знали.

Мы двинулись прямиком в кабинет Старика и там открыли коробку. Перед этим Старик послал за доктором Грейвсом, руководителем биологической лаборатории Отдела, и все делалось при помощи механических манипуляторов. Оказалось, нам больше не нужны манипуляторы, а противогазы: кабинет заполнила вонь разлагающейся органики. Пришлось захлопнуть коробку и включить вентиляцию на полную.

– Что это за чертовщина? - спросил Грейвс, брезгливо наморщив нос.

Старик вполголоса выругался.

– Это я у тебя хочу узнать. Работать в скафандрах, в стерильном боксе, и я запрещаю думать, что эта тварь уже мертва.

– Если она жива, то я - королева Англии.

– Кто тебя знает? Но рисковать я запрещаю. Это - паразит, способный присасываться, например, к человеку и управлять его действиями.

Происхождение и метаболизм почти наверняка инопланетные.

Грейвс фыркнул.

– Инопланетный паразит на человеке? Это просто смешно. Слишком различные биохимические процессы.

– Черт бы тебя побрал с твоими теориями! - ворчливо произнес Старик.

– Когда мы его взяли, он прекрасно чувствовал себя на человеке. Если по-твоему это означает, что организм земной, тогда я хочу знать, откуда он взялся и где искать остальных. Хватит предположений. Мне нужны факты.

– Будут тебе и факты! - раздраженно ответил биолог. - Шевелись. И забудь про то, что тварь мертва. Может быть, этот аромат - просто защитная реакция. Живая, она чрезвычайно опасна. Если тварь переберется на кого-то из твоих сотрудников,

мне, скорее всего, придется его убить.

Последняя фраза несколько поубавила Грейвсу гонору, и он молча вышел.

Старик откинулся на спинку кресла, тяжело вздохнул и закрыл глаза.

Спустя минут пять открыл и сказал:

– Сколько таких вот "горчичников" могло прибыть на космическом корабле размерами с эту тарелку, что мы видели?

– А был вообще корабль? - спросил я. - Фактов пока немного.

– Немного, но и их достаточно. Корабль был. И до сих пор есть.

– Нам нужно было обследовать место посадки.

– Там бы нас и похоронили. Те шестеро парней тоже не дураки были.

Отвечай на вопрос.

– Размеры корабля все равно ничего не говорят о его грузоподъемности, когда не знаешь тип двигателя, дальность перелета и какие условия нужны пассажирам… Гадаешь, когда петля начнет затягиваться? Я думаю их несколько сотен, может быть, несколько тысяч.

– М-м-м… да, пожалуй. А это значит, что в Айове сейчас бродят несколько тысяч зомби. Или "евнухов", как назвала их Мэри. - Старик на секунду задумался. - Но как пробраться мимо них в гарем? Нельзя же в самом деле перестрелять всех сутулых в Айове. - Он едва заметно улыбнулся. Разговоры пойдут.

– Могу подбросить другой занятный вопросец, - сказал я. - Если вчера в Айове приземлился один корабль, то сколько таких приземлится завтра в Северной Дакоте? Или в Бразилии?

– Да уж… - Старик погрустнел. - Веревочка-то коротка.

– В смысле?

– До петли всего ничего осталось. Идите пока, ребятки, погуляйте.

Может, это последняя возможность. Но с базы не уходить.

Я отправился в "Косметику", вернул себе прежний цвет кожи и нормальные черты лица, отмок в ванной и побывал у массажиста, затем прямиком в наш бар. Решил выпить и разыскать Мэри. Я, правда, не представлял себе, как она будет выглядеть - блондинка, брюнетка или рыжеволосая, - но ни секунды не сомневался, что узнаю ножки.

Оказалось, волосы у нее рыжие. Мэри сидела за отгороженным столиком.

Выглядела она практически так же, как в тот момент, когда я увидел ее впервые.

– Привет, сестренка, - сказал я, собираясь устроиться рядом.

– Привет, братец. Забирайся, - ответила она с улыбкой и подвинулась.

Я выбил на клавиатуре виски с водой и спросил:

– Ты и в самом деле так выглядишь?

Она покачала головой.

– Бог с тобой. В действительности у меня две головы и полоски как у зебры. А ты?

– Меня мамаша еще в детстве придушила подушкой, так что я до сих пор не знаю.

Она снова окинула меня оценивающим взглядом.

– Ее нетрудно понять. Но у меня нервы покрепче, так что все в порядке, братишка.

– Спасибо на добром слове, - ответил я. - И знаешь, давай оставим эти глупости насчет брата и сестры. А то я как-то скованно себя чувствую.

– По-моему, тебе это только на пользу.

– Мне? Да я так тихий. И ласковый. - Я мог бы еще добавить, что с такими девушками лучше волю рукам не давать: если ей не понравится, глядишь, и без рук можно остаться. У Старика другие не работают.

Она улыбнулась.

– Да ну? Зато я не ласкова. Во всяком случае, сегодня. - Мэри поставила бокал на стол. - Допивай лучше и закажи еще.

Что я и сделал. Мы продолжали сидеть рядом, просто наслаждаясь теплом и покоем. При нашей профессии такие минуты выпадают не часто, и от этого их еще больше ценишь.

Ни с того, ни с сего подумалось, как хорошо Мэри выглядела бы во втором кресле у камина. Работа у меня такова, что раньше я никогда всерьез не думал о супружестве. Да и к чему? На свете полно симпатичных девчонок.

Но Мэри сама была агентом; с ней и поговорить можно по-человечески. Я вдруг понял, что чертовски одинок, и тянется это уже очень давно.

– Мэри…

– Да?

– Ты замужем?

– Э-э-э… А почему ты спрашиваешь? Вообще-то, нет. Но какое тебе…

Какое это имеет значение?

– Имеет, - упрямо сказал я.

Она покачала головой.

– Я серьезно. Вот взгляни на меня: руки, ноги на месте, совсем не стар еще и всегда вытираю ноги в прихожей. Чем не пара?

Она рассмеялась, но вполне добродушно.

– Лучше готовиться надо. Я думаю, сейчас ты импровизировал.

– Точно.

– Ладно, прощаю. Но знаешь, хищник, тебе следует поработать над техникой. Совсем ни к чему терять голову и предлагать женщине брачный контракт только из-за того, что тебя один раз отшили. Кто-нибудь поймает на слове.

– Но я серьезно, - сказал я обиженно.

– Да? И какое содержание ты предлагаешь?

– О черт! Если ты настаиваешь на таком контракте, то я и на это согласен. Можешь полностью сохранить свой заработок, и я готов переводить тебе половину моего - если, конечно, ты не подашь в отставку.

Она покачала головой.

– Мне незачем будет настаивать на подобного рода контракте с человеком, за которого я сама захочу выйти замуж…

– Я так и думал.

– Просто я попыталась доказать, что это у тебя не всерьез. - Мэри подняла взгляд и добавила уже мягче, нежнее: - Хотя, может быть, я ошибаюсь.

– Ошибаешься.

Она снова покачала головой.

– Агентам не следует жениться.

– Агентам следует жениться только на агентах.

Мэри хотела что-то ответить, но неожиданно выражение лица у нее изменилось. В то же мгновение мой телефон за ухом заговорил голосом Старика, и я понял, что она тоже прислушивается.

– Срочно ко мне в кабинет, - приказал Старик.

Мы молча встали. В дверях Мэри остановилась и посмотрела мне в глаза.

– Вот именно поэтому говорить сейчас о супружестве просто глупо. У нас работа не закончена. Пока мы разговаривали, ты постоянно думал о деле, и я тоже.

– Я не думал.

– Не играй со мной! Сэм… Представь себе, что ты женат и, проснувшись, вдруг обнаруживаешь одну из тех тварей на плечах у жены.

Представь, что она управляет твоей женой. - В ее глазах промелькнул ужас.

– Или представь, что я увидела на плечах у тебя…

– Готов рискнуть. И я не позволю им подобраться к тебе.

Он прикоснулась к моей щеке.

– Верю.

Когда мы вошли к Старику, он поднял взгляд и сказал:

– Отлично. Поехали.

– Куда? - спросил я. - Или мне не следовало задавать этот вопрос?

– В Белый дом. К Президенту. А теперь заткнись.

Тут мне уже ничего не оставалось.

Глава 3

В начале лесного пожара или эпидемии всегда есть возможность предотвратить беду минимальными усилиями, если действовать четко и своевременно. И Старик уже решил, что нужно сделать Президенту - объявить на всей территории страны чрезвычайное положение, окружить Де-Мойн и окрестности кордонами и стрелять в каждого, кто попытается выбраться оттуда. А затем начать выпускать жителей по одному, непременно обыскивая, чтобы найти всех паразитов. Одновременно задействовать радарные службы, ракетчиков и космические станции на выявление и уничтожение других неопознанных кораблей.

Предупредить весь мир, попросить о помощи - но не очень-то церемониться с международными законами, потому что речь идет о выживании человечества в борьбе против инопланетных захватчиков. И не важно, откуда они взялись - с Марса, с Венеры, со спутников Юпитера или вообще из другой звездной системы. Главное - отразить нападение.

Старик обладал уникальным даром: факты удивительные и невероятные он подчинял логике с такой же легкостью, как и самые обыденные. Вы скажете, не бог весть какой дар? Но большинство людей, сталкиваясь с чем-то таким, что противоречит житейской логике, вообще перестают соображать; фраза "Я просто не могу в это поверить" звучит заклинанием как для интеллектуалов, так и для недоумков. А вот для Старика это пустой звук. И к его мнению прислушивается Президент.

***

Охрана из секретной службы работает серьезно. Рентгеноскоп сделал "бип", и мне пришлось сдать лучемет. Мэри оказалась просто ходячим арсеналом: машина подала сигнал четыре раза, потом еще коротко булькнула, хотя я готов был поклясться, что ей даже корешок от налоговой квитанции негде спрятать. Старик отдал трость сам.

Наши аудиокапсулы выявил и рентгеноскоп, и детектор металла, но хирургические операции - это уже за пределами компетенции охраны. Они торопливо посовещались, после чего их начальник решил, что предметы, имплантированные под кожей,

оружием можно не считать. У нас взяли отпечатки пальцев, сфотографировали сетчатку и только тогда провели в приемную. Но сразу к Президенту пустили только одного Старика.

Спустя какое-то время нам тоже позволили войти. Старик нас представил, и я смущенно промямлил что-то в ответ. Мэри лишь сдержано поклонилась. Президент сказал, что рад с нами познакомиться, и "включил" свою знаменитую улыбку - ту самую, что вы часто видите на экране телевизора, - отчего мне сразу поверилось, что он действительно рад встрече. Я вдруг почувствовал себя тепло, спокойно и перестал смущаться.

Первым делом Старик велел доложить обо всем, что я делал, видел и слышал, выполняя последнее задание. Добравшись до того места в рассказе, где мне пришлось убить Барнса, я попытался поймать взгляд Старика, но он смотрел куда-то в пространство, и я не стал упоминать о его приказе стрелять. Сказал просто, что убил Барнса, защищая второго агента, Мэри, когда управляющий телестудией потянулся за пистолетом. Старик тут же меня перебил:

– Полный отчет!

Пришлось добавить про его приказ стрелять. Президент перевел взгляд на Старика, но больше никак не отреагировал. Я рассказал о паразите и, поскольку никто меня не останавливал, обо всем, что случилось после.

Затем настала очередь Мэри. Она довольно сбивчиво пыталась объяснить Президенту, почему рассчитывает на какую-то реакцию со стороны нормальных мужчин - реакцию, которой не было у молодых Маклэйнов, полицейского и Барнса, - но тут он сам пришел ей на помощь. Президент улыбнулся и сказал:

– Милая девушка, я вам охотно верю.

Мэри покраснела, Президент дослушал ее до конца уже с серьезным выражением лица, и на несколько минут задумался. Затем обратился к Старику:

– Эндрю, твой отдел всегда оказывал мне неоценимую помощь. Случалось, отчеты, что ты присылал, поворачивали развитие истории…

Старик фыркнул.

– Значит "нет", так?

– Я этого не говорил.

– Но собирался.

Президент пожал плечами.

– Я хотел предложить, чтобы твои молодые люди нас на время оставили.

Ты, конечно, гений, Эндрю, но и гении ошибаются.

– Видишь ли, Том, я предвидел подобную реакцию. И поэтому

привез с собой свидетелей. Это не гипноз и не наркотические галлюцинации. Можешь вызвать своих психологов - пусть попробуют поймать их на лжи.

– Я не сомневаюсь, что в подобных вещах ты разбираешься даже лучше, чем любой из моих специалистов. Взять, например, вот этого молодого человека - чтобы выгородить тебя, он готов пойти на риск быть обвиненным в убийстве. Ты буквально вдохновляешь на преданность, Эндрю. А что касается молодой леди - право же, Эндрю, я не могу начать военные действия, опираясь только на женскую интуицию.

Мэри шагнула вперед.

– Господин Президент, - сказала она убежденно, - я абсолютно уверена в том, что говорю. Я всегда это чувствую. Не могу объяснить, как именно, но те люди не имели ничего общего с нормальными мужчинами.

– Да, но вы упускаете из вида вполне очевидное объяснение - возможно, это и в самом деле, извиняюсь, "евнухи". Такие несчастные, увы, встречаются. И по законам вероятности вам запросто могли встретиться четверо за один день.

Мэри умолкла. Зато заговорил Старик:

– Черт побери, Том! - Я даже вздрогнул: ну разве можно так разговаривать с Президентом? - Я ведь знал тебя еще в те дни, когда ты работал в сенатской комиссии, а сам я был у тебя главной ищейкой. И ты прекрасно понимаешь, что я не пришел бы к тебе с подобной сказкой, если бы мог найти какое-то другое объяснение. Как насчет космического корабля? Что там внутри? Почему я не мог попасть на место посадки? - Старик вытащил снимок, сделанный с космической станции "Бета" и сунул его под нос президенту.

Это, однако, не произвело на него никакого впечатления.

– Ну как же, факты… Мы оба с тобой неравнодушны к фактам. Но кроме твоего Отдела, у меня есть и другие источники информации. Вот этот снимок, например. Ты, когда звонил, особо подчеркивал важность фотоснимка. Однако местоположение фермы Маклэйнов, указанное в земельных книгах округа, полностью совпадает с координатами объекта на этой фотографии. - Президент поднял взгляд и посмотрел на Старика в упор. - Я однажды заблудился в окрестностях собственного загородного дома. А ты, Эндрю, даже не знаешь тех мест.

– Том…

– Что, Эндрю?

– Ты случайно не сам ездил проверять карты округа?

– Нет, разумеется.

– Слава богу, а то бы у тебя на плечах уже висело фунта три

пульсирующего желе - и тогда Соединенным Штатам конец! Можешь не сомневаться: и клерк в столице округа, и агент, которого ты послал, уже таскают на плечах таких паразитов. Да, и шеф полиции Де-Мойна, и редакторы местных газет, и авиадиспетчеры, и полицейские - короче, все люди на всех ключевых постах. Том, я не знаю, с чем мы столкнулись, но они-то наверняка понимают, что из себя представляем мы, и планомерно отсекают нервные клетки социального организма прежде, чем эти клетки смогут послать сигналы. Или же взамен истинной, выдают ложную информацию, как в случае с Барнсом. Так что, господин Президент, вы должны немедленно отдать приказ о жесточайших карантинных мерах в этом регионе. Другого пути нет!

– Да, Барнс… - тихо повторил Президент. - Эндрю, я надеялся, что мне не придется прибегать к этому… - Он щелкнул тумблером на селекторе.

– Дайте мне станцию стереовещания в Де-Мойне, кабинет управляющего.

Экран на столе засветился почти сразу. Президент нажал еще одну кнопку, и включился большой настенный экран. Перед нами возник кабинет управляющего станцией, где мы побывали всего несколько часов назад.

Почти весь экран заслоняла фигура человека - и это был Барнс.

Или его двойник. Если мне случается убивать кого-то, эти люди никогда не восстают из мертвых. Увиденное меня потрясло, но я все же верю в себя.

И в свой лучемет.

– Вы меня вызывали, господин Президент? - Судя по голосу человек был несколько ошарашен оказанной ему честью.

– Да, благодарю вас. Мистер Барнс, вы узнаете этих людей?

На лице Барнса появилось удивленное выражение.

– Боюсь, нет. А должен?

Тут вмешался Старик.

– Скажите ему, чтобы пригласил своих секретарей и помощников. Президент удивился, но просьбу выполнил. В кабинете появились еще несколько человек - в основном, девушки, - и я сразу узнал секретаршу, что сидела в приемной Барнса. "Ой, да это же Президент", - пискнула вдруг одна из девушек.

Нас никто не узнал. В отношении меня и Старика это не удивительно, но Мэри выглядела так же, как и тогда, и я не сомневаюсь, что у любой женщины, которая ее видела, образ Мэри врезался в память навсегда.

И еще я заметил: все они сутулились.

После этого Президент нас просто выпроводил. Прощаясь, он положил руку Старику на плечо и сказал:

– В самом-то деле, Эндрю, республика выстоит. Худо-бедно мы ее вытянем. Спустя десять минут мы уже стояли на холодном ветру на платформе Рок-Крик. Старик словно стал меньше ростом и действительно постарел.

– Что теперь, босс?

– А? Для вас - ничего. Отдыхайте до дальнейших распоряжений.

– Я бы хотел еще раз заглянуть к Барнсу.

– В Айову не суйся. Это приказ.

– М-м-м… А что ты собираешься делать, если не секрет?

– Собираюсь махнуть во Флориду. Лягу на горячий песок и буду ждать, пока весь мир не полетит к чертям. Если у тебя хватит ума, ты поступишь так же. Времени осталось совсем немного.

Он расправил плечи и двинулся прочь. Я расправил плечи и двинулся прочь. Я обернулся, но Мэри уже ушла. На платформе ее не было. Я догнал Старика и спросил:

– Прошу прощения, босс, а где Мэри?

– А? Отдыхает, надо полагать. Все. Меня не беспокоить.

Я хотел было разыскать Мэри по отдельской системе связи, но вспомнил, что не знаю ни ее настоящего имени, ни кода, ни идентификационного номера.

А скандалить и требовать, чтобы мне нашли ее по описанию, просто глупо.

Только в "Косметике" знают, как на самом деле выглядит агент, но они ничего не скажут. Сам я знал только, что она дважды была на задании рыжеволосой и выглядела - на мой вкус - как объяснение "почему мужчины дерутся". Попробуйте закодировать такую информацию в телефонный аппарат!

Короче, я просто снял себе комнату.

Глава 4

Проснулся я уже в сумерках и от нечего делать просто смотрел в окно, наблюдая, как оживает с приходом ночи столица. Огибая мемориальный комплекс, уходила вдаль река. Выше по течению, за границей округа, в воду добавляли флуоресцин, и от этого река светилась в ночи переливами розового, янтарного и алого цветов. По ярким полосам сновали туда-сюда прогулочные катера, до отказа набитые парочками, у которых, без сомнения, "одно на уме".

На суше, то здесь, то там посреди старых зданий зажигались прозрачные купола, отчего город становился похож на какую-то сказочную страну огней.

К востоку, где в свое время упала бомба, старых домов не было вообще, и весь район казался огромной корзиной разукрашенных пасхальных яиц вернее, гигантских скорлупок, освещенных изнутри.

Наверно, мне приходилось видеть столицу ночью чаще чем большинству людей, и я никогда об этом не задумывался. Но сегодня у меня возникло такое чувство, будто это "в последний раз". Только не от красоты сдавливало горло - от понимания, что там, внизу, под покровом мягкого света - люди, живые люди, личности, и все заняты обычными своими делами, любят, ссорятся, как кому нравится - короче, каждый делает, черт побери, что ему хочется, как говорится, под виноградником своим и под своей смоковницей, и никто не испытывает страха.

Я думал обо всех этих людях, и мне виделась совсем другая картина: милые добрые люди, но у каждого - присосавшийся за плечами паразит, который двигает их ногами и руками, заставляет говорить, что ему нужно, и идти, куда ему хочется. Подумав об этом, я дал клятву: если победят паразиты, я лучше погибну, но не позволю такой твари ездить у меня на спине. Агенту Отдела это не сложно, достаточно откусить ноготь, если руки связаны или еще что, есть множество других способов. Старик планирует на все случаи жизни.

Но он планировал подобные штуки совсем для иных целей, и я это знал.

Наше с ним дело - охранять безопасность людей, а вовсе не сбегать, когда приходится слишком туго.

Но сделать сейчас я все равно ни черта не мог. Я отвернулся от окна и подумал, что мне, пожалуй, не хватает компании. В комнате оказался стандартный каталог "эскорт-бюро" и "агентств моделей", какой можно найти почти в каждом большом отеле; я

полистал его и захлопнул. Веселые подруги меня совсем не интересовали, я хотел видеть только одну-единственную девушку, ту самую, неприступную. Вот только где ее искать?

Я всегда ношу с собой пузырек с пилюлями "Темпус фугит" «время летит (лат.)» - встряска для рефлексов, не раз бывало, помогала мне справиться с трудными ситуациями. И что бы там ни писали всякие паникеры, эти пилюли вовсе не вырабатывали патологического пристрастия, как, например, гашиш.

Хотя, конечно, какой-нибудь пурист мог бы сказать, что я пристрастился, потому что я иногда принимал их, чтобы свободные сутки казались неделей отпуска. И мне нравилось легкое эйфорическое ощущение, которое они вызывали. Но главное - это свойство растягивать субъективное время в десять и более раз, дробить его на мельчайшие отрезки, за счет чего в те же календарные сроки можно прожить гораздо дольше. Да, разумеется, я знаю эту жуткую историю о человеке, который состарился и умер за один месяц, потому что принимал пилюли одну за другой, но я пользуюсь ими лишь изредка.

А может быть, тот человек знал, что делал. Он прожил долгую счастливую жизнь - не сомневайтесь, счастливую - и в конце концов умер тоже счастливым. Какая разница, что солнце вставало для него только тридцать раз? Кто ведет счет счастью и устанавливает правила?

Я сидел, глядя на пузырек с пилюлями, и думал, что там достаточно по моему личному времени - года на два. Забраться бы в нору и закрыть вход…

Я вытряхнул на ладонь две штуки, налил стакан воды. Затем сунул их обратно в пузырек, нацепил пистолет и аппарат связи, вышел из отеля и направился в Библиотеку Конгресса.

По дороге остановился в баре и просмотрел последние новости. Из Айовы ничего не было, но с другой стороны, когда в Айове вообще что-нибудь случается?

В библиотеке я сразу прошел в справочный отдел и занялся каталогом, выискивая с помощью "мигалок" нужные темы: от "летающих тарелок" к "летающим дискам", потом к "проекту "Блюдце", через "огни в небе", "кометы", "диффузионную теорию возникновения жизни", две дюжины тупиковых маршрутов и всякую околонаучную муру для чокнутых. Где руда, а где пустая порода? Только со счетчиком Гейгера и определишь. Тем более, что самая нужная информация прячется, возможно, под семантическим кодом где-нибудь между баснями Эзопа и мифами о затерянном континенте.

Однако через час я все-таки подобрал целую стопку селекционных карточек, вручил их весталке за стойкой, и та

принялась скармливать их машине. Наконец она закончила и произнесла:

– Большинство пленок, что вы заказали, уже выданы. Остальные документы доставят в зал 9-А. На эскалатор, пожалуйста.

В зале 9-А работал только один человек. Этот человек поднял голову и сказал:

– Ну и ну! Волк собственной персоной. Как ты меня вычислил? Я была уверена, что ушла чисто.

– Привет Мэри, - сказал я.

– Привет, - ответила она, - и всего хорошего. Я все еще не ласкова, и мне нужно работать.

Я разозлился.

– Знаешь что, грубиянка, тебе это может показаться странным, но я пришел сюда отнюдь не ради твоих, без сомнения, прекрасных глаз. Время от времени я тоже, случается, работаю. Но можешь успокоиться: как только мои пленки прибудут, я смоюсь отсюда к чертовой матери и найду себе другой зал. Пустой.

Вместо ответной вспышки она вдруг смягчилась.

– Извини, Сэм. Женщине порой приходится выслушивать одни и те же слова сотни раз. Садись.

– Нет уж, спасибо. Я все-таки пойду. Мне нужно работать.

– Останься, - попросила она. - Видишь, тут написано: если ты унесешь пленки из того зала, куда они доставлены, сортировочная машина просто перегорит от натуги, а главный библиотекарь совсем рехнется. - Я, когда закончу, верну их сюда.

Она взяла меня за руку, и я почувствовал, как у меня по коже побежали приятные теплые мурашки.

– Ну, пожалуйста, Сэм. Извини меня.

Я сел и ухмыльнулся.

– Теперь меня никто не заставит уйти. Я не выпущу тебя из вида, пока не узнаю твой номер телефона, адрес и настоящий цвет волос.

– Волк, - мягко сказала Мэри. - Ты никогда не узнаешь ни одного, ни другого, ни третьего.

Она демонстративно уткнулась в визор проекционной машины, словно меня рядом и не было.

Труба пневмодоставки звякнула, и в приемную корзину посыпались заказанные кассеты. Я сложил их стопкой рядом с соседней машиной, но одна покатилась, ударилась в стопку кассет, что просматривала Мэри; и они рассыпались по столу. Я взял, как мне показалось, свою пленку, взглянул сначала на одну сторону, где стоял серийный номер и точечный код для

селекторной машины, перевернул, прочел название и положил в свою стопку.

– Эй! Это моя!

– Черта с два, - ответил я вежливо.

– Моя! Я собиралась смотреть ее следующей.

Вообще-то, до меня рано или поздно всегда доходит. Мэри, понятное дело, пришла сюда не ради истории обувного дизайна. Я взял еще несколько ее кассет и прочел названия.

– Вот значит, почему нужные мне кассеты оказались на руках. Однако ты много чего пропустила. - И я придвинул ей свою стопку.

Мэри просмотрела названия и свалила свои в общую кучу.

– Мы их поделим, или каждый будет смотреть все?

– Пополам, чтобы отсеять мусор, а все важное будем смотреть вместе, решил я. Поехали.

Даже после того, как я своими глазами увидел паразита на спине бедняги Барнса, после заверений Старика о том, что "тарелка" действительно приземлилась, я оказался неготовым к тем горам фактов, что можно обнаружить в информационных завалах обычной публичной библиотеки. Черт бы побрал Дигби с его оценочной формулой! Факты неопровержимо свидетельствовали, что Землю посещали инопланетные корабли, причем неоднократно.

Множество сообщений было зарегистрировано еще до выхода человечества в космос - начиная с семнадцатого века и даже раньше, хотя вряд ли можно считать достоверными сообщения тех времен, когда "наука" означала ссылки на Аристотеля. Первые систематизированные данные появились в 40-е и 50-е годы двадцатого века. Следующий всплеск пришелся на 80-е. Я заметил некоторую закономерность и начал выписывать даты. Выходило, что странные объекты в небе появлялись в большом количестве примерно с тридцатилетней периодичностью, хотя возможно, специалист по статистической обработке данных дал бы более точный ответ.

Тема летающих тарелок была напрямую связана с "таинственными исчезновениями", и не только потому, что обе они входили в один и тот же раздел с морскими змеями, кровавыми дождями и прочими необъяснимыми явлениями. Существовало множество подтвержденных документами примеров, когда пилоты, преследовавшие "тарелки", бесследно исчезали - официальные инстанции давали в таких случаях наиболее "простые" объяснения: разбился и не найден.

Мне в голову пришла новая мысль, и я решил проверить, есть ли у таинственных исчезновений тридцатилетний цикл, и если

так, не совпадает ли он с циклическим движением какого-нибудь из объектов звездного неба.

Уверенности в успехе у меня не было: слишком много данных и мало отклонений, поскольку очень большое число людей исчезает в год по другим причинам. Однако статистический учет велся годы, и не все записи погибли во время бомбежек. Я взял на заметку, что надо будет отправить эти данные для профессиональной оценки.

За ночь работы мы с Мэри не обменялись и тремя словами. Затем, потягиваясь, встали. Я одолжил ей мелочь, чтобы опустить в машину и сделать микрокопии тех записей, которые она отметила (и почему женщины никогда не носят с собой мелочь?), и выкупил свои кассеты.

– Ну, и каков приговор? - спросил я.

– Я чувствую себя, как воробей, который построил симпатичное гнездышко в водосточном желобе.

Я процитировал окончание стишка и сказал:

– Видимо, с нами будет то же самое: ничему не научившись, мы опять построим гнездо в желобе.

– Ни за что! Сэм, надо что-то делать! Тут прослеживается четкая закономерность, и на этот раз они хотят остаться.

– Может быть. Я лично думаю, ты права.

– Но что же делать?

– Лапушка, пришло время тебе понять, что в стране слепых даже одноглазому приходится не сладко.

– Не будь циником. Времени нет.

– Верно, нет. Пошли.

До рассвета оставалось совсем немного, и библиотека практически опустела.

– Знаешь, что? - сказал я. - Давай возьмем бочонок пива, отвезем ко мне в отель и все хорошенько обговорим. Она покачала головой.

– Только не к тебе.

– Черт! Это же по делу!

– Поехали ко мне домой. Всего две сотни миль. Я приготовлю завтрак.

Я вовремя вспомнил цель своей жизни и улыбнулся.

– Лучшая идея за всю ночь. Но если серьезно: почему не ко мне в отель? Полчаса сэкономим.

– А чем тебе не нравится моя квартира? Я ведь не кусаюсь.

– Жаль. Но все-таки с чего вдруг такая перемена?

– М-м-м… Может быть, я хотела показать тебе медвежьи капканы у моей кровати. А может быть, доказать, что я умею готовить. - На ее щеках появились маленькие ямочки.

Я остановил такси, и мы отправились к ней домой.

Закрыв дверь, она первым делом старательно обследовала квартиру, затем повернулась и сказала:

– Повернись. Хочу пощупать твою спину.

– Никого…

– Повернись!

Я заткнулся, и она простучала костяшками пальцев мои плечи.

– Теперь проверь меня.

– С удовольствием! - Однако я уже понял, к чему все это, и сделал, что положено и как положено. Под платьем не оказалось ничего, кроме хорошенькой девушки и нескольких смертоносных игрушек.

Она повернулась ко мне лицом и облегченно вздохнула.

– Вот поэтому я и не хотела ехать к тебе в отель. Теперь я впервые с тех пор, как увидела эту тварь на спине управляющего станцией, уверена, что мы в безопасности. Квартира полностью герметична. Уходя, я всегда отключаю воздух, и до моего прихода она - как сейф в подвале банка.

– А как насчет вентиляционных отдушин?

– Я не включала систему кондиционирования. На этот раз просто открыла один из запасных баллонов, что стоят на случай налета. Можешь ни о чем не беспокоиться. Что тебе приготовить?

– Может быть, судьба пошлет мне едва-едва прожаренный бифштекс?

Судьба оказалась благосклонна. За едой мы смотрели программу новостей, но из Айовы по-прежнему ничего не было.

Глава 5

Медвежьи капканы я так и не увидел: Мэри просто заперла дверь в спальню. Спустя три часа она меня разбудила, и мы позавтракали во второй раз. Затем чиркнули сигаретами, и я включил теленовости. Кроме претенденток на звание мисс Америка, там все равно ничего не показывали. В другое время это не оставило бы меня равнодушным, но поскольку никто из них не сутулился, а горб под купальником скрыть просто невозможно, передача не казалась важной.

– И что дальше? - спросил я.

– Нужно систематизировать факты и ткнуть Президента в них носом.

– Как?

– Нужно снова его увидеть.

– Как? - повторил я.

Ответа у нее не было.

– Видимо, у нас есть только один путь: через Старика.

Я попытался связаться с ним, используя оба наших кода, чтобы Мэри тоже участвовала в разговоре, но в ответ услышал:

– Первый заместитель Олдфилд. Выкладывайте.

– Мне нужен Старик.

Короткая пауза, затем:

– По личному делу или по служебному?

– Пожалуй, по личному.

– По личным вопросам я вас соединять не стану, а все служебные можете решать со мной.

Очень хотелось сказать, что я о нем думаю, но я сдержался и просто дал отбой. Потом набрал еще один код, специальный код Старика - этим сигналом его из могилы поднять можно, но не дай бог кому-то из агентов воспользоваться кодом без важного повода.

Старик ответил очередью ругательств. - Босс, - перебил я его, - это насчет Айовы…

Он сразу утихомирился.

– Да?

– Мы с Мэри накопили за ночь кое-какие данные, и хотим все это обсудить.

Вновь ругательства. Он распорядился передать данные в аналитический отдел и добавил, что при следующей встрече оторвет мне уши.

– Босс! - повысил голос я.

– А?…

– Если вы хотите все бросить, мы готовы сделать то же самое. Мы с Мэри можем подать в отставку прямо сейчас. Я это вполне серьезно.

Мэри вскинула брови, но промолчала. Старик тоже долго молчал и наконец выдавил усталым голосом:

– Отель "Палмглейд" на севере Майами-Бич.

– Едем.

Я заказал такси, и мы поднялись на крышу. Следуя моим указаниям, водитель сделал крюк над океаном, чтобы не терять время в густых транспортных потоках над Каролиной, так что добрались мы довольно быстро.

Старик лежал с мрачным выражением лица и, пока мы докладывали, задумчиво просеивал песок между пальцами. Я даже прихватил с собой "ящик", чтобы он мог просмотреть запись.

Когда мы дошли до тридцатилетнего цикла, Старик вскинул взгляд, но промолчал и, лишь когда я упомянул возможную корреляцию с цикличностью исчезновений, связался с Отделом.

– Дайте мне аналитическую службу. Питер? Привет. Мне нужен график необъяснимых исчезновений, начиная с 1800 года. А? Сгладишь известные факторы и отбросишь стабильный уровень. Мне нужны скачки и спады. Когда?

Два часа назад. Чего ты еще ждешь?

Он поднялся на ноги, позволив мне вручить ему трость, и сказал:

– Ладно, пора обратно.

– В Белый дом? - с надеждой спросила Мэри.

– Что? Когда ты подрастешь? У вас нет ничего такого, что могло бы убедить Президента.

– А… а что же тогда?

– Не знаю. И если ничего в голову не приходит, лучше пока помолчи.

У Старика была машина, и на обратном пути мне пришлось вести. Передав управление автопилоту, я сказал:

– Босс, кажется я придумал, что может убедить Президента.

Старик фыркнул, но приготовился слушать.

– План такой: послать двух агентов в Айову, скажем, меня и еще кого-то. Второй агент будет постоянно снимать меня телекамерой. Ваша задача - заставить Президента смотреть.

– А предположим, ничего не случится? - Ну, уж я позабочусь, чтобы случилось. Отправлюсь прямо к месту посадки, прорвусь. У вас будут снимки настоящего корабля, с близкого расстояния, и их увидят прямо в Белом доме. А затем я отправлюсь в контору к Барнсу и займусь этой сутулой компанией. Буду сдирать рубашки прямо перед камерой. Никаких там нежностей - срывать и

разоблачать.

– Ты понимаешь, что шансов у тебя не больше, чем у мыши на кошачьем съезде?

– Думаю, это не так. Ничего сверхчеловеческого в них нет. Спорить готов, они могут ровно столько, сколько может тело человека, попавшего под их власть. Я не собираюсь в мученики, но так или иначе снимки добуду.

– Х-м-м…

– Неплохой план, - вставила Мэри. Я буду вторым агентом. Я умею…

Мы со Стариком одновременно сказали "нет", и я сразу же покраснел: не моя прерогатива. Мэри предложила:

– Я хотела сказать, что это вполне логичный выбор, поскольку я обладаю… э-э-э… даром выявлять мужчин, которых оседлали паразиты.

– Нет, - повторил Старик. - Там, куда он собрался, они все с паразитами. Во всяком случае, я буду так считать, пока не получу доказательств обратного. И потом, я приготовил для тебя другое задание.

Мэри следовало бы промолчать, но она спросила:

– Какое? Что может быть важнее?

– Другая работа тоже важна, - сказал Старик покойно. - Я назначаю тебя телохранителем Президента.

– О! - она на секунду задумалась. - Однако, босс… я не уверена, что сумею выявить женщину с паразитом. У меня… э-э-э… другая специализация.

– Что ж, значит, мы уберем оттуда всех секретарш. И Мэри… тебе придется следить за самим Президентом тоже.

Снова короткая пауза.

– Но предположим, я обнаружу, что каким-то образом ему все-таки подсадили паразита?

– Тогда ты сделаешь, что необходимо, место президента займет вице-президент, а тебя расстреляют за измену. Однако вернемся к первому плану. Мы пошлем Джарвиса с камерой и добавим Дэвидсона, чтобы держал его под прицелом. Пока Джарвис будет снимать тебя, Дэвидсон будет следить за ним, а ты, если удастся, не забывай поглядывать на Дэвидсона.

– Значит, думаете, это нам удастся?

– Нет, в общем-то, но любой план лучше, чем никакого. И может быть, это их немного расшевелит.

***

Мы - Джарвис, Дэвидсон и я - отправились в Айову, а Старик тем временем поехал в Вашингтон. Перед самым отъездом Мэри отвела меня в сторону, затем притянула за уши, крепко поцеловала и сказала:

– Обязательно возвращайся, Сэм.

Я расчувствовался, как пятнадцатилетний мальчишка.

Дэвидсон приземлил машину сразу за ухнувшим мостом, что мы обнаружили в первую поездку. Я указывал, куда ехать, пользуясь картой, где было отмечено настоящее место посадки космического корабля. В качестве отправной точки мост подходил идеально. За две десятых мили к востоку от места мы свернули с дороги и двинулись к цели напрямик, через кустарник.

Вернее сказать, в направлении цели. Впереди раскинулась огромная выгоревшая поляна, и мы решили пройтись пешком. Место, указанное на снимке с орбиты, располагалось как раз в центре пожарища, но никакой летающей тарелки там не было. А чтобы доказать, что она тут приземлялась, понадобился бы, наверное, специалист получше меня. Пожар уничтожил все следы.

Джарвис старательно заснял поляну, но я уже понял, что слизняки в очередной раз нас обставили. По дороге к машине, нам встретился престарелый фермер. Мы, как было условленно, держались настороже.

– Ничего себе пожарчик, - заметил я, заходя сбоку.

– Да уж, - сокрушенно ответил он. - Две мои лучшие дойные коровы сгорели, беда прямо. А вы из газеты?

– Да, - согласился я, - но, похоже, мы приехали впустую.

Мне очень не хватало Мэри. Я не знал, что и думать: может, конечно, этот тип всегда сутулится… Но если Старик прав насчет корабля - а он должен быть прав, - то этот, с виду деревенский простофиля, знает о нем, и, следовательно, покрывает пришельцев. А значит, у него на спине паразит.

Я решил, что должен попытаться. Поймать живого паразита и заснять его для Белого дома было гораздо проще в лесу, чем где-нибудь в людном месте.

Я бросил взгляд на своих товарищей: они ждали моего сигнала; Джарвис снимал непрерывно.

Когда фермер повернулся, я сбил его с ног, упал сверху и вцепился в рубашку. Джарвис подскочил ближе и приготовился снимать крупным планом.

Фермер не успел и охнуть, а я уже задрал на нем рубашку.

На спине ничего не было - ни паразита, ни каких-либо следов. И в других местах тоже: мы проверили.

Я помог ему подняться, отряхнул одежду - он весь перепачкался в пепле - и пробормотал:

– Виноват, прошу прощения…

Фермер трясся от злости.

– Чтоб тебе пусто было, ты… ты… - Видимо, он даже не мог сходу подобрать для меня достаточно сильных выражений, только губы дрожали. - Я на вас в полицию пожалуюсь! А будь мне лет на двадцать поменьше, так я бы и сам всех троих отделал!

– Извини, отец, ошибка вышла.

– Ошибка! - В лице его что-то вдруг изменилось, и я подумал, что он вот-вот заплачет. - Возвращаюсь из Омахи, а тут дом сгорел, половины стада нет, да еще и зять куда-то запропастился. Выхожу посмотреть, что за чужаки тут ходят по моей земле, а меня только что на куски не рвут. Ничего себе ошибка! И куда мир катится?!

Наверно, я мог бы ему объяснить, куда, но не стал. Хотел предложить ему денег, чтобы как-то загладить вину, но он ударил меня по руке, и деньги полетели на землю. Поджав хвосты, мы убрались.

Уже на дороге Дэвидсон спросил:

– Ты уверен, что все идет как надо?

– Положим, я могу ошибиться, - сердито ответил я, - но ты когда-нибудь слышал, чтобы ошибался Старик?

– М-м-м… нет. Куда теперь?

– В студию стереовещания. Там-то уж точно ошибки не будет.

***

Служащий заставы у въезда в Де-Мойн мешкал и не поднимал барьер. Он проверил по своей записной книжке, взглянул на наши номерные пластины и сказал:

– Шериф сообщил, что эта машина в розыске. Давайте направо.

– Направо, так направо, - не стал спорить я, дал футов тридцать назад и выжал газ на полную. Машины у нас в Отделе и особо крепкие, и особо мощные - что оказалось весьма кстати: барьер тоже сделали на совесть.

Миновав заставу, я даже не притормозил.

– Уже интересно, - произнес Дэвидсон несколько удивленно. - Ты по-прежнему уверен, что все идет, как надо?

– Хватит трепаться, - прикрикнул я. - И запомните, вы, оба:

скорее всего, мы оттуда не выберемся. Но мы обязаны заснять и передать все, что произойдет.

– Как скажешь, босс.

Если нас кто и преследовал, то я гнал так быстро, что все преследователи остались позади. Перед входом в студию машина резко затормозила, мы выскочили и бросились вперед. Тут уже не до мягких методов "дядюшки Чарли". Мы просто влетели в лифт, и я нажал кнопку этажа, где размещался кабинет Барнса, поднялись и оставили лифт открытым. Секретарша в приемной попыталась нас остановить, но мы, не обращая на нее внимания, двинулись дальше. Девушки за другими столами оторвались от работы и уставились на нас. Я подошел к двери Барнса и дернул за ручку. Заперто. Я повернулся к его секретарше.

– Где Барнс?

– Простите, как мне доложить? - Бесстрастно и вежливо.

Я скользнул взглядом по ее плечам. Так и есть, горб. Боже, подумал я, ну уж теперь-то наверняка. Она была здесь, когда я убил Барнса.

И перегнувшись через стол я задрал ее кофточку.

Точно! Я не мог ошибиться. Уже во второй раз я смотрел на живого паразита.

Она сопротивлялась, царапалась и даже пыталась меня укусить. Я ударил ее по шее, едва не вмазавшись в слизняка, и она обмякла. Затем я ткнул ее тремя пальцами в живот, развернул и заорал:

– Джарвис! Крупный план!

Этот идиот копался с камерой, повернувшись ко мне своим толстым задом, затем выпрямился и сказал:

– Все. Накрылась.

– Чини! Быстро!

В дальнем конце приемной поднялась из-за стола стенографистка и выстрелила в камеру. Попала, но Дэвидсон тут же срезал ее своим лучом. И словно по сигналу, сразу шесть человек бросились на него. Оружия у них, похоже, не было, и они просто навалились на него все вместе.

Я все еще держал секретаршу и стрелял из-за стола. Уловив краем глаза какое-то движение, повернулся и обнаружил в дверях кабинета Барнса "Барнса номер два". Я выстрелил ему в грудь, чтобы наверняка зацепить паразита, который, без сомнения, сидел у него на спине.

Дэвидсон стоял уже на ногах, а к нему ползла одна из машинисток, похоже, раненая. Он выстрелил ей в лицо, и девушка рухнула на пол.

Следующий разряд полыхнул у меня чуть не над самым ухом.

– Спасибо! - крикнул я. - Сматываемся. Джарвис, быстрее!

Лифт по-прежнему стоял открытый, и мы вбежали в кабину. Я тащил на руках секретаршу Барнса. Дверь захлопнулась, и мы поехали вниз. Дэвидсон дрожал, Джарвис стоял весь бледный.

– Спокойно. Вы стреляли не в людей. В тварей вроде этой, - сказал я, приподнял секретаршу и взглянул ей на спину.

Тут мне чуть плохо не стало. Образец, который я хотел доставить живьем, исчез. Соскользнул на пол, видимо, и в суматохе куда-то утек, спрятался.

– Джарвис, ты хоть что-нибудь снял?

Тот покачал головой.

Там, где раньше сидел паразит, вся спина у девушки была покрыта сыпью - словно множество крошечных булавочных уколов. Я опустил ее на пол. Она еще не пришла в себя, и мы оставили ее в кабине лифта. В холле было все спокойно, и по пути на улицу никто не пытался нас остановить.

У машины стоял полицейский и выписывал извещение на штраф.

– Здесь стоянка запрещена, приятель, - сказал он, вручая мне бумажку.

– Извините, - ответил я, расписался в квитанции и рванул прочь. Затем выбрал место, где поменьше транспорта, и взлетел прямо с городской улицы, успев подумать, что за это полицейский выпишет, наверно, мне еще один штраф. Набрав высоту, мы сменили номерные знаки и идентификационный код.

Старик все просчитывает заранее.

Однако на этот раз он, похоже, считал, что я провалил операцию. Я попытался доложить о результатах еще на обратном пути, но он меня перебил и приказал возвращаться в Отдел. Когда мы явились, Мэри была с ним. Старик выслушал отчет, лишь изредка прерывая его недовольным ворчанием.

– Сколько вы видели? - спросил я под конец.

– Передача оборвалась, когда вы сбили барьер, - сказал он. - И то, что было передано, не произвело на Президента никакого впечатления.

– Видимо, да.

– Он велел тебя уволить.

Я весь напрягся.

– Я могу и сам…

– Помолчи! - прикрикнул Старик. - Я ему сказал, что он может уволить меня, а со своими подчиненными я буду разбираться сам. Ты, конечно, балбес, но сейчас ты мне нужен.

– Спасибо.

Мэри все это время бродила по кабинету. Я пытался поймать

ее взгляд, но ничего не получалось. Затем она остановилась за спиной Джарвиса и подала Старику такой же знак, как в кабинете у Барнса.

Я двинул Джарвиса рукояткой лучемета по голове, и он обмяк в кресле.

– Назад, Дэвидсон! - рявкнул Старик, направив ему в грудь пистолет. Как насчет него, Мэри?

– С ним все в порядке.

– А он?

– Сэм чист.

Старик ощупывал нас взглядом, и я, признаться, никогда еще не чувствовал себя так близко к смерти.

– Задрать рубашки! - приказал он с мрачным видом.

Мы подчинились, и Мэри оказалась права. Я начал сомневаться, пойму ли я сам, что произошло, когда у меня на спине окажется паразит.

– Теперь он! - приказал Старик. - Перчатки!

Мы растянули Джарвиса на животе и осторожно срезали на спине одежду.

Все-таки нам удалось заполучить живой образец.

Глава 6

Меня чуть не стошнило. От одной только мысли, что эта тварь ехала со мной в машине от самой Айовы. Я, вообще-то, не брезглив, но тот, кто видел паразита и знает, что это такое, меня поймет.

Справившись с тошнотой, я сказал:

– Давайте сгоним его. Может быть, мы еще спасем Джарвиса.

Хотя на самом деле я так не думал. Почему-то мне казалось, что человек, на котором прокатилась такая тварь, уже потерян для нас навсегда.

Старик жестом отогнал нас в сторону.

– Забудьте о Джарвисе.

– Но…

– Хватит! Если его вообще можно спасти, то несколько минут погоду не сделают. В любом случае… - Он умолк. Я тоже промолчал, поскольку и так знал, что Старик имеет в виду: когда речь идет о безопасности Соединенных Штатов, жизнь сотрудника Отдела ничего не стоит.

С пистолетом наизготовку Старик ждал, наблюдая за тварью на спине Джарвиса. Затем сказал Мэри:

– Свяжись с Президентом. Особый код - три ноля семь.

Мэри прошла к его столу. Я слышал, как она говорит что-то в глушитель, но не очень прислушивался, пристально разглядывая паразита. Тот не шевелился и не пытался уползти.

Мэри оторвалась от аппарата и доложила:

– Я не могу связаться с ним, сэр. На экране один из его помощников, мистер Макдоно.

Старик поморщился. Этот Макдоно, весьма неглупый и приятный в общении человек, с тех пор как начал работать в Белом доме, прославился своим упрямством и несговорчивостью. Президент частенько использовал его в качестве буфера.

Нет, в настоящее время с Президентом связаться нельзя. Нет, и передать сообщение тоже. Нет, мистер Макдоно не превышает свои полномочия.

Старик не входит в список исключений, если таковой вообще существует. Да, мистер Макдоно, безусловно, готов организовать встречу. Как насчет следующей пятницы? Что? Сегодня? Исключено. Завтра? Невозможно.

Старик отключил аппарат. Вид у него был такой, словно его хватил удар. Затем он дважды глубоко вздохнул, чуть посветлел лицом и сказал:

– Дейв, пригласи сюда доктора Грейвса. Остальные отойдите

подальше.

Грейвс взглянул на спину Джарвиса, пробормотал: "Интересно" и опустился рядом на одно колено.

– Назад!

Грейвс вскинул взгляд.

– Но должен же я…

– Молчать и слушать! Да, ты должен обследовать это существо. Но во-первых, мне нужно, чтобы оно оставалось в живых. Во-вторых, ты должен позаботиться, чтобы оно не сбежало. И в-третьих, твоя задача - это собственная безопасность.

– Я его не боюсь. Я…

– Бойся! Это приказ.

– Я хотел сказать, что мне нужно подготовить что-то вроде инкубатора, куда мы поместим существо после того, как снимем с носителя. Очевидно, ему необходим кислород - но не в чистом виде: похоже, оно получает кислород через носителя. Может быть, тут подойдет большая собака.

– Нет! - резко возразил Старик. - Оставь все как есть.

– Э-э-э… Этот человек доброволец?

Старик промолчал, а Грейвс продолжал:

– В подобных опытах могут использоваться только добровольцы. Это вопрос профессиональной этики…

Похоже, ученых парней просто невозможно приучить к порядку.

– Доктор Грейвс, - тихо сказал Старик, - каждый агент в нашей организации добровольно делает все, что я сочту необходимым. Будьте добры исполнять мои распоряжения. Принесите носилки. И действуйте предельно осторожно.

Когда Джарвиса унесли, мы с Дэвидсоном и Мэри отправились в бар выпить, что было совсем не лишнее. Дэвидсона буквально трясло, и, когда первая рюмка не помогла, я попытался успокоить его сам.

– Послушай, Дэйв, мне тоже не по себе от того, что нам пришлось сделать. Эти девушки… Но другого выхода у нас не было. Пойми же, наконец.

– Паршиво все вышло? - спросила Мэри.

– Ужасно. Я не знаю, скольких мы убили. Не было времени осторожничать. Но мы стреляли не в людей; это паразиты, захватчики. - Я повернулся к Дэвидсону. - Хоть это ты понимаешь?

– В том-то и дело. Они и в самом деле уже не люди… Если бы дело требовало, я бы, наверно, смог… наверно, смог бы даже своего брата застрелить. Но они просто не люди. Ты стреляешь, а они ползут. Они… Дэвидсон смолк.

Меня переполняла жалость. Спустя какое-то время он ушел. Мы с Мэри продолжали говорить, пытаясь придумать, что делать дальше, но все безуспешно. Потом она сказала, что хочет спать и отправилась в женскую палату. В тот вечер Старик приказал всем сотрудникам ночевать на базе, так что и мне не оставалось ничего другого. Я прошел на мужскую половину и залез в свой спальный мешок.

Разбудил меня сигнал тревоги. Сирена еще не смолкла, а я уже оделся, и тут динамики системы оповещения взревели голосом Старика: "Радиационная и газовая тревога! Закрыть все входы и выходы! Всем собраться в конференц-зале! Немедленно!"

Поскольку я выполнял оперативную работу, никаких обязанностей на базе у меня не было, и я направился прямиком в штаб. Старик, мрачный, как тень, собирал всех в зале. Я хотел спросить, что случилось, но полтора десятка других агентов, клерков, стенографисток и прочих оказались там раньше меня. Спустя какое-то время Старик отправил меня к охраннику у входа узнать, сколько людей находится на базе. Затем провел перекличку и стало ясно, что все от старой мисс Хайнс, секретарши Старика, до официанта из бара собрались в зале. Все, кроме дежурного охранника и Джарвиса. Тут ошибок быть не должно: за теми, кто входит и выходит, у нас следят четче, чем в банке за деньгами.

После переклички меня отправили за охранником. Но чтобы убедить его оставить пост, пришлось связаться оттуда по телефону с самим Стариком.

Лишь после этого он запер дверь и отправился со мной. Когда мы вернулись, Джарвиса тоже уже привели в зал. Рядом с ним стояли доктор Грейвс и еще один человек из лаборатории. Джарвис был в больничном халате, явно в сознании, но, видимо, под действием какого-то препарата.

Я начал догадываться в чем дело. Старик повернулся к собравшимся и, держась на расстоянии, извлек пистолет.

– Один из паразитов-захватчиков находится среди нас, - начал он. Для кого-то из вас этим все сказано. Остальным же я объясню, поскольку от полного взаимодействия и беспрекословного повиновения каждого зависит наша безопасность и безопасность всего человечества.

Он кратко, но ужасающе точно обрисовал ситуацию и закончил следующими словами:

– В общем, паразит почти наверняка находится в этой комнате. Один из нас выглядит как человек, но на самом деле - автомат, подвластный воле опаснейшего врага.

В зале послышалось бормотание. Люди украдкой

переглядывались, некоторые пытались встать подальше от других. Секунду назад мы были одной командой, теперь же в зале оказалась толпа, где каждый подозревал всех остальных. Я и сам вдруг обнаружил, что невольно отодвигаюсь от стоящего рядом человека, хотя знал бармена Рональда не один год.

Грейвс прочистил горло.

– Шеф, я предпринял все необходимые меры…

– Помолчи. Выведи Джарвиса вперед. Сними с него халат. Грейвс умолк, и они с помощником сделали, как приказано. Джарвис почти не реагировал на происходящее. Видимо, Грейвс и в самом деле накачал его транквилизаторами.

– Поверните его, - распорядился Старик.

Джарвис не сопротивлялся. На плечах и на шее у него остался след паразита - мелкая красная сыпь.

– Теперь вы видите, где он сидел.

Когда Джарвиса раздели, люди зашептались, и кто-то из девушек смущенно захихикал. Теперь же в зале воцарилось гробовое молчание.

– А сейчас мы будем ловить этого слизняка! - произнес Старик. - Более того, он нам нужен живьем. Вы все видели, где паразит седлает человека.

Предупреждаю: если кто-то его спалит, я сам пристрелю виновного. Если придется стрелять, чтобы поймать носителя, то только по ногам. Сюда! - С этими словами Старик направил лучемет на меня.

На полпути от толпы до него он велел остановиться.

– Грейвс! Посади Джарвиса у меня за спиной. Нет! Халат оставь на месте. - Затем снова ко мне: - Оружие на пол!

Ствол его лучемета смотрел прямо мне в живот. Я медленно достал свой и отпихнул его ногой метра на два в сторону.

– Раздеться!

Приказ, мягко говоря, не самый привычный, но лучемет помог мне избавиться от смущения. Хотя, конечно, когда раздеваешься догола на глазах у людей, девичье хихиканье из толпы совсем не повышает настроения. Одна из девушек прошептала: "Неплохо", другой голос ответил: "А по-моему, слишком костляв". Я покраснел.

Оглядев меня с ног до головы, Старик приказал поднять с пола пистолет.

– Прикроешь меня. И следи за дверью. Теперь ты! Дотти-забыл-фамилию.

Твоя очередь.

Дотти работала в канцелярии. Оружия у нее, разумеется, не было, но в тот день она пришла в длинном, до пола, платье.

Дотти сделала шаг вперед, остановилась и замерла.

Старик повел лучеметом.

– Давай, раздевайся!

– Вы что, всерьез? - недоуменно спросила она.

– Быстро!

Дотти чуть не подпрыгнула на месте.

– Вовсе не обязательно на меня орать. - Она закусила губу, расстегнула пряжку на поясе и упрямым тоном добавила: - Я думаю, мне за это полагаются премиальные. - Затем швырнула платье в сторону.

– К стене! - Старик злился. - Теперь Ренфрю!

После испытания, выпавшего на мою долю, мужчины действовали быстро и деловито, хотя некоторые все же стеснялись. Что касается женщин, то кое-кто хихикал, кое-кто краснел, но никто особенно не возражал. Спустя двадцать минут почти все в зале разделись. Я в жизни не видел столько квадратных ярдов "гусиной кожи", а разложенного на полу оружия хватило бы на целый арсенал.

Когда дошла очередь до Мэри, она быстро, без ужимок разделась, но, даже оставшись в чем мать родила, держалась спокойно и с достоинством. Ее вклад в "арсенал" оказался гораздо больше, чем у любого из нас. Я решил, что она просто влюблена в оружие.

В конце концов все, кроме самого Старика и его старой девы-секретарши, разделись, но паразита ни на ком не было. Я думаю, Старик немного побаивался мисс Хайнс. С недовольным видом он потыкал тростью гору одежды, затем поднял взгляд на свою секретаршу.

– Теперь вы, мисс Хайнс, пожалуйста.

Ну, подумал я, здесь без применения силы не обойдешься.

Мисс Хайнс стояла неподвижно и глядела Старику прямо в глаза - этакая статуя, символизирующая оскорбленное достоинство.

Я шагнул ближе и процедил: - А как насчет вас, босс? Раздевайтесь.

Он бросил на меня удивленный взгляд.

– Я серьезно, - добавил я. - Теперь вас только двое. Паразит у кого-то из вас. Скидывайте шмотки.

Когда надо, Старик способен подчиниться неизбежному.

– Разденьте ее, - буркнул он и с мрачным видом принялся расстегивать молнию на брюках.

Я сказал Мэри, чтобы взяла двух женщин и раздела мисс Хайнс. Старик уже спустил брюки до колен, и тут мисс Хайнс рванула к выходу.

Между нами стоял Старик, и я не мог стрелять из опасения попасть в него, а все остальные агенты в зале оказались без оружия. Видимо, это не случайно: Старик опасался, что кто-нибудь из них не сдержится и выстрелит, а слизняк нужен был ему живым.

Когда я бросился за мисс Хайнс, она уже выскочила за дверь и понеслась по коридору. Там я, конечно, мог бы в нее попасть, но тут просто не сработала реакция. Во-первых, эмоции так быстро не переключишь: ведь это по-прежнему была старая добрая Леди Хайнс, секретарша босса, та самая, что не раз отчитывала меня за грамматические ошибки в отчетах. А во-вторых, если у нее на спине сидел паразит, он нужен был нам живым, и я не хотел рисковать.

Она нырнула в какую-то дверь, и снова я промедлил - просто в силу привычки, поскольку дверь вела в женский туалет.

Впрочем, это задержало меня лишь на мгновение. Я рывком распахнул дверь, с оружием наизготовку влетел внутрь… И меня тут же двинули над правым ухом чем-то тяжелым.

***

О следующих нескольких секундах у меня нет ясных воспоминаний.

Видимо, я на какое-время потерял сознание. Помню борьбу и крики:

"Осторожней!", "Черт! Она меня укусила!", "Руки не суй!". Затем кто-то уже спокойно: "За ноги и за руки, только осторожно". Кто-то еще спросил: "А с ним что?", и в ответ ослышалось: "Позже. Он просто потерял сознание".

Когда мисс Хайнс унесли, я еще не полностью пришел в себя, но уже чувствовал, как возвращаются силы. Сел, осознавая, что нужно срочно сделать что-то важное. Затем, шатаясь, встал и направился к двери.

Осторожно выглянул - там никого не было - и бросился по коридору прочь от конференц-зала.

Очутившись во внешнем проходе, я вдруг понял, что не одет, и метнулся в мужскую палату. Схватил чью-то одежду и напялил на себя. Ботинки оказались малы, но в тот момент это не имело значения.

Я снова бросился к выходу, нашел выключатель, и дверь распахнулась.

Мне уже казалось, что моего побега никто не заметит, но, когда я был в дверях, кто-то крикнул мне вслед: "Сэм!". Я выскочил за порог и оказался перед шестью дверьми, бросился в одну из них, за ней были еще три. К катакомбам, что мы называем базой, ведет целая сеть туннелей, похожих на переплетенные спагетти. В конце концов я вынырнул на одной из станций метро, в киоске, где торговали фруктами и дешевыми книжками, кивнул хозяину, вышел из-за прилавка и смешался с толпой.

Затем сел на реактивный экспресс, идущий на север, но на первой же остановке сошел. Перебрался на платформу, откуда отправлялся экспресс в обратном направлении, и встал у кассы, выбирая, у кого из этих раззяв будет бумажник потолще. Выбрал какого-то типа, сел на его поезд, потом сошел на одной с ним остановке и в первом же темном переулке двинул ему по затылку. Теперь у меня появились деньги, и я был готов действовать. Я не понимал, для чего мне деньги, но знал, что для следующего этапа они нужны.

Глава 7

В глазах у меня немного двоилось, словно я смотрел на мир сквозь подернутую рябью воду, но при этом я не испытывал ни удивления, ни любопытства. Просто двигался, как лунатик, без единой мысли о том, что собираюсь делать, хотя на самом деле не спал и понимал, кто я, где я и с кем работал в Отделе. Но даже не зная дальнейших своих планов, я всегда осознавал, что делаю в данный момент, и нисколько не сомневался, что эти действия необходимы.

По большей части, я не испытывал никаких эмоций, разве что удовлетворение от работы, которую нужно сделать. Но это на сознательном уровне. Где-то глубоко-глубоко в душе я мучительно переживал свое несчастье, мне было страшно, меня терзало чувство вины, однако все это глубоко, далеко, где-то в заваленном, запертом уголке души. Я едва осознавал, что во мне сохранились эти чувства, и никакого влияния они на меня не оказывали.

Я знал, что меня видели, когда я уходил с базы. "Сэм!" - это кричали мне. Под таким именем меня знали только двое, но Старик воспользовался бы настоящим. Значит, меня видела Мэри. Хорошо, думал я, что она показала мне, где живет. К ее следующему появлению нужно будет подготовить там ловушку. А до того я должен делать свое дело и следить, чтобы меня не поймали.

Используя все свое умение скрываться от преследования, я двигался через район складов. Вскоре показалось подходящее здание. На табличке у входа значилось "Сдается верхний этаж. Обращаться к агенту во аренде на первом этаже". Я осмотрел склад, запомнил адрес и быстро вернулся назад на два квартала, к почтовому отделению "Вестерн Юнион", а оттуда с первого же свободного аппарата отправил сообщение: "Высылайте два контейнера малышей.

Переговоры закончены. Скидка та же. Грузополучатель Джоэл Фриман". Добавил адрес склада, и сообщение ушло в агентство "Роско и Диллард", Де-Мойн, штат Айова.

Светящаяся вывеска ресторана быстрого обслуживания на улице напомнила мне, что я голоден, но ощущение сразу же угасло, и больше я об этом не вспоминал. Вернувшись на склад, я выбрал в дальнем конце первого этажа угол потемнее и устроился там, ожидая, когда откроется контора.

Смутно помню, что до самого утра меня мучил повторяющийся кошмарный сон, где что-то давило на меня и

сжимало со всех сторон.

В девять появился агент по аренде, и я снял верхний этаж, заплатив сверху за то, чтобы он предоставил мне помещение немедленно. Затем поднялся, отпер склад и стал ждать.

Примерно в десять тридцать прибыли мои контейнеры. Когда люди из службы доставки ушли, я вскрыл контейнер, достал одну ячейку, прогрел и подготовил. После этого снова отыскал агента.

– Мистер Гринберг, не могли бы вы подняться на минутку ко мне? Я хотел показать, где мне нужно изменить освещение.

Он поворчал, но согласился. Я закрыл за ним дверь и подвел к открытому контейнеру.

– Вот здесь. Вы наклонитесь и сразу увидите, что я имею в виду. Мне бы нужно…

Едва он наклонился, я сжал его крепким захватом, задрал пиджак и рубашку, свободной рукой перенес наездника из ячейки ему на спину и подержал еще немного, чтобы он успокоился. Затем отпустил, заправил рубашку и отряхнул пыль с пиджака. Когда он пришел в себя, я спросил:

– Какие новости из Де-Мойна?

– Что тебя интересует? Ты долго был без контакта?

Я начал объяснять, но он меня перебил:

– Давай не будем тратить время и переговорим напрямую.

Гринберг задрал рубашку, я сделал то же самое, и мы уселись на закрытом контейнере спиной к спине, чтобы наши хозяева могли соприкоснуться. В мыслях у меня осталась пустота, и я даже не знаю, как долго продолжался их разговор. Помню только, я неотрывно смотрел на муху, вьющуюся у облепленной пылью паутины.

Следующей нашей добычей стал управляющий зданием. Им оказался здоровенный швед, и мы едва справились с ним вдвоем. После этого мистер Гринберг позвонил хозяину и настоял, чтобы тот приехал и сам осмотрел кое-какие дефекты складского помещения - я уж не знаю, что именно он ему говорил, потому что в это время мы с управляющим открывали и прогревали новые ячейки.

Владелец здания оказался важной птицей, и все мы, включая и меня, почувствовали удовлетворение. Он принадлежал к престижному Конституционному клубу, а список его членов читается как "Кто есть кто в финансах, правительстве и промышленности".

Близился полдень, время было дорого. Управляющий отправился купить для меня одежду и саквояж, а заодно отправил шофера владельца склада к нам наверх. В двенадцать тридцать мы с владельцем отбыли на его машине в город. В саквояже

рядом со мной покоились двенадцать наездников в ячейках, уже готовые.

В книге посетителей владелец склада записал: "Дж.Хардвик Поттер с гостем". Слуга хотел забрать у меня саквояж, но я сказал ему, что мне необходимо поменять перед ленчем сорочку. Мы копошились перед зеркалом в туалетной комнате, пока там не осталось никого, кроме служителя, а затем "завербовали" его и отправили сообщить менеджеру клуба, что одному из гостей стало плохо.

Став нашим, менеджер принес еще один белый халат, и я превратился в нового служителя туалетной комнаты. У меня оставалось только десять наездников, но контейнеры должны были в скорости доставить со склада прямо в клуб. Вместе с первым служителем мы использовали все десять еще до того, как наплыв членов клуба, прибывающих на ленч, пошел на убыль. Один из гостей вошел в туалет не вовремя, и мне пришлось его убить. Труп мы запихали в шкаф для швабр. После этого наступило затишье, поскольку контейнеры все еще не привезли. У меня начались было голодные спазмы, но вскоре боль ослабла, хотя и не пропала совсем. Я сообщил об этом менеджеру, и он велел принести для меня ленч в свой кабинет. Контейнеры прибыли как раз, когда я заканчивал.

Посетителей стало теперь меньше, и мы шаг за шагом захватывали клуб, а к четырем после полудня уже все - члены клуба, их гости и обслуживающий персонал - были с нами. После чего мы начали обрабатывать вновь прибывших прямо в фойе, куда их впускал швейцар. Ближе к концу дня менеджер позвонил в Де-Мойн, чтобы прислали еще контейнеры. И в тот же вечер мы заполучили крупную добычу, можно сказать, приз - заместителя министра финансов. Настоящая победа, ибо Министерство финансов США, помимо всего прочего, отвечает и за безопасность Президента.

Глава 8

Захват одной из ключевых фигур администрации я воспринял с каким-то отвлеченным удовлетворением и больше об этом не думал. Мы - я имею в виду людей-рекрутов - почти совсем не думали, мы лишь знали, что надлежит сделать, но понимали это уже в действии - как вышколенная лошадь, которая получает команду, выполняет и всегда готова к следующему распоряжению седока.

Неплохое сравнение, но все же не полное. Повелители-наездники получали в свое распоряжение не только разум, но и память, и жизненный опыт каждого из нас. Мы же и общались за них друг с другом, иногда понимая, о чем речь, иногда нет. Разговорное общение шло через нас, слуг, но мы никак не участвовали в более важных, прямых контактах непосредственно между хозяевами. Во время таких совещаний мы просто сидели и тихо ждали, пока наши повелители не наговорятся, затем заправляли одежду и делали, что приказано.

К словам, что слетали с моих губ по воле хозяина, я имел отношения не больше, чем, скажем, телефон, говорящий чьим-то голосом. Аппарат связи, и только. Как-то спустя несколько дней после того, как меня "завербовали", мне случилось передавать менеджеру клуба инструкции о поставках ячеек с наездниками. При этом я краешком сознания уловил, что приземлились еще три корабля, но в памяти остался лишь один адрес в Нью-Орлеане.

Однако я совсем об этом не думал, просто продолжал свою работу "помощника мистера Поттера по особым поручениям", проводя целые дни - а иногда и ночи - в его кабинете. Возможно даже, что мы поменялись ролями: я нередко отдавал устные распоряжения и самому Поттеру. Хотя не исключено, что и сейчас я понимаю общественные взаимоотношения паразитов не лучше, чем тогда.

Я знал - и так же знал мой хозяин, - что мне опасно показываться на улицах. Собственно, он знал столько же, сколько я. Через меня ему стало известно, что Старик знает о моей "вербовке" и не оставит поисков до тех пор, пока меня не поймают или не убьют.

Странно, что мой хозяин не подыскал себе нового носителя и попросту не убил меня: "рекрутов" у нас было куда больше, чем наездников. Причем они не испытывали ничего похожего на человеческую щепетильность.

Повелители-наездники, только-только извлеченные из

транзитных ячеек, часто наносили своим носителям увечья; мы всегда уничтожали таких носителей и подбирали новых. С другой стороны, станет ли опытный ковбой менять вышколенную рабочую лошадь на новую, еще необъезженную? Возможно, только поэтому меня прятали, и я остался жив. Спустя какое-то время город оказался в наших руках, и мой хозяин начал выводить меня на улицу. Я не хочу сказать, что у каждого появился горб, нет. Людей было слишком много, а хозяев слишком мало. Но все ключевые позиции в городе занимали теперь наши "рекруты" - от полисмена на углу до мэра и начальника полицейского управления, не говоря уже о мелких городских начальниках, священниках, членах советов директоров крупных компаний и значительной части руководства связью и средствами массовой информации. Большинство населения продолжало жить обычной жизнью, не только не обеспокоенное этим "маскарадом", но и ничего о нем не подозревающее.

Разумеется, до тех пор пока кто-то из них не оказывался по той или иной причине на пути у хозяина. В таких случаях их просто устраняли.

Наших хозяев заметно сдерживали трудности общения на большом расстоянии. Они могли поддерживать связь лишь по обычным каналам при помощи человеческой речи, а если не было уверенности, что это безопасно, им приходилось прибегать к кодированным сообщениям вроде того, что я послал о первой поставке контейнеров. Очевидно, такого общения через слуг им было недостаточно, и, чтобы скоординировать действия, часто возникала необходимость в непосредственных контактах между хозяевами.

На одну из таких конференций меня отправили в Нью-Орлеан.

Утром я, как обычно, вышел на улицу, отправился к стартовой платформе в жилом квартале и вызвал такси. После короткого ожидания мою машину подняли на пусковую установку. Я уже собрался сесть, но тут подскочил какой-то шустрый старикан и забрался в такси первым.

Я получил приказ избавиться от него и сразу же второй: действовать осторожно и осмотрительно.

– Извините, сэр, - сказал я, - но эта машина занята.

– Точно, - ответил старик. - Я ее и занял.

– Вам придется найти себе другую, - попытался урезонить его я. - И покажите-ка номер вашего билета.

Тут ему деваться было некуда. Номер такси совпадал с номером на моем билете. Однако он и не думал уходить.

– Вам куда? - требовательно спросил он.

– В Нью-Орлеан, - ответил я, впервые узнав, куда направляюсь.

– Тогда вы можете забросить меня в Мемфис.

Я покачал головой.

– Это мне не по пути.

– Да там всего на пятнадцать минут дольше. - Он, похоже, злился и с трудом держал себя в руках. - Вы не имеете права забирать общественный транспорт в единоличное пользование! Водитель! Объясните этому человеку правила!

Водитель вытащил из зубов зубочистку.

– А мне все равно. Взял, отвез, привез. Сами разбирайтесь, а то я пойду к диспетчеру, чтобы дал мне другого пассажира.

С секунду я стоял в нерешительности, не получая никаких инструкций, затем полез в такси.

– В Нью-Орлеан. С остановкой в Мемфисе.

Водитель пожал плечами и просигналил на башню в диспетчерскую. Второй пассажир сопел и не обращал на меня никакого внимания.

Когда мы поднялись в воздух, он открыл свой кейс и разложил на коленях бумаги. Я без всякого интереса наблюдал за ним, затем чуть изменил позу, чтобы легче было достать пистолет. Но этот тип моментально протянул руку и схватил меня за запястье.

– Не торопись, сынок.

Я вдруг узнал сатанинскую улыбку самого Старика.

У меня хорошая реакция, но тут информация шла от меня к хозяину, осмыслялась и возвращалась обратно. Не знаю, насколько велика задержка, но пытаясь вытащить свое оружие, я уже почувствовал, как в ребра мне ткнулся широкий ствол лучемета.

– Спокойнее.

Другой рукой он прижал что-то к моему боку. Укол - и по всему телу разлилось теплое оцепенение. Препарат "Морфей". Я сделал еще одну попытку достать пистолет и рухнул лицом вперед.

***

Откуда-то доносились голоса. Меня грубо перевернули, потом кто-то сказал: "Эй, осторожней! А то эта обезьяна тебя цапнет!" Другой голос: "Не беспокойся. У нее перерезаны

сухожилия". Снова первый: "Да, но зубы-то у нее остались".

Да, промелькнуло у меня в голове, если кто-то из вас окажется рядом, я непременно укушу. Насчет сухожилий тоже казалось все верно: ни руки, ни ноги меня не слушались. Хотя больше всего раздражало, что меня назвали обезьяной. Это просто непорядочно - обзывать человека, когда он не в состоянии постоять за себя.

Потом я почему-то вдруг всплакнул и снова провалился в сон.

***

– Ну как, сынок, тебе уже лучше?

Старик задумчиво разглядывал меня, облокотившись на спинку кровати.

Он стоял по пояс голый. На груди у него вились седые волосы.

– Э-э-э… да, пожалуй. - Я попытался сесть и не смог. Старик зашел сбоку.

– Видимо, мы можем снять ремни, - сказал он, копаясь с застежками. Очень не хотелось, чтобы ты поранился или еще что… Вот так.

Я сел, растирая затекшие мышцы.

– Ладно. Ты что-нибудь помнишь? Докладывай.

– А что я должен…

– Тебя захватили. Ты помнишь, что происходило после того, как на тебя попал паразит?

Мне вдруг стало страшно, безумно страшно, и я вцепился в постель.

– Босс! Они знают о нашей базе! Я сам им сообщил.

– Нет, об этой не знают, - спокойно ответил он, - потому что это другая база. Старую я эвакуировал. Так что об этой им ничего неизвестно.

Во всяком случае, хотелось бы надеяться. Значит, ты все помнишь? - Конечно, помню. Я выбрался отсюда - в смысле, со старой базы через… - Мысли понеслись вперед, обгоняя слова, и неожиданно я вспомнил, как держал в руке живого наездника, собираясь пересадить его на спину агенту по аренде…

Меня стошнило. Старик вытер мне губы и мягко сказал:

– Продолжай.

Я с трудом сглотнул.

– Босс, они - повсюду! Город у них в руках.

– Знаю. То же самое в Де-Мойне. В Миннеаполисе, в Сент-Поле, в Нью-Орлеане, в Канзас-Сити. Может быть, еще где-то. Пока нет информации, но я не могу быть везде сразу. - Он нахмурился и добавил: - Это как бег в мешках. Мы проигрываем, и очень быстро. Даже в тех городах, о которых нам известно, мы ничего не можем сделать.

– Боже! Почему?

– Ты сам должен понимать. Потому что "более опытные и мудрые" по-прежнему не убеждены. Потому что, когда паразиты захватывают город, там все остается по-прежнему.

Я уставился на него в недоумении, и Старик поспешил меня успокоить:

– Не бери в голову. Ты у нас - первая удача. Первый, кого нам удалось вернуть живым. И теперь выясняется, что ты все помнишь. Это очень важно. И твой паразит тоже первый, которого нам удалось поймать и сохранить в живых. У нас появился шанс уз…

Должно быть, у меня на лице читался неприкрытый ужас. Мысль о том, что мой хозяин жив и, может быть, сумеет снова мной завладеть, была просто невыносима.

Старик встряхнул меня за плечи.

– Успокойся, - мягко произнес он. - Ты еще не совсем окреп.

– Где он?

– А? Паразит-то? Не беспокойся. Мы нашли тебе дублера и пересадили его на орангутанга. Кличка - Наполеон. Он под надежной охраной.

– Убейте его!

– Бог с тобой. Он нужен нам живым, для изучения.

Видимо, со мной приключилось что-то вроде истерики, и Старик ударил меня по щеке.

– Соберись. Чертовски неприятно беспокоить тебя, пока ты не выздоровел, но я должен. Нам нужно записать все, что ты помнишь, на пленку. Так что соберись и начинай.

Я кое-как справился с собой и начал обстоятельный доклад обо всем, что мог припомнить. Описал, как снял складской этаж и как "завербовал" свою первую жертву, затем, как мы перебрались в Конституционный клуб.

Старик только кивал.

– Логично-логично. Ты и для них оказался хорошим агентом.

– Ты не понимаешь, - возразил я. - Сам я вообще ни о чем не думал.

Знал, что происходит в данный момент, но это все. Будто… э-э-э… будто я… - Слов не хватало.

– Не важно. Дальше.

– После "вербовки" менеджера клуба все пошло гораздо легче. Мы брали их прямо у входа и…

– Имена?

– Да, конечно. М.Гринберг, Тор Хансен, Хардвик Поттер, его шофер Джим Вэйкли, небольшого роста такой служитель в туалетной комнате, которого звали "Джейк", но от него пришлось избавиться: его хозяин просто не отпускал ему времени позаботиться о самом необходимом. Менеджер - я так и не узнал его имени… - Я на несколько секунд умолк, стараясь припомнить всех "рекрутов". - О боже!

– Что такое?

– Заместитель министра финансов!

– Вы взяли и его?

– Да. В первый же день. И я не знаю, сколько прошло времени. Боже, шеф, ведь Министерство финансов охраняет Президента!

На том месте, где сидел Старик, уже никого не было.

Я без сил откинулся на спину. Заплакал, уткнувшись в подушку, и вскоре уснул.

Глава 9

Проснулся я с жутким привкусом во рту, с больной головой и предчувствием неминуемой беды. Но по сравнению с тем, что было раньше, можно сказать, я чувствовал себя отлично.

– Как, уже лучше? - спросил рядом чей-то веселый голос.

Надо мной склонилась миниатюрная брюнетка. Очень даже симпатичная видимо, я и в самом деле чувствовал себя лучше, поскольку сразу это отметил. Но одета она была довольно странно: белые шорты, нечто невесомое, чтобы поддерживать грудь, и металлический панцирь, закрывающий шею, плечи и позвоночник.

– Да, пожалуй, - признался я, скорчив физиономию.

– Неприятный вкус во рту?

– Как после встречи Балканского кабинета министров. - Держи-ка. - Она вручила мне стакан с каким-то лекарством. Рот немного обожгло, но неприятный привкус сразу пропал. - Нет-нет, не глотай.

Выплюнь, и я принесу тебе воды.

Я послушался.

– Меня зовут Дорис Марсден, - сказала она. - Я твоя дневная сиделка.

– Рад познакомиться, Дорис, - ответил я и снова окинул ее взглядом. Слушай, а что это за странный наряд? Нет, мне нравится, конечно, но ты как будто из комикса сбежала.

Она хихикнула.

– Я и сама чувствую себя, словно девица из кордебалета. Но ты привыкнешь. Я, во всяком случае, уже привыкла.

– Мне нравится. Но с чего вдруг?

– Приказ Старика.

Я вдруг понял, в чем дело, и мне сразу стало хуже.

– А теперь ужинать, - сказала Дорис, переставляя мне на колени поднос.

– Я совсем не хочу есть.

– Открывай рот, - твердо сказала она, - а то я вывалю все это тебе на голову.

В перерыве между ложками - пришлось-таки есть, в порядке самообороны - я успел выдохнуть:

– Я вообще-то в порядке. Одна доза "Гиро", и я встану на ноги.

– Никаких стимуляторов, - категорически ответила она, запихивая мне следующую ложку. - Специальная диета и отдых, а под конец дня снотворное. Распоряжение доктора.

– А что со мной?

– Истощение, длительное голодание, цинга в начальной стадии. А кроме того, чесотка и вши - но с этими бедами мы уже справились. Теперь ты все знаешь, но если скажешь доктору, что это я проболталась, мне придется сказать, что ты врешь. Перевернись.

Я перевернулся на живот, и она стала менять повязки. Оказалось, у меня полно воспалившихся болячек. Подумав о том, что она сказала, я попытался вспомнить, как жил при хозяине.

– Не дрожи, - сказала она. - Что, плохие воспоминания?

– Нет, все в порядке, - ответил я.

Насколько я помнил, есть мне доводилось не чаще чем раз в два или три дня. Мыться? Вспомнить бы… Нет, за это время я вообще не мылся! Брился, правда, каждый день и надевал свежую сорочку: хозяин понимал, что этого требовали условия "маскарада". Но зато ботинки я не снимал с тех самых пор, как украл их на старой базе, а они еще вдобавок и малы были.

– Что у меня с ногами? - спросил я.

– Слишком много будешь знать, скоро состаришься, - ответила Дорис.

***

Вообще-то я люблю сиделок: они всегда спокойны, общительны и терпеливы. Ночной сестре, мисс Бриггс, с ее лошадиной физиономией до Дорис было, конечно, далеко. Она носила такой же наряд из музыкальной комедии, в каком щеголяла Дорис, но никаких шуточек по этому поводу себе не позволяла, и походка у нее была как у гренадера. У Дорис, слава богу, при ходьбе все очаровательно подпрыгивало.

Ночью я проснулся от какого-то кошмара, но мисс Бриггс отказалась дать мне вторую таблетку снотворного, хотя и согласилась, чтобы убить время, сыграть со мной в покер. Выиграла у меня половину месячного жалования. Я пытался узнать у нее что-нибудь о Президенте, но это оказалось невозможно. Она делала вид, что вообще ничего не знает о паразитах и летающих тарелках, хотя наряд ее объяснялся только одной причиной.

Тогда я спросил, что передают в новостях. Она ответила, что была слишком занята и ничего не видела, а когда я попросил поставить мне в комнату стереовизор, сказала, что нужно будет спросить у доктора, который прописал мне "полный покой". Я

поинтересовался, когда смогу увидеть этого самого доктора, но тут раздался сигнал вызова, и она ушла.

Я сразу подтасовал колоду, чтобы ей достались хорошие карты, не требующие прикупа - так мне не пришлось бы передергивать.

Позже я уснул и проснулся, лишь когда мисс Бриггс принесла мокрую марлю, чтобы я умылся, и хлопнула ею меня по лицу. Затем она помогла мне приготовиться к завтраку, который принесла уже Дорис. За едой я пытался выведать у нее какие-нибудь новости, но так же, как и с мисс Бриггс, ничего не добился. Сиделки порой ведут себя так, будто работают не в больнице, а в яслях для умственно отсталых детей.

После завтрака заглянул Дэвидсон.

– Мне сказали, что ты здесь. - На нем были только шорты и ничего больше, если не считать бинтовой повязки на левой руке.

– Это уже больше, чем сказали мне, - пожаловался я. - Что у тебя с рукой?

– Пчела ужалила.

Он явно не хотел говорить, при каких обстоятельствах его полоснули из лучемета - что ж, его дело.

– Вчера здесь был Старик. Вылетел отсюда пулей. Ты его после этого видел?

– Видел.

– И что?

– Все нормально. Сам-то как? Психологи уже допустили тебя к секретным материалам?

– А что, кто-то во мне сомневается?

– Спрашиваешь! Бедняга Джарвис так и не оклемался.

– Серьезно? - Почему-то мысль о Джарвисе не приходила мне до сих пор в голову. - И как он сейчас?

– Никак. Впал в коматозное состояние и умер. Через день после твоего побега. В смысле, после того как тебя захватили. - Дэвидсон смерил меня взглядом. - У тебя здоровья, видно, хоть отбавляй.

Я, однако, совсем этого не чувствовал. Накатила слабость, и я заморгал, борясь с подступающими слезами. Дэвидсон сделал вид, что ничего не заметил.

– Видел бы ты, что тут было, когда ты смылся! Старик рванул за тобой, если можно так выразиться, в одном пистолете и насупленных бровях. И, наверно, поймал бы, да полиция помешала, и пришлось его самого выручать. Дэвидсон ухмыльнулся.

Я слабо улыбнулся в ответ. Было в этой сцене что-то одновременно возвышенное и комичное: Старик в чем мать

родила несется спасать мир от смертельной опасности.

– Жаль, я не видел. А что еще случилось в последнее время?

Дэвидсон пристально посмотрел на меня и сказал:

– Подожди минуту.

Он вышел из палаты, но вскоре вернулся.

– Старик сказал, можно рассказать. Что тебя интересует?

– Все! Что произошло вчера?

– Вот вчера-то меня как раз и прижгли. - Он повел забинтованной рукой. - Повезло еще, потому что троих других агентов убили. В общем, шороху много было.

– А Президента? У него…

Тут в палату ворвалась Дорис.

– Вот ты где! - накинулась она на Дэвидсона. - Я же сказала лежать.

Тебе давно пора быть в госпитале. Машина ждет уже десять минут.

Дэвидсон встал, улыбнулся и ущипнул ее за попку здоровой рукой.

– Без меня все равно не начнут.

– Ну быстрее же!

– Иду.

– Эй! - крикнул я. - А что с Президентом?

Дэвидсон оглянулся через плечо.

– С ним-то? С ним все в порядке, ни единой царапины.

Через несколько минут вернулась рассерженная Дорис.

– Пациенты! - произнесла она так, будто это бранное слово. - Я ему должна была двадцать минут назад укол сделать, чтоб подействовал еще до больницы. А сделала, только когда он в машину садился.

– Что за укол?

– А он не сказал?

– Нет.

– М-м-м… в общем-то, никакого секрета тут нет. Ему левую кисть ампутируют и пересаживают новую.

– Ого!

Теперь он, подумал я, уже не расскажет, чем кончилось, потому что увидимся мы не скоро: когда руку пересаживают, это не шутка; его дней десять под наркозом продержат. Снова решил попытать Дорис:

– А что со Стариком? Он ранен? Или раскрыть эту тайну будет против ваших священных правил?

– Говоришь много, - строго ответила она и сунула мне стакан с какой-то мутно-белой жижей. - Пора еще раз подкрепиться и спать.

– Рассказывай, а то я выплюну все обратно.

– Старик? Ты имеешь в виду шефа Отдела?

– Кого же еще?

– С ним, слава богу, все в порядке. - Она состроила недовольную физиономию. - Не приведи господь такого пациента.

Глава 10

Еще дня два или три меня держали в постели и обращались со мной как с ребенком. Впрочем, я не возражал: последние несколько лет мне просто не доводилось отдыхать по-настоящему. Болячки заживали, и вскоре мне предложили - вернее приказали - делать легкие упражнения, не покидая палаты.

Потом как-то заглянул Старик.

– Ну-ну, симулируешь, значит?

Я залился краской, но все же нашелся:

– Какая неблагодарность, черт побери! Достань мне штаны, и я тебе покажу, кто симулирует.

– Остынь. - Старик просмотрел мою больничную карту, потом сказал Дорис: - Сестра, принесите этому человеку шорты. Я возвращаю его на действительную службу.

Дорис уперла руки в бока и заявила:

– Вы, может, и большой начальник, но здесь ваши приказы не имеют силы. Если лечащий врач…

– Хватит! Принесите ему какие-нибудь подштанники.

– Но…

Старик подхватил ее на руки, поставил к двери, и хлопнув по попке, сказал:

– Быстро!

Она вышла, недовольно бормоча, и вскоре вернулась с доктором.

– Док, я послал ее за штанами, а не за врачом, - добродушно сказал Старик.

Тот юмора не оценил и ответил довольно холодно:

– А я бы попросил вас не вмешиваться в лечебный процесс и не трогать моих пациентов. - Он уже не ваш пациент. Я возвращаю его на службу.

– Да? Сэр, если вам не нравится, как я справляюсь со своими обязанностями, я могу подать в отставку.

Старик парировал тут же:

– Прошу прощения, сэр. Иногда я слишком увлекаюсь и забываю о принятом порядке вещей. Не будете ли вы так любезны обследовать этого пациента? Если его можно вернуть на службу, он нужен мне как можно скорей.

У доктора на щеках заиграли желваки, однако он сдержался.

– Разумеется, сэр.

Он долго изучал мою карту, затем проверил рефлексы.

– Ему еще потребуется время, чтобы восстановить силы… Но

можете его забирать. Сестра, принесите пациенту одежду.

"Одежда" состояла из шорт и ботинок. Но на базе все были одеты точно так же, и, признаться, при виде людей с голыми плечами, без паразитов, у меня даже на душе становилось спокойнее. О чем я сразу сказал Старику.

– Ничего лучше мы пока не придумали, - проворчал он, - хотя база теперь напоминает пляж, полный курортников. Если мы не справимся с этой нечистью до зимы, нам конец.

Мы остановились у двери с надписью "Биологическая лаборатория. Не входить!"

Я попятился.

– Куда это мы идем?

– Взглянуть на твоего дублера, на обезьяну с твоим паразитом.

– Так я и думал. Нет уж, увольте. - Я почувствовал, что дрожу.

– Послушай, сынок, - терпеливо сказал Старик, - тебе нужно перебороть себя. И лучше будет, если ты не станешь уходить от встречи. Знаю, тебе нелегко. Я сам провел несколько часов, разглядывая эту тварь и пытаясь привыкнуть к ее виду.

– Ты ничего не знаешь. Не можешь знать! - Меня так трясло, что пришлось опереться о косяк.

– Да, видимо, когда у тебя на спине паразит, это все воспринимается по-другому. Джарвис… - Он замолчал.

– Вот именно, черт побери! По-другому! И ты меня туда не затащишь.

– Нет, я не стану этого делать. Но, очевидно, врач был прав. Возвращайся, сынок, и ложись обратно. - Старик шагнул за порог. Он сделал три или четыре шага, когда я позвал:

– Босс!

Старик остановился и повернулся ко мне с непроницаемым лицом.

– Я иду, - добавил я.

– Может быть, не стоит?

– Справлюсь. Просто это трудно… вот так сразу… Нервы…

Мы пошли рядом, и Старик участливо взял меня под локоть. Прошли еще одну запертую дверь и очутились в помещении с влажным теплым воздухом.

Обезьяну поместили в клетку. Ее торс удерживало на месте сплошное переплетение металлизированных ремней. Руки и ноги безвольно висели, словно она не могла ими управлять. Обезьяна подняла голову и зыркнула на нас горящими ненавистью и разумом глазами. Затем огонь во взгляде угас, и перед нами оказалось обычное животное, в глазах - тупость и боль.

– С другой стороны, - тихо сказал Старик.

Я бы не пошел, но он все еще держал меня за руку. Обезьяна следовала за нами взглядом, но ее тело надежно удерживала рама с ремнями. Зайдя сзади, я увидел…

Хозяин. Тварь, которая бог знает сколько ездила у меня на спине, говорила моим языком, думала моим мозгом. Мой хозяин.

– Спокойно, - сказал Старик. - Ты привыкнешь. Отвернись пока, это помогает.

Действительно помогло. Я несколько раз глубоко вздохнул и попытался сдержать бьющееся сердце. Потом заставил-таки себя смотреть на паразита.

Ужас, собственно, вызывает не сам его вид. И дело не в том, что ты знаешь о способностях паразитов: то же самое чувство я испытал и в первый раз, еще до того, как узнал, что это за твари. Я попытался объяснить свои мысли Старику, и он кивнул, не отрывая глаз от паразита.

– Да, у других то же самое. Безотчетный страх, как у птицы перед змеей. Возможно, их основное оружие. - Он посмотрел в сторону, словно даже его дубленые нервы не выдержали такого зрелища.

Я тоже не трогался с места, заставляя себя привыкать и пытаясь удержать завтрак внутри. Говорил себе, что теперь хозяин уже не страшен, что он ничего не может мне сделать. Затем отвел взгляд и обнаружил, что Старик наблюдает за мной.

– Ну как? Уже легче?

Я снова взглянул на хозяина.

– Немного. Но больше всего на свете я хочу его убить. Убить всех их!

Я бы всю свою жизнь убивал и убивал этих тварей. - Меня опять начало трясти.

Старик задумался, глядя на меня, затем протянул свой пистолет.

– Держи.

Я не сразу понял, в чем дело. Своего оружия у меня не было, поскольку мы пришли сюда прямо из больничной палаты. Я взял пистолет и бросил на Старика вопросительный взгляд.

– Э-э-э… зачем?

– Ты же хочешь ее убить. Если тебе это нужно, вперед. Убей. Прямо сейчас.

– Ха! Но ты же говорил, что тварь нужна для изучения.

– Нужна. Но если ты считаешь, что должен ее убить, убей. Это ведь твой хозяин. Если для того, чтобы вновь стать человеком, ты должен ее убить, не стесняйся.

"Вновь стать человеком". Мысль звучала в мозгу, как набат. Старик знал, какое мне нужно лекарство. Я уже не дрожал.

Оружие, готовое извергать огонь и убивать, лежало в ладони как влитое. Мой хозяин…

Я убью его и вновь стану свободным человеком. Если хозяин останется в живых, этого никогда не произойдет. Мне хотелось уничтожить их всех, отыскать и выжечь всех до единого, но, первым делом, этого.

Мой хозяин… Повелитель. До тех пор, пока я его не убью. Почему-то мне показалось, что, останься я с ним один на один, мне ничего не удастся сделать, что я замру и буду покорно ждать, пока он не переползет ко мне на спину и не устроится, захватывая мой мозг, всего меня.

Но теперь я мог его убить!

Уже без страха, с переполняющим меня ликованием, я прицелился.

Старик по-прежнему смотрел на меня.

Я опустил оружие и неуверенно спросил:

– Босс, положим, я убью этого паразита. А другой есть?

– Нет.

– Но ведь он нужен.

– Да.

– Тогда… Черт, зачем ты дал мне пистолет?

– Ты сам знаешь. Если тебе нужно, убей. Если сумеешь обойтись, тогда им займется Отдел.

Я должен был. Даже если мы убьем всех остальных, пока будет жив этот, я так и не перестану трястись в темноте от страха… А что касается других, то в одном только Конституционном клубе можно взять сразу дюжину. Убью этого, и мне уже ничего не страшно: я сам поведу туда группу захвата. Учащенно дыша, я снова поднял пистолет.

Затем отвернулся и кинул его Старику. Тот поймал оружие на лету и спросил:

– В чем дело?

– А? Не знаю. Когда я уже совсем собрался нажать на курок, мне стало достаточно просто знать, что я могу это сделать.

– Я тоже так решил.

На душе у меня стало тепло и спокойно, словно я только что уничтожил врага или был с женщиной, словно я действительно убил эту тварь. Я мог повернуться к ней спиной и даже не злился на Старика.

– Черт, у тебя все решено заранее! Как тебе нравится выступать в роли кукловода?

Но он шутки не принял.

– Это не про меня. Обычно я лишь вывожу человека на дорогу, которой он сам хочет идти. А настоящий кукловод - вот

он.

Я обернулся.

– Да… Кукловод. Только ты думаешь, что знаешь, насколько точно угадал, но это не так. И я надеюсь, никогда не узнаешь.

– Я тоже, - сказал он серьезно.

Теперь я мог смотреть на хозяина без содрогания и, не отводя взгляда, сказал:

– Босс, когда вы с ним закончите, я его убью.

– Заметано.

***

Прервал нас человек, который неожиданно влетел в лабораторию. В шортах и в белом лабораторном халате он выглядел довольно глупо. Не Грейвс, другой. Кстати, Грейвса я больше никогда не видел - наверно, Старик его просто съел.

– Прошу прощения, шеф, я не знал, что вы здесь. Я…

– Да, я здесь, - перебил его Старик и направил пистолет ему в живот.

– Почему ты в халате?

Человек посмотрел на пистолет с таким выражением лица, будто происходящее показалось ему неудачной шуткой.

– Э-э-э… Так я же работал. Не ровен час обольешься чем, а там у нас растворы бывают…

– Снять!

– А?

Старик повел пистолетом и сказал мне:

– Приготовься.

Человек торопливо скинул халат. На плечах у него ничего не было, красной сыпи на спине тоже.

– Теперь ты возьмешь этот халат и к чертовой матери сожжешь, приказал Старик. - А затем вернешься к работе.

Залившись краской, человек шмыгнул к двери, но у порога остановился и спросил:

– Шеф, вы уже готовы к этой э-э-э… процедуре?

– Скоро буду. Я дам знать.

Когда дверь за ним закрылась, Старик тяжело вздохнув, убрал пистолет и проворчал:

– Вот так всегда. Отдаешь приказ. Знакомишь всех. Заставляешь каждого расписаться. Можно даже вытатуировать приказ на их хилых мощах, и все равно находится какой-нибудь

умник, который считает, что его это не касается. Ученые…

Я снова повернулся к своему хозяину. Вид его по-прежнему вызывал у меня отвращение, но теперь оно сопровождалось обостренным - и не совсем, по правде говоря, неприятным - ощущением опасности.

– Босс, - спросил я, - а что вы собираетесь с ним делать?

– Я хочу его допросить.

– В смысле… Как это? Обезьяна ведь не…

– Да, обезьяна говорить не может. Нам придется найти добровольца.

Человека.

Когда я сообразил наконец, что он имеет в виду, ужас охватил меня почти с прежней силой.

– Неужели вы и в самом деле… Это невозможно, такого даже врагу не пожелаешь!

– Возможно! И я на это пойду. Что должно быть сделано, будет.

– Вы не найдете добровольца!

– Одного уже нашли…

– Да ну! И кто же это?

– …но я не хотел бы использовать того человека. Мне нужен другой.

Сама мысль об этом казалась мне отвратительной, и я не стал скрывать своих чувств. - Доброволец он или нет, это все равно грязное дело. Ладно, один у вас есть, но второго такого психа вы долго искать будете.

– Может быть, - согласился Старик. - Но тем не менее я не хотел бы использовать первого добровольца. А допрос нам необходим, сынок: мы ведем войну при полном отсутствии разведывательных данных. Мы не знаем нашего врага, не можем вести с ним переговоры. Нам не известно, откуда он и что из себя представляет. Все это мы должны выяснить, потому что от этого зависит наше выживание. Говорить с паразитом можно только через человека. Значит, так мы и сделаем. Но мне по-прежнему нужен доброволец.

– А что ты так на меня смотришь?

– Да вот, смотрю.

Я, в общем-то, задал вопрос в шутку, но он ответил таким тоном, что я чуть заикаться не начал.

– Ты… да ты с ума сошел! Нужно было убить эту заразу, когда ты дал мне свой пистолет. Знал бы заранее, что ты задумал, так бы и сделал. Но чтобы я добровольно позволил снова посадить паразита себе на спину - нет уж, увольте.

Он продолжал, словно и не слышал меня:

– Кто угодно тут не подойдет. Нужен человек, который сможет это выдержать. Джарвис, как оказалось, был недостаточно крепок, сломался. А ты все-таки выжил.

– Я? Да, один раз выжил. Но второй раз я просто не вынесу.

– Но у тебя больше шансов остаться в живых, чем у кого-то еще. Ты уже доказал, что способен, что тебе это по силам, а если взять кого-то другого, я рискую потерять агента.

– С каких пор это начало тебя беспокоить? - съязвил я.

– Поверь, это беспокоит меня всегда. Я даю тебе последнюю возможность решить: согласен ли ты на эксперимент, зная, что это необходимо, что у тебя больше всех шансов и что пользы от тебя будет больше, чем от других, потому что у тебя уже есть опыт? Или ты предпочитаешь, чтобы вместо тебя рисковал своей психикой и своей жизнью какой-то другой агент?

Я попытался объяснить ему, что у меня на душе. Мысль о том, что я умру, находясь во власти паразита, была просто невыносима. Почему-то мне казалось, что такой смертью я заранее обрекаю себя на бесконечные муки в аду. Но еще хуже было бы вновь почувствовать на спине паразита и остаться в живых. Вот только нужные слова никак не шли на язык, и я беспомощно пожал плечами.

– Можешь меня уволить, но есть какие-то пределы тому, что человек может вынести. Я не соглашусь.

Он повернулся к интеркому на стене.

– Лаборатория, мы сейчас начинаем. Поторопитесь.

– А объект? - донеслось из динамика, и я узнал голос человека, что влетел незадолго до этого в комнату.

– Первый доброволец.

– Значит, взять стенд поменьше? - с сомнением спросил человек.

– Да. Тащите все сюда.

Я двинулся к двери.

– Далеко собрался? - резко спросил Старик.

– Как можно дальше отсюда, - так же резко ответил я. - Я не хочу в этом участвовать.

Он схватил меня за руку и рывком развернул.

– Придется тебе остаться. Ты знаешь о них больше всех, и твои советы могут оказаться полезными.

– Отпусти.

– Ты останешься - либо по своей воле, либо я прикажу тебя связать, раздраженно сказал Старик. - Я сделал скидку на болезнь, но твои фокусы мне надоели.

У меня уже не осталось сил спорить.

– Что ж, ты здесь главный.

***

Лаборанты вкатили в комнату кресло на колесиках, хотя, по правде сказать, этот предмет обстановки больше напоминал электрический стул: ремни для запястий, локтей, лодыжек и колен, крепления у пояса и груди, но спинка была срезана, чтобы плечи жертвы оставались открытыми.

"Кресло" установили рядом с клеткой обезьяны, затем убрали ближнюю к нему стенку. Обезьяна наблюдала за приготовлениями внимательным, настороженным взглядом, но по-прежнему не могла пошевелить безвольно висящими конечностями. Тем не менее, когда сняли стенку клетки, мне снова стало не по себе, и я остался на месте только из опасения, что Старик действительно прикажет меня связать. Лаборанты закончили приготовления и отошли в сторону. Открылась дверь, и в комнату вошли еще несколько человек, среди них Мэри.

Я растерялся. Мне очень хотелось ее увидеть, и я пытался отыскать ее через медсестер, но они или действительно не знали, кто она, или получили на этот счет какие-то распоряжения. Теперь мы наконец встретились, но при таких обстоятельствах… Черт бы побрал Старика! Ну зачем приглашать на такое "представление" женщину, пусть даже женщину-агента? Должны же быть какие-то рамки.

Мэри бросила на меня удивленный взгляд, затем кивнула. Меня это немного задело, но я все понял: не время и не место для пустых разговоров. Выглядела она отлично, только очень серьезно. На ней был такой же наряд, как у сиделок, но без этого нелепого шлема и панциря на спине. Вместе с ней в комнату вошли несколько мужчин с записывающей и прочей аппаратурой.

– Готовы? - спросил начальник лаборатории.

– Да, поехали, - ответил Старик.

Мэри подошла к "креслу" и села. Двое лаборантов опустились на колени и принялись застегивать ремни. Я смотрел на все это словно в оцепенении.

Затем схватил Старика за руку, отшвырнул в сторону и, подскочив к креслу, раскидал лаборантов. - Мэри, - крикнул я, - ты с ума сошла! Вставай.

Старик выхватил пистолет и навел на меня.

– Прочь, - приказал он. - Вы, трое, взять его и связать!

Я поглядел на пистолет, на Мэри. Она не двигалась - ноги у

нее уже были пристегнуты, - и только смотрела на меня полным сочувствия взглядом.

– Ладно, Мэри, вставай, - тупо сказал я. - Мне захотелось посидеть.

Лаборанты убрали первое кресло и принесли другое. То, что приготовили для Мэри, мне не подходило: оба делались точно по фигуре. Со всеми затянутыми ремнями ощущение возникало такое, будто меня залили в бетон.

Спина чесалась невыносимо, хотя никого мне пока туда не посадили.

Мэри в комнате уже не было. Я не видел, как она ушла, да это и не имело значения. Когда приготовления закончились, Старик положил руку мне на плечо и сказал:

– Спасибо, сынок.

Я промолчал.

Как пересаживали мне на спину паразита, я не видел. И не особенно интересовался. Впрочем, даже если бы мне захотелось посмотреть, ничего бы не вышло: я просто не мог повернуть голову. Обезьяна один раз взревела, потом завизжала, и кто-то крикнул: "Осторожней!"

Затем наступила такая тишина, словно все затаили дыхание. Спустя секунду что-то влажное опустилось мне на шею, и я потерял сознание.

Очнулся я со знакомым ощущением нахлынувшей вдруг энергии. Я понимал, что влип, но рассчитывал как-нибудь выкрутиться. Страха не было: я испытывал презрение и не сомневался, что как-то их перехитрю.

– Ты меня слышишь? - громко спросил Старик.

– Орать-то зачем? - ответил я.

– Ты помнишь, зачем ты здесь?

– Вы хотите задавать вопросы. За чем дело стало?

– Что ты из себя представляешь?

– Глупый вопрос. Во мне шесть футов один дюйм, в основном мышцы и совсем немного мозга. Вешу я…

– Не о тебе речь. Ты знаешь, с кем я говорю - ты!

– В игры играем?

Старик ответил не сразу.

– Видимо, нет смысла притворяться, что я не знаю, что ты за существо…

– Но ты и в самом деле не знаешь.

– Однако мы изучали тебя все это время, что ты жил на спине у обезьяны. И кое-какую информацию, которая дает мне преимущество, мы уже получили. Во-первых, - он принялся загибать пальцы, - тебя можно убить.

Во-вторых, ты чувствуешь боль. Тебе не нравится электрический ток, и ты не выносишь жара, который способен вынести даже человек. В-третьих, без носителя ты беспомощен. Я могу приказать, чтобы тебя сняли, и ты умрешь.

В-четвертых, ты ничего не можешь сделать без носителя, а он сейчас совершенно неподвижен. Попробуй ремни на прочность. Так что ты или будешь отвечать на наши вопросы, или умрешь.

Я уже попробовал ремни и обнаружил, что порвать их действительно невозможно. Впрочем, это меня не беспокоило: вернувшись к хозяину, я почувствовал себя на удивление спокойно - ни забот, ни волнений. Мое дело было служить и только, а дальше будь что будет. Один ремень на лодыжке вроде был затянут слабее остальных: возможно, мне удастся вытащить ногу…

Затем я проверил еще раз ремни на руках. Может, если полностью расслабиться…

Сразу последовали указания - или я сам принял решение: в такой ситуации это одно и то же. Никаких разногласий между мной и хозяином не было: мы думали и действовали как одно целое. Короче, инструкции это или собственное решение, но я знал, что побег сейчас не удастся. Обводя комнату взглядом, я пытался определить, кто из присутствующих вооружен.

Возможно, только Старик: значит, уже легче.

Где-то в глубине души затаилось ноющее чувство вины и отчаяния, знакомое лишь слуге, действующему по воле инопланетного паразита, но я был слишком занят, чтобы переживать.

– Итак, - сказал Старик. - Ты будешь отвечать на вопросы сам или придется тебя заставлять?

– Какие вопросы? - спросил я. - До сих пор я не слышал ни одного вразумительного вопроса.

Старик повернулся к лаборанту.

– Дай-ка мне разрядник.

Я все еще испытывал ремни и как-то даже не обратил внимания на эту фразу. Если бы удалось притупить его бдительность, чтобы пистолет оказался в пределах досягаемости - при условии, конечно, что я сумею высвободить руку - тогда, может быть…

Он протянул руку с гибким хлыстом куда-то мне за спину, и я почувствовал дикую, ослепляющую боль. В комнате, мне показалось, стало темно, словно кто-то щелкнул выключателем. Меня раздирало на куски, и на мгновение я даже потерял связь с хозяином.

Затем боль схлынула, оставив после себя только обжигающее

воспоминание. Но не успел я собраться с мыслями, как хозяин снова подчинил меня своей воле. Впервые за все то время, что я был у него в подчинении, меня охватило беспокойство: его дикий страх и боль отчасти передались и мне.

– Ну как, понравилось? - спросил Старик.

Страх, однако, исчез, и я снова чувствовал лишь безмятежное равнодушие, хотя по-прежнему внимательно следил за своими врагами.

Запястья и лодыжки тоже уже не болели.

– Зачем ты это сделал? - спросил я. - Разумеется, ты можешь причинить мне боль, но зачем?

– Чтобы ты отвечал на вопросы.

– Так задавай их.

– Что вы за существа?

Ответ появился у меня не сразу. Старик уже потянулся за разрядником, когда я услышал свой собственный голос:

– Мы - народ.

– Какой народ?

– Единственный народ. Мы изучили вас и знаем теперь вашу жизнь. Мы…

– Я неожиданно замолчал.

– Продолжай, - мрачно приказал Старик и повел в мою сторону разрядником.

– Мы пришли, чтобы принести вам…

– Принести что?

Я хотел говорить: хлыст разрядника покачивался ужасающе близко. Но не хватало слов. - Принести вам мир, - вырвалось у меня.

Старик фыркнул.

– Мир, - продолжил я, - и покой, радость… радость подчинения. - Я снова умолк. Слово "подчинение" не годилось. Я мучился, словно пытался говорить на чужом языке. - Радость… нирваны.

Это слово подходило гораздо лучше. Я чувствовал себя как собака, которую погладили по голове за то, что она принесла палку. Только что хвостом не вилял.

– Значит, так, я понимаю, - сказал Старик. - Если мы подчинимся, вы обещаете человечеству, что будете заботиться о нас и мы будем счастливы.

Правильно?

– Абсолютно!

Старик задумался, остановив взгляд где-то у меня над плечом, затем плюнул на пол.

– Знаешь, - произнес он медленно, - нам, человечеству, уже не

раз предлагали такую сделку. Из этого никогда ни черта не выходило.

– Попробуй сам, - посоветовал я. - Это очень быстро, и тогда ты поймешь.

На этот раз он взглянул мне в глаза.

– Может, мне так и следовало поступить. Может быть, я обязан испытать это не на… испытать это на себе. Не исключено, что когда-нибудь испытаю.

Позже. А сейчас, - Старик вновь заговорил быстро и деловито, - сейчас ты будешь отвечать на вопросы. Если будешь отвечать сразу и правильно, ничего с тобой не случится. Будешь медлить, я увеличу ток. - И он взмахнул хлыстом разрядника.

Я съежился, почувствовав поражение. На какое-то мгновение мне показалось, что он согласится, и я уже начал планировать побег. - Так, - сказал Старик. - Откуда вы прилетели?

Молчание. Ни малейшего желания отвечать.

Хлыст придвинулся ближе.

– Издалека! - выкрикнул я.

– Это и так понятно. Где находится ваша база, ваша родная планета?

Старик выждал и сказал:

– Видимо, придется подстегнуть твою память.

Я тупо следил за ним; в голове - ни единой мысли. Но тут к нему обратился один из помощников. - Что такое? - отозвался Старик.

– Возможно, здесь какие-то семантические трудности, - сказал помощник. - Различные представления об астрономии.

– Откуда? Паразит знает столько же, сколько знает его носитель. Это мы уже доказали. - Однако он опустил разрядник и задал вопрос по-другому.

– Ладно. Солнечная система-то уж тебе точно знакома. Ваша планета находится в этой солнечной системе?

Я помедлил, потом ответил:

– Нам принадлежат все планеты.

Старик выпятил губу и задумчиво произнес.

– Интересно, что ты имеешь в виду… Впрочем, ладно. Пусть хоть вселенная целиком. Но где ваше гнездо? Откуда прилетели корабли?

Сказать мне было нечего и я молчал.

Старик взмахнул рукой, и я почувствовал короткий удар током.

– Говори, черт бы тебя побрал! С какой вы планеты? С Марса? С Венеры?

С Юпитера? С Сатурна? С Урана? Нептуна? Плутона?

Когда он называл очередную планету, я отчетливо видел их, хотя сам ни разу не бывал дальше орбитальных станций. И мгновенно понял, когда Старик назвал именно то, что нужно. Но мысль будто выдернули у меня, едва она возникла.

– Говори! - продолжал допытываться Старик. - Иначе я угощу тебя током.

– Ни с одной из них, - услышал я свой собственный голос. - Наша планета гораздо дальше.

Он взглянул на паразита у меня за плечами, потом мне в глаза.

– Ты лжешь. Придется помочь тебе стать честным.

– Нет! Нет!

– Что ж, попытаемся. Вреда от этого не будет. - Он медленно завел руку с разрядником мне за спину. В мыслях снова вспыхнул ответ, и я уже собрался его выдать, но тут мне сдавило горло, а затем резануло болью.

Боль не утихала, меня рвало на куски, и чтобы остановить боль, я пытался говорить, но стальная рука по-прежнему давила на горло.

Сквозь пелену боли я узнал склонившегося надо мной Старика. Лицо его дрожало и расплывалось.

– Достаточно? - спросил он.

Я начал говорить что-то, но поперхнулся и сразу накатило удушье.

Последнее, что я видел, это приближающийся хлыст разрядника.

Затем меня-таки разорвало, и я умер.

***

Надо мной склонились несколько человек, и кто-то из них сказал:

– Он приходит в себя.

Затем в поле зрения вплыло лицо Старика.

– Ты в порядке, сынок? - спросил он участливо.

Я отвернулся.

– На бок, пожалуйста, - произнес другой голос. - Мне надо ввести ему стимулятор.

Человек опустился рядом со мной на колени, затем встал, посмотрел на свои руки и вытер их о шорты.

"Гиро", промелькнула мысль, или еще что-нибудь в этом духе.

Так или иначе, препарат подействовал, я ожил. Даже сел без посторонней помощи. Мы все еще были в той же комнате с клеткой, и рядом стояло это проклятое кресло. Я попытался встать. Старик хотел мне помочь, но я его оттолкнул.

– Не трогай меня!

– Извини, - ответил он, затем приказал: - Джонс! Возьми Ито и давайте за носилками. Отнесете его в палату. Док, ты отправляешься с ним.

– Разумеется. - Человек, что вводил стимулятор, хотел поддержать меня за руку, но я не позволил.

– Оставьте меня в покое!

Врач посмотрел на Старика, тот пожал плечами и жестом приказал всем отойти. Я сам доковылял до двери, затем открыл вторую дверь и выбрался в коридор. Остановился, посмотрел на свои запястья, на лодыжки и решил, что мне так и так нужно в лазарет. Дорис что-нибудь сделает, и, может быть, мне удастся заснуть. Чувствовал я себя так, словно только что провел пятнадцать раундов на ринге и все их проиграл.

– Сэм… Сэм!

Знакомый голос. Мэри подбежала и остановилась, глядя на меня большими, влажными от слез глазами.

– Боже, Сэм… Что они с тобой сделали? - произнесла она, всхлипывая, так что я едва разобрал слова.

– Ты еще спрашиваешь? - ответил я и из последних сил залепил ей пощечину. - Стерва.

Моя палата оказалась свободной, но Дорис нигде не было. Я закрыл дверь и улегся на кровать лицом вниз, стараясь ни о чем не думать и не обращать внимания на боль. Потом за спиной у меня кто-то охнул, и я открыл один глаз: у кровати стояла Дорис.

– Что произошло? - воскликнула она, и я почувствовал ее мягкие прикосновения. - Боже, бедный, да что же это… Лежи, не двигайся. Я позову врача.

– Нет!

– Но тебе нужен врач.

– Я не хочу его видеть. Ты лучше сама.

Она молча вышла из палаты, но вскоре - во всяком случае, мне показалось, что прошло совсем немного времени - вернулась и начала обмывать мои раны. Когда Дорис касалась спины, я едва сдерживался, чтобы не закричать. Но все закончилось быстро: она наложила бинты и сказала:

– Теперь на спину, осторожно…

– Я лучше останусь лицом вниз.

– Нет, - твердо сказала она. - Нужно, чтобы ты выпил лекарство…

В конце концов я оказался на спине - в основном, ее стараниями, выпил это лекарство и спустя какое-то время уснул. Помню, что вроде бы просыпался, видел у кровати Старика и костерил его на чем свет стоит.

Врача, кажется, тоже видел. Но возможно, это был сон.

***

Разбудила меня мисс Бриггс, и вскоре Дорис принесла завтрак - все как раньше, словно я и не покидал больничной койки. Внешне я, в общем-то, неплохо отделался, хотя ощущение было такое, будто меня сбросили в бочке с Ниагарского водопада. На руках и на ногах, где я порезался о застежки "кресла", бинты, но кости остались целы. Душа - вот где болело больше всего.

Не поймите меня неверно. Старик вправе посылать нас на любое опасное задание - такова работа. Но то, что он со мной сделал… Он знал меня как облупленного и попросту загнал в угол, заставил пойти на то, на что я никогда не согласился бы сам. А затем безжалостно использовал. Мне и самому случалось применять силу, чтобы заставить человека говорить.

Иногда, бывает, просто деваться некуда. Но тут совсем другое, можете мне поверить.

Больше всего я переживал из-за Старика. Мэри?… Кто она мне, в конце концов? Так, просто еще одна симпатичная крошка. Роль приманки ей удалась, и как же я ее за это ненавидел! Конечно, ничего плохого в том, что она пользуется в работе своей женственностью, нет; Отделу просто не обойтись без женщин-агентов. Шпионки всегда были, а молодые и симпатичные во все времена пользовались одними и теми же средствами.

Но она не должна была соглашаться играть в эту игру против своего же коллеги - во всяком случае, против меня.

Не очень логично, по-вашему? Мне, однако, все казалось логичным, и я решил, что с меня довольно. Операцию "Паразит" пусть заканчивают сами. В Адирондаке, в горах, у меня была небольшая хижина с запасом замороженных продуктов примерно на год. Пилюль, растягивающих время, тоже достаточно.

Короче, я решил, что отправлюсь туда и наглотаюсь пилюль, а мир пусть спасается без меня - или катится ко всем чертям.

А если кто подойдет ближе чем на сотню ярдов, он либо покажет мне голую спину, либо останется лежать на месте с большой прожженной дырой в груди.

Глава 11

Кому-то я должен был рассказать о своем решении, и слушать меня выпало Дорис. То, что со мной сделали, ее не то что возмутило - вывело из себя. Она ведь бинтовала мои раны. По работе ей, конечно, приходилось видеть и хуже, но сейчас это сделали свои же. Когда я рассказал, что думаю об участии Мэри, Дорис спросила:

– Я так понимаю, что ты хотел жениться на ней?

– Да. Глупо, правда?

– Она наверняка знала, что делает. Это просто нечестно. - Дорис прервала на секунду массаж, и глаза ее засверкали. - Я эту рыжую никогда не видела, но, если увижу, всю физиономию ей расцарапаю!

Я улыбнулся.

– Ты - славная девушка, Дорис. Надо полагать, ты бы такого не сделала.

– О, мне тоже случалось обводить мужчин вокруг пальца. Но если бы я сделала что-нибудь хоть отдаленно похожее, мне бы, наверно, даже в зеркало на себя смотреть было противно… Ну-ка перевернись, я займусь другой ногой.

***

Вскоре заявилась Мэри. Сначала я услышал Дорис:

– Туда нельзя.

Голос Мэри:

– Мне нужно.

– Ну-ка назад, - прикрикнула Дорис. - А то я повыдергаю тебе твои крашеные лохмы.

За дверью началась возня, затем я услышал звук пощечины и крикнул:

– Эй, что там происходит?

На пороге они появились вместе. Дорис тяжело дышала, волосы у нее были в беспорядке. Мэри, несмотря на инцидент за дверью, держалась с достоинством, но на щеке у нее краснело пятно размером с ладонь Дорис.

Дорис наконец перевела дух:

– Убирайся! Он не хочет тебя видеть.

– Я бы хотела услышать это от него, - ответила Мэри.

Я посмотрел на них обеих и сказал:

– Ладно, чего уж там. Раз она здесь… Я все равно хотел ей кое-что сказать. Спасибо, Дорис.

– Когда ты поумнеешь? - буркнула она и вылетела за дверь. Мэри подошла к кровати.

– Сэм…

– Меня зовут не Сэм.

– Я до сих пор не знаю твоего настоящего имени.

Времени объяснять ей, что родители наградили меня именем Элихью, не было, и я сказал:

– Какая разница? Сойдет и Сэм.

– Сэм, - повторила она, - дорогой мой…

– Я не твой и не дорогой.

– Да, я знаю, - сказала она, склоняя голову. - Но почему? Сэм, я хочу понять, почему ты меня возненавидел. Может быть, я не смогу уже ничего изменить, но мне нужно знать.

Я возмущенно фыркнул.

– И ты еще спрашиваешь? После того, что ты со мной сделала? Мэри, ты, возможно, холодна как рыба, но отнюдь не глупа.

Она покачала головой.

– Все наоборот, Сэм. Я совсем не холодна, но часто бываю глупой. Ну посмотри на меня, пожалуйста. Я знаю, что они с тобой сделали. Знаю, что ты пошел на это, чтобы избавить от пытки меня, и очень тебе благодарна. Но я не понимаю, почему ты меня ненавидишь. Я ведь не просила тебя и не хотела, чтобы ты это делал.

Я промолчал.

– Ты мне не веришь?

Приподнявшись на локте, я сказал:

– Я думаю, ты сама себя убедила, что так оно и есть. Но я могу тебе сказать, как это было на самом деле.

– Скажи, пожалуйста.

– Ты села в это чертово кресло, прекрасно понимая, что я не позволю им проводить эксперимент на тебе. Ты знала это, как бы ты ни убеждала себя теперь в обратном. Старик не мог заставить меня - ни угрозой оружия, ни даже под действием наркотиков. А ты могла. И заставила.

Заставила меня сделать нечто такое, на что я сам никогда бы не пошел. Мне легче умереть было, чем вновь посадить себе на плечи эту мерзость, эту грязь. И все из-за тебя!

Мэри становилась все бледнее и бледнее; в обрамлении волос ее лицо казалось чуть ли не зеленым. Затем она опомнилась, вздохнула и спросила:

– Ты действительно в это веришь, Сэм?

– А что, это неправда?

– Сэм, все было не так. Я не знала, что ты придешь. Удивилась даже.

Но я не могла отступить, потому что обещала.

– "Обещала", - съязвил я. - Как школьница прямо.

– Едва ли школьница.

– Не важно. И правда ли то, что ты не знала о моем присутствии, тоже не имеет значения. Главное другое: мы оба там были, и ты не могла не понимать, что произойдет, если ты поступишь, как поступила.

– Вот оно в чем дело, - Мэри немного выждала. - Значит, ты так это видишь, и я не могу оспаривать факты.

– Пожалуй.

Довольно долго она стояла, не двигаясь. Я молчал. Наконец Мэри сказала:

– Сэм… ты когда-то говорил, что хочешь на мне жениться.

– Это давно было.

– Я и не ожидала, что ты вновь предложишь. Но я хотела сказать…

Независимо от того, что ты обо мне думаешь, я хочу, чтобы ты знал: я очень благодарна за то, что ты ради меня сделал. И… Сэм, я уже ласковая. Ты меня понимаешь?

Я усмехнулся.

– Боже правый, женщины никогда не перестанут меня удивлять. Вы почему-то думаете, что всегда можно просто сбросить счет и начать по новой с одной этой козырной карты. - Я насмешливо улыбался, а она тем временем заливалась краской. - Только на этот раз ничего не выйдет. Не беспокойся, я не воспользуюсь твоим щедрым предложением.

– Что ж, я сама напросилась… - сказала она ровным тоном. - Тем не менее все сказанное остается в силе. И это, и если я могу сделать для тебя еще что-то…

Я откинулся на подушку.

– Вообще-то, можешь.

Ее лицо засветилось надеждой.

– Да, Сэм.

– Оставь меня в покое. Я устал, - сказал я и отвернулся.

После полудня заглянул Старик. Увидев его, я в первое мгновение обрадовался: Старика трудно не любить. Затем все вспомнилось, и радость померкла.

– Я хочу с тобой поговорить, - начал он.

– Нам не о чем разговаривать. Убирайся.

Он словно бы и не заметил моей дерзости, прошел в палату,

сел.

– Не возражаешь, если я присяду?

– Похоже, ты уже сидишь.

Это он тоже пропустил мимо ушей.

– Знаешь, сынок, ты у меня один из лучших сотрудников, но иногда делаешь поспешные выводы.

– Можешь на этот счет больше не беспокоиться, - ответил я. - Как только доктор меня выпишет, я подаю в отставку.

Старик просто не слышал того, что ему не хотелось слышать.

– Ты торопишься и совершаешь ошибки. Возьми, например, эту девушку, Мэри…

– Какую еще Мэри?

– Ты отлично понимаешь, о ком я говорю. Тебе она известна под фамилией Кавано.

– Сам ее возьми.

– Не зная подробностей, ты наговорил ей черт-те чего. Расстроил ее.

Возможно, лишил меня очень способного агента.

– Да? Я прямо слезами обливаюсь.

– Послушай-ка, мальчишка, у тебя нет никаких оснований напускаться на нее со своими обвинениями. Ты просто не знаешь, что произошло.

Я промолчал: попытки объяснить что-то - плохой способ обороны.

– Мне-то ясно, о чем ты думаешь, - продолжал Старик. - Ты считаешь, что она позволила использовать себя в качестве наживки. Но это не совсем так. Она ничего тут не решала. Все это спланировал я.

– Знаю.

– Тогда почему ты злишься на нее?

– Потому что без ее помощи у тебя ничего бы не вышло. Это, конечно, очень благородно с твоей стороны - взять всю вину на себя, но ничего не выйдет.

– По-моему, ты все понимаешь, кроме самого главного: Мэри ничего не знала.

– Черта с два! Она была там.

– И что? Сынок, я тебе когда лгал?

– Нет, - признал я, - но если будет нужно, я думаю, ты сделаешь это, не моргнув глазом.

– Может быть, я заслужил такие слова, - сказал Старик. - Да, я солгу кому-то из своих, если того потребует безопасность страны. Но до сих пор мне не приходилось этого делать, потому что я специально отбирал людей, которые на меня работают. В данном случае безопасность страны этого не требует, я не лгу, и тебе

придется самому решать, правду я говорю или нет.

Мэри ничего не знала. Она не знала, что ты будешь в лаборатории. Не знала, почему ты там оказался. Не знала, наконец, что еще не решено, кто сядет в кресло. И не подозревала, что я не собираюсь проводить эксперимент на ней, потому что в качестве подопытного мне подходишь только ты - даже если бы пришлось приказать, чтобы тебя связали и усадили силой. Я бы сделал это, но мой план сработал, и ты согласился сам. Вот тебе и черта с два! Она не знала даже, что тебя выписали.

Очень хотелось ему поверить, поэтому я изо всех сил сопротивлялся. А насчет того, станет ли он врать… Не исключено, что его понимание заботы о безопасности страны включает в себя и необходимость как можно скорее вправить мозги двум первоклассным агентам. Мыслит Старик весьма неординарно.

– Смотри мне в глаза! - добавил он. - Я хочу, чтобы ты зарубил себе на носу: во-первых, все, включая и меня, очень признательны тебе за то, что ты сделал - независимо от мотивов твоего поступка. Я составил рапорт и не сомневаюсь, что тебе дадут медаль. Это останется в силе, даже если ты уйдешь из Отдела. Только не воображай себя этаким героем…

– И не думаю!

– …потому что на самом деле медаль достанется не тому, кому следовало. По справедливости, ее должна была получить Мэри… Спокойно! Я еще не закончил. Тебя пришлось заставить, но я не критикую: на твою долю и без того выпало немало. Но настоящим, убежденным добровольцем оказалась Мэри. Садясь в кресло, она вовсе не ждала избавления в последнюю секунду, и у нее были все основания полагать, что, даже оставшись в живых, она потеряет рассудок, а это еще страшнее. Но Мэри согласилась, потому что она - героическая натура, а ты, сынок, немного до нее не дотягиваешь.

Не дожидаясь ответа, он продолжил:

– Знаешь, большинство женщин чертовски глупы и наивны. Тем не менее они могут побольше нашего. Самые храбрые из них храбрее нас, самые способные - способнее, а самые сволочные - сволочнее. Я это к тому говорю, что Мэри в данном случае проявила больше мужества, чем ты сам, а ты взял и обидел ее.

У меня в голове уже все перепуталось, и я не мог решить, правду он говорит, или опять водит меня за нос.

– Может быть, я сорвался не на того человека. Но если все было так, как ты сказал…

– Именно так.

– …это тебя совсем не красит. То, что ты сделал, выглядит тогда еще хуже.

Обвинение он принял, не дрогнув. - Сынок, мне очень жаль, если я потерял после этого твое уважение, но я, как любой командир во время боя, не могу быть особенно разборчив. Мне еще тяжелее, потому что приходится сражаться другим оружием. Знаешь, есть люди, которые просто не способны, когда нужно, пристрелить свою собаку. Я способен. Может быть, это скверно, но такая уж у меня работа. Если ты когда-нибудь окажешься на моем месте, тебе тоже придется так поступать.

– Едва ли это когда-нибудь случится.

– Думаю, тебе надо отдохнуть и обдумать все это.

– Я возьму отпуск. Бессрочный.

– Как скажешь.

Он поднялся было, но я его остановил:

– Подожди…

– Да?

– Ты мне кое-что обещал. Насчет паразита… Ты сказал, что я смогу убить его, сам. Вы с ним уже закончили?

– Да, но…

Я сел в постели.

– Никаких "но". Дай мне твой лучемет. Я сделаю это прямо сейчас.

– Это невозможно. Он мертв. - Что? Ты же мне обещал!

– Знаю. Но он сдох, когда мы пытались заставить тебя - в смысле, его - говорить.

Меня вдруг разобрал смех. Я захохотал и никак не мог остановиться.

Старик встряхнул меня за плечи.

– Перестань! А то тебе плохо станет. Мне жаль, что так вышло, но ничего смешного тут нет.

– Ну как же? - ответил я, всхлипывая и хихикая. - Смешнее я в жизни ничего не слышал. Столько канители - и все впустую. Сам обгадился, меня с Мэри поссорил - и все впустую.

– Ха! С чего ты взял?

– А? Ну я-то знаю. Ты от меня - от нас - ничего не добился. Ничего нового тебе узнать не удалось.

– Черта с два!

– Что "черта с два"?

– Ты даже не представляешь себе, насколько успешным оказался эксперимент. Верно, мы ничего не добились от самого паразита, но выяснили кое-что у тебя!

– У меня?

– Вчера. Ночью мы накачали тебя наркотиками,

загипнотизировали, сняли запись мозговой активности - короче, выжали и повесили сушиться. Перед смертью паразит многое тебе сообщил, и, когда ты от него освободился, гипноаналитик вытянул из тебя всю информацию.

– Например?

– Например, где эти твари живут. Теперь мы знаем, откуда они прилетели, и можем нанести ответный удар. Титан, шестой спутник Сатурна.

Когда он сказал это, я вновь почувствовал, как сжимается у меня горло, и понял, что он прав. - Ты, разумеется, сопротивлялся, - рассказывал дальше Старик. Пришлось привязать тебя к кровати, чтобы ты совсем себя не изувечил. Тебе и без того досталось.

Он закинул покалеченную ногу на кровать и чиркнул спичкой. Видимо, ему изо всех сил хотелось прежних добрых отношений. Что до меня, то и я, в общем-то, не хотел уже ссориться; голова кружилась и очень многое нужно было осмыслить. Титан… Далековато, конечно. Пока люди побывали только на Марсе, если не считать экспедицию Сигрейвса в систему Юпитера, но эта экспедиция так и не вернулась.

Однако если будет нужно, мы сумеем добраться до Титана. Добраться и выжечь этот их гадюшник!

Старик наконец встал и проковылял к двери, но я остановил его:

– Папа…

Я не называл его так уже долгие годы. Он остановился и обернулся с удивлением, беззащитным выражением на лице.

– Да, сынок.

– Почему вы с мамой назвали меня Элихью?

– Э-э-э… Так звали твоего деда по линии матери.

– Хм. Не самая веская причина, я бы сказал.

– Возможно, ты прав. Он повернулся, но я снова задержал его.

– Пап, а какой была мама?

– Мама? Я не знаю, как тебе объяснить. Но знаешь… они с Мэри очень похожи. Да, очень. - И он вышел, не дав мне возможности спросить еще что-нибудь.

Я отвернулся к стене и спустя какое-то время понял, что уже совсем успокоился.

Глава 12

Когда меня выписали, я отправился искать Мэри. Кроме слов Старика, у меня по-прежнему ничего не было, но теперь мне начало казаться, что я и в самом деле выставил себя полным идиотом. Я не ждал, что она обрадуется моему появлению, но хотелось как-то оправдаться.

Вы, возможно, скажете, что разыскать высокую красивую рыжеволосую девушку ничего не стоит: ее мол, все должны помнить. Но агенты-оперативники то и дело исчезают на задания, а у сотрудников базы не принято болтать лишнего. В отделе личного состава со мной просто не стали разговаривать и направили в оперативный отдел, то есть к Старику, что меня совсем не устраивало.

Еще большую подозрительность мои расспросы вызвали у дежурного, который следит за теми, кто прибывает и отбывает. Я чувствовал себя как шпион в своем собственном Отделе.

Потом мне пришло в голову обратиться в лабораторию. Начальника я не нашел, и пришлось говорить с заместителем. Тот сделал вид, что вообще ничего не знает о девушке, участвовавшей а проекте "Интервью", почесался и занялся своими бумагами. Выбора не оставалось, и я пошел к Старику.

За столом мисс Хайнс сидела новая секретарша. Мисс Хайнс я, кстати, так больше и не видел, но расспрашивать о ее судьбе тоже не стал. Просто не хотел знать. Новая секретарша ввела мой личный код, и - о чудо! Старик оказался на месте и согласился меня принять.

– Ты чего пришел? - ворчливо спросил он.

– Подумал, что у тебя, может быть, есть для меня какая-нибудь работа, - ответил я, хотя собирался сказать совсем другое.

– Вообще-то, я как раз собирался тебя вызвать. Ты и так уже долго прохлаждаешься. - Он гавкнул что-то в интерком и встал. - Пошли.

Я вдруг почувствовал себя совершенно спокойно.

– В "Косметику"?

– Сегодня сойдет и твоя собственная физиономия. Мы едем в Вашингтон.

– Тем не менее мы зашли в "Косметику", но только для того, чтобы переодеться в уличную одежду. Я получил пистолет, и заодно там проверили мой аппарат связи.

Охранник на входе заставил нас оголить спины, и лишь после этого позволил подойти и отметиться. Мы поднялись наверх и оказались на одном из нижних уровней Нью-Филадельфии.

– Надо понимать, этот город чист? - спросил я Старика.

– Если ты действительно так думаешь, у тебя совсем мозги заржавели, ответил он. - Гляди в оба.

Расспросить его подробней уже не удалось. Присутствие такого большого числа полностью одетых людей здорово действовало на нервы. Я невольно сторонился прохожих и выискивал взглядом сутулых. А подниматься в переполненном лифте до стартовой платформы вообще казалось безумием. Когда мы нырнули наконец в машину, и Старик набрал код, я ему так и сказал.

– Куда, черт побери, смотрят власти? Мы только что прошли мимо полицейского, и у него, ей богу, был горб!

– Возможно. Очень даже возможно.

– Вот тебе раз. Я-то думал, у тебя все схвачено, и их теснят на всех фронтах.

– У тебя есть какое-то предложение?

– Да это же проще простого. Даже если начнутся морозы, никто не должен ходить с закрытой спиной, пока мы не убедимся, что перебили всех паразитов. - Верно.

– Так в чем… Послушай, а Президент знает, что происходит?

– Знает.

– Тогда чего он ждет? Ему нужно объявить военное положение и начать действовать.

Старик задумчиво разглядывал сельский пейзаж внизу.

– Сынок, ты что, серьезно считаешь, что этой страной управляет Президент?

– Нет, конечно. Но он единственный, кто может что-то сделать.

– Хм-м… Знаешь, премьера Цветкова иногда называют "пленником Кремля". Как бы там ни было, а наш Президент такой же пленник Конгресса.

– Ты хочешь сказать, что Конгресс ничего не предпринял?

– Последние несколько дней, после того, как мы предотвратили покушение на Президента, я занимался тем, что помогал ему убедить конгрессменов. Тебе никогда не приходилось выступать в роли ответчика перед комиссией Конгресса, сынок?

Я попытался представить себе общую картину. Получалось, что мы сидим на месте, как додо, дураки дураками, и если не стронемся с места, человечество просто вымрет - так же, как додо.

– Пора тебе осознать наконец политические реалии. Конгресс, случалось, отказывался действовать перед лицом и более очевидной опасности. А в данном случае опасность совсем не очевидна. Доказательств очень мало, да и не каждый в них

поверит.

– А как насчет заместителя министра финансов? Они же не могут просто проигнорировать случившееся.

– Ой ли? У заместителя министра сорвали паразита со спины прямо в Белом доме, в восточном крыле, и при этом пришлось убить двух его охранников из секретной службы. Но сам достопочтенный джентльмен лежит теперь в больнице с нервным потрясением и вообще не помнит, что с ним произошло. Министерство финансов сообщило, что предотвращена попытка покушения на Президента. По сути верно, но они представили все в ином свете.

– И Президент при этом промолчал?

– Его советники предложили ему выждать. Большинство из них колеблется, а в обеих палатах полно людей, которые только и ждут, когда он совершит какую-нибудь серьезную ошибку. Политическая борьба между партиями это тебе не шуточки.

– Боже, по-моему в такое время просто нельзя заниматься политическими маневрами!

Старик удивленно поднял брови.

– Это по-твоему.

В конце концов я задал вопрос, ради которого и пришел к нему в кабинет: где Мэри?

– Странно, что ты спрашиваешь, - буркнул он. Я промолчал, и он добавил: - Там, где ей положено быть. Она охраняет Президента.

Первым делом мы направились на закрытое заседание специального комитета из представителей обеих палат. Когда мы туда явились, на стереоэкране Так раз показывали моего приятеля - антропоида по кличке Наполеон - сначала его с титанцем на спине, а затем крупным планом самого титанца. Паразиты похожи один на другого как две капли воды, но я знал, чей этот, и был просто счастлив, что он уже мертв. Потом показали меня. Я видел, как меня привязывают к креслу, и выглядел я, чего уж там говорить, не лучшим образом: когда человек действительно напуган, это его не красит. Титанца сняли с обезьяны и пересадили на мою голую спину. Я - на экране - тут же потерял сознание, после чего чуть не потерял сознание в зале. Описывать дальше не стану: тошно.

Но в конце концов я увидел, как тварь сдохла. Ради этого стоило посмотреть и все остальное.

Запись кончилась, и председатель произнес:

– Итак, джентльмены?

– Господин председатель!

– Слово предоставляется джентльмену из Индианы.

– Без всякого предубеждения к вопросу, хочу, тем не менее, заметить, что в Голливуде делают комбинированные съемки и получше.

В зале загомонили, и кто-то крикнул: "Тише! Тише!"

После этого вызвали для дачи свидетельских показаний руководителя биологической лаборатории, а затем пригласили к стойке меня. Я назвал свое имя, постоянный адрес, должность и ответил на несколько очень поверхностных вопросов о моем пребывании под властью титанцев. Вопросы читали по бумажке, и больше всего меня задело то, что мои ответы их, в общем-то, не интересовали. Трое из членов комитета читали во время слушания газеты.

Из зала мне задали вопросы только двое.

Один сенатор спросил:

– Мистер Нивенс… Ваша фамилия действительно Нивенс?

Я подтвердил.

– Мистер Нивенс, из ваших слов я понял, что вы занимаетесь оперативной работой.

– Да.

– Надо полагать, в ФБР?

– Нет. Мой начальник отчитывается непосредственно перед Президентом.

Сенатор улыбнулся.

– Так я и думал. А теперь, мистер Нивенс… вы ведь профессиональный актер, не так ли? - И он сделал вид, что сверяется со своими бумагами.

Видимо, я пытался отвечать слишком правдиво. Хотел объяснить, что действительно играл летом один сезон, но тем не менее я самый что ни на есть настоящий агент-оперативник. Бесполезно.

– Достаточно, мистер Нивенс. Спасибо.

Второй вопрос задал пожилой сенатор, которому хотелось знать мое мнение о расходовании денег налогоплательщиков на вооружение других стран - при этом он пространно изложил свои собственные взгляды. У меня к этой проблеме отношение сложное, но высказаться мне все равно не дали.

Секретарь сразу же заявил:

– Вы свободны, мистер Нивенс.

– Послушайте, - попытался отстоять свое я, - вы, похоже, считаете, что вас хотят обмануть. Ну так принесите сюда детектор лжи! Или допросите меня под гипнозом. А то это заседание больше походит на дурную шутку.

Председатель комитета стукнул молоточком.

– Вы свободны, мистер Нивенс!

Я сел.

Старик говорил, что цель этого совместного заседания - подготовка резолюции о введении военного положения и предоставлении Президенту чрезвычайных полномочий. Но похоже было, что от нас отмахнулись еще до голосования.

– Плохи наши дела, - сказал я Старику.

– Не обращай внимания, - ответил он. - Президент понял, что тут ничего не выйдет, едва только узнал состав комитета.

– И что нам теперь делать? Ждать, когда паразиты захватят весь Конгресс?

– Президент собирается обратиться за полномочиями непосредственно к Конгрессу.

– Он их получит?

Старик промолчал и нахмурился еще больше.

***

Совместное заседание обеих палат Конгресса было секретным, но мы присутствовали по прямому указанию Президента и сидели на маленьком балкончике позади трибуны. Открыли заседание с соблюдением всех формальностей, затем "поставили в известность" Президента. Он явился сразу же, в сопровождении своих помощников и телохранителей, но охрана теперь состояла из наших людей.

Мэри тоже оказалась в свите. Кто-то поставил рядом с Президентом складное кресло для нее; она делала пометки в своем блокноте и то и дело вручала Президенту какие-то бумаги - короче, изображала секретаршу. Но на этом маскарад заканчивался. Выглядела она, словно Клеопатра в теплую ночь - одним словом, так же неуместно, как кровать в церкви. Внимание на нее обращали не меньше, чем на Президента.

Я перехватил ее взгляд, и она улыбнулась. Я тоже расплылся в улыбке, но Старик тут же ткнул меня в бок. Пришлось возвращаться с небес на землю.

Президент четко и последовательно объяснил Конгрессу ситуацию.

Прямолинейностью и логикой доклад больше напоминал отчет о конструкторских разработках - и примерно в такой же мере был эмоционален. Президент просто излагал факты. Затем отложил текст и продолжил:

– Ситуация складывается столь необычная и страшная, столь

далекая от всего того, с чем приходилось сталкиваться стране, что для преодоления кризиса я вынужден просить Конгресс о предоставлении широких полномочий. В некоторых районах необходимо будет ввести военное положение. На какое-то время нам придется пойти на значительное ущемление гражданских прав. Свобода перемещения должна быть ограничена. Неприкосновенность от обысков и арестов должна уступить место праву на безопасность для всех. Поскольку любой гражданин, независимо от его положения в обществе и лояльности, может против своей воли оказаться прислужником нашего тайного врага, всем гражданам придется смириться с некоторым ограничением прав и в какой-то мере поступиться личным достоинством до полной победы над чумой. Я с тяжелым сердцем прошу Конгресс утвердить эти крайне необходимые меры.

Президент сел.

Настроение зала определить обычно не сложно. Они были явно обеспокоены, но все же Президент не убедил их до конца. Вице-президент поглядывал на лидера сенаторского большинства: по договоренности он должен был предложить резолюцию.

Не знаю, то ли лидер большинства покачал головой, то ли просигналил еще как-то, но на трибуну он не поднялся. Неловкая пауза затягивалась, а из зала то и дело выкрикивали: "Господин Президент!" и "Тихо! Тихо!"

Вице-президент, не замечая других желающих выступить, предоставил слово члену своей партии, сенатору Готлибу. Этот "гвардейский конь" проголосует даже за свое собственное линчевание - главное, чтобы оно было включено в программу партии. Начал Готлиб с заверений собравшихся в своей крайней преданности Конституции, "Биллю о правах" и чуть ли не Гранд-Каньону. Затем скромно упомянул свою долгую службу и очень высоко отозвался о месте Америки в истории. Я поначалу думал, что он просто тянет время, пока команда выработает новые формулировки, но потом вдруг понял, к чему все это говорится: он предлагал изменить порядок работы заседания с тем, чтобы отстранить в порядке импичмента и предать суду Президента Соединенных Штатов!

Видимо, не до одного меня дошло не сразу: сенатор так густо пересыпал свою речь трескучими ритуальными фразами, что трудно было понять, в чем суть его предложения. Я посмотрел на Старика.

Тот не отрывал глаз от Мэри.

Ока в свою очередь смотрела на него, словно ей не терпелось сообщить какую-то важную новость.

Старик выхватил из кармана отрывной блокнот, что-то

торопливо нацарапал, сложил записку и кинул ее Мэри. Она поймала записку на лету, прочла и передала Президенту.

Тот сидел с совершенно беззаботным видом, словно и не замечал, как один из его старых друзей на глазах у всего Конгресса крошит в капусту главу государства и с ним безопасность республики. Он прочитал записку, медленно повернул голову и взглянул на моего шефа. Старик кивнул.

Президент подтолкнул локтем вице-президента. Тот наклонился, и они о чем-то зашептались.

Готлиб все еще гремел. Вице-президент постучал молоточком.

– Прошу прощения, сенатор.

На лице у Готлиба промелькнуло удивление, но он тут же с собой справился.

– Я еще не закончил.

– Я ни в коем случае не хочу лишать вас слова. Но в силу важности предмета вашего выступления вас просят пройти на трибуну.

Готлиб бросил на вице-президента недоуменный взгляд, но все же двинулся вперед. Кресло Мэри загораживало ведущие на трибуну ступеньки, но вместо того, чтобы просто подвинуться, она вдруг засуетилась, потом подняла кресло и повернулась, совсем преградив сенатору путь. Готлиб остановился, и она, покачнувшись, задела его. Тот поймал ее за руку отчасти чтобы и самому удержаться на ногах. Мэри что-то сказала, он ответил, но слов никто не расслышал. Наконец Готлиб прошел к трибуне.

Старик дрожал, как гончая, завидевшая добычу. Мэри подняла взгляд и кивнула.

– Взять его! - сказал Старик.

В то же мгновение я перемахнул через барьер и в прыжке обрушился на Готлиба. Старик успел крикнуть: "Перчатки!", но времени не было. Я одним рывком разодрал пиджак на спине сенатора, и увидел под рубашкой пульсирующее тело паразита. Я рванул рубашку, и теперь его могли видеть все.

Чтобы зафиксировать то, что творилось в зале в последующие несколько секунд, не хватило бы и десятка стереокамер. Я двинул Готлиба по голове, чтобы не трепыхался. Мэри придавила ему ноги. Президент вскочил и крикнул:

"Вот! Теперь вы все видите!" Вице-президент тоже стоял, но в полной растерянности лишь стучал своим молоточком. Конгресс превратился в толпу, мужчины кричали, женщины визжали. Старик громогласно раздавал приказы президентской охране.

Спустя какое-то время оружие в руках телохранителей и стук молоточка утихомирили страсти, и в зале воцарилось некоторое

подобие порядка. Слово взял Президент. Случай, сказал он, дал конгрессменам возможность увидеть врага своими глазами. Все могут подойти по очереди и посмотреть на пришельца с самого большого спутника Сатурна. Не дожидаясь реакции на свое предложение, он указал на первый ряд и попросил всех сидящих там подняться.

Весь первый ряд двинулся на трибуну.

Мэри оставалась рядом. Люди проходили мимо нас, и одна женщина даже впала в истерику. Когда прошли человек двадцать, я заметил, что Мэри снова подала знак Старику, и на этот раз даже чуть опередил его приказ.

Конгрессмен оказался молодым и здоровым, из бывших морских пехотинцев могла бы завязаться драка, но двое наших стояли рядом, и мы уложили его вместе с Готлибом.

После этого, несмотря на протесты со стороны некоторых конгрессменов, началась повальная проверка. Женщин я хлопал по спине и одну поймал сразу.

Чуть позже решил, что поймал еще одну, но, к моему смущению, оказалось, что я ошибся и принял за паразита складки жира. Мэри выявила еще двоих, затем очень долго - около трехсот человек - никто не попадался. Очевидно, носители оттягивали развязку, оставаясь в конце зала.

Восьмерых вооруженных охранников, даже если со мной, Мэри и Стариком получалось одиннадцать стволов, было явно мало, и если бы секретариат не организовал подкрепление, большинство паразитов сумели бы уйти. С помощью дополнительной охраны мы поймали тринадцать слизняков, десять из них живьем. Из носителей только один был тяжело ранен, остальные, можно сказать, не пострадали.

Глава 13

Разумеется, Президент получил чрезвычайные полномочия, и Старик стал его главнокомандующим de facto. Наконец-то мы могли двигаться вперед. У Старика уже был готов достаточно простой план. Карантин, который мы предлагали, пока зараза еще не расползлась из Де-Мойка, теперь вряд ли бы помог. Прежде чем начинать сражение, нужно было узнать, где враг. Но правительственные агенты не могут проверить двести миллионов человек, люди должны сделать это сами.

Поэтому первым этапом операции "Паразит" планировался режим "Голая спина". Смысл состоял в том, что все - абсолютно все - должны раздеться до пояса и оставаться раздетыми до тех пор, пока титанцы не будут обнаружены и уничтожены. Женщинам, конечно, можно носить бюстгальтеры с застежкой на спине: в конце концов, паразит не может спрятаться под тонкой лямочкой.

К речи, с которой Президент собрался выступить по стереовидению, мы подготовили специальный фильм. Быстрыми действиями удалось сохранить в живых семь паразитов, что мы поймали в священных залах Конгресса, и все они жили теперь на спинах животных-носителей. Мы решили показать их и частично, без наиболее отвратительных фрагментов, запись моего допроса.

Планировалось, что сам Президент появится перед камерами в шортах, а манекенщицы в приложении продемонстрируют образцы одежды этого сезона для "модно раздетых граждан", включая и панцирь для головы и спины, защищающий человека даже во сне.

Все это, непрерывно глотая черный кофе, мы приготовили за одну ночь.

В качестве "убойного" финала программы планировался фрагмент с заседания Конгресса, обсуждающего чрезвычайное положение, где все - и мужчины, и женщины - сидят с голыми спинами.

За двадцать восемь минут до эфира Президенту позвонили из здания Конгресса. Я при этом присутствовал, поскольку Старик с Президентом работали всю ночь, а меня держали при себе для различных поручений. Мы все были в шортах, поскольку в Белом доме уже вступил в силу режим "Голая спина". Президент даже не стал глушить от нас свои реплики в трубку.

– Да, - ответил он. - Ты уверен? Хорошо, Джон, что ты посоветуешь?…

Ясно. Нет, я думаю, это не пойдет… Видимо, мне лучше

явиться самому.

Скажи им, пусть подготовятся. - Президент оттолкнул от себя аппарат и приказал одному из своих помощников:

– Передай, пусть немного задержат эфир. - Затем повернулся к Старику.

– Пойдем, Эндрю. Нам нужно в Капитолий.

Он послал за своим камердинером и направился в гардеробную рядом с кабинетом. Вскоре вышел, уже полностью одетый как для важного государственного мероприятия, но ничего не стал объяснять. Все остальные как были в "гусиной коже" так и двинулись в Капитолий.

Там снова шло совместное заседание, и у меня возникло такое чувство, будто я оказался в церкви без штанов: все конгрессмены и сенаторы были одеты как обычно. Потом я заметил, что курьеры щеголяют в одних шортах, без рубашек, и мне стало немного легче.

Некоторым, очевидно, легче умереть, чем потерять достоинство.

Сенаторы здесь среди первых, да и конгрессмены не отстают. Они дали Президенту полномочия, которые он запрашивал, режим "Голая спина" тоже обсудили и одобрили. Но никто не хотел понимать, что это касается и их самих. В конце концов, их ведь уже досмотрели и признали чистыми.

Возможно, кто-то и осознавал, что это не бог весть какой довод, но никому не хотелось быть инициатором публичного стриптиза. Они сидели одетые и уверенные в себе.

Поднявшись на, трибуну, Президент выжидал до полной тишины в зале, а затем медленно и спокойно начал раздеваться. Оставшись голым по пояс, он повернулся спиной к залу, расставил руки, и лишь после этого заговорил.

– Я сделал это, чтобы вы могли видеть: руководитель государства не стал пленником врага. - Президент выдержал паузу. - А как насчет вас?

Последнее слово он выкрикнул, окинув взглядом весь зал, затем ткнул пальцем в младшего секретаря.

– Например, ты, Марк Каммингс! Ты лояльный гражданин Соединенных Штатов или зомби, работающий на захватчиков? Рубашку, быстро!

– Господин Президент… - С места поднялась Чарити Эванс из штата Мэн. С виду - симпатичная учительница. Я сразу заметил, что она хотя и полностью одета, но на ней вечернее платье. До пола, но с таким вырезом, что дальше некуда. Она повернулась, словно манекенщица: выше поясницы спина была голая.

– Это достаточно, господин Президент?

– Вполне достаточно, мадам.

Каммингс с красным как свекла лицом расстегивал пиджак. В центре зала встал еще кто-то - сенатор Готлиб. Выглядел он так, словно ему лучше было бы остаться на больничной койке: серые щеки запали, губы совсем посинели.

Но держался он прямо и с невероятным достоинством последовал примеру Президента. Затем обернулся, показывая спину всем собравшимся: после паразита на спине еще оставалась красная сыпь.

– Вчера вечером, - произнес он, - я стоял в этом зале и говорил вещи, которые в обычных обстоятельствах меня не заставили бы сказать даже под пыткой. Вчера вечером я не принадлежал самому себе. Сегодня я это я. Вы что, не видите, что Рим горит? - Неожиданно у него в руке появился пистолет. - Всем встать, черт бы вас побрал! Если через две минуты я не увижу чью-то голую спину, стреляю!

Люди рядом с ним попытались схватить его за руки, но он отмахнулся пистолетом как мухобойкой, разбив одному из них лицо. Я тоже выхватил пистолет, приготовившись его поддержать, но в этом уже не было необходимости. Все и без того поняли, что он опасен, как разъяренный бык, и вокруг него мгновенно образовалось пустое пространство.

На несколько секунд все замерли, а потом вдруг принялись скидывать одежду, словно духоборы. Один человек метнулся было к выходу, но его тут же сбили с ног. У него, правда, паразита не оказалось, но зато мы поймали троих других. В эфир Президент вышел на десять минут позже, а Конгресс начал первое за всю историю заседание "с голыми спинами".

Глава 14

"ЗАПРИТЕ ДВЕРИ!"

"ЗАКРОЙТЕ ЗАСЛОНКИ В КАМИНАХ!"

"НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ НЕ ХОДИТЕ В НЕОСВЕЩЕННЫХ МЕСТАХ!"

"ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ТОЛП!"

"ЧЕЛОВЕК В ПИДЖАКЕ - ВРАГ: СТРЕЛЯЙТЕ!"

На страну обрушилась лавина пропаганды. Одновременно по всей территории с воздуха проводился поиск летающих тарелок. Все службы слежения за околоземным пространством несли постоянное боевое дежурство.

Воинские подразделения, от десантников до ракетных частей, ждали наготове, чтобы по первому приказу уничтожить любой неопознанный летающий объект.

В незараженных районах люди снимали рубашки, кто добровольно, кто под принуждением, осматривались и не находили никаких паразитов. Они следили за новостями, недоумевали и ждали, когда правительство объявит, что опасность миновала. Но ничего нового не происходило, и у людей - как у простых людей, так и у официальных лиц - стали появляться сомнения: стоит ли, мол, и дальше бегать по улицам в костюмах для загара?

Зараженные области? Как ни странно, сообщения оттуда почти не отличались от сообщений из других мест.

Во времена господства радио такого бы не случилось: вашингтонская станция, откуда передали экстренное сообщение, просто перекрыла бы всю страну. Но стереовидение работает на волнах гораздо более коротких и требует релейных станций в пределах прямой видимости, поэтому местные студии обслуживаются местными же станциями - цена, которую мы платим за многоканальное вещание и высокое качество изображения.

В зараженных районах всеми телестанциями заправляли паразиты, а люди просто не услышали предупреждения правительства.

Тем не менее к нам в Вашингтон поступало множество сообщений, свидетельствовавших о том, что нас там слышали. Из Айовы, например, шли такие же доклады, как, скажем, из Калифорнии. Губернатор Айовы одним из первых откликнулся на обращение Президента и пообещал полную поддержку.

Они даже передали запись выступления губернатора перед избирателями, где он был по пояс голый. Губернатор стоял лицом

к камере, и меня так и подмывало сказать ему, чтобы повернулся спиной. Затем пошло изображение с другой камеры: на экране появилась спина крупным планом, а из динамика слышался все тот же голос губернатора. Мы смотрели передачу в президентском конференц-зале. Президент велел Старику оставаться при Нем. Я остался за компанию, а Мэри по-прежнему несла бессменное дежурство.

Кроме нас, присутствовали шеф секретной службы Мартинес и верховный главнокомандующий, маршал авиации Рекстон.

Президент досмотрел передачу до конца и повернулся к Старику.

– И что же, Эндрю? Мне казалось, именно Айову ты предлагал окружить кордоном.

Старик пробормотал что-то неразборчивое.

– Насколько я понимаю… - сказал маршал Рекстон. - Хотя у меня и не было времени, чтобы разобраться в ситуации досконально, но я думаю, они ушли в подполье. Возможно, нам придется прочесывать подозрительные района дюйм за дюймом.

– Прочесывать Айову копну за копной, мне совсем не улыбается, пробурчал Старик.

– Как же вы предлагаете справиться с этой проблемой, сэр?

– Прежде всего надо понять, с кем мы имеем дело. Они не могут уйти в подполье, потому что им обязательно нужны носители.

– Что ж… Предположим, это действительно так. Как по-вашему, сколько в Айове паразитов?

– Откуда мне, черт побери, знать? Они со мной не поделились этими сведениями.

– Но если предположить по максимуму? Если…

– У вас нет никаких оснований для подобных предположений, - перебил Старик маршала. - Неужели вы не поняли, что титанцы выиграли еще один раунд?

– Э-э-э…

– Мы только что слушали губернатора. И нам дали взглянуть на его спину - скорее всего, на чью-то чужую спину. Но вы заметили, что он ни разу не повернулся перед камерой?

– Повернулся, - сказал кто-то. - Я сам видел.

– У меня, во всяком случае, создалось впечатление, что он повернулся, - медленно произнес Президент. - Ты хочешь сказать, что губернатор Паккер тоже во власти паразитов?

– Безусловно. Вы видели именно то, что они хотели показать. Перед тем как он повернулся, пошло изображение с другой камеры, но люди практически никогда не обращают на это внимания. Можете не сомневаться, господин Президент:

сообщение из Айовы сфабриковано.

Президент задумался. Заговорил Мартинес:

– Это невозможно. Допустим, что обращение губернатора к избирателям подделка; для хорошего актера, в конце концов, это совсем не сложная роль.

Но мы могли выбрать любой из множества каналов стереовещания Айовы. Как насчет репортажей с улиц Де-Мойна? Только не говорите мне, что можно "сфабриковать" сотни по пояс голых людей, расхаживающих по улицам! Или ваши паразиты занимаются еще и массовым гипнозом?

– Насколько мне известно, такой способностью они не обладают, согласился Старик. - Иначе нам точно крышка. Но с чего вы взяли, что это Айова?

– Э-э-э… Ну как же? Ведь передача шла по каналам вещания Айовы.

– И что это доказывает? Вы заметили названия улиц? По виду, это типичная улица с магазинами в центре города. И если не обращать внимания на слова комментатора, то какой город мы видели?

Шеф службы безопасности замер с открытым ртом. У меня почти идеальная зрительная память, как и положено агенту, и я мысленно прокрутил еще раз только что увиденный сюжет. Мало того, что я не мог сказать, какой это город, не понятно было даже, в какой части страны снимали репортаж. На экране мог быть любой город - Мемфис, Сиэтл, Бостон или что-то еще. В Америке большинство городских центров похожи друг на друга как стандартные парикмахерские.

– Не напрягайтесь, - сказал Старик. - Я специально выискивал какие-нибудь характерные особенности, но и мне это не удалось. Объяснение тут очень простое: видеостанция Де-Мойна записала уличную сцену с голыми спинами, что транслировал какой-нибудь другой, незахваченный город и передала ее по своему каналу с собственными комментариями. При этом они вырезали все, что могло дать какую-то привязку к местности, и мы проглотили наживку, ничего не заподозрив. Враг отлично нас знает, джентльмены. Всю кампанию они разработали до мельчайших деталей и готовы переиграть нас, какой бы ход мы не сделали.

– Но, может быть, ты просто паникуешь, Эндрю? - сказал Президент. Есть и еще одно объяснение: вдруг титанцы просто перебазировались куда-то еще?

– Они по-прежнему там, - категорично заявил Старик, - но это, конечно, ничего не доказывает. - Он махнул рукой на стереоэкран.

Мартинес поежился.

– Черт-те что! Вы утверждаете, что мы не можем получить из Айовы ни одного достоверного сообщения, словно эта территория оккупирована.

– Так оно и есть.

– Но я был в Де-Мойне только два дня назад. Там все было нормально.

Ладно, я не сомневаюсь, что ваши паразиты существуют, хотя сам ни одного не видел. Но давайте тогда отыщем их и вырвем эту заразу с корнем вместо того, чтобы сидеть на месте и придумывать фантастические объяснения.

Старик устало вздохнул и сказал:

– Чтобы захватить страну, достаточно подчинить себе связь. Вам, мистер Мартинес, лучше поторопиться, а то вы останетесь вообще без связи.

– Но я только…

– Это ваша работа, вот и вырывайте их с корнем! - перебил его Старик.

– Я вам уже сказал, что они в Айове. И в Нью-Орлеане, и еще в десятках других мест. Свою работу я сделал. - Он встал. - Господин Президент, в моем возрасте нелегко обходиться так долго без сна. Не доспав, я, бывает, срываюсь. Могу я немного отдохнуть?

– Да, конечно, Эндрю. На самом деле Старик никогда не срывается, и я думаю, Президент это знал. Он просто заставляет срываться других.

Тут снова заговорил Мартинес:

– Подождите! Вы позволили себе кое-какие необоснованные утверждения.

Я бы хотел устроить проверку прямо сейчас. - Он повернулся к главнокомандующему. - Рекстон!

– Э-э-э… Да, сэр.

– Там около Де-Мойна недавно построена база. Форт как его там, названный в честь этого, не помню…

– Форт-Паттон.

– Точно. Нечего тянуть. Пусть нас соединят по линии связи командования.

– С изображением.

– Разумеется, с изображением, и мы покажем этому… Я хочу сказать, мы увидим истинное положение дел в Айове.

С разрешения Президента маршал подошел к стереоэкрану, связался со штабом службы безопасности и приказал вызвать дежурного офицера в Форт-Паттоне, штат Айова.

Спустя несколько минут на экране появился молодой офицер

на фоне приборов центра связи. Он сидел по пояс голый, а звание и род войск были обозначены на фуражке. Мартинес с победной улыбкой повернулся к Старику.

– Ну что, видите?

– Вижу.

– Чтобы вы убедились до конца… Лейтенант!

– Да, сэр! - Молодой офицер несколько ошарашенно переводил взгляд с одной знаменитости на другую. Передача и прием были отлично синхронизированы; изображение смотрело именно туда, куда переводил глаза дежурный.

– Встаньте и повернитесь, - приказал Мартинес.

– Э-э-э… Есть, сэр. - Он с удивленным видом повиновался, но при этом верхняя часть его тела скрылась из поля зрения передающей камеры. Мы видели его голую спину, но только чуть выше поясницы.

– Черт! - не сдержался Мартинес. - Сядьте и повернитесь!

– Есть, сэр! - Молодой человек, казалось, смутился, потом добавил. Секунду, я увеличу угол зрения камеры.

Изображение вдруг расплылось, и по стереоэкрану забегали радужные полосы, однако голос офицера все еще был слышен:

– Вот… Так лучше, сэр?

– Черт побери, мы вообще ничего не видим!

– Не видите? Секундочку, сэр.

Неожиданно экран ожил, и в первое мгновение я решил, что наладилась связь с Форт-Паттоном. Но на этот раз на экране появился майор, и кабинет за его спиной казался больше.

– Штаб службы безопасности, сэр, - доложило изображение. - Дежурный офицер связи, майор Донован.

– Майор, - произнес Мартинес сдержанно, - у нас был разговор с Форт-Паттоном. Что произошло?

– Да, сэр, я следил на контрольном экране. Небольшие технические неполадки. Мы сейчас же восстановим связь.

– Поторопитесь!

– Есть, сэр. - Экран зарябил и погас.

Старик встал.

– Ладно, я пошел спать. Позвоните мне, когда устранят эти "небольшие технические неполадки".

Глава 15

Я, честное слово, не хотел, чтобы у вас создалось впечатление, будто Мартинес глуп. Никто поначалу не верил, на что способны эти твари. Нужно увидеть хотя бы одного паразита своими глазами - и тогда уже вы поверите всей душой.

У маршала Рекстона с головой тоже, разумеется, все в порядке. Они попытались связаться еще с несколькими частями в пораженных районах, и, убедившись, что "технические неполадки" возникают слишком удобно для паразитов, проработали всю ночь. Около четырех утра они позвонили Старику, а тот вызвал меня.

Все собрались в том же кабинете - Мартинес, Рекстон, еще двое его шишек и Старик. Когда я подошел, явился Президент в махровом халате. Мэри следовала за ним по пятам. Мартинес начал что-то говорить, но Старик его перебил:

– Ну-ка покажи спину, Том.

Мэри просигналила, что все в порядке, но Старик сделал вид, что не замечает ее.

– Я серьезно, - добавил он.

– Ты прав, Эндрю, - сказал Президент спокойно и, скинув халат до пояса, предъявил свою голую спину. - Если я не буду показывать пример, то как мне тогда добиться поддержки от всех остальных?

Мартинес и Рекстон утыкали всю карту страны булавками: красные - для пораженных районов, зеленые - для чистых, и еще несколько янтарных. Айова напоминала щеки больного корью. Нью-Орлеан и округ Тич выглядели не лучше.

Канзас-Сити тоже. Верхняя часть системы Миссури-Миссисипи от Миннеаполиса и Сент-Пола до самого Сент-Луиса уже находилась во власти врага. Ниже к Нью-Орлеану красных булавок становилось меньше, но зеленых не было.

Красное пятно расползалось вокруг Эль-Пасо, и еще два выделялись на восточном побережье.

Президент подошел и осмотрел карту.

– Нам понадобится помощь Канады и Мексики, - сказал он. - Оттуда есть какие-нибудь сообщения?

– Ничего достоверного, сэр.

– Канада и Мексика - это только начало, - серьезно произнес Старик. Нам понадобится помощь всего мира.

– Видимо, - сказал Рекстон. - А как насчет России?

На этот вопрос никто ответить не мог. Слишком большая страна, чтобы оккупировать, и слишком большая, чтобы не обращать внимания. Третья мировая война не решила никаких

связанных с Россией проблем, да и никакая война не сможет их решить. Однако паразиты могут устроиться там, как у себя дома.

– Когда время подойдет, мы с этим разберемся, - сказал Президент и провел пальцем по карте. - Связь с восточным побережьем нормальная?

– Похоже, все в порядке, сэр, - сказал Рекстон. - Видимо, они не трогают транзитные сообщения. Тем не менее я распорядился перевести всю военную связь на спутниковую трансляцию. - Он взглянул на палец с часами.

– Сейчас работает станция "Гамма".

– Хм-м-м… Эндрю, а могут эти твари захватить космическую станцию? спросил Президент.

– Откуда мне знать? - раздраженно ответил Старик. - Я понятия не имею, на что способны их корабли. Скорее всего, они попытаются сделать это, заслав туда лазутчиков на ракетах, доставляющих припасы.

Завязалась дискуссия о том, захвачены ли уже космические станции или нет: режим "Голая спина" на их не распространялся. Хотя мы и финансировали их, и строили сами, формально они считались территорией ООН.

– На этот счет можете не беспокоиться, - сказал Рекстон.

– Почему? - спросил Президент.

– Наверно, я единственный из всех собравшихся, кому довелось служить на орбитальной станции. И могу сказать, джентльмены, там всегда одеваются так же, как одеты сейчас мы. Появиться на станции полностью одетым это все равно что здесь выйти в пальто на пляж. Однако мы сейчас убедимся. - И он отдал распоряжение своему помощнику связаться со станцией.

Президент вернул взгляд на карту.

– Насколько нам известно, вся эта зараза расползается отсюда, сказал он, ткнув пальцем в Гриннел в штате Айова.

– Насколько нам известно, - согласился Старик.

– О боже! - выдохнул я, и все повернулись ко мне.

– Продолжай, - сказал Президент.

– До того как меня спасли, было еще три посадки. Это я знаю совершенно точно.

Старик уставился на меня в полном недоумении.

– Ты уверен, сынок? Я полагал из тебя выжали все, что можно.

– Конечно, уверен.

– Почему ты об этом не сказал?

– Просто я до сих пор ни разу об этом не вспоминал. - Я попытался объяснить им, каково это - находиться во власти паразита, когда знаешь, что происходит, но все кажется тебе

будто в тумане, одинаково важным и в то же время одинаково неважным. От этих воспоминаний мне даже не по себе стало. Я, вообще-то, не из слабонервных, но рабство у титанцев бесследно не проходит.

– Не волнуйся, сынок, - сказал Старик, а Президент успокаивающе улыбнулся.

– Главный вопрос в том, где они приземлились. Может быть, мы сумеем захватить корабль, - сказал Рекстон.

– Сомневаюсь. При первой посадке они замели следы буквально в считанные часы, - ответил Старик и задумчиво добавил: - Если это была первая посадка.

Я подошел к карте и попытался вспомнить, даже вспотел. Затем указал на Нью-Орлеан.

– Один, я почти уверен, сел здесь, - сказал я, продолжая есть карту глазами. - А про два других не знаю.

– Вы что, не можете вспомнить? - взвился Мартинес. - Думайте, молодой человек, думайте!

– Я действительно не знаю. Мы никогда не знали, что планируют хозяева, практически никогда. - Я напрягся так, что у меня голова заболела, затем показал на Канзас-Сити. - Сюда я посылал несколько сообщений, но опять-таки не знаю, то ли это заказы на доставку ячеек, то ли еще что.

Рекстон взглянул на карту.

– Будем считать, что около Канзас-Сити тоже была посадка. Я поручу своим специалистам разобраться. Если рассматривать это как задачу по анализу материально-технического снабжения противника, мы, возможно, выясним, где сел еще один корабль.

– Или не один, - поправил его Старик.

– А? Да. Или не один. - Рекстон повернулся и застыл у карты.

Глава 16

Задним умом все крепки. Когда приземлилась первая тарелка, угрозу можно было устранить одной бомбой. Когда Старик, Мэри и я проводили разведку в районе Гриннела, мы сами могли бы уничтожить всех паразитов, если бы только знали, где их искать.

Если бы режим "голая спина" ввели хотя бы к концу первой недели, одного этого оказалось бы достаточно, чтобы справиться с захватчиками. А так, мы быстро поняли, что в качестве наступательной меры режим себя не оправдал. Как способ обороны, он был полезен: незараженные районы, во всяком случае, такими и оставались. В отдельных случаях мы даже добились успехов в наступлении: удалось очистить зараженные, но не захваченные полностью города. Вашингтон, например, и Нью-Филадельфию. Нью-Бруклин, где я мог указать конкретные адреса. Все восточное побережье на карте стало зеленым.

Но по мере поступления информации из центральных районов, в середине карты расползалось большое красное пятно. Теперь, когда настенную карту с булавками заменила огромная, с масштабом десять миль на дюйм, электронная панель во всю стену конференц-зала, сердце страны горело ярким рубиновым огнем. Панель, разумеется, только дублировала сигналы из военного ведомства; оригинал находился на одном из подземных ярусов Нового Пентагона.

Страна разделилась на две части, словно какой-то гигант пролил на равнинные области в центре красную краску. По краям захваченной паразитами полосы шли две янтарные ленты - только там на самом деле велись активные действия, в местах, где в пределах прямой видимости был возможен прием стереопередач как вражеских станций, так и тех, что еще оставались в руках свободных людей. Одна начиналась неподалеку от Миннеаполиса, огибала с запада Чикаго и с востока Сент-Луис, а дальше змеилась через Теннеси и Алабаму к Мексиканскому заливу. Вторая тянулась через Великие равнины и заканчивалась у Корпус-Кристи. Эль-Пасо находился в центре еще одной красной зоны, несоединенной с основной.

Я сидел один и пытался представить себе, что происходит в этих пограничных районах. Президент отправился на встречу Кабинета министров и взял с собой Старика. Рекстон со своими чинами отбыл чуть раньше. Я остался ждать, просто потому, что шататься без дела по Белому дому как-то не тянуло. Сидел и с волнением глядел на панель-карту, где янтарные огни то и дело

сменялись красными и, гораздо реже, красные - зелеными или янтарными.

Мне очень хотелось знать, как посетитель без официального статуса может получить в Белом доме завтрак. Встал я в четыре утра, но с тех пор выпил только чашечку кофе, приготовленного камердинером Президента. Еще больше хотелось в туалет. Наконец я не выдержал и начал пробовать двери.

Первые две оказались запертыми, но третья вела как раз туда, куда нужно.

Поскольку таблички "Исключительно для Президента" там не было, я решил воспользоваться.

Когда я вернулся, в зале меня ждала Мэри.

Я захлопал глазами.

– Я думал, ты с Президентом.

– Меня вытурили, - сказала она, улыбнувшись. - Там пока Старик.

Я решился.

– Знаешь, я давно хотел поговорить с тобой, но до сих пор все не удавалось. Похоже, я э-э-э… Короче говоря, мне не следовало… Я имею в виду, что Старик сказал… - Я умолк, обнаружив, что здание тщательно отрепетированной речи лежит в руинах, и наконец выдавил: - В общем, я был не прав. Она тронула меня за руку.

– Сэм. Ну что ты, успокойся. Из того, что ты знал, выводы у тебя сложились вполне логичные. Но для меня самое главное, что ты сделал это ради меня. Остальное не имеет значения, и я счастлива, что у нас все по-старому.

– Э-э-э… Только не будь такой благородной и всепрощающей. Это невыносимо.

Она весело улыбнулась, но эта улыбка показалась мне уже не такой мягкой как первая.

– Сэм, мне кажется, тебе нравится, чтобы в женщинах было немного стервозности. Хочу тебя предупредить, я это умею. Ты, видимо, еще переживаешь из-за той пощечины. Мы можем рассчитаться. - Она протянула руку и легонько шлепнула меня по щеке. - Ну вот, мы в расчете, и можешь об этом забыть.

Выражение ее лица внезапно изменилось. Она размахнулась и - я думал, у меня голова отвалится.

– А это, - произнесла она зловещим шепотом, - за ту, что я получила от твоей подружки!

В ушах у меня звенело, комната плыла перед глазами. Впечатление было такое, будто меня огрели дубиной. Мэри смотрела настороженно и непокорно даже зло, если раздутые трепещущие ноздри о чем-нибудь говорят. Я поднял руку, и она

напряглась, но я просто хотел потрогать щеку.

– Она вовсе не моя подружка, - сказал я растерянно.

Мы посмотрели друг на друга и одновременно расхохотались. Мэри обняла меня за шею, затем, все еще смеясь, уронила голову на правое плечо.

– Прости, Сэм, - произнесла она, борясь со смехом. - Каюсь, ты ничем этого не заслужил. Во всяком случае, мне следовало сдержаться и не бить тебя так сильно.

– Черта с два ты в чем-то раскаиваешься, - проворчал я. - Так вломила, что чуть шкуру не содрала.

– Сэм, бедненький, - Мэри дотронулась до горящей щеки. - Она в самом деле не твоя подружка?

– Да нет же, что и обидно. Хотя я старался.

– Не сомневаюсь. А кто же твоя подружка?

– Ты, колдунья.

– Теперь да, - подтвердила она. - Вся твоя. Если ты согласен. Я уже говорила тебе. Оплачена, куплена - можешь брать.

Она чуть наклонилась, ожидая поцелуя, но я ее оттолкнул.

– Бог с тобой, женщина! В таком виде ты мне не нужна.

Ее это не остановило.

– Я неправильно выразилась. Оплачена, но не куплена. Я здесь, потому что сама этого хочу. Ну теперь-то ты меня поцелуешь?

Она уже целовала меня один раз. Теперь же она сделала это по-настоящему. Я почувствовал, что тону в каком-то теплом золотистом тумане, откуда мне не хотелось возвращаться. Наконец я оторвался от нее и выдохнул:

– Видимо, мне лучше сесть.

– Спасибо, Сэм, - сказала она и усадила меня на диван.

***

– Мэри, - сказал я, спустя какое-то время, - дорогая, я думаю, ты можешь здорово меня выручить.

– Да? - с готовностью отозвалась она.

– Как тут у них заполучить завтрак? Я умираю с голода.

Мэри удивленно вскинула брови, потом сказала:

– Я сейчас.

Не знаю, как она это сделала - может быть, просто забралась на кухню Белого дома и взяла, что понравилось, - но вскоре она вернулась с горой сандвичей и двумя бутылками пива.

Уписывая третий кусок хлеба с копченым мясом, я спросил:

– Как ты думаешь, долго они еще будут совещаться?

– Думаю, как минимум, два часа. А что?

– Тогда… - Я проглотил последний кусок, -…у нас есть время сбежать, найти регистрационную контору, пожениться и вернуться назад, прежде чем Старик нас хватится.

Мэри молчала, разглядывая пузырек в своей бутылке пива.

– Что скажешь? - не отставал я.

– Я сделаю, как ты пожелаешь, - ответила она, поднимая взгляд. Можешь во мне не сомневаться. Но лучше будет подождать.

– Ты не хочешь выходить за меня?

– Сэм, я думаю, ты еще не готов жениться.

– Говори за себя!

– Не сердись, дорогой. Я - твоя, с контрактом или без, в любое время, в любом месте. Но ты меня совсем не знаешь. Лучше сначала привыкни: вдруг передумаешь?

– У меня нет такой привычки.

Она посмотрела на меня и отвела печальный взгляд в сторону. Я почувствовал, что краснею.

– То были особые обстоятельства, и теперь такого с нами еще сто лет не случится. Я был сам не свой, и…

– Я знаю, Сэм, - остановила она меня. - Тебе незачем оправдываться. Я не убегу от тебя и, пожалуйста, не думай, что я осторожничаю. Просто увези меня куда-нибудь на выходные, а еще лучше, переселяйся ко мне. Если решишь, что я подхожу, у тебя будет достаточно времени сделать из меня "порядочную женщину", как говорила моя прабабушка, хотя одному богу известно, зачем это нужно.

Вид у меня, должно быть, был невеселый. Она накрыла мою руку твоей и сказала серьезным тоном:

– Взгляни на карту, Сэм.

Я повернул голову. Красного цвета прибавилось: зона вокруг Эль-Пасо стала больше.

– Давай сначала разберемся с этим делом, хорошо? После, если не передумаешь, ты снова сделаешь мне предложение. А пока у тебя будут все права и никаких обязательств. Казалось бы, чего еще желать? Но мне хотелось совсем другого.

Странно, но приходит время, когда мужчина, который всю жизнь считал, что супружество хуже чумы, вдруг решает, что на меньшее он просто не согласен.

С чего бы это?

***

Когда совещание закончилось, Старик прихватил меня с собой и повел прогуляться. Да, именно прогуляться, хотя мы дошли только до Мемориальной скамьи Баруха. Там Старик сел и с мрачным выражением лица долго вертел в руках свою трубку. Духота стояла, как бывает только в Вашингтоне, и в парке почти никого не было.

– Сегодня ночью начинается операция "Ответный удар", - сказал он наконец, затем помолчал и добавил - Мы выбрасываем десант на все ретрансляционные станции, телестудии, редакции и отделения связи в "красной" зоне.

– Неплохо, - отозвался я. - Сколько людей участвуют в операции?

Не отвечая на вопрос, Старик произнес:

– Мне это совсем не нравится.

– В смысле?

– Видишь ли… Президент вышел в эфир и приказал гражданам Соединенных Штатов раздеться до пояса. Однако нам стало известно, что его обращение не достигло пораженных районов. Что дальше?

Я пожал плечами.

– Видимо, операция "Ответный удар".

– Операция еще не началась. Думай. Прошло больше суток. Что должно было произойти, но не произошло?

– А я должен догадываться?

– Должен, если ты хоть чего-то стоишь сам по себе. Держи. - Он протянул мне ключи от машины. - Сгоняй в Канзас-Сити и хорошенько осмотрись. Держись подальше от теле- и радиостанций, от полицейских и…

Короче, ты знаешь их тактику лучше меня. Держись подальше от этих. Но все остальное осмотри внимательно и не вздумай попасться им в лапы. - Старик взглянул на перстень с часами и добавил: - Тебе нужно вернуться не позже половины двенадцатого. Вперед.

– Не так много времени, чтобы осмотреть весь город, - пожаловался я.

– Только на то, чтобы добраться туда, уйдет часа три.

– Больше, - сказал Старик. - Не превышай скорость и не привлекай к себе внимания.

– Ты же знаешь, черт побери, что я вожу машину очень осторожно.

– Двигай!

Я двинул. Машина - та же самая, на которой мы прибыли - стояла на платформе Рок-Крик-Парк. Движения почти не было, и я поинтересовался у диспетчера, в чем дело.

– Все грузовые и коммерческие перевозки приостановлены, - ответил он.

– Чрезвычайное положение… Кстати, у тебя есть пропуск?

Я мог бы связаться со Стариком и получить пропуск в два счета, но беспокоить его из-за таких мелочей себе дороже. Поэтому я просто сказал:

– Проверь машину.

Диспетчер пожал плечами и ввел номер машины в свой компьютер. Видимо, моя догадка оказалась верной, потому что он удивленно вскинул брови и сказал:

– Ну и дела! Ты не иначе как в президентской охране работаешь.

Взлетев, я запрограммировал нужное направление, набрал максимально допустимую скорость и, откинувшись на сиденье, задумался. Каждый раз, когда при переходе из одной системы транспортного контроля в другую, машину цеплял радарный луч, панель управления отзывалась коротким "бип", но экран оставался чистым. Очевидно, даже при объявленном чрезвычайном положении машина Старика могла передвигаться где угодно. Я попытался представить себе, что произойдет, если я проскользну на этой машине в "красную" зону, и тут до меня дошло, что имел в виду Старик, когда спрашивал: "Что дальше?"

Мы привыкли думать о связи как телевизионных каналах и радиовещании.

Но "связь" означает любое движение информации, включая и тетушку Мэми, которая направляется в Калифорнию посплетничать. Паразиты захватили электронные средства связи, однако новости невозможно остановить одними только этими мерами; они лишь замедляют распространение новостей.

Следовательно, если паразиты планировали удержать власть в занятых регионах, захват электронных средств связи это лишь первый шаг. Какой будет следующий? Они наверняка что-то придумали, и, поскольку я также попадал под определение "связь", мне следовало подумать о том, как их обмануть, иначе прощай свобода: Миссисипи и "красная" зона приближались с каждой минутой. Что, интересно, случится, когда кодовый сигнал моей машины уловит станция слежения, захваченная паразитами?

Я решил, что в воздухе будет достаточно безопасно. Главное - не дать им узнать, где я приземлился. Казалось бы, элементарно.

Но не все так просто, когда имеешь дело со службой

транспортного контроля, которую иногда называют "воздушным ситом". Разработчики утверждали, что на всей территории Соединенных Штатов даже бабочка не упадет без того, чтобы не сработала автоматическая поисково-спасательная система. Это, конечно, преувеличение, но и я не бабочка.

Пешком я сумел бы пересечь, наверно, любую границу - ни заборы, ни электронные системы, ни патрули, ни комбинированные методы охраны меня не остановят. Но как сделать это незаметно, когда летишь в машине, которая каждые семь минут оставляет позади один градус долготы? Машина не может состроить глупую невинную физиономию. Однако если я отправлюсь пешком, Старик получит доклад дай бог к концу сентября, а он нужен ему к полуночи.

Как-то разоткровенничавшись, Старик сказал, что он никогда не дает агентам подробных инструкций. Человеку, мол, нужно дать задание, а там пусть сам барахтается. Я тогда заметил, что его метод, должно быть, очень расточителен в смысле людских ресурсов. - Пожалуй, - признал он. - Но другие методы еще хуже. Я верю в людей и отбираю тех, кто умеет выживать.

– По какому, интересно, принципу, - спросил я, - ты их отбираешь?

Губы его изогнулись в зловещей ухмылке.

– Это те, которые возвращаются с заданий.

"Элихью, - сказал я себе, подлетая к "красной" зоне - еще немного, и тебе станет ясно, умеешь ли ты выживать… И чтоб ему пусто было!"

Запрограммированный курс пролегал по дуге мимо Сент-Луиса и вел к Канзас-Сити. Но Сент-Луис находился в красной зоне. Карта показывала, что Чикаго все еще в зеленой. Янтарная линия уходила на запад где-то под Ханнибалом в штате Миссури, а мне хотелось пересечь Миссисипи на своей территории: над рекой шириной в милю машину будет видно на радарном экране, как осветительную ракету над пустыней.

Я просигналил в наземную службу, запросил разрешение на спуск до уровня местного движения и, не дожидаясь ответа, рванул вниз, затем перешел на ручное управление, снизил скорость и полетел на север.

На подлете к Спингфилду я, держась поближе к земле, свернул на запад и с выключенным ответчиком медленно пересек реку над самой водой.

Знаю-знаю, в воздухе сигнал ответчика не отключается, но у нас в Отделе не совсем обычные машины. Короче, я надеялся, что люди на местной радарной станции, если и засекут сигнал, то примут меня за лодку.

Я не знал, в чьих руках управление движением на этом берегу, и уже собрался включить ответчик, решив, что так будет легче вписаться в транспортный поток, но тут увидел впереди небольшой разрыв береговой линии. Никакого притока на карте не было, и я рассудил, что это или залив, или новый, еще не отмеченный канал. Опустив машину чуть ли не на воду, я направился туда. Узкий приток петлял то влево, то вправо; местами кроны деревьев почти смыкались над головой, отчего я чувствовал себя, как пчела в тромбоне, но радарная "тень" получалась идеальная, и если меня кто и заметил раньше, то теперь след машины наверняка потерялся.

Правда, спустя несколько минут я и сам заблудился. Канал змеился, сворачивал, возвращался, и, управляя машиной вручную, я попросту потерял счет поворотам. Я чертыхался и жалел, что у меня не трифибия, которую можно посадить на воду. Однако вскоре в деревьях появился просвет, а за ним полоска ровной земли. Я рванул туда и так резко затормозил, что меня чуть не разрезало ремнем надвое. Машина приземлилась, и мне уже не нужно было изображать зубатку в мутной воде.

Что делать дальше? Где-то недалеко наверняка шоссе. Можно отыскать его и двигаться по земле.

Но это глупо, потому что нет времени. Мне просто необходимо было лететь. Знать бы только, кто здесь контролирует транспортную сеть: свободные люди или паразиты?

Стерео я не включал от самого Вашингтона и теперь попытался отыскать новости, но безуспешно. Передавали все, что угодно, кроме новостей. Лекция доктора медицины Миртл Дулайтли "Почему мужья начинают скучать" (спонсор компания по производству гормональных препаратов "Утаген"); трио певичек, исполняющих "Если ты имеешь в виду, что я думаю, то чего же ты ждешь?"; очередной эпизод из бесконечного сериала "Лукреция познает жизнь" и так далее.

Доктор Миртл выступала полностью одетой. Трио, как и следовало ожидать, было почти раздето, но они ни разу не повернулись спиной. С Лукреции то срывали одежду, то она снимала ее сама, но едва это случалось, или план менялся, или гас свет, и я никак не мог проверить, голая ли у нее спина - в смысле, есть ли там наездник.

Впрочем, это все равно не имеет значения. Программы могли записать задолго до того, как Президент объявил о режиме "Голая спина". Я щелкал переключателем каналов, пытаясь отыскать новости, и тут наткнулся на елейную улыбку ведущего какой-то программы. Тот был полностью одет.

Вскоре до меня дошло, что это одна из тех глупых викторин с

раздачей призов. Ведущий говорил: "…и какая-нибудь счастливица, сидящая сейчас у экрана, получит - причем совершенно бесплатно - автоматический домашний бар с шестью функциями производства "Дженерал Атомикс". Кто же это будет?

Вы? Вы? Или, может быть, вы?" Он повернулся к камере спиной, и я увидел его плечи. Даже под пиджаком было заметно, какой он сутулый - чуть ли не горб на спине. Выходило, что я уже в красной зоне.

Выключив стерео, я заметил, что за мной наблюдают. Неподалеку стоял мальчишка лет девяти. В одних трусах. Впрочем, в его возрасте это совершенно нормально. Я опустил ветровое стекло.

– Эй, парень, где тут шоссе?

– Дорога на Мейкон будет там. Э-э-э… мистер, а это у вас "Кадиллак-Молния", да?

– Точно. А где это "там"?

– А прокатите?

– Времени нет.

– Возьмите меня с собой, и я покажу.

Я сдался. Когда он забирался на сиденье, я открыл дорожную сумку и достал брюки, рубашку и пиджак.

– Может, мне не стоит одеваться? Люди здесь носят рубашки?

Он смерил меня сердитым взглядом.

– Носят, конечно. Вы куда, думаете, прилетели, мистер? В Арканзас?

Я снова спросил насчет шоссе.

– А можно мне будет нажать кнопку, когда будем взлетать, а?

Пришлось объяснить, что взлетать мы не будем. Он надулся, но все же согласился показать, куда ехать. По пересеченной местности машина шла с трудом, и мне приходилось вести очень внимательно. Мальчишка несколько раз велел сворачивать. Наконец я затормозил и сказал:

– Ты покажешь мне все-таки, где шоссе, или тебе надрать уши?

Он открыл дверцу и выскользнул из машины.

– Эй! - крикнул я.

Мальчишка обернулся и махнул рукой. "Туда!" Я развернул машину и, хотя совсем уже не ожидал, обнаружил шоссе всего в пятидесяти ярдах.

Паршивец заставил меня сделать почти полный круг. Шоссе, конечно, оказалось еще то - ни грамма резины в покрытии.

Однако какая-никакая, а дорога, и я двинулся на запад. На все эти маневры у меня ушел целый час.

Мейкон, штат Миссури, выглядел слишком нормальным, и

это настораживало. О режиме "Голая спина" тут явно не слышали. Я начал думать, что, может быть, достаточно будет осмотреть этот городишко и рвануть, пока не поймали, назад; Двигаться вглубь территории, захваченной паразитами, мне совсем не улыбалось. Поджилки тряслись, и очень хотелось дать ходу.

Однако Старик сказал "Канзас-Сити". Я обогнул Мейкон по кольцевой дороге, и выехал на взлетную полосу на западе. Пристроился в очередь на взлет и направился в Канзас-Сити вместе с беспорядочным роем фермерских вертолетов и машин. Приходилось держаться местных ограничений скорости, но это безопасней, чем лезть в магистральный поток с ответчиком, который выдаст мою машину на первом же контрольном пункте. Взлетную полосу обслуживала автоматика, и похоже было, мне удалось вписаться в транспортный поток Миссури, не вызвав ни у кого подозрений.

Глава 17

Канзас-Сити практически не пострадал при бомбардировке - только на востоке, где был городок Индепенденс. Соответственно, его и не отстраивали заново. С юго-востока можно доехать прямо до Своуп-Парка, но там нужно выбирать: либо ставить машину на стоянку, либо платить за въезд в сам город. Или же можно попасть туда воздухом, но опять-таки приходится делать выбор: либо садиться на поле на северном берегу реки и добираться до города туннелями, либо лететь до одной из стартовых платформ в деловом центре к югу от Мемориального холма.

Я решил лететь. Не хотелось, чтобы машину засекла следящая система.

Туннели мне тоже не нравятся, да и лифты на стартовых платформах: там легко устроить человеку ловушку. Честно говоря, мне вообще не хотелось появляться в городе.

Проехав по шоссе номер 40, я подкатил к заставе у бульвара Мейер.

Очередь выстроилась довольно длинная, и, едва сзади подъехала следующая машина, у меня возникло ощущение, что я в ловушке. Однако служащий заставы принял деньги, даже не взглянув на меня. Я, правда, смотрел на него очень внимательно, но так и не понял, есть у него наездник или нет.

Облегченно вздохнув, я миновал заставу, но меня сразу же остановили снова. Впереди резко опустился барьер, и я едва успел затормозить. В окно тут же сунул голову полицейский.

– Проверка безопасности, - сказал он. - Выходите.

Я попытался возразить, но он терпеливо объяснил:

– В городе проводится неделя безопасности. Вот квитанция на машину.

Получите ее за барьером. А вам - вон в ту дверь. - Полицейский махнул рукой в сторону здания у дороги.

– Зачем?

– Проверка зрения и рефлексов. Не задерживайте очередь.

В памяти у меня сразу вспыхнула карта, где Канзас-Сити светился красным. Я не сомневался, что город полностью контролируется паразитами, и следовательно, этот добродушный полицейский наверняка таскает на плечах наездника. Но выхода не было - разве что застрелить его и взлететь прямо отсюда. Я подчинился. Недовольно ворча, выбрался из машины и медленно двинулся к зданию. Поставили его наспех, и даже дверь там, как в старину, открывалась вручную. Я толкнул дверь ногой, посмотрел по сторонам и вверх, вошел и оказался в пустой приемной еще с

одной дверью.

– Войдите, - крикнули из-за двери.

Держась по-прежнему настороже, я шагнул в кабинет. Там сидели двое мужчин в белых халатах, на лбу у одного из них блестело зеркальце.

– Это займет всего одну минуту. Идите сюда, - сказал врач с зеркальцем и закрыл за мной дверь. Я услышал, как щелкнул замок.

Устроились они тут даже лучше, чем мы в Конституционном клубе. Прямо на столе стояли транзитные ячейки с хозяевами, уже прогретые и готовые к пересадке. Второй врач протянул ячейку первому - для меня, - но так, чтобы я не видел наездника. В принципе, они и не должны были вызывать у жертвы никаких подозрений: врачи часто работают со всякими непонятными приборами.

Я не сомневался, что меня пригласят сесть и наклониться к окуляру прибора для проверки зрения. "Врач" будет меня отвлекать, заставляя читать контрольные цифры, а его "ассистент" тем временем приладит мне наездника.

Тихо, спокойно, без ошибок.

Как я узнал за время своей собственной "службы", для пересадки вовсе не обязательно оголять спину жертвы. Достаточно посадить хозяина на шею, и спустя секунду рекрут сам поправит одежду, чтобы спрятать паразита.

– Сюда, пожалуйста, - повторил приглашение "врач". - Глазами к окуляру.

Я быстро подошел к лабораторному столу, где стоял тестер, и резко повернулся.

"Ассистент" двигался на меня с готовой ячейкой в руке, и, когда я повернулся, он наклонил ее к себе, чтобы я не видел, что внутри.

– Доктор, - сказал я. - У меня контактные линзы. Может быть, снять?

– Не надо, - нетерпеливо ответил он. - Давайте не будем терять время.

– Но доктор, я бы хотел, чтобы вы проверили, насколько хорошо они подходят. С левой линзой что-то не так… - Я поднял руки и оттянул веки вверх и вниз. - Вот видите…

– Здесь у нас не клиника, - сердито произнес "врач". - Садитесь, пожалуйста…

Теперь они оба оказались в пределах досягаемости. Я резко опустил руки и ухватил их что было сил между лопаток. Под халатами чувствовалось что-то мягкое, податливое, и меня передернуло от отвращения.

Как-то раз я видел, как наземная машина сбила на дороге кота: беднягу подбросило вверх с раскинутыми лапами и выгнутым в другую сторону позвоночником. С этими несчастными произошло примерно то же самое. Оба изогнулись в болезненном спазме, затем обмякли, вырвались у меня из рук и повалились на пол - возможно, уже замертво.

В дверь постучали.

– Минутку! - отозвался я. - Врач сейчас занят.

Стук прекратился. Убедившись, что дверь заперта, я склонился над "врачом", задрал на нем халат и проверил, что стало с его хозяином.

Вместо живой твари на спине "врача" расползлось отвратительное месиво. То же самое произошло и с наездником "ассистента", что меня вполне устраивало: если бы паразиты остались живы, мне пришлось бы сжечь их лучеметом, а сделать это, не задев носителей, не так просто. Я оставил людей на полу. Может быть, они умерли, может, выжили и их вновь захватили титанцы - не знаю, но помочь им я тогда ничем не мог. А вот хозяева в ячейках - это совсем другое дело. Я настроил оружие на максимум и полоснул широким лучом по столу. У стены стояли еще два полных контейнера - их я поливал огнем до тех пор, пока дерево не обуглилось.

В дверь снова постучали. Я торопливо осмотрелся, соображая, куда бы спрятать лежащих на полу людей, но деть их было некуда, и я решил прорываться к машине. Однако у самой двери что-то меня остановило. Не хватало одной детали.

Я огляделся, но ничего подходящего не нашел. Можно было бы использовать халаты "врача" и его "ассистента", но почему-то не хотелось.

Затем мне на глаза попался чехол от прибора для проверки зрения. Я скинул куртку, сложил чехол в несколько раз и, запихав его под рубашку, пристроил между лопаток. С застегнутой курткой получается горб как раз нужного размера.

Так я и вышел на улицу - "…испуганный, для всех чужой, в холодном мире, созданном не мной".

Хотя, по правде сказать, я чувствовал себя совсем иначе.

***

Еще один полицейский проверил мою квитанцию, бросил на меня пристальный взгляд и жестом приказал садиться в машину.

Когда я сел за руль, он сказал:

– Поедешь в управление полиции: это у мэрии.

– Управление полиции, у мэрии, - повторил я и тронулся с места.

Проехал немного в указанном направлении, затем свернул на шоссе Николс и, выбрав место, где движение было поменьше, нажал кнопку, меняющую номерные пластины. Номер, под которым меня зарегистрировали у заставы, возможно, уже разыскивали, и я очень жалел, что не могу сменить заодно цвет машины и ее очертания.

Еще до пересечения шоссе с магистралью Макджи я свернул у разъезда и затерялся на боковых улицах. По местному времени было 18.00; через четыре с половиной часа меня ждали в Вашингтоне.

Глава 18

Что-то в городе было не так. Что-то неуловимое выдавало его, словно передо мной разворачивалось действие плохо поставленной пьесы. Я пытался понять, в чем дело, но безуспешно.

На окраинах Канзас-Сити множество жилых кварталов, построенных век и более назад. Дети носятся по лужайкам, старики сидят на скамейках у своих домов, как сидели их деды и прадеды. Если в округе и есть бомбоубежища, то их не видно. Массивные старинные дома непривычного вида, поставленные давно почившими умельцами - сам их вид внушает ощущение покоя и безопасности. В это время в самый раз выпить пива, полить лужайку, поболтать с соседями. Проезжая мимо одного из таких домов, я увидел женщину, согнувшуюся над клумбой. Она была в купальнике с открытой спиной - явно без паразита, и двое ребятишек, что крутились возле нее, тоже. Что же здесь не так?

Погода стояла очень жаркая. Я вглядывался в прохожих, высматривая женщин в купальниках и мужчин в шортах. Люди в этих местах издавна придерживаются довольно строгих нравов, и не одеваются по погоде, как, скажем, в Лагуна-Бич или Корал-Гейблс. Полностью одетый взрослый человек ни у кого не вызовет здесь недоуменных взглядов. Поэтому люди в Канзас-Сити одеваются и так, и этак. Однако пропорции были явно не те. Да, полно ребятишек в одних шортах, но на протяжении нескольких миль я заметил только пятерых женщин и двоих мужчин с голой спиной.

А их должно быть по меньшей мере пять сотен.

Вот и разгадка. Хотя под некоторыми пиджаками и не скрывались паразиты, простая прикидка давала более девяноста процентов населения во власти захватчиков. Они не просто контролировали Канзас-Сити, а буквально переполняли его. Пришельцы не только заняли все ключевые посты в городе - они стали жителями города.

Мне неудержимо хотелось взлететь прямо с места и на максимальной скорости рвануть прочь из красной зоны. Паразиты знали, что я ускользнул из ловушки у заставы и наверняка уже искали меня. Возможно, я был последним свободным человеком, разъезжающим по городу на машине, а вокруг - одни лишь враги!

Я едва справился с собственными паническими мыслями. Агент, позволяющий себе так заводиться, ни на что не годен и вряд ли сумеет выкарабкаться, случись ему попасть в какую-нибудь сложную ситуацию. Но воспоминания о том, каково это -

быть во власти паразита, все еще сохраняли силу, и победа над собой далась мне нелегко.

Сосчитав до десяти, я успокоился и попытался сообразить, в чем тут дело. Видимо, я все-таки ошибался. Паразитов просто не может быть так много: в Канзас-Сити около миллиона жителей. Вспомнился мой собственный опыт: как мы отбирали рекрутов и вели учет каждому новому носителю.

Разумеется, там мы зависели от поставок ячеек, тогда как рядом с Канзас-Сити почти наверняка опустилась летающая тарелка. И все же, получалась какая-то ерунда. Чтобы наводнить город наездниками, нужно дюжину тарелок или даже больше. А если бы их было так много, орбитальные станции наверняка проследили бы их посадочные траектории.

Может быть, корабли пришельцев просто не видно на наших радарах? Мы не знали, на что паразиты способны в техническом плане, а делать предположения, основываясь на собственных представлениях о возможностях науки, и глупо, и опасно.

Однако выводы, которые напрашивались из всего увиденного, противоречили здравому смыслу. Следовательно, прежде чем докладывать, необходимо еще раз проверить. Пока было ясно лишь одно: даже заполонив почти весь город, они тем не менее сохраняли маскарад, и жители Канзас-Сити выглядели, как свободные люди. Может быть, я и не настолько сильно выделяюсь.

Не выбирая особенно направления, я проехал еще с милю и обнаружил, что приближаюсь к торговому району, раскинувшемуся у Плаза. Сразу свернул: где толпы, там и полиция. Сворачивая, я заметил общественный плавательный бассейн. Запомнил все, что видел, поехал дальше и, только миновав несколько кварталов, задумался над новой информацией. Собственно, ее было немного: всего лишь вывеска "Закрыто в связи с окончанием сезона".

Бассейн, закрытый в самое жаркое время лета? Конечно, это может объясняться и какими-то естественными причинами. Плавательные бассейны прогорали в прошлом и будут прогорать еще. Но закрывать такое дело без крайней необходимости, когда оно приносит наивысшую прибыль, противоречит экономическому здравому смыслу. Это случается чрезвычайно редко. Однако именно здесь маскарад мог затрещать по швам, а закрытый бассейн вызовет меньше подозрений, чем открытый, но никем не посещаемый. Ясно, что в своих действиях паразиты старательно учитывают человеческую точку зрения. Да что там говорить, я сам был одним из них!

Значит, первое - ловушка у въезда в город; второе - слишком

мало людей в купальных костюмах; третье - закрытый плавательный бассейн.

Вывод: паразитов гораздо больше, чем кто-либо мог себе представить.

Заключение: операция "Ответный удар" планировалась, исходя из неверных оценок; толку в ней не больше, чем в охоте на носорога с рогаткой.

Контраргумент: увиденное мной невозможно.

Мне живо представилось, как шеф секретной службы Мартинес со сдержанным сарказмом разносит мой доклад, не оставляя от него камня на камне. Да, видимо, чтобы убедить Президента прислушаться к докладу вопреки логичным возражениям его официальных советников, нужны доказательства посерьезнее, и добыть их необходимо прямо сейчас. Ведь даже нарушив все законы движения транспорта, я вряд ли доберусь до Вашингтона быстрее, чем за два с половиной часа.

Но что же делать? Ехать в центр, смешаться с толпой, а потом заявить Мартинесу, что я, мол, уверен: почти все мужчины, встретившиеся мне на пути, носят на себе паразитов? Как я это докажу? И если уж на то пошло, как я сам в этом удостоверюсь? До тех пор пока титанцы старательно изображают, что "все как обычно", и доказательств-то, считай, никаких нет.

Разве что обилие сутулых людей и почти полное отсутствие обнаженных плеч.

Мне казалось, я достаточно хорошо представляю себе, как они заполонили город - главное тут, чтобы хватило ячеек с наездниками. При выезде из города наверняка будет еще одна ловушка, и такие же устроены на стартовых платформах. Каждый, кто отсюда уезжает, становится агентом, каждый, кто приезжает, новым рабом.

На углу улицы я заметил газетный принт-автомат "Канзас-Сити Стар".

Развернулся, подъехал, вышел из машины и сунул в щель автомата десятицентовик. Несколько секунд нервного ожидания, и из автомата выползла готовая газета.

"Стар", как всегда, была скучна и респектабельна: никаких сенсаций, ни одного упоминания о чрезвычайном положении или о режиме "Голая спина".

Статья на первой полосе называлась "Вспышка на Солнце нарушает телефонную связь", а чуть ниже шло шрифтом помельче: "Солнечная активность изолирует город от внешнего мира". И огромное, на три колонки, цветное полустереофото Солнца с обезображенным космической сыпью лицом.

Неожиданное, но вполне убедительное объяснение, почему

какая-нибудь Мэми Шульц, сама еще без паразита, не может дозвониться бабушке в Питтсбург. Я сунул газету под руку, надеясь позже изучить ее поподробней, повернулся к машине, но тут из-за угла бесшумно скользнула полицейская машина и остановилась поперек дороги перед самым носом моей. Полицейские машины притягивают толпы, словно магнит: секунду назад на улице никого не было, теперь же неизвестно откуда набежали люди, и полицейский двигался в мою сторону. Рука у меня невольно дернулась к пистолету, но я сдержался: ведь почти все вокруг были в такой же степени опасны.

Полисмен подошел и остановился.

– Ваше водительское удостоверение. - Более-менее вежливо.

– Сию минуту, - не стал спорить я. - Оно на приборной доске в машине.

Я шагнул мимо него, словно и не сомневался, что он последует за мной.

На какое-то мгновение полисмен замер в нерешительности, затем все же клюнул. Я провел его между двумя машинами к своей и убедился, что он без напарника - за это отступление от человеческих обычаев паразитов можно было только поблагодарить. Но что более важно, теперь между толпой и мной оказалась моя машина.

– Вот, - сказал я, указывая внутрь, - оно прикреплено к приборной доске.

Он снова на мгновение застыл, затем посмотрел, куда я показываю, и этой доли секунды мне хватило, чтобы воспользоваться отработанным недавно приемом. Я схватил его левой рукой между лопаток и сдавил изо всех сил.

Полицейского словно взрывом подбросило - такой сильный был спазм. Он еще падал на землю, а я уже вскочил в машину и выжал газ.

Очень, кстати, вовремя. Маскарад "лопнул", как в приемной у Барнса: толпа ринулась на меня со всех сторон. Одна женщина успела схватиться за дверцу и цеплялась футов пятьдесят, наверно, пока машина не набрала скорость. Обгоняя другие машины и уворачиваясь от встречных, я уже приготовился взлетать, но по-прежнему не хватало места.

Впереди показался поворот. Я свернул налево, но сразу понял, что напрасно: кроны деревьев почти смыкались над дорогой, и взлетать было негде. Следующая улица - еще хуже. Пришлось сбросить скорость. Я все еще искал место пошире, чтобы взлететь, но теперь двигался не быстрее, чем разрешено в черте города. Волнение немного улеглось, и я вдруг сообразил, что меня никто не преследует.

Тут же вспомнилось пребывание под хозяином. Паразиты ограничены возможностями своих носителей; исключение составляет только их способность к "прямому общению". Они видят лишь то, что видят люди, а информацию получают и передают посредством их же органов либо технических средств, что доступны людям. Вряд ли кто-то из паразитов на углу разыскивал именно мою машину; скорее всего, о ней знал только тот, который оседлал полицейского, а с ним я уже разделался. Теперь, конечно, меня ищут остальные, но возможностей у них не больше, чем у их носителей.

Следовательно, и думать о них можно не больше чем о случайных очевидцах; иначе говоря, не принимать всерьез; скрылся и забыл.

Однако у меня оставалось всего полчаса, и я наконец решил, что возьму с собой в качестве доказательства - пленника, человека, который был здесь под паразитом и может рассказать, что происходит в городе. Короче, нужно вывезти живого носителя.

Для этого надо его поймать, по возможности не причинив носителю вреда, убить или убрать наездника и вывезти человека в Вашингтон. Времени, чтобы тщательно планировать свои действия, не оставалось. Действовать нужно было на ходу. И едва я принял решение, на тротуаре впереди показался человек. Видимо, он возвращался домой, к ужину. Я подъехал ближе и крикнул:

– Эй!

– Да? - Человек остановился.

– Я только что из мэрии, - сказал я. - Нет времени объяснять. Садись в машину, переговорим напрямую.

– Из мэрии? О чем вы?

– Планы изменились. Не трать время. Садись!

Человек попятился. Я вскочил и схватил его за пиджак на спине.

Никакого результата. Под рубашкой - лишь нормальная костлявая человеческая плоть. Но человек завопил.

Я нырнул обратно в машину и рванул прочь. Отъехав на несколько кварталов, снизил скорость и задумался. Может, у меня нервы не в порядке, и титанцы уже мерещатся мне даже там, где их нет?

Чушь! Вспомнился Старик с его неукротимым пристрастием к фактам.

Ловушка на заставе, купальники, бассейн, полицейский у принт-автомата эти факты не вызывали у меня никаких сомнений, а последняя неудача говорила лишь о том, что мне

случайно попался тот самый один из десяти или какое у них тут соотношение, - которого паразиты еще не захомутали. Я прибавил скорость и двинулся на поиски новой жертвы.

Мужчина средних лет, поливающий из шланга лужайку - выглядело это так естественно, что я чуть не проехал мимо. Однако времени оставалось совсем мало, и на нем был свитер с подозрительной выпуклостью на спине. Если бы я сразу заметил его жену на веранде, наверняка бы не остановился: она была в юбке и в лифчике от купальника - понятное дело, без паразита.

Когда я затормозил, мужчина поднял голову.

– Я только что из мэрии, - заученно повторил я. - Нам нужно срочно переговорить напрямую. Садись.

– Пойдем в дом, - ответил он. - В машине нас могут увидеть.

Я хотел отказаться, но этот тип уже повернулся и пошел к дому. Когда я догнал его, он прошептал:

– Осторожно. Женщина пока не с нами.

– Твоя жена?

– Да.

Мы остановились на крыльце, и мужчина сказал:

– Дорогая, это мистер О'Киф. Нам нужно обсудить кое-какие дела. Мы будем в кабинете.

– Хорошо, дорогой, - ответила она с улыбкой. - Добрый вечер, мистер О'Киф. Душно сегодня, правда.

Я согласился, и она снова занялась своим вязанием. Мы прошли в дом и направились в кабинет. Поскольку маскарад еще соблюдался, он пропустил меня вперед, как гостя. Мне не хотелось поворачиваться к нему спиной, и, наверно, поэтому я был готов к удару, когда он двинул меня ребром ладони по шее. Я рухнул вперед, хотя удар не причинил мне вреда, и перекатился на спину.

В учебном центре, если мы, оказавшись на полу, пытались встать, нас били мешками с песком, и наука запомнилась. Я остался лежать, приготовившись ударить его ногами, если он на меня набросится. Очевидно, у него не было оружия, но свой лучемет я достать не мог. Однако в кабинете оказался настоящий камин - с кочергой, лопаткой и щипцами - и мужчина боком продвигался туда. Чуть дальше, чем я мог дотянуться стоял маленький журнальный столик. Я дернулся на полу, схватил столик за ножку и швырнул.

Попал ему прямо в лицо, когда он уже схватился за кочергу. А мгновение спустя я налетел на него сам.

Его хозяин умирал в моих сжатых пальцах, человека, получившего последний жуткий приказ, сотрясали конвульсии, и тут вдруг с диким испуганным воплем в дверях появилась жена. Я

вскочил, ударил ее, и она, мгновенно умолкнув, повалилась на пол.

Потерявшего сознание человека на удивление трудно поднять с пола, а он еще и тяжелый оказался. К счастью, я тоже силой не обижен и, переваливаясь, затрусил со своим пленником на руках к машине. Очевидно, звуков борьбы не слышал никто, кроме его жены, но ее крики встревожили чуть не весь квартал. Из домов по обеим сторонам улицы выскакивали люди.

Пока они были еще далеко, но я благодарил судьбу, что догадался оставить дверцу открытой.

Спустя секунду я об этом пожалел: мальчишка вроде того, что морочил мне голову у реки, влез на сиденье и тыкал пальцем кнопки на приборной панели. Ругаясь на чем свет стоит, я бросил пленника в салон и схватил мальчишку. Тот упирался, но я все же выдернул его с сиденья и швырнул прямо в руки первому из преследователей. Пока он отдирал от себя мальчишку, я успел прыгнуть в машину и рванул с места, даже не закрыв дверь и не пристегнув ремни. На первом же повороте дверца захлопнулась сама, но и я чуть не слетел с сиденья. Проехав какое-то время прямо, я умудрился пристегнуть ремень, затем срезал еще угол и, едва не сбив наземную машину, дал ходу.

Выскочил на широкий бульвар - кажется, Пасео, - и ткнул кнопку "Взлет". Возможно, из-за меня столкнулись несколько машин, но беспокоиться об этом было некогда. Еще не набрав высоты, я повернул на восток. Над Миссури шел на ручном управлении и истратил все запасные стартовые ускорители. Видимо, эти безответственные действия и нарушение всех правил движения и спасли мне жизнь. Где-то над Колумбией, едва я спалил последний движок, машину тряхнуло взрывной волной. Кто-то пустил ракету-перехватчик, и она взорвалась чуть ли не у меня на хвосте.

Больше, к счастью, по мне не стреляли, а то без дополнительных ускорителей я был как утка на воде. Правая турбина начала перегреваться возможно, от близкого взрыва или просто от натужной работы, - но еще минут десять я гнал с прежней скоростью и молча молился, чтобы она не развалилась. Когда Миссисипи осталась позади, а индикатор перегрева уполз в "опасную" часть шкалы почти до конца, пришлось-таки турбину отключить, и машина полетела на одной только левой. Больше трехсот миль она вытянуть так не могла, но красная зона уже осталась позади.

Все случилось так быстро, что мне даже некогда было взглянуть, как там мой пассажир. Он лежал, раскинув руки, на полу салона, и я не знал, мертв он или только без сознания. Но

теперь мы оказались в зоне, контролируемой свободными людьми, да и мощности уже не хватало на незаконное превышение скорости, так что никаких причин вести машину вручную не было. Я включил ответчик, дал запрос на регистрацию в общем транспортном потоке и, не дожидаясь ответа, переключил управление на автоматику. Затем перебрался в салон и осмотрел своего пленника.

Он еще дышал. На лице краснела здоровенная ссадина, но вроде бы я ничего ему не сломал. Хотел привести его в чувства - шлепнул пару раз по щекам, пощипал за мочки ушей - однако ничего не помогало. Мертвый паразит уже начал вонять, но его просто некуда было деть. В конце концов я оставил пассажира в покое и вернулся на водительское сиденье.

Часы на панели показывали 21:37 по Вашингтону, а лететь оставалось больше шестисот миль. Даже без учета того, что нужно еще сесть, добраться до Белого дома, и разыскать Старика, получалось, что я смогу доложиться чуть позже полуночи, а значит, слишком поздно, и Старик, как пить дать, устроит мне разнос.

Я попытался завести правую турбину. Черта с два. Возможно, она замерзла. Но может быть, это и к лучшему: скоростной двигатель, если он неисправен или разбалансирован, может просто взорваться. Оставив турбину в покое, я попробовал вызвать Старика по оперативной связи.

Оказалось, мой аппарат не работает. Наверно, я ударил его во время одной из "разминок", что навязали мне паразиты. Сунув аппарат обратно в карман, я подумал, что день складывается на редкость неудачно - в такие дни, как говорят, даже с постели вставать не стоит. Затем включил коммуникатор на приборной панели и принялся вызывать наземную транспортную службу.

Экран засветился, и передо мной возникло изображение молодого человека - я с облегчением отметил, что он сидит по пояс голый.

– Наземная служба. Зона Фокс-одиннадцать. Какого черта вы делаете в воздухе? Я пытался связаться с вами с того самого момента, как вы вошли в мою зону.

– Сейчас некогда объяснять, - резко сказал я. - Срочно соедините меня с ближайшим армейским подразделением. Дело не терпит отлагательств!

На лице у него появилась неуверенность, но тут экран мигнул, и сразу возникло новое изображение, на этот раз военный центр связи. На душе стало тепло и спокойно, потому что все как один там сидели тоже по пояс голые, включая и молодого офицера на первом плане. Я готов был расцеловать его,

но вместо этого лишь сказал:

– У меня важное сообщение. Соедините меня через Пентагон с Белым домом.

– Кто вы такой?

– Сейчас нет времени! Я агент секретной службы, но мои документы вам все равно ничего не скажут. Поторопитесь!

Возможно, я уговорил бы этого офицера, но его вытеснил из поля зрения камеры командир.

– Немедленно приземляйтесь!

– Послушайте, капитан, - сказал я. - У меня срочное сообщение. Вы должны соединить…

– А у меня приказ! - отрубил он. - Уже три часа, как гражданским машинам запрещено подниматься в воздух. Немедленно приземляйтесь!

– Но я должен…

– Если вы не приземлитесь, вас собьют. Мы отслеживаем вашу траекторию. Я запускаю ракету - она взорвется в полумиле впереди. Любой другой маневр, кроме захода на посадку, и следующая будет ваша.

– Да послушайте же вы наконец! Я приземлюсь, но мне нужно…

Он просто отключился, и я остался перед пустым экраном.

Первая ракета взорвалась даже ближе чем в - полумиле. Пришлось садиться.

Посадка вышла не очень удачная, но все обошлось: и я, и пассажир остались целы. Ждать пришлось недолго. Меня осветили ракетами и, не успел я проверить приборы, как рядом начали приземляться военные машины. Меня потащили в штаб, где я лично встретился с тем капитаном. Он даже дал мне поговорить с Белым домом. Правда, уже после того, как его психологи допросили меня под гипнозом и привели в чувство дозой стимулятора. К тому времени в Вашингтоне было 1:13. Операция "Ответный удар" началась один час и тридцать минут назад.

Старик выслушал мои выводы, пробурчал что-то неразборчиво и мрачно, затем сказал, чтобы я отыскал его утром.

Глава 19

Операция "Ответный удар" провалилась, как не проваливалась никакая другая в истории американской армии. Не операция, а "пшик". Десант планировался ровно в полночь, сразу более чем в 9600 точках, в перечень которых входили редакции газет, диспетчерские транспортные службы, релейные телестанции и прочие важные учреждения. Группы состояли из отборных парашютистов-десантников и техников - последние, чтобы наладить связь с захваченными пунктами.

После чего все местные станции должны были передать обращение Президента. Предполагалось, что на отвоеванных у врага территориях сразу же вступит в силу режим "Голая спина".

И все. Война закончена, останется мелкая подчистка.

В двадцать пять минут после полуночи начали поступать первые доклады о том, что такие-то и такие пункты захвачены. Чуть позже пошли просьбы о подкреплениях с других точек. К часу ночи были высланы последние резервные подразделения, но в Вашингтоне по-прежнему считали, что операция развивается успешно - настолько успешно, что в некоторых случаях командиры сами вылетали в районы боевых действий и докладывали с мест.

Больше о них никто ничего не слышал.

Красная зона поглотила ударную группировку, словно ее и не было.

Одиннадцать тысяч с лишним боевых машин, более ста шестидесяти тысяч десантников и техников, семьдесят один старший офицер - стоит ли продолжать? Соединенные Штаты потерпели самое страшное со времен Черного Воскресенья поражение. Я не собираюсь критиковать Мартинеса, Рекстона, объединенный штаб и, тем более, этих бедолаг десантников. Операция планировалась исходя из представлений, которые в то время казались правильными; положение требовало быстрых, решительных действий с привлечением лучших людей.

Наверно, только после рассвета, как я понимаю, до Мартинеса и Рекстона наконец дошло, что победные рапорты попросту сфабрикованы их же людьми. Нашими людьми, но уже захваченными в рабство и участвующими в маскараде. После моего доклада, который опоздал больше чем на час и уже не мог остановить операцию, Старик пытался убедить их не посылать в красную зону подкрепления, но они несколько ошалели от успеха и хотели поскорее добиться чистой победы.

Старик просил Президента, чтобы тот настоял на визуальных

проверках, однако связь с операционными группами поддерживалась через орбитальную станцию "Альфа", и каналов для видеоинформации не хватало.

– Что вы паникуете? - огрызнулся Рекстон. - Как только мы отберем у них местные релейные телестанции, наши парни подключатся к наземной трансляционной сети, и у вас будет столько видеоподтверждений, сколько вы захотите.

Когда Старик попытался объяснить, что к тому времени будет уже поздно, Рекстон не выдержал:

– Черт бы вас побрал! Вы что, хотите, чтобы я положил еще тысячу человек только для того, чтобы у вас не тряслись поджилки?

Президент его поддержал.

К утру они получили свои "видео-подтверждения". Телевизионные станции в центральных регионах страны гнали в эфир все те же заезженные передачи:

"Мэри-Солнышко желает вам доброго утра", "Завтрак с Браунами" и прочую чепуху. Обращение Президента не прозвучало ни по одному каналу, и ни одна станция не признала, что произошло что-то необычное. К четырем утра доклады десантных подразделений вообще перестали поступать, а лихорадочные попытки Рекстона связаться с ними ни к чему не привели. Ударная группировка "Освобождение" просто прекратила свое существование. Spurlos versenkt «бесследно исчезла; как в воду канула (нем.)».

Со Стариком я увиделся только в одиннадцать. Он выслушал мой, теперь уже более обстоятельный доклад, ни разу не перебив, и даже не отчитав меня - отчего я почувствовал себя совсем гнусно.

Но едва он собрался вернуться к своим делам, я спросил:

– Как насчет пленного? Он подтвердил мои выводы?

– Он-то? Пока без сознания. Врачи полагают, он не выживет.

– Я бы хотел его увидеть.

– Занимайся лучше своим делом.

– Э-э-э… У тебя есть для меня какое-то дело?

– Думаю, тебе нужно… Нет, лучше вот что: сгоняй в зоопарк. Там тебе кое-что покажут, и ты сразу увидишь все, что узнал в Канзас-Сити, в новом свете.

– В смысле?

– Найдешь доктора Хораса, заместителя директора. Скажешь, что ты от меня.

Доктор Хорас, небольшого роста, приятный, общительный человечек, здорово напоминавший одного из своих бабуинов, сразу направил меня к доктору Варгасу, специалисту по

экзобиологии, тому самому Варгасу, что участвовал во второй экспедиции на Венеру. Он-то и показал мне, что случилось. Если бы мы со Стариком вместо того, чтобы рассиживаться на скамейке у Белого дома, отправились в Национальный зоопарк, мне просто не пришлось бы летать в Канзас-Сити. Десяток паразитов, что мы поймали в Конгрессе, плюс еще два, пойманные на следующий день, были отправлены в зоопарк и пересажены на человекоподобных обезьян - в основном, на шимпанзе и орангутангов. С гориллами решили не рисковать. Директор распорядился запереть их в больничном корпусе. Двух шимпанзе, Абелардо и Элоизу, которые раньше жили вместе, разделять не стали и поместили в одну клетку.

Это, кстати, лишний раз доказывает, как трудно нам перестроить свою психологию, когда мы имеем дело с титанцами. Даже люди, которые пересаживали паразитов, воспринимали результат как обезьян, а не как титанцев. В соседнем вольере размещалась семья больных туберкулезом гиббонов. Из-за болезни их не использовали в качестве носителей, и никакого сообщения между вольерами не было. Друг от друга они отделялись выдвижной перегородкой на замке, а вентиляция у каждого была отдельная. Однако на следующее утро перегородка оказалась выдвинута, а гиббоны и шимпанзе вместе. Каким-то образом Абелардо и Элоиза открыли замок. Замки там специальные, обезьяны открыть их не могут, нопротив "обезьяны-плюс-титанцы" они не устояли.

Итак, пять гиббонов, два шимпанзе и два титанца. Но на следующий день ученые обнаружили семь обезьян и семь паразитов. Известно об этом стало за два часа до моего отлета в Канзас-Сити, но Старику вовремя не сообщили, иначе он бы уже знал, что Канзас-Сити наводнен пришельцами. Да и я бы, видимо, догадался. Если бы Старику сказали про гиббонов, операция "Ответный удар" так бы и не началась.

– Я видел обращение Президента, - сказал доктор Варгас. - Не вы ли тот человек… Я имею в виду, не вы ли…

– Да-да. Тот самый, - ответил я коротко.

– Тогда вы очень многое можете рассказать нам об этом феномене.

– Наверно, должен бы, но, к сожалению, не могу, - медленно признался я.

– Хотите сказать, что, пока вы были их… э-э-э… пленником, вам не доводилось наблюдать размножение делением?

– Верно. - Я задумался. - Во всяком случае, мне так кажется.

– Но насколько я понял, после разделения э-э-э… жертвы сохраняют все воспоминания.

– Это и так, и не так… - Я попытался объяснить ему то странное, как бы отрешенное состояние, в котором пребывает человек во власти хозяина.

– Возможно, это случается во время сна.

– Может быть. Но кроме сна, есть другие периоды, которые трудно вспомнить. Это их прямые "конференции".

– Конференции?

Я объяснил, и у него загорелись глаза.

– О, вы имеете в виду конъюгации!

– Нет, я имею в виду "конференции".

– Очевидно, мы говорим об одном и том же. Как же вы не понимаете?

Конъюгации и деление… Они размножаются по собственной воле, когда позволяет наличие свободных носителей. Надо полагать, один контакт на одно деление. Затем, когда появляется возможность, происходит деление, и буквально в считанные часы появляются два новых взрослых паразита. Может быть, даже быстрее.

Если он прав - а глядя на гиббонов, в этом трудно было усомниться, тогда почему мы в Конституционном клубе так зависели от поставок? Или может быть, я ошибаюсь? На самом деле, я мало что тогда понимал. Делал только то, что приказывал хозяин, и видел только то, что попадало на глаза. Но, во всяком случае, стало понятно, откуда в Канзас-Сити столько паразитов. Имея в наличии космический корабль с запасом транзитных ячеек и достаточно большое "стадо" носителей, титанцы просто начали размножаться, пока не догнали числом землян.

Допустим, в том корабле, который, по нашим предположениям, приземлился около Канзас-Сити, прилетела тысяча паразитов. Допустим также, что при благоприятных условиях они делятся каждые двадцать четыре часа.

Первый день - тысяча паразитов. Второй день - две тысячи.

Третий день - четыре тысячи.

К концу первой недели, то есть на восьмой день, их будет сто двадцать восемь тысяч.

Через две недели - больше шестнадцати миллионов. Однако нам ничего о них не известно точно. Может быть, они способны делиться чаще. Может, один корабль способен доставить десять тысяч ячеек.

Или больше. Или меньше. Допустим, они начали с десяти тысяч и делятся каждые двенадцать часов. Через две недели получится…

БОЛЬШЕ ДВУХ С ПОЛОВИНОЙ ТРИЛЛИОНОВ!!!

Цифра просто не укладывалась в голове. Совершенно

чудовищная цифра.

На всей Земле не наберется столько носителей, даже если к людям приплюсовать обезьян.

Похоже, на нас обрушится целая лавина паразитов. Причем очень скоро.

Даже в Канзас-Сити я не чувствовал себя так скверно.

Доктор Варгас представил меня доктору Макилвейну из Смитсоновского института. Макилвейн занимался сравнительной психологией и, по словам доктора Варгаса, именно он написал книгу "Марс, Венера, Земля: исследование побудительных мотиваций". Варгас ожидал, что это произведет на меня впечатление, но я книгу не читал. И вообще, как можно изучать мотивации марсиан, если все они вымерли еще до того, как мы слезли с деревьев?

Ученые принялись спорить о чем-то своем, а я продолжал наблюдать за гиббонами. Затем Макилвейн спросил:

– Мистер Нивенс, а как долго длятся эти "конференции"?

– Конъюгации, - поправил его Варгас.

– Конференции, - повторил Макилвейн. - Этот аспект более важен.

– Но позвольте, доктор, - не уступал Варгас, - конъюгация это способ обмена генами, посредством которого мутации распространяются на…

– Антропоцентризм, доктор! Вы не можете с уверенностью утверждать, что эта форма жизни имеет гены.

Варгас покраснел.

– А вы хотите предположить что-то еще?

– Сейчас нет. Но повторяю, доктор, вы оперируете недостоверными аналогиями. У всех, без исключения, форм жизни есть только одна общая характеристика, и эта характеристика - стремление выжить.

– И размножаться, - добавил Варгас.

– А предположим, существо бессмертно и ему не нужно размножаться?

– Но… - Варгас пожал плечами и махнул рукой в сторону обезьян. - Мы ведь уже знаем, что они размножаются.

– Я все же думаю, - ответил Макилвейн, - что это не размножение. Мне кажется, что мы имеем дело с единым организмом, который стремится захватить для себя побольше жизненного пространства. Согласитесь, доктор, зиготы, гаметы - к этому порой так привыкаешь, что начисто забываешь о возможности существования и других принципов. - Но во всей Солнечной системе… - начал было Варгас.

– Антропоцентризм, терроцентризм, солоцентризм, - перебил

его Макилвейн, - это все провинциальные подходы. Возможно, эти существа прилетели к нам из другой звездной системы.

– Ничего подобного! - вставил я. В мозгу вдруг вспыхнуло изображение Титана, и одновременно мне снова сдавило горло.

На мою реплику никто не обратил внимания. Макилвейн продолжал:

– Возьмите, к примеру, амебу. Кстати, по сравнению с нами, эта форма жизни проще, но гораздо более успешна в плане эволюции. Мотивационная психология амебы…

Дальше я слушать не стал. Свобода слова есть свобода слова, и если человеку хочется, он может сколько угодно рассуждать о "психологии" амебы, но слушать это никто не обязан.

Затем они занялись экспериментами, что несколько подняло их в моих глазах. Варгас распорядился перевести бабуина с паразитом на спине в клетку с шимпанзе и гиббонами. Едва новичок оказался в клетке, они все сошлись в круг спиной к спине и устроили переговоры от паразита к паразиту.

– Вот видите! - Макилвейн ткнул пальцем в сторону клетки. - Эти "конференции" нужны им не для размножения, а, прежде всего, для обмена информацией. Временно разделенный на части организм вновь соединился.

То же самое мог сказать им и я, только без этой трескучей терминологии: хозяин, который долго был без контакта со своими, первым делом вступает в прямые переговоры.

– Гипотеза! Где доказательства? - фыркнул Варгас. - Сейчас у них просто нет возможности размножаться. Джордж!

Он подозвал бригадира лабораторных рабочих и велел доставить еще одну обезьяну.

– Маленького Эйба? - спросил бригадир.

– Нет, мне нужна обезьяна без паразита. Знаешь что, пусть будет Краснокожий.

– Док, может, не надо Краснокожего? Жалко, - попытался возразить бригадир.

– Ничего с ним не сделается.

– Может, лучше Сатану? Все равно противный, зараза.

– Ладно, давай его сюда.

Привезли Сатану, черного как уголь шимпанзе. Возможно, в других обстоятельствах он бывал агрессивен, но сейчас вел себя очень тихо. Когда его запустили в клетку к обезьянам с паразитами, он прижался спиной к дверце и жалобно заскулил. Мы словно казнь наблюдали. Я держал себя в руках - человек, в конце концов, ко всему привыкает, - но панический страх обезьяны оказался заразительным: захотелось сбежать.

Поначалу обезьяны с паразитами просто смотрели на Сатану,

не отрывая глаз, - ну прямо суд присяжных, - и продолжалось это довольно долго.

Повизгивание Сатаны сменилось низкими стонами, и он закрыл лицо руками.

– Смотрите, доктор! - вдруг воскликнул Варгас.

– Что? Где?

– Люси, старая самка. Вон там. - Он указал рукой.

Видимо, у чахоточных гиббонов она была за главного. Люси стояла спиной к нам, и мы увидели, что паразит у нее на загривке собрался в ком, а затем на нем появилась радужная линия - прямо посередине.

Паразит начал делиться. Сначала появилась трещина как на лопнувшем яйце, и всего через несколько минут процесс деления закончился. Один из новых паразитов устроился по центру на позвоночнике Люси, второй медленно пополз вниз. Обезьяна присела на корточки, почти касаясь задом пола, и паразит с легким шипением плюхнулся на бетон. Затем заскользил к Сатане.

Тот хрипло взвыл и полез под потолок.

И что вы думаете? Они отрядили команду, чтобы его притащили обратно двух гиббонов, шимпанзе и бабуина. Сатану оторвали от решетки, стащили вниз и разложили на полу.

Паразит подполз ближе.

Когда до Сатаны осталось фута два, он медленно вырастил псевдоподию гибкое щупальце, которое тянулось и извивалось, словно змея. Щупальце взвилось в воздух и хлестнуло Сатану по ноге. Остальные обезьяны тут же его отпустили, но черный шимпанзе продолжал лежать без движения.

Титанец притянул себя щупальцем, устроился на ноге, а затем медленно пополз вверх. Когда он добрался до основания позвоночника, Сатана сел.

Потом встряхнулся и двинулся к остальным обезьянам.

Варгас и Макилвейн опять затеяли яростный спор. Происшедшее их, видимо, совсем не тронуло, а у меня возникло дикое желание крушить и уничтожать - мстить за себя, за Сатану, за всех обезьяноподобных.

Макилвейн утверждал, что мы стали свидетелями совершенно нового, в принципе незнакомого человеку явления: разумное существо, достигшее в ходе эволюции бессмертия и продолжающее себя в каждой отдельной личности. Или в групповой личности - здесь они сами начали путаться. Макилвейн предположил, что это существо хранит воспоминания с момента его формирования как вида. Затем он сравнил паразитов с четырехмерным червем в пространстве-времени, отдельные части

которого переплетены в единый организм, и тут их понесло в такие дебри, что слушать это стало просто невыносимо.

Я же своего мнения не имел, но и не особенно на этот счет беспокоился. Паразитов я воспринимал только в одном плане: мне хотелось убивать их и как можно больше.

Глава 20

Как ни странно, когда я вернулся в Белый дом, Старик оказался свободен: Президент отбыл на закрытую сессию ООН. Я рассказал Старику, что видел, и какое впечатление произвели на меня Варгас и Макилвейн.

– Ну прямо как бойскауты, которые хвастаются друг перед другом альбомами с марками. По-моему, они даже не понимают, насколько все серьезно.

Старик покачал головой.

– Ты их недооцениваешь, сынок. Если кто и сумеет найти выход, то на них надежды больше, чем на нас с тобой.

– Ха! - сказал я (хотя, может быть, тогда прозвучало более крепкое словцо). - Дай бог, чтобы они паразитов своих не растеряли.

– А тебе уже рассказали про слона?

– Про какого слона? Они мне вообще ничего не рассказали. Я их, похоже, мало интересовал; они больше друг другом занимались.

– Ты просто не понимаешь, что такое "увлеченность исследователя". А насчет слона… Одна обезьяна с наездником каким-то образом сбежала. Позже раздавленный труп обезьяны нашли в слоновнике. И один из слонов исчез.

– Ты хочешь сказать, что где-то в окрестностях бродит слон с паразитом? - Мне чуть плохо не стало, когда я представил себе эту картину: все равно что танк с кибернетическим мозгом.

– Слониха, - поправил меня Старик. - Ее нашли в Мэриленде. Она спокойно поедала на поле капусту. Уже без паразита.

– И куда же он делся? - Я невольно огляделся по сторонам.

– В деревне неподалеку пропала летающая машина. Я думаю, что паразит уже где-то по ту сторону Миссисипи.

– Кто-нибудь из людей пропал?

Он пожал плечами.

– Это свободная страна, так что кто знает? Одно радует: паразиты не могут скрываться на человеке за пределами красной зоны.

Последняя его реплика заставила меня вновь задуматься о том, что я увидел в зоопарке, но не осознал сразу. Смутная догадка маячила совсем близко, но никак не давалась в руки. Старик тем временем продолжал:

– Правда, нам потребовались довольно суровые меры, чтобы заставить людей соблюдать режим "Голая спина". Президент до сих пор получает заявления протеста - в основном, от всяких

блюстителей нравственности. А тут еще и Национальная ассоциация галантерейщиков подключилась.

– В смысле?

– Можно подумать, мы делаем это, чтобы распродать их дочерей по борделям. Была тут недавно одна делегация, "Матери республики" или еще что-то в таком же духе.

– И что, Президент вынужден тратить свое время на это? Сейчас?

– Нет. Их принимал Макдоно. Но он и меня потащил. - Старик скривился.

– Мы им сказали, что они не увидят Президента, пока не разденутся догола.

Только это их и остановило.

Беспокоившая меня мысль наконец оформилась.

– А знаешь, может быть, и до этого дойдет.

– До чего?

– Придется заставлять людей раздеваться.

Старик закусил губу и задумался.

– На что ты намекаешь?

– А нам точно известно, что паразит может присасываться к человеку только на плечах?

– Тебе лучше знать.

– В том-то и дело. Мне казалось, я знаю, но теперь совсем не уверен.

Пока я был… э-э-э… с ними, мы так и делали. Однако… - Я подробно рассказал Старику, что произошло, когда Варгас подсадил беднягу Сатану к титанцам. - Обезьяна начала двигаться, едва паразит дополз до основания позвоночника. Я уверен, титанцы предпочитают присасываться поближе к головному мозгу, но не исключено, что они с таким же успехом могут спрятаться у человека в штанах, вытянув небольшой отросток до спинного мозга.

– Хм… Помнишь, сынок, тот первый раз на базе, когда я заставил всех раздеться догола? Как ты догадываешься, это не случайно.

– Видимо, ты был прав. Они могут прятаться на теле человека где угодно. Взять хотя бы эти твои "семейные трусы". Там запросто может пристроиться паразит, а люди просто решат, что у тебя отвислый зад.

– Хочешь, чтобы я разделся?

– Я придумал проверку получше - "канзасский захват". - Может, это и прозвучало как шутка, но я говорил на полном серьезе. И, не дав ему опомниться, с размаху хватил пятерней с полусогнутыми пальцами пониже спины.

Старик не стал возмущаться, а взял и проверил меня тем же способом.

– Однако это тоже не дело, - грустно заметил он, когда мы сели. Нельзя же в самом деле ходить по улицам и лупить по мягким частям всех женщин подряд.

– Может быть, придется, - сказал я. - Иначе все должны будут ходить голыми.

– Ладно, мы проведем кое-какие эксперименты.

– В смысле? - спросил я.

– Помнишь, у нас были эти панцири, закрывающие плечи и позвоночник?

Толку от них не много, разве что спокойнее себя чувствуешь. Так вот я хочу попросить доктора Хораса пристроить обезьяне такой же панцирь, чтобы только ноги оставались открытыми, и посмотрим тогда, что получится. Можно еще и с другими частями тела поэкспериментировать.

– М-да. Но может, не стоит брать для этого обезьян, босс?

– Почему?

– Э-э-э… слишком уж они на людей похожи.

– Черт побери, нельзя же приготовить омлет…

– …не разбив яиц. Знаю. Но эта затея мне все равно не нравится.

Глава 21

Следующие несколько дней я выступал перед всякими пентагоновскими шишками, отвечал на их дурацкие вопросы о том, что титанцы едят на ленч, и объяснял, как лучше подступиться к человеку, которого оседлал паразит.

Меня представляли в качестве "эксперта", но добрая половина "учеников" почему-то считала, что они знают о титанцах гораздо больше, чем я.

Тем временем паразиты надежно удерживали красную зону, но не могли выбраться оттуда незамеченными - во всяком случае, мы на это надеялись.

Сами мы тоже не пытались больше проникнуть на их территорию, потому что, как ни крути, каждый паразит держал в заложниках одного из наших людей. От ООН помощи ждать не приходилось. Президент предложил им ввести режим "Голая спина" на всей планете, но участники сессии мялись, хмыкали, нерешительно переглядывались и в конце концов переадресовали предложение специальному комитету для дополнительной проверки. На самом деле, нам просто никто не верил. В доме пожар, но люди понимают это, только когда горит прямо под ногами. Врагу такая ситуация, понятно, на руку.

Некоторые страны, впрочем, защищали сами национальные традиции. Финн, который два дня подряд откажется от сауны в компании своих друзей, на третий уже вызовет подозрения. У японцев насчет наготы тоже никаких комплексов. В относительной безопасности были южные моря и значительная часть Африки. Во Франции, сразу после третьей мировой войны, стал невероятно популярен нудизм - во всяком случае, по выходным, - так что паразиту там просто негде спрятаться. Зато в тех странах, где традиционная стыдливость еще сохраняла силу, титанец мог скрываться до тех пор, пока его носитель не протухнет. Это относилось к самим Соединенным Штатам, Канаде, Англии - особенно к Англии.

В Лондон были отправлены воздухом три паразита (вместе с обезьянами).

Как я понимаю, Король, вслед за американским Президентом, решил показать своему народу пример, однако премьер-министр, подстрекаемый архиепископом Кентерберийским, просто запретил ему. Сам архиепископ даже не удосужился взглянуть на титанцев: моральный облик, мол, гораздо важнее любых мирских напастей. Средства массовой информации об этой истории умолчали, и, может быть, она не соответствует действительности,

но как бы там ни было, нежные британские телеса по-прежнему укрыты от холодных взглядов чужеземцев. Русская пропаганда набросилась на нас, едва правительство определило свое отношение к данному вопросу. Все происшедшее они охарактеризовали как "безумную фантазию американских империалистов". И почему, подумалось мне, титанцы не напали сначала на Россию? Страна для них просто идеальная.

Или… Может, они давно уже напали? Но тогда изменилось ли там хоть что-нибудь?

***

Самого Старика я все это время не видел. Задания мне передавал его заместитель Олдфилд. Соответственно, я не знал, что охрана Президента передана другим людям, и Мэри вернулась на базу. В баре Отдела мы встретились с ней совершенно случайно.

– Мэри! - крикнул я, споткнулся и чуть не полетел на пол.

На ее губах медленно расцвела сладостная улыбка. Она подвинулась, чтобы я сел рядом, и прошептала:

– Здравствуй, милый!

Мэри не спрашивала, чем я занимался, не дулась за то, что я пропал, и даже не жаловалась, что меня не было слишком долго. Что прошло, то прошло.

Зато я тараторил без умолку:

– Нет, это просто замечательно! А я думал, ты по-прежнему укладываешь Президента спатки. Давно ты здесь? Когда тебе обратно? Слушай, давай я тебя чем-нибудь угощу? О, у тебя уже есть. - Я начал было выстукивать на клавиатуре заказ для себя, но рюмка появилась на столе сама. - О! Как она здесь оказалась?

– Я сделала заказ, когда увидела тебя в дверях.

– Мэри, я тебе уже говорил, что ты бесподобна?

– Нет.

– Тогда слушай: ты бесподобна!

– Спасибо.

– Надолго ты освободилась? - продолжал болтать я. - Слушай, а как бы тебе несколько дней отдохнуть? Не могут же они держать тебя на работе двадцать четыре часа в сутки, неделю за неделей, совсем без передышки? Я сейчас пойду к Старику и скажу ему…

– Меня отпустили отдохнуть, Сэм.

– …все что я о нем… А?

– Меня отпустили.

– Серьезно? Надолго?

– До вызова. Сейчас все увольнения до вызова.

– Но… И давно ты отдыхаешь?

– Со вчерашнего дня. Сижу здесь и жду тебя.

– Со вчерашнего дня! - Весь предыдущий день мне пришлось читать пентагоновским шишкам лекции, глупые лекции, которые совершенно их не интересовали. Я вскочил. - Жди меня здесь. Я сейчас вернусь.

Когда я влетел в кабинет Олдфилда, он оторвался от бумаг и устало спросил:

– Ну тебе-то чего еще нужно? - Шеф, я насчет этого сеанса вечерних сказок, который запланировали для меня на сегодня. Его лучше отменить.

– С какой стати?

– Я заболел. Мне давно полагается отпуск по болезни, и я хочу им воспользоваться.

– У тебя, по-моему, с головой не все в порядке.

– Точно! С головой. Голоса чудятся. Все за мной следят. И мне постоянно снится, что я опять у титанцев. - Последнее, впрочем, было чистой правдой.

– С каких это пор помешательство стало препятствием для работы в Отделе? - Он явно ждал, как я выкручусь.

– Слушай, ты меня отпустишь или нет?

Олдфилд покопался в своих бумагах, нашел нужную и порвал ее на куски.

– О'кей. Телефон держи под рукой. Тебя могут вызвать в любую минуту.

А теперь проваливай.

Что я и сделал. Едва я вошел, Мэри подняла взгляд и снова расцвела в улыбке.

– Хватай свои вещи. Мы уходим, - сказал я.

Она даже не спросила, куда, просто встала. Я поднял свою рюмку, сделал один глоток и пролил чуть не все остальное. Мы даже словом перекинуться не успели, как оказались наверху, на пешеходном уровне.

Только тут я спросил:

– Так. Где ты хочешь, чтобы мы поженились?

– Сэм, мы ведь это уже обсуждали.

– Конечно, теперь мы просто это сделаем. Так где?

– Сэм, дорогой мой, я сделаю, как ты скажешь. Но я по-прежнему против. - Почему?

– Знаешь, Сэм, поедем ко мне? Я тебе обед приготовлю.

– О'кей, приготовишь, но не там. И сначала мы поженимся.

– Ну пожалуйста, Сэм…

– Давай-давай, парень. Она уже сдается, - посоветовал кто-то рядом.

Я оглянулся и увидел, что вокруг собралась довольно приличная толпа зрителей, махнул рукой и сердито крикнул:

– Вам что, делать всем нечего? Шли бы лучше выпили!

В толпе лишь бесстрастно прокомментировали:

– Я бы на его месте согласился.

Я схватил Мэри за руку, молча потащил к такси и только когда мы забрались в машину, обиженно спросил:

– Ладно. Почему ты не хочешь за меня замуж? У тебя есть какие-то причины?

– Но зачем, Сэм? Я и так твоя. Тебе не нужен контракт.

– Как зачем? Затем, что я тебя люблю, черт побери!

Мэри какое-то время молчала, и я уже начал думать, что чем-то обидел ее. Потом наконец ответила, но так тихо, что я едва ее расслышал.

– Раньше ты мне этого не говорил, Сэм.

– Как же? Не может быть.

– Нет, я уверена, что не говорил. Почему?

– М-м-м… Не знаю. Видимо, по недосмотру. И я не совсем понимаю, что означает слово "любовь".

– Я тоже, - тихо произнесла она. - Но мне нравится, как ты это говоришь. Скажи еще раз, а?

– Э-э-э… О'кей. Я тебя люблю. Я люблю тебя, Мэри.

– Сэм…

Она прижалась ко мне и задрожала от волнения. Я чуть встряхнул ее.

– А ты?

– Я? О, я тоже тебя люблю, Сэм. С тех самых пор…

– С каких пор?

Я думал, она скажет, что с тех пор, как я заменил ее в операции "Интервью", но оказалось, нет.

– Я полюбила тебя, когда ты залепил мне пощечину.

Ну где тут логика?

Машина медленно курсировала вдоль коннектикутского побережья. Я разбудил водителя и попросил доставить нас в Вестпорт, где мы сразу же направились в мэрию. Я подошел к стойке в бюро санкций и лицензий и обратился к клерку:

– Мы можем здесь пожениться?

– Это как пожелаете, - ответил он. - Охотничьи лицензии налево, лицензии на собак направо. А здесь золотая середина. Надеюсь.

– Что ж, отлично, - сказал я серьезно. - Будьте добры, оформите нам лицензию.

– Конечно. О чем речь? Каждый должен испытать это хотя бы один раз в жизни, как я всегда говорил моей старухе. - Он достал бланк. - Ваши серийные номера, пожалуйста.

Мы назвали номера.

– Так. Не регистрировал ли кто-то из вас брак в другом штате?

Нет, не регистрировал.

– Вы уверены? Если после регистрации обнаружатся другие контракты, этот утратит силу.

Мы снова подтвердили, что оба никогда не вступали в брак.

– Какой срок? Возобновляемый контракт или на всю жизнь? Если больше десяти лет, такса такая же, как на всю жизнь. Если меньше шести месяцев, то это не ко мне: можете получить упрощенный контракт у авторегистратора вон там, у стены.

– На всю жизнь, - тихо ответила Мэри.

Клерк удивленно вскинул брови.

– Леди, вы уверены, что делаете правильный выбор? Возобновляемый контракт с автоматическим продлением столь же постоянен, но если вы передумаете, вам не придется обращаться в суд.

– Вы слышали, что сказала леди?

– О'кей-о'кей. Финансовая политика определяется одной из сторон, взаимным согласием или закрепляется контрактом?

– Контрактом, - ответил я, и Мэри кивнула.

– Контрактом так контрактом, - согласился он, пробежав пальцами по клавиатуре принтера. - Теперь самый главный вопрос: кто платит и сколько?

Содержание или дарственный фонд?

– Содержание, - ответил я, поскольку на дарственный фонд моих сбережений просто не хватило бы.

– Ни то, ни другое, - твердо сказала Мэри.

– В смысле? - удивился клерк.

– Ни то, ни другое, - повторила она. - Это не денежный контракт.

Клерк откинулся на спинку стула.

– Леди, вы совершаете ошибку, - попытался уговорить он Мэри. Джентльмен, как вы слышали, готов платить содержание, и он совершенно прав. - Нет.

– Может быть, вам лучше посоветоваться сначала со своим адвокатом? В фойе есть общественный коммуникатор.

– Нет!

– Чтоб мне сдохнуть тогда, если я понимаю, зачем вам нужен

контракт!

– Я тоже не понимаю, - успокоила его Мэри.

– Вы хотите сказать, что он вам не нужен?

– Нужен. Запишите, как я сказала: "Без содержания".

Клерк с беспомощным видом склонился над принтером.

– Теперь, видимо, все. Проще не бывает, - сказал он и забубнил: Клянетесь - ли - вы - оба - что - изложенные - выше - факты - верны - что - вы - регистрируете - это - соглашение - по - собственной - воле - и - не - под - влиянием - наркотических - препаратов - что - никаких - скрытых обязательств - и - прочих - юридических - препятствий - к - заключению - и - регистрации - брака - не - существует?

Да, клянемся; да, по собственной; нет, не под влиянием; нет, не существует.

Клерк выдернул лист из принтера.

– Пожалуйста, отпечатки больших пальцев. О'кей, с вас десять долларов, включая федеральный налог. Я расплатился, и он сунул контракт в копировальную машину. - Копии будут высланы по адресам, соответствующим вашим серийным номерам. Все. Какого рода церемонию вы предпочитаете? Могу я чем-нибудь помочь?

– Мы не хотим никаких религиозных церемонии, - ответила Мэри.

– Тогда я могу посоветовать как раз то, что вам нужно. Старый добрый доктор Чамли. Никакого предпочтения ни одной из религий, лучшее стереосопровождение в городе, все четыре стены и настоящий оркестр. Полный набор удовольствий, включая обряд плодородия и прочее, но все чинно, с достоинством. Плюс личные отеческие советы. После него вы действительно почувствуете себя семьей.

– Нет, - теперь это сказал я.

– Да полно вам! - принялся уговаривать меня клерк. - Подумайте о молодой леди. Если она сдержит свои обязательства по контракту, второго шанса у нее не будет. Каждая девушка заслуживает, чтобы у нее была свадьба. И, честное слово, я не бог весть какие комиссионные получаю.

– Вы сами можете нас поженить? Да? - спросил я. - Тогда вперед. И давайте покончим с этой процедурой.

– А вы что, не знали? - удивленно ответил он. - В этом штате люди женятся сами. Вы уже женаты, поскольку поставили отпечатки пальцев на лицензии.

Я сказал "О!". Мэри промолчала, и мы вышли на улицу.

На посадочной площадке к северу от города я взял напрокат машину развалюхе исполнилось лет десять, но там стоял

автопилот, так что нас она вполне устраивала. Мы облетели город по кругу, срезали над Манхэттенским кратером, и я запрограммировал автоматику. Меня переполняло счастье, и в то же время я ужасно волновался, но затем Мэри меня обняла… Не знаю уж, сколько прошло времени, но скоро - слишком скоро - послышалось "БИП! бип-бип БИП!" радиомаяка в моей хижине. Я высвободился из объятий и направил машину на посадку.

– Где это мы? - спросила Мэри сонным голосом.

– Над моей хижиной в горах, - ответил я.

– Я даже не знала, что у тебя есть хижина. Думала, мы летим ко мне.

– Там же полно капканов! И кстати, это теперь не моя хижина, а наша.

Она снова меня поцеловала, и я чуть не врезался при посадке в землю.

Мне пришлось уделить несколько минут машине, а Мэри тем временем выбралась и пошла вперед. Я ее догнал уже у дома.

– Бесподобно, милый!

– Адирондак! Этим все сказано, - согласился я.

Солнце висело над самым горизонтом, а легкая дымка, окутавшая горы, придавала пейзажу какой-то особенный, удивительно объемный вид.

Мэри обернулась.

– Да. Только я не природу имела в виду, а твой дом. Давай зайдем?

– Конечно. Только это, скорее, просто хижина.

В общем-то, так она и планировалась. Внутри даже бассейна не было.

Приезжая сюда, я хотел чтобы город оставался где-то там, далеко позади.

Корпус - стандартный, из стали и стеклопластика, но снаружи обшит особо прочными плитами - тоже пластик, но в форме бревен. Внутри - все просто: одна большая гостиная с настоящим камином, мягкими коврами и низкими креслами. Все необходимое оборудование марки "Компакто Спешиал" находилось под фундаментом: кондиционер, энергоблок, фильтры, аудиооборудование, водоснабжение и канализация, радиационные датчики, сервомеханизмы - все, кроме морозильника и кухонного оборудования, упрятано вниз, и ни забот, ни хлопот. Даже стереоэкраны не сразу заметишь, пока они не включены. Почти настоящая бревенчатая хижина, но с водопроводом.

– Очень милая хижина, - сказала Мэри серьезным тоном. - Большой роскошный дом мне бы, наверно, не понравился.

– Значит, нас уже двое. - Я набрал комбинацию на шифрозамке, дверь разошлась в стороны, и Мэри прошмыгнула внутрь. - Эй! Ты куда?

Она вернулась на порог. - Что такое, Сэм? Я что-то сделала не так?

– Еще бы! - Я вытащил ее на улицу, затем поднял на руки, перенес через порог, поцеловал и поставил. - Вот, теперь ты у себя дома.

Когда мы вошли, включился свет. Мэри обвела гостиную взглядом, повернулась и бросилась мне на шею.

– Дорогой…

Спустя какое-то время, она меня отпустила и принялась бродить по комнате, останавливаясь то тут, то там, приглядываясь, трогая вещи.

– Знаешь, Сэм, если бы я планировала обстановку сама получилось бы то же самое.

– У меня, к сожалению, только одна ванная, - признался я. - Будем жить в суровых полевых условиях.

– Меня это вполне устраивает. Я даже счастлива; теперь я знаю, что ты не водил сюда своих женщин.

– Каких женщин?

– Сам знаешь, каких. Если бы ты задумал этот дом как любовное гнездышко, здесь была бы вторая ванная комната.

– Тебя не проведешь.

Она не ответила и ушла на кухню. Спустя секунду оттуда донесся радостный визг. - Что случилось? - спросил я, направляясь к ней.

– Я совсем не ожидала найти в холостяцком доме такую кухню.

– А я, кстати, неплохо готовлю. Мне хотелось хорошую кухню, вот я и купил все, что нужно.

– Бесподобно! Но теперь готовить для тебя буду я.

– Хорошо, это твоя кухня. Распоряжайся. Но может быть, ты хочешь сначала сполоснуться? Я пропущу тебя вперед. А завтра мы выпишем каталог и закажем еще одну отдельную ванную. Ее доставят воздухом.

– Иди первым, - сказала она. - Я пока поставлю обед.

***

Домашняя жизнь началась у нас так гладко и естественно,

словно мы были женаты уже несколько лет. Нет, я не говорю, что медовый месяц прошел скучно, или что мы не узнали друг о друге ничего нового - ни в коем случае. Но мы уже знали достаточно - особенно Мэри - отчего и казалось, что нашей семье не первый год.

В памяти те дни сохранились не очень ясно. Помню только ощущение счастья. Видимо, я успел забыть, что это такое, или просто не понимал раньше. Да, случалось, кто-то вызывал у меня интерес. Случалось, я увлекался. Это славно, забавно, весело, но счастлив я ни с кем не был.

Мы ни разу не включали стерео и ничего не читали. Никого не видели и ни с кем не говорили. Только на второй день сходили пешком до поселка, потому что мне хотелось показаться на людях с Мэри. На обратном пути мы проходили мимо хибары местного отшельника Старого Джона по прозвищу Горный Козел, который присматривал за моим домом, и, увидев его, я помахал рукой.

Он помахал в ответ. Одет Джон был как обычно: старая армейская куртка, вязаная шапка, шорты и сандалии. Я хотел предупредить его насчет режима "Голая спина", но передумал и вместо этого крикнул:

– Пришли ко мне Пирата!

– Кто такой Пират, дорогой? - спросила Мэри.

– Увидишь.

Едва мы вернулись домой, появился Пират, здоровый хулиганистый кот: дверца, что я для него сделал, открывалась на его "мяу". Он вошел, высказал все, что думает о хозяевах, которые исчезают слишком надолго, затем простил и ткнулся мордой мне в ноги. Я потрепал его по спине, и Пират отправился обследовать Мэри. Та опустилась на колени, пытаясь привлечь его звуками, которые издают обычно люди, понимающие кошачьи повадки, однако Пират оставался на месте и долго ее разглядывал, не скрывая своей подозрительности. Затем вдруг прыгнул на руки и, заурчав, уткнулся в подбородок.

– Ну, слава богу, - произнес я с облегчением. - А то я уж думал, что он не разрешит тебя оставить.

Мэри посмотрела на меня и улыбнулась.

– Не беспокойся. Я сама на две трети кошка.

– А еще на треть кто?

– Узнаешь.

С тех пор Пират почти все время оставался с нами; Мэри он уделял внимания даже больше, чем мне. Я его выгонял только из спальни - Мэри и кот протестовали, но тут я был неумолим.

***

Мэри очень неохотно говорила о прошлом - видимо, считала, что это ни к чему. Она слушала, когда я говорил о себе, но свое прошлое обсуждать отказывалась. Как-то раз, когда я пристал к ней с расспросами, она просто сменила тему, сказав:

– Пойдем полюбуемся закатом.

– Каким закатом? - недоуменно спросил я. - Мы же только что позавтракали. - Однако эта путаница со временем вернула меня в реальный мир. - Мэри, сколько мы уже здесь?

– А это имеет значение?

– Еще как имеет. Прошло, наверно, больше недели. Наши телефоны могут зазвонить в любую минуту - и все: назад на галеры.

– Да, но зачем беспокоиться заранее?

Однако я уже не мог успокоиться. Мне загорелось узнать, какое сегодня число. Можно было, конечно, включить стерео, но там наверняка наткнешься на сводку новостей, а это себе дороже: я все еще притворялся, что мы с ней в каком-то другом мире, где нет никаких титанцев. - Мэри, - спросил я. - У тебя есть "Темпус"? Много?

– Ни одной пилюли.

– Ладно. У меня хватит на двоих. Давай растянем наш отпуск. Вдруг нам осталось всего двадцать четыре часа? Можно превратить их в целый месяц субъективного времени.

– Не надо.

– Но почему? Нам только и остается, что старое доброе carpe diem «лови день, лови мгновение (лат.)».

Она накрыла ладонью мою руку и посмотрела в глаза.

– Не надо, дорогой, это не для меня. Я хочу прожить каждое мгновение своей жизни, не беспокоясь о следующем. - Наверно, я выглядел очень упрямо, и она добавила: - Если хочешь принимать "Темпус", я не возражаю, но, пожалуйста, не уговаривай меня.

– Бог с тобой! Неужели ты думаешь, я тебя брошу и буду веселиться один?

Она промолчала, и надо заметить, это отличный способ выигрывать споры.

Не то чтобы мы часто спорили. Если я из-за чего-то заводился, Мэри обычно поддавалась, но в конце концов выходило, что не прав я. Несколько раз я пытался разговорить ее, заставить рассказать о себе - нужно же мне знать о своей жене хоть что-то, - и на один из моих вопросов о прошлом она задумчиво ответила:

– Иногда мне кажется, что у меня и вовсе не было детства. Может, оно мне просто приснилось?

Я спросил напрямик, как ее зовут.

– Мэри, - ответила она спокойно.

– Это твое настоящее имя? - я уже давно сказал ей свое, но она по-прежнему звала меня Сэмом.

– Конечно, настоящее. С тех пор как ты меня назвал этим именем, я Мэри.

– Ладно, ты моя дорогая и любимая Мэри. А как тебя звали раньше?

В глазах у нее промелькнула какая-то затаенная боль, но она ответила:

– Одно время я носила имя Аллукьера.

– Аллукьера, - повторил я, наслаждаясь необычным звучанием. Аллукьера. Какое странное и красивое имя Аллукьера. В нем есть что-то величественное. Моя дорогая Аллукьера.

– Теперь меня зовут Мэри. - Как отрубила.

Я понимал, что где-то, когда-то с ней случилось какое-то ужасное событие, и память о нем до сих пор отзывается болью. Но видимо, мне просто не суждено было о нем узнать. Что ж, нет, значит нет. Она моя жена, какая есть, такая и есть - мы вместе и навсегда. От одного того, что она рядом, на душе становилось тепло и светло, а это, право же, не так мало.

***

Я продолжал называть ее Мэри, но имя, которое она носила в прошлом, не давало мне покоя. Аллукьера… Аллукьера… Меня не оставляло впечатление, что где-то я его слышал.

И неожиданно я вспомнил. Настойчивая мысль все-таки раскопала информацию на дальних полках памяти, заваленных всяким бесполезным хламом, от которого невозможно избавиться. Была в свое время то ли секта, то ли колония… Они пользовались искусственным языком и даже имена детям давали новые, придуманные… Точно. Уитманиты. Анархистско-пацифистский культ. Их вышибли из Канады, но они не смогли закрепиться даже в Литл-Америке «Антарктида, шельфовый ледник Росса». Когда-то мне попала в руки книга, написанная их пророком, "Энтропия радости", где было полно псевдоматематических формул, указывающих путь к достижению счастья.

В мире все "за счастье", так же, как все "против греха", но

культисты пострадали из-за принятых у них обрядов. Свои сексуальные проблемы они решали очень древним и не совсем обычным по современным понятиям способом, что создавало взрывоопасные ситуации, с какой бы культурой ни соприкасались уитманиты. Даже Литл-Америка была недостаточно далеко, и, если я правильно помню, остатки культистов эмигрировали на Венеру. Но в таком случае никого из них уже нет в живых.

Короче, думать об этом - только забивать голову. Если Мэри была уитманиткой или выросла в их среде, эта ее дело. И уж конечно, я не допущу, чтобы какая-то там культистская философия нарушала согласие в семье; брак, в конце концов, не купчая, а жена - не собственность.

Глава 22

В следующий раз, когда я упомянул "Темпус", Мэри не стала спорить, но предложила ограничиться минимальной дозой. Вполне приемлемый компромисс увеличить дозу никогда не поздно.

Чтобы препарат подействовал быстрее, я приготовил инъекции. Принимая "Темпус", я обычно слежу за часами, и, когда секундная стрелка замирает, это означает, что мне уже достаточно. Но в хижине не было часов, а наши перстни остались где-то на столе. Мы лежали, обнявшись, на широком низком диване у камина и до самого рассвета так и не заснули.

Накатило ощущение тепла и покоя, но сквозь легкий туман пробивалось беспокойство, что препарат не подействовал. Потом я заметил, что восходящее солнце замерло на месте. За окном повисла птица, и, если вглядываться довольно долго, можно было заметить, что крылья у нее движутся.

Я посмотрел на жену. Пират устроился у нее на животе, свернувшись калачиком и сложив лапы вместе. И Мэри, и Пират, похоже, заснули.

– Как насчет завтрака? - спросил я. - Я умираю с голода.

– Готовь, - ответила Мэри. - Если я пошевелюсь, Пират проснется.

– Но ты поклялась любить меня, почитать и кормить завтраком.

Я наклонился и пощекотал ей пятку. Мэри вскрикнула и резко поджала ноги. Пират подскочил вверх и с недоуменным мяуканьем шлепнулся на пол.

– Ну зачем ты? - сказала Мэри. - Из-за тебя я слишком резко дернулась и обидела Пирата.

– Не обращай на него внимания, женщина. В конце концов, ты вышла замуж за меня. - Однако я понимал, что не прав. Когда рядом есть кто-то, кто не принимал "Темпус", двигаться нужно крайне осторожно. По правде сказать, я просто забыл про кота. Ему наверняка казалось теперь, что мы скачем и дергаемся, как пьяные суматошные зайцы. Я хотел приласкать его и заставил себя двигаться медленнее.

Куда там. Пират бросился к своей дверце. Я мог бы его остановить ведь для меня он не бежал, а еле полз, - но решил, что не стоит, а то он напугается еще сильнее. Просто оставил его в покое и отправился на кухню.

Должен заметить, что Мэри была права: в медовый месяц "Темпус фугит" себя не оправдывает. Почти экстатическое

ощущение счастья, что я испытывал до того, тонуло теперь в вызванной наркотиком эйфории. "Темпус" дает очень много, но и потеря была совершенно реальной: естественное чудо я променял на химическую подделку. В общем-то, день - или месяц - прошел неплохо, но лучше бы я держался за настоящее чувство.

К вечеру действие препарата кончилось. Как это всегда бывает после "Темпуса", я чувствовал себя немного раздраженно, однако нашел перстень с часами и занялся проверкой рефлексов. Убедившись, что все вернулось в норму, проверил Мэри, после чего она сообщила, что у нее действие препарата прекратилось минут двадцать назад - получалось, дозы я отмерил довольно точно.

– Хочешь попробовать еще? - спросила она.

Я поцеловал ее и ответил:

– Нет. По правде говоря, я рад, что все кончилось.

– И я рада.

У меня разыгрался бешеный аппетит (тоже обычное после "Темпуса" дело), и я сообщил об этом Мэри.

– Сейчас, - сказала она. - Я только позову Пирата.

Весь прошедший день - или "месяц" - я о нем даже не вспоминал; одно слово, эйфория.

– Не беспокойся. Он часто пропадает на целый день.

– Раньше этого не случалось.

– При мне случалось.

– Боюсь, Пират на меня обиделся. Наверняка обиделся.

– Он, скорее всего, у Старого Джона. Пират, когда на меня обижается, всегда уходит к нему. Ничего с ним не случится.

– Но уже поздно. Вдруг его сцапает лиса? Если ты не возражаешь, я выгляну и позову его. - Она направилась к двери.

– Накинь что-нибудь, - крикнул я. - Там холодно!

Мэри вернулась в спальню, надела пеньюар, что я купил для нее, когда мы ходили в поселок, и вышла за дверь. Я подбросил в камин дров и отправился на кухню. Раздумывая над меню, я услышал голос Мэри: "Вот негодник! Ну что же ты? Я же из-за тебя беспокоюсь". Таким тоном отчитывают только маленьких детей и кошек.

– Тащи его сюда и закрой дверь! Только пингвинов не пускай! - крикнул я из кухни.

Мэри ничего не ответила. Не услышав, как дверь сходится, я вернулся в гостиную. Она стояла у порога, но Пирата с ней не было. Я хотел что-то сказать, и тут поймал ее взгляд. В глазах Мэри застыл невыразимый ужас.

– Мэри! - позвал я и двинулся к ней.

Она вздрогнула, словно только что меня заметила, и

бросилась к двери.

Двигалась Мэри как-то судорожно, рывками, а когда она повернулась ко мне спиной, я увидел ее плечи.

Под пеньюаром торчал горб.

Не знаю, как долго я стоял на месте. Наверно, лишь долю секунды, но в памяти это мгновение осталось раскаленной добела вечностью. Я прыгнул и схватил ее за руки. Мэри обернулась, но теперь я увидел в ее глазах не бездонные колодцы ужаса, а два мертвых омута.

Она попыталась ударить меня коленом, но я изогнулся, и мне досталось не так сильно. Да, я знаю, что опасного противника бесполезно хватать за руки, но ведь это была моя жена. Не мог же я просто швырнуть ее на пол и добить одним ударом.

Однако у паразита подобных сомнении на мой счет не было. Мэри вернее, эта тварь - пыталась прикончить меня, используя все свое - ее умение, а мне приходилось думать, как бы не убить ее. Не дать ей убить меня, уничтожить паразита, не дать ему перебраться ко мне, чтобы я мог спасти Мэри, - не так-то это просто, когда обо всем нужно думать одновременно.

Я выпустил одну ее руку и ударил Мэри по скуле. Она этого словно и не заметила. Я снова обхватил ее, теперь и руками, и ногами, чтобы она не могла двигаться, и мы повалились на пол. Мэри оказалась сверху. Она попыталась меня укусить, и пришлось ударить ее головой в лицо.

Мне удавалось сдерживать ее, только потому, что а был сильнее. Затем я попытался парализовать ее, воздействуя на болевые точки, но она знала их не хуже меня, и мне еще повезло, что я сам не оказался парализованным.

Оставалось одно: раздавить самого паразита. Но я уже знал, какое жуткое действие это оказывает на носителя: Мэри может умереть, и даже в лучшем случае, если она останется в живых, последствия будут ужасны. Нужно было бы лишить ее сознания, а паразита сначала снять, а потом только убить… Согнать его огнем или стряхнуть.

Согнать огнем…

Однако додумать я не успел, потому что Мэри впилась зубами мне в ухо.

Я перекинул правую руку и схватил паразита.

Никакого результата. Пальцы наткнулись на плотный кожистый панцирь все равно что футбольный мяч пытаться раздавить. Когда я дотронулся до паразита, Мэри дернулась и оторвала мне кусок уха, но это был не спазм.

Паразиту ничего не сделалось, и он по-прежнему держал Мэри в своей власти.

Попробовал поддеть его, но он держался как присоска: я даже палец не мог просунуть.

Мэри, однако, тоже времени не теряла, и мне здорово от нее досталось.

Я перекатил ее на спину и, все еще сжимая в захвате, умудрился встать на колени. Пришлось освободить ее ноги, чем она тут же воспользовалась, но зато я сумел перегнуть Мэри через колено, поднялся и волоком потащил ее к камину.

Она билась, как разъяренная пума, и едва не вырвалась. Но все же я дотащил ее, схватил за волосы и выгнул плечами над огнем. Я хотел только обжечь паразита, чтобы он, спасаясь от жара, отцепился. Но Мэри так яростно сопротивлялась, что я потерял опору, ударился головой о верхний край камина и уронил ее на раскаленные угли.

Она закричала и выпрыгнула из огня, увлекая меня за собой. Еще не очухавшись от удара, я вскочил на ноги и увидел, что она лежит на полу. Ее прекрасные волосы горели.

Пеньюар тоже вспыхнул. Я бросился гасить огонь руками и обнаружил, что паразита на ней уже нет. Обернулся, продолжая сбивать пламя ладонями, и увидел его на полу у камина. Рядом стоял, принюхиваясь, Пират.

– Брысь! - крикнул я. - Пират! Пошел вон!

Кот поднял голову и бросил на меня вопросительный взгляд. Я снова повернулся к Мэри и, только убедившись, что нигде больше не тлеет, встал.

Даже не успел проверить, жива ли она. Чтобы не хватать паразита голыми руками - слишком рискованно, - нужно было взять совок у камина и…

Пират застыл в какой-то неестественно жесткой позе, а паразит уже устраивался у него на загривке. Я прыгнул и, падая, успел схватить его за задние лапы, когда он, повинуясь воле титанца, сделал первое движение.

Хватать взбесившегося кота голыми руками по меньшей мере безрассудно, а удержать, если им управляет паразит, просто невозможно. До камина было несколько шагов, но он за считанные секунды разодрал ногтями и зубами мне все руки. Из последних сил я сунул кота в огонь. Мех на нем вспыхнул, пламя обволокло мои руки, но я держался до тех пор, пока паразит не свалился прямо на раскаленные угли. Только тогда я вытащил Пирата и положил на пол, но он уже не трепыхался. Я загасил тлеющую шерсть и вернулся к Мэри.

Она еще не пришла в себя. Я опустился на пол рядом с ней и заплакал.

***

За час я сделал, что мог, для Мэри. Слева волосы сгорели у нее начисто, плечи и шея были в ожогах. Однако пульс бился сильно, а дышала она, пусть часто и неглубоко, но ровно. Я продезинфицировал и забинтовал ожоги - на всякий случай я держу в хижине все необходимое - и ввел ей снотворного. Затем занялся Пиратом.

Он лежал там же, у камина, но выглядел просто ужасно. Ему досталось гораздо больше, чем Мэри, и еще, возможно, у него обгорели легкие. Я думал, он уже мертв, но когда я тронул его рукой, Пират поднял голову.

– Извини, дружок, - прошептал я, и он тихо мяукнул в ответ.

Я обработал и забинтовал его ожоги, но побоялся вводить снотворное.

После этого прошел в ванную и взглянул на себя в зеркало.

Ухо уже не кровоточило, и я решил его не трогать. Но руки… Я сунул их под горячую воду, заорал, затем высушил под струей воздуха, что тоже оказалось очень больно. Но забинтовать их я все равно не сумел бы, да и не хотелось: наверняка придется еще что-то делать.

В конце концов я вылил по унции крема от ожогов в две пластиковые перчатки и надел их на руки. В креме содержалось обезболивающее, и, в общем, стало терпимо. Я подошел к стереофону и позвонил местному врачу.

Объяснил, что случилось, что я сделал сам, и попросил подъехать.

– Ночью? - спросил он. - Вы, должно быть, шутите.

Я сказал, что совсем не шучу.

– Это невозможно. Ваш случай уже четвертый в округе, и ночью здесь никто не выходит на улицу. Завтра с утра я первым делом заеду к вам и осмотрю вашу жену.

Я посоветовал ему катиться к дьяволу, прямо с утра, и выключил стереофон.

В первом часу ночи Пират умер. Я похоронил его сразу же - чтобы Мэри не видела, в каком он виде. Руки от лопаты болели нещадно, но яма для него нужна была совсем небольшая. Я постоял немного над могилой, попрощался и пошел в дом. Мэри лежала без движения. Придвинув кресло к кровати, я сел дежурить. Старался не заснуть, но несколько раз, кажется, проваливался в полудрему. В общем, не помню.

Глава 23

Под утро Мэри начала ворочаться и стонать. Я обнял ее и зашептал:

– Я здесь, родная, здесь. Все в порядке. Сэм с тобой.

Она открыла глаза, и в них уже знакомый мне ужас. Затем она увидела меня и успокоилась.

– Сэм! Мне такой жуткий сон приснился!

– Все уже в порядке.

– А почему ты в перчатках? - Мэри вдруг заметила на себе бинты; что-то в ее лице дрогнуло, и она все поняла. - Это был не сон!

– Нет, родная, не сон. Но ты не бойся. Я его убил.

– Убил? Ты уверен, что он мертв?

– Абсолютно.

– Иди ко мне, Сэм. Обними меня крепко-крепко.

– Тебе будет больно.

– Все равно обними!

Я обнял ее, стараясь не давить на обгоревшие плечи. Спустя какое-то время она перестала дрожать.

– Извини, дорогой. Я всего лишь слабая женщина.

– Ну что ты! Видела бы ты, в каком я был виде, когда меня спасли от паразитов. - Я видела. Но ты должен рассказать мне, что случилось. Я помню, как ты запихивал меня спиной в камин. И это все.

– Извини, ничего другого мне уже не оставалось. Я хотел снять паразита, и по-другому никак не получалось.

– Я знаю, Сэм, знаю, дорогой. И очень тебе благодарна за то, что ты сделал. От всего сердца благодарна. Ты снова меня спас.

У нас обоих стояли на глазах слезы. Наконец я справился с собой, шмыгнул косом и продолжил:

– Ты не ответила, когда я тебя позвал. Я вышел в гостиную и сразу увидел тебя.

– Да, помню. Я так сопротивлялась!

– Я знаю, что сопротивлялась. Ты хотела уйти, - сказал я, глядя ей в глаза. - Но как тебе это удалось? Когда паразит на спине, это конец, с ним невозможно справиться.

– Да, мне не удалось… Но я старалась изо всех сил.

Каким-то образом Мэри сумела воспротивиться воле паразита, а это невозможно. Уж я-то знаю. Тем не менее я догадывался, кому обязан победой.

Пусть она сдерживала паразита лишь чуть-чуть, но без этого я бы наверняка с ним не справился, поскольку не мог драться с

Мэри так, как на самом деле умею.

– Надо было, конечно, взять фонарь, - продолжила она, - но знаешь, Сэм, мне и в голову не пришло, что здесь тоже опасно.

Я кивнул. Мне тоже казалось, что здесь, в горах, совершенно безопасно - как под одеялом или в крепких объятиях.

– Пират прибежал сразу же. Но я не видела этой твари, пока не коснулась, а потом было уже поздно. - Мэри вдруг села. - А где Пират, Сэм?

С ним ничего не случилось? Позови его.

Пришлось рассказать. Она выслушала меня с застывшим лицом, кивнула и больше о нем не заговаривала. Я же решил переменить тему:

– Ну раз ты проснулась, я приготовлю тебе завтрак.

– Стой!

Я остановился.

– Не уходи. Я ни за что не выпущу теперь тебя из вида. И я сама приготовлю завтрак.

– Черта с два. Ты останешься в постели и будешь вести себя как послушная девочка.

– Подойди ко мне и сними перчатки. Я хочу посмотреть, что у тебя с руками.

Перчатки я снимать не стал, даже думать об этом не мог, потому что обезболивающее почти уже не действовало.

– Так я и знала, - мрачно произнесла Мэри. - У тебя ожоги еще хуже, чем у меня.

В общем, завтрак готовила она. Более того, она одна его и ела - мне самому ничего, кроме кофе, не хотелось. Но я настоял, чтобы она тоже пила много жидкости: ожоги на большой площади - это не шутка. Позавтракав, Мэри отодвинула от себя тарелку и сказала:

– Знаешь, Сэм, я ни о чем не жалею. Теперь я тоже знаю, каково это.

Теперь мы оба знаем.

Я тупо кивнул. Как говорится, и в радости, и в горе…

Мэри встала.

– Видимо, надо возвращаться.

– Да, - согласился я. - Нужно скорее доставить тебя к врачу.

– Я не это имела в виду.

– Знаю. - Обсуждать тут было нечего. Мы оба понимали, что "музыка кончилась" и пора возвращаться на работу. Развалюха, на которой мы прилетели, по-прежнему стояла на посадочной площадке у дома, увеличивая с каждым днем плату за прокат. На то, чтобы сжечь тарелки, все выключить и собраться, у нас ушло не больше трех минут.

Поскольку я с такими руками ни на что не годился, машину вела Мэри.

– Давай сразу вернемся в Отдел, - предложила она, когда мы взлетели.

– Там и подлечат и все новости расскажут. Или руки болят слишком сильно?

– Нет, летим в Отдел, - согласился я.

Хотелось узнать, что происходит и поскорее вернуться к работе. Я попросил Мэри включить "ящик", но аппаратура в машине оказалась под стать самой машине: мы даже звук не могли поймать. Хорошо еще автопилот работал, иначе ей пришлось бы вести машину вручную.

Меня не оставляла в покое одна мысль, и я решил посоветоваться с Мэри:

– Как ты думаешь, паразит ведь не станет забираться на кота просто так, без какой-то цели?

– Видимо, нет.

– Тогда почему он оказался у Пирата на спине? Здесь должна быть какая-то логика. Все, что они делают, логично - пусть даже у этой логики довольно мрачный привкус.

– Но здесь тоже все логично. С помощью кота они поймали человека.

– Да. Но как это можно планировать? Неужели их настолько много, что они позволяют себе разъезжать на кошках в надежде на случайную встречу с человеком? Хотя… - Я вспомнил Канзас-Сити и вздрогнул.

– Почему ты спрашиваешь об этом меня, дорогой? Какой из меня аналитик?

– Брось прикидываться скромной девочкой и подумай лучше вот о чем: откуда этот паразит взялся? К Пирату он попал от другого носителя. От кого? Я так думаю, что это Старый Джон, Горный Козел. Больше Пират никого к себе не подпускает.

– Старый Джон? - Мэри закрыла на секунду глаза. - Нет, я не помню никаких особых ощущений. Мы стояли слишком далеко.

– Больше некому. В поселке все соблюдали режим, а Старый Джон был в куртке. Следовательно, паразит оседлал его еще до введения режима "Голая спина". Только зачем титанцам одинокий отшельник, живущий черт-те где в горах?

– Чтобы поймать тебя.

– Меня?

– Точнее, чтобы вернуть тебя.

Могло быть и так. Возможно, что каждый человек, которому удалось от них уйти, становится вроде как меченым. В таком случае те полтора десятка конгрессменов, что мы спасли,

подвергаются серьезной опасности. Не забыть бы упомянуть об этом нашим аналитикам…

С другой стороны, может быть, им нужен именно я. Что такого во мне особенного? Да, тайный агент. Но что более важно, мой хозяин знал все, что мне известно о Старике, и, следовательно, понимал, в каких мы отношениях.

В моем представлении, Старик был их главным противником, и мой паразит знал, что я так думаю, поскольку он имел доступ к любым моим мыслям.

Он даже встречался со Стариком, разговаривал с ним. Однако стоп.

Этот паразит сдох. Теория рухнула.

И снова встала из руин.

– Мэри, - спросил я, - ты ведь так и не была у себя дома с тех пор, как мы там последний раз завтракали?

– Нет. А что?

– Не возвращайся туда ни в коем случае. Я помню, как думал, когда был с ними, что надо устроить там ловушку.

– Но не устроил?

– Нет. Но возможно, это сделал кто-то другой. Не исключено, что еще один "Старый Джон" сидит там, как паук в паутине, и ждет, когда ты придешь. Или когда я приду. - Я объяснил ей про Макилвейна и его теорию "групповой памяти". - В тот раз я подумал, что он просто фантазирует любимое занятие всех ученых. Но сейчас мне кажется, это единственная гипотеза, с которой согласуются все факты - если только не предполагать, что титанцы глупы и надеются на одну удачу. Но, разумеется, они не глупы.

– Подожди-ка, Сэм. По теории Макилвейна, каждый паразит это как бы все остальные паразиты, так? Другими словами, тварь, что захватила меня вчера вечером, в такой же степени тварь, которая ездила на тебе, как и та, которая на самом деле… Боже, я запуталась. Но я имею в виду…

– Да, примерно так. По отдельности они самостоятельные особи, но после прямых переговоров происходит обмен памятью, и они становятся похожи как две капли воды. Если это действительно так, то вчерашний паразит помнит все, что я знал. Разумеется, если у него были прямые переговоры с моим или с каким-то другим титанцем, который с ним общался - пусть даже через длинную цепочку - после того, как он меня оседлал. А зная их повадки, я думаю, наверняка общался. Он… Я имею в виду, первый… Нет, знаешь что, пусть их будет трое: Джо; Мо и, например, э-э-э… Герберт.

Гербертом назовем вчерашнего. Мо пусть будет…

– Зачем ты даешь им имена, если они не самостоятельные личности? спросила Мэри.

– Просто для того, чтобы… А впрочем, ладно, это все ерунда. Но если Макилвейн прав, то на Земле сейчас сотни тысяч, а может быть, миллионы паразитов, которые знают, кто мы такие, как нас зовут, как мы выглядим, где твоя квартира, где моя, и где наша хижина. Мы у них как в справочнике.

– Но… - Мэри нахмурилась. - Это же ужасно, Сэм. Откуда они могли знать, что мы появимся в хижине? Мы ведь никому не говорили. Неужели они просто устроили ловушку и ждали?

– Должно быть. Мы не знаем, что для паразитов ожидание. Возможно, они воспринимают время совсем по-другому.

– Как венерианцы, - сказала она.

Я кивнул. Венерианцы, случается, "женятся" на своих же праправнучках, причем прародитель может оказаться даже моложе - здесь, разумеется, все зависит от того, кто как впадает в спячку.

– В любом случае, мы должны сообщить все это - и догадки тоже - нашим аналитикам. Пусть парни порезвятся - может, что и надумают.

Я хотел было добавить, что Старику теперь нужно быть особенно осторожным, поскольку охотятся, в конечном итоге, именно на него, но тут, впервые с начала нашего отпуска зажужжал аппарат связи. Я ответил и услышал перекрывший оператора голос Старика:

– Явиться лично!

– Уже летим, - сообщил я. - Будем примерно через полчаса.

– Нужно быстрее. Ты пройдешь через "К-5", Мэри пусть явится через "Л-1". Поторопитесь. - И он отключился, прежде чем я успел спросить, откуда ему известно, что Мэри со мной.

– Ты слышала? - спросил я ее.

– Да. Меня тоже соединили.

– Похоже, вот-вот начнется веселье.

***

Только после приземления до меня дошло, насколько сильно все вокруг изменилось. Мы исправно соблюдали режим "Голая спина", но понятия не имели о режиме "Загар". Едва мы вышли из машины, нас остановили двое полицейских.

– Стоять на месте! - приказал один из них. - Не двигаться!

Если бы не манеры и не оружие в руках, я бы в жизни не догадался, что это полиция. Кроме ремней, ботинок и узеньких - чисто символических плавок, на них ничего не было. Я даже не сразу заметил номерные бляхи на поясах.

– Так, - распорядился первый полицейский, - вылезай из штанов, приятель.

Видимо, я слишком мешкал, и он рявкнул:

– Быстро! Двоих таких сегодня уже застрелили, и у тебя есть шанс стать третьим.

– Сделай, как они говорят, Сэм, - спокойно сказала Мэри.

Я сделал. На мне остались только ботинки и перчатки. Чувствовал я себя полным идиотом, но, снимая шорты, ухитрился спрятать в них аппарат связи и пистолет.

Один из полицейских заставил меня повернуться, и его напарник сказал:

– Он чист. Теперь дама.

Я начал было натягивать шорты, но меня остановил первый полицейский.

– Эй! Ты что, неприятностей захотел? Не вздумай их одевать!

– Боюсь, меня тогда заберут за появление в общественном месте в непристойном виде, - попытался урезонить его я.

Полицейский удивился, потом заржал и повернулся к своему напарнику.

– Ты слышал, Скай?

Напарник решил объяснить:

– Слушай, приятель, ты сам знаешь правила, так что лучше не выпендривайся. По мне так хоть шубу надевай, тогда тебя точно заберут только сразу в морг. Парни из добровольческих формирований не так терпеливы, могут и сразу пристрелить. - Он повернулся к Мэри. - Теперь вы, леди, пожалуйста.

Мэри без разговоров стала стягивать шорты, но тут полицейский смилостивился.

– Достаточно, леди. С этим фасоном все ясно. Просто повернитесь, медленно.

– Благодарю вас, - ответила Мэри и послушно повернулась. Полицейский подметил верно: и шорты, и лифчик на ней были из тех, что напыляются из баллончика.

– А как насчет бинтов? - спросил первый.

– У нее сильные ожоги, - ответил я. - Вы что, сами не видите?

Он с сомнением посмотрел на толстую, неровно намотанную повязку и пробормотал:

– Хм-м… А откуда я знаю, что это действительно ожоги?

– А что же еще? - Я чувствовал, что зарываюсь, но не мог сдержаться: в конце концов речь шла о моей жене. - Черт побери,

а волосы? Она что, по-вашему, сожгла такие волосы, только чтобы вас одурачить?

– Эти все могут, - с угрозой произнес первый полицейский.

– Карл прав, - сказал второй, более терпеливый. - Извините, леди, но придется проверить повязку.

– Вы не имеете права! - вспылил я. - Мы как раз едем к врачу. Вы…

– Помоги мне, Сэм, - перебила меня Мэри.

Я заткнулся и дрожащими от ярости руками принялся отгибать повязку с одной стороны. Тот, что был постарше, присвистнул и сказал:

– О'кей, я удовлетворен. Карл?

– Я тоже, Скай. Однако, как это вас угораздило?

– Расскажи, Сэм.

Когда я закончил рассказ, старший заметил:

– Вы еще легко отделались… В смысле, что вообще спаслись, мэм…

Значит, теперь еще и кошки? Про собак я уже слышал. И про лошадей. Но кто бы мог подумать, что обычная кошка тоже может таскать паразита, а? - На лице у него словно сгустилась тень. - У нас дома есть кошка, и теперь придется от нее избавиться. Детишки, понятное дело, расстроятся.

– Да, тяжело, - посочувствовала Мэри.

– Всем сейчас тяжело. Ладно, друзья, вы свободны.

– Подождите-ка, - сказал первый. - Скай, если она пойдет по улице с такой повязкой на спине, кто-нибудь наверняка поджарит ее из лучемета.

Второй полицейский почесал подбородок.

– Тоже верно. Видимо, придется вызвать вам патрульную машину.

Что они и сделали. Я расплатился за взятую напрокат развалюху и доехал с Мэри до ее входа в Отдел - через служебный лифт в одном из небольших отелей. Чтобы избежать лишних вопросов, мы вошли в лифт вместе.

Она спустилась до нижнего уровня, который даже не значился на кнопках, а я поднялся, уже один, обратно. Можно было пройти в Отдел с ней, но Старик приказал мне возвращаться через "К-5".

Очень хотелось снова надеть шорты. В патрульной машине и от машины до служебного входа в отель, в сопровождении полицейских, которые решили довести нас до места, чтобы никто случайно не подстрелил Мэри, я еще чувствовал себя нормально, но для того, чтобы выйти на люди без штанов, когда ты один, выдержки требуется несравненно больше.

Впрочем, я зря беспокоился. Идти мне было недалеко, но и за эти несколько минут я увидел достаточно, чтобы понять: древняя привычка человечества прятать тело под одеждой канула в лету. Большинство мужчин носило такие же лоскутки с завязками, как и полицейские, но я оказался не единственным голым человеком на улице. Один мне запомнился особенно хорошо: он стоял, прислонившись к столбу, и буквально сверлил холодным взглядом каждого, кто проходил мимо. Кроме сандалий и нарукавной повязки с буквами "ДФ", на нем ничего не было, но в руках он держал полицейскую винтовку марки "Оуэнс". По дороге мне встретились еще трое таких, и я подумал, что очень вовремя решил нести шорты в руке.

Обнаженных женщин было мало, но остальные могли с таким же успехом щеголять в чем мать родила - тоненькие бюстгальтеры и прозрачные трусики все равно ничего не прикрывали. Главное, чтобы нигде не мог спрятаться паразит. Большинство женщин, правда, выглядели бы гораздо лучше в тогах так, во всяком случае, мне показалось сначала. Но даже это впечатление скоро исчезло. На некрасивые тела я обращал не больше внимания, чем на побитые такси. Глаз их просто не замечал. И точно так же, похоже, вели себя все остальные - с полным безразличием. Кожа, мол, она и есть кожа, ну и что?

Когда я вернулся в Отдел, меня сразу пропустили к Старику. Он оторвал взгляд от бумаг и буркнул:

– Что-то ты долго.

– Где Мэри? - спросил я вместо ответа.

– В лазарете. Залечивает ожоги и диктует рапорт. Ну-ка покажи, что у тебя с руками.

– Нет уж, я их лучше врачу покажу, - сказал я. - Что тут у вас происходит?

– Если бы ты хоть изредка слушал новости, - проворчал Старик. - Тогда бы тебе не пришлось спрашивать, что происходит.

Глава 24

На самом деле я даже рад, что мы ни разу не включали стерео, иначе наш медовый месяц кончился бы, не успев начаться. Пока мы с Мэри рассказывали друг другу, какой у каждого из нас замечательный избранник, человечество едва не проиграло войну. Мои подозрения насчет того, что паразит может управлять носителем, прячась на теле жертвы в любом месте, полностью подтвердились. Это доказали экспериментально еще до нашего отлета в горы, однако отчет прошел мимо меня. Но Старик знал. Президент, разумеется, тоже, и все высшее руководство.

Вы скажете, нет ничего проще. На смену режиму "Голая спина" приходит режим "Загар", и население страны дружно скидывает одежду, оставаясь в чем мать родила.

Черта с два! Когда начались Скрантонские беспорядки, новая информация все еще держалась под грифом "совершенно секретно". Только не спрашивайте меня, почему. Наше правительство стремится засекретить все, до чего, по мнению "мудрых" государственных мужей и всяческих бюрократов, мы еще не доросли. Им, мол, лучше знать, что нужно делать. Скрантонские беспорядки могли кого угодно убедить, что в зеленой зоне полно паразитов, но даже после этих событий режим "Загар" ввели не сразу.

Насколько я понимаю, ложные сигналы воздушной тревоги передали на восточном побережье на третий день нашего медового месяца. Властям потребовалось довольно много времени, чтобы разобраться в ситуации, хотя с самого начала было ясно, что освещение не может отключиться "случайно" сразу в стольких бомбоубежищах. Я с ужасом думаю о том, как все эти люди сидели в кромешной тьме, дожидаясь сигнала отбоя, а проклятые зомби, перебираясь от одного к другому, преспокойно насаживали им паразитов. В некоторых бомбоубежищах они, очевидно, добились стопроцентных результатов. На следующий день начались беспорядки в других городах. Страну охватил страх. Строго говоря, первая добровольческая акция произошла, когда некий отчаявшийся гражданин попытался, угрожая оружием, проверить полицейского. Это был житель города Олбани Морис Т.Кауфман; полицейского звали Малькольм Макдональд. Спустя полсекунды Кауфман погиб от руки полицейского, но Макдональд тут же последовал за ним - толпа разорвала его на куски вместе с паразитом. Однако по-настоящему добровольческое движение оформилось, когда за организацию дежурств взялись на местах уполномоченные по

гражданской обороне.

Поскольку во время воздушной тревоги уполномоченным полагается оставаться наверху, почти никто из них не попался в лапы титанцам, однако, в большинстве своем, они считали, что ответственны за случившееся.

Впрочем, добровольцев хватало и помимо отрядов гражданской обороны: голых вооруженных людей с повязками уполномоченных по гражданской обороне или буквами "ДФ" было на улицах примерно поровну. И те, и другие, случалось, стреляли по любому, у кого замечали что-то подозрительное под одеждой, сначала стреляли, а разбирались после.

***

Пока мне залечивали руки, я входил в курс дела Доктор ввел мне небольшую дозу "Темпуса", и я около часа - субъективного времени прошло по чти трое суток - сидел, просматривая стереопленки на сверхскоростном проекторе. Эта аппаратура до сих пор не продается населению, хотя известно, что кое-где студенты пользуются аналогичной техникой во время сессий. При работе с ней надо лишь подогнать скорость демонстрации к субъективной скорости восприятия. Глаза устают ужасно, но в моей работе это вещь незаменимая.

Поначалу с трудом верилось, что так много событий произошло за такой короткий срок. Взять, например, собак. Люди из добровольческих формирований стреляли их, едва завидев, даже если на них не было паразитов. Нет сейчас, значит, после захода солнца будет, а тогда она нападет на человека, и титанец просто поменяет в темноте носителя.

Ну что это за мир, где нет веры собакам?!

Кошек, похоже, титанцы почти не использовали. Бедняга Пират стал редким исключением. Однако в зеленой зоне мало кто видел теперь собак днем. Они просачивались к нам из красной зоны по ночам, пробирались в темноте и на заре прятались. Порой так успешно, что их ловили даже на океанских побережьях. Поневоле вспомнишь об оборотнях.

Среди прочих я просмотрел несколько десятков кассет с записями стереопередач из красной зоны. Все их можно было разделить на три группы по времени выхода в эфир: период маскарада, когда паразиты продолжали "нормальное" вещание; короткий период контрпропаганды, когда титанцы пытались

убедить жителей зеленой зоны, что правительство сошло с ума; и последние дни, когда они вообще перестали притворяться.

По версии доктора Макилвейна, собственная культуру у титанцев отсутствует; они паразитируют и в этом смысле тоже, просто перестраивая под себя ту культуру, которую встречают. В частности, они вынуждены поддерживать хотя бы на минимальном уровне хозяйственную деятельность своих жертв, иначе им придется голодать вместе с носителями. И паразиты действительно сохраняли в захваченных районах прежние экономические отношения - правда, с некоторыми вариациями, которые для нас совершенно неприемлемы. Например, они перерабатывали поврежденных носителей или просто лишних людей на удобрения. Однако в целом, фермеры оставались фермерами, механики - механиками, а банкиры - банкирами. Последнее кажется глупым, но специалисты утверждают, что экономическая система, основанная на разделении труда, обязательно требует бухгалтерского учета.

Другое дело, зачем они сохраняли наши развлечения. Или потребность в развлечениях носит всеобщий характер? В целом, их выбор человеческих забав, которые они сохранили и "улучшили", характеризует нас самих не с лучшей стороны, хотя кое-что тут заслуживает внимания - например, корриды в Мексике, где быку предоставлялись равные шансы с матадором.

Но почти все остальное просто мерзко, и я не хочу на этом останавливаться. Мне, одному из немногих, довелось видеть записи без купюр, но я смотрел их профессиональным взглядом. Хотелось бы надеяться, что Мэри, которая тоже проходила инструктаж, ничего этого не видела.

Впрочем, она, если и видела, все равно не скажет.

Было там и еще кое-что. До сих пор не уверен, стоит ли упоминать об этих позорных, отвратительных фактах, но чувствую, что должен: среди прислужников титанцев встречались и люди (если их можно так назвать) без паразитов. Перебежчики. Предатели.

Я всей душой ненавижу титанцев, но, будь у меня выбор, первым делом свернул бы шею одному из этих.

***

Войну с паразитами мы проигрывали. Наши методы годились лишь для того, чтобы сдерживать их распространение, и при этом

далеко не всегда гарантировали успех. Вступить в открытую борьбу означало бы бомбить собственные города, причем без всякой уверенности, что такими мерами можно избавиться от паразитов. Нам нужно было оружие, которое убивало бы титанцев, но не причиняло вреда людям, что-то такое, от чего люди, скажем, теряли бы сознание или временно лишались способности сопротивляться. Тогда мы могли бы вторгнуться в захваченные районы и спасти своих сограждан. Но такого оружия не существовало, хотя ученые работали, не покладая рук. Тут идеально подошел бы какой-нибудь "сонный газ", но нам, видимо, повезло, что такой газ не был известен до начала нападения, иначе паразиты наверняка использовали бы его против нас. Нельзя забывать, что в распоряжении титанцев была такая же, если не большая, доля военной мощи Соединенных Штатов, как и у свободных людей.

В шахматах это называется пат, но время работало на них. В зеленой зоне хватало идиотов, которые предлагали обрушить на города в долине Миссисипи массированный ядерный удар и попросту стереть их с лица земли, но это все равно что вылечить рак губы, отрезав больному голову. В противовес им выступали такие же идиоты, которые не видели паразитов, не верили в них и считали все происходящее неким тиранническим замыслом Вашингтона. Этих, из второй категории, с каждым днем становилось все меньше, но не потому что они меняли свои убеждения - просто очень уж старались люди из добровольческих формирований.

Был и третий тип - этакие открытые, без предрассудков, деятели, которые считали, что с титанцами можно вести переговоры и устанавливать деловые отношения. Одна такая делегация, направленная секретным совещанием представителей оппозиционной партии в Конгрессе, даже попыталась провести идею в жизнь. В обход Государственного департамента они связались с губернатором Миссури по телевизионному каналу, наспех проложенному через янтарную зону, и им пообещали дипломатическую неприкосновенность.

Титанцы пообещали, но они поверили. Делегация вылетела в Сент-Луис, и больше их никто не видел. Правда, они неоднократно посылали нам сообщения. Я как-то проглядел одно такое - воодушевляющая речь, общий смысл которой можно было бы выразить фразой: "Давайте все к нам! Вода отличная!"

Но разве скот когда подписывал соглашения с мясозаготовителями?

***

Северная Америка оставалась пока единственным известным местом высадки титанцев. Организация Объединенных Наций ничего не предпринимала, только передала в наше распоряжение космические станции и переехала в Женеву. Голосованием при двадцати трех воздержавшихся было решено считать наше бедствие "гражданскими беспорядками", после чего секретариат обратился ко всем странам, членам организации, с просьбой оказывать любую посильную помощь законным правительствам Соединенных Штатов, Мексики и Канады.

Бесшумная тайная война продолжалась, и сражения часто проигрывались раньше, чем мы узнавали, что они начались. Обычное оружие годилось разве что при наведении порядка в янтарной зоне - теперь две ничейные полосы тянулись через всю страну от канадских лесов до мексиканских пустынь. Днем там бывали только наши патрули. Ночью же, когда они отступали, через границу пытались пробраться к нам собаки - понятное дело, с паразитами.

За всю войну только один раз использовалось ядерное оружие - чтобы уничтожить летающую тарелку, которая приземлилась неподалеку от Сан-Франциско, к югу от Берлингейма. Уничтожили ее в полном соответствии с действующей военной доктриной, но в данном случае сама доктрина подверглась резкой критике: тарелку нужно было захватить для изучения. Сам я, правда, больше симпатизировал тем, кто сначала стрелял, а разбирался после.

К тому времени, когда действие "Темпуса" стало ослабевать, я уже достаточно хорошо представлял себе положение Соединенных Штатов, но даже в Канзас-Сити мне не приходило в голову, что наши дела идут настолько скверно. На страну, словно плотный туман, опустился Страх. Друзья стреляли в друзей, жены разоблачали мужей и так далее. Малейший слух о появлении титанца вмиг собирал на улице толпу, и суд Линча стал обычным явлением.

Постучав ночью кому-нибудь в дверь, можно было, скорее всего, получить пулю. Все честные люди оставались по ночам дома, а по улицам бродили только собаки.

От того, что в большинстве случаев слухи о титанцах не подтверждались, ситуация не становилась менее опасной. И вовсе не эксгибиционизм заставлял так много людей ходить нагишом, хотя режим "Загар" допускал узенькие обтягивающие трусы и бюстгальтеры. Даже самый минимум одежды вызывал

подозрительные взгляды, а подозрения, случалось, приводили к слишком поспешным действиям. Панцири для позвоночника и плеч никто уже не носил: титанцы быстро научились делать такие же, но использовали в своих целях. Особенно запомнился мне случай с девушкой в Сиэтле. На ней были только босоножки, а в руке - средних размеров женская сумочка, но один из добровольцев-патрульных - видимо, у него уже нюх на паразитов развился - заметил, что она не выпускает сумочки из правой руки, даже когда достает мелочь.

Девушка осталась жива: он отстрелил ей руку у запястья. Возможно, ей уже пересадили новую, поскольку этих "запасных частей" хватало теперь с избытком. Когда патрульный открыл сумочку, паразит тоже был еще жив, но прожил он всего несколько секунд.

Почти сразу после этого эпизода действие "Темпуса" прекратилось, о чем я и сообщил сестре.

– Не беспокойтесь, - ответила она. - Это вредно. А теперь, пожалуйста, поработайте пальцами на правой руке.

Пока я сгибал и разгибал пальцы, они с врачом за считанные минуты напылили мне суррогатную кожу.

– Для грубой работы пользуйтесь перчатками, - сказал врач. - Через неделю придете ко мне.

Я поблагодарил их и отправился в штаб. Первым делом мне хотелось отыскать Мэри, но оказалось, что она все еще в "Косметике".

Глава 25

– Как руки? - спросил Старик.

– Ничего. Фальш-кожа на неделю. Завтра мне прирастят ухо.

Он нахмурился.

– Времени нет, чтоб прижилось. Тебе нужно будет зайти в "Косметику".

Пусть сделают искусственное.

– Я и без уха пока могу, - сказал я. - Зачем мне искусственное? Или ты задумал для меня новый образ?

– Не совсем… Однако теперь ты уже знаешь, что происходит в стране, и я хочу знать твое мнение.

"Интересно, что он имеет в виду?" - подумал я, затем сказал:

– Плохи наши дела. Все следят друг за другом. Все равно что в России.

– Хм-м-м… Кстати, если уж мы заговорили о России, куда по-твоему легче проникнуть: в Россию или в красную зону?

– В смысле? - Я бросил на него подозрительный взгляд. - С каких это пор ты позволяешь агентам выбирать задания?

– Я просто хотел услышать твое мнение, как профессионала.

– М-м-м… У меня слишком мало информации; А что, паразиты уже захватили Россию?

– Вот это-то мне и нужно узнать.

Я вдруг понял, что Мэри была права: агентам не следует жениться.

– В это время года я бы, наверно, отправился через Гуанчжоу. Или ты планируешь выброску с парашютом?

– А с чего ты решил, что я хочу отправить тебя туда? - спросил Старик. - Гораздо проще и легче узнать все в красной зоне.

– Ой ли?

– Наверняка. Если они высаживались где-нибудь еще, кроме этого континента, титанцы в красной зоне знают, где именно. Зачем же тогда лететь за полмира?

Пришлось отложить оформившийся было план, где я фигурировал в качестве индийского торговца, путешествующего с женой, и я задумался о словах Старика. Может быть… Может быть…

– Но как теперь попасть в красную зону? - спросил я. - С пластиковым паразитом на плечах? Меня поймают на первых же прямых переговорах.

– Не сдавайся так сразу. Туда отправились уже четыре агента.

– Они вернулись?

– М-м-м, нет. Пока нет.

– Ты что, решил, что я уже слишком долго числюсь в списке на выплату жалования?

– Я думаю, те четверо применяли неверную тактику.

– Да уж наверно.

– Тут главное убедить их, что ты перебежчик. Как тебе идея?

Идея действительно была сногсшибательная. Я даже не сообразил сразу, что ему ответить.

– Может быть, для начала поручить мне что-нибудь попроще? Могу я, например, поработать сутенером где-нибудь в Панаме? Или порубить для практики несколько человек топором? Входить в роль нужно постепенно.

– Ладно, полегче, - сказал он. - Возможно, это непрактично…

– Да ну тебя!

– …но ты, я думаю, справился бы. Никто из моих агентов не знает паразитов лучше тебя. И видимо, ты неплохо отдохнул, если не считать, что чуть-чуть прижег пальцы. Хотя, может быть, нам лучше забросить тебя куда-нибудь недалеко от Москвы, чтобы ты осмотрелся там и сообщил свои выводы. В общем, подумай. Два дня у тебя еще есть, так что можешь не дергаться.

– Ну спасибо. Огромное тебе спасибо. - Я решил переменить тему. - Что ты запланировал для Мэри?

– А это разве тебя касается?

– Она - моя жена.

– Знаю.

– Черт побери! Ты не хочешь пожелать мне счастья? Или хотя бы удачи?

– Мне иногда кажется, - произнес он медленно, - что удачи у тебя и так хоть отбавляй. Однако прими мое благословение, если оно чего-то стоит.

– Хм… Спасибо. - До меня иногда не сразу доходит. И как-то мне не приходило до этой минуты в голову, что столь удобным совпадением увольнений мы с Мэри обязаны Старику. - Знаешь, папа…

– Что такое?

Уже второй раз за месяц я назвал Старика папой, и это его, видимо, насторожило. - Ты ведь с самого начала рассчитывал, что мы с Мэри поженимся, да? У тебя так и было запланировано?

– А? Бог с тобой! Я верю в свободу воли, сынок, и в свободу выбора.

Вам обоим полагались увольнительные, а все остальное - случайность.

– Да? Случайностей не бывает. Во всяком случае, когда ты поблизости.

Однако ладно. Исходом событий я доволен. А насчет работы… Дай мне немного времени. Я обдумаю, что тут можно сделать. И зайду в "Косметику", поинтересуюсь насчет резинового уха.

Глава 26

В конце концов мы решили проникнуть в красную зону. Однако аналитики из Отдела сочли, что у "липового" перебежчика нет никаких шансов. Основной вопрос тут: "Как человек становится перебежчиком? Почему титанцы ему верят?" Ответ напрашивается сам собой: паразит знает мысли своего носителя. Если, подчинив себе мозг человека, титанец чувствует, что тот по природе своей ренегат и готов продаться, тогда, может быть, он сочтет необходимым использовать его не как носителя, а как перебежчика. Но первым делом паразит все-таки проверит, насколько у человека подлая душа.

Мы сделали такой вывод исходя из чисто человеческой логики, но паразиты должны ей подчиняться, потому что они могут ровно столько, сколько могут их носители. Меня же, по словам наших психоаналитиков, нельзя выдать за перебежчика даже при помощи гипнотического внушения.

Узнав об их решении, я совершенно искренне сказал "Аминь".

Возможно, действия титанцев, "освобождающих" носителей, покажутся вам нелогичными - даже при том, что они знали: эти носители по характеру рабы.

Но из них-то и формировалась присягнувшая на верность паразитам пятая колонна. Слово "верность" здесь выглядит как-то нелепо, но в человеческих языках нет специального слова, чтобы охарактеризовать подобную низость. Мы не сомневались, что ренегаты проникают в зеленую зону, но пойди отличи его от нормального человека. В общем, вылавливать их было совсем нелегко.

***

Долго готовиться к заброске мне не пришлось. Я освежил под гипнозом несколько языков, которые могли пригодиться, причем особый упор сделал на жаргонизмах. Затем получил новую внешность, документы, легенду - короче, новую личность - и большую сумму денег. Для связи мне выдали последнюю модель передатчика, работающего в УКВ диапазоне, и размером не больше хлебного батона - одним словом, прелесть. Плюс энергоблок с идеальной экранировкой, который не учует ни один радиационный счетчик.

Планировалось, что меня забросят сквозь их радарный щит, но под прикрытием мощных помех, которые должны на время "свести с ума" все приборы станций слежения. После чего мне положено было выяснить, захвачен ли русский блок паразитами, и передать информацию на любую из космических станций в пределах видимости. Я имею в виду, в пределах видимости приборов. Без них мне станцию не разглядеть, и я не верю, когда люди говорят, что способны отыскать их на небе невооруженным глазом. Выполнив задание, я мог с чистой совестью уходить, уезжать, уползать - короче, правдами и неправдами пробираться за границу. Если сумею.

Однако случилось так, что все эти приготовления оказались ни к чему.

В районе городка Пасс-Кристиан села летающая тарелка, Всего третья тарелка, чья посадка была замечена. Первую, в районе Гриннела, паразиты сумели спрятать; от второй, под Берлингеймом, осталось только радиоактивное воспоминание. Но ту, что села у Пасс-Кристиан, засекли радары и видели на земле.

Засекли ее с космической станции "Альфа", но отметили как "довольно крупный метеорит". Ошибка объясняется высокой скоростью объекта.

Примитивные радарные устройства шестидесятилетней давности неоднократно замечали в прошлом летающие тарелки, особенно когда они, двигаясь в атмосфере с небольшой скоростью, проводили разведку. Современные же радары оказались настолько "совершенны", что просто не могли засечь летающую тарелку. Все дело в специализации. Аппаратура транспортного контроля регистрирует только летающие машины в воздухе. Оборонные системы видят только то, что им и положено видеть. Чувствительные приборы работают в интервале от атмосферных скоростей до пяти миль в секунду; более грубые замечают все от низкоскоростных ракет до объектов, движущихся со скоростью около десяти миль в секунду.

Есть и другие системы избирательного действия, но ни одна из них не фиксирует объекты со скоростью больше десяти миль в секунду - кроме орбитальных регистраторов метеоритной активности, а они не подчиняются военному ведомству. Потому-то никто сразу и не заподозрил, что этот "гигантский метеорит" может оказаться летающей тарелкой.

Однако ее посадка не осталась незамеченной. Когда тарелка садилась в районе Пасс-Кристиан, в десяти милях от Галфпорта патрулировал побережье красной зоны подводный крейсер "Роберт Фултон". Он двигался, выставив над поверхностью моря одни только рецепторы, и, когда тарелка снизила скорость (по

данным орбитальной станции - с пятидесяти трех миль в секунду) до верхнего предела чувствительности радара, на контрольных экранах крейсера вдруг возник новый объект.

Возник из ниоткуда, снизил скорость до нуля и исчез. Но дежурный оператор засек координаты последнего сигнала - оказалось, это в нескольких милях от берега Миссисипи. Капитан крейсера очень удивился: след на экране радара не мог означать космический корабль, поскольку они просто не тормозят с пятидесятикратными перегрузками. Ему не пришло в голову, что паразитам такие перегрузки, возможно, нипочем. Тем не менее он решил разобраться и направил крейсер в устье Миссисипи.

Первый его рапорт гласил: "К западу от Пасс-Кристиан на Миссисипи совершил посадку космический корабль". Второе было еще короче: "Высаживаю группу захвата".

Если бы я в то время не готовился в Отделе к заброске, меня наверняка не взяли бы с собой - все происходило слишком быстро. Зазвонил мой телефон. От неожиданности я ударился головой о корпус проекционной машины и выругался. Тут же послышался голос Старика:

– Ко мне! Быстро!

Отправились мы той же компанией, с которой началась вся эта история много недель - или лет? - назад: Старик, Мэри и я. Только в воздухе, когда мы, нарушая все ограничения по скорости, рванули на юг, Старик объяснил, в чем дело.

– Но почему только наша "семейка"? - спросил я. - Туда надо направить целую десантную часть.

– Уже направлена, - серьезным тоном ответил Старик, затем вдруг ухмыльнулся. - А что ты так беспокоишься? В наступление идет неустрашимое семейство Кавано. А, Мэри?

Я фыркнул.

– Если ты опять хочешь поручить нам роль брата и сестры, тебе лучше подыскать другого агента.

– Ладно, но ты по-прежнему защищаешь ее от собак и посторонних мужчин, - сказал Старик. - Ты понял? И от собак, и от мужчин. Не исключено, сынок, что сегодня решается все.

Он перебрался к пульту связи, задвинул переборку и склонился над коммуникатором. Я повернулся к Мэри. Она прижалась ко мне и шепнула:

– Привет, братишка.

Я сжал ее посильнее.

– Если ты и дальше будешь называть меня "братишкой", кого-то придется отшлепать.

Глава 27

Поначалу нас чуть не сбили свои же, затем придали для сопровождения два "Черных ангела", которые и доставили машину к флагманскому кораблю, откуда руководил операцией маршал Рекстон. Мы сравняли скорость с флагманом, и он принял нас на борт, подцепив якорной петлей. Маневр, надо заметить, не для слабонервных.

Рекстон хотел было "отшлепать нас и отослать домой", но со Стариком такие шутки не проходят. В конце концов нас выгрузили прямо в воздухе, и я посадил машину на шоссе у побережья, к западу от Пасс-Кристиан - могу добавить, что я чуть не поседел, когда при заходе на посадку кто-то выпустил по нашей машине ракету типа "земля-воздух". И вокруг, и над нами продолжался бой, но около самой тарелки было на удивление спокойно.

Инопланетный корабль высился над шоссе всего в сорока ярдах от нас.

Выглядел он так же зловеще и убедительно, как глупо и ненатурально смотрелась та подделка из пластика в Айове - огромный диск, чуть наклоненный в нашу сторону. При посадке тарелка раздавила дом, один из тех особняков с остроконечными крышами, что строят там вдоль всего побережья, и теперь сидела между развалинами дома и стволом толстенного дерева.

Из-за того, что тарелка стояла наклонно, нам хорошо было видно ее верхнюю часть с металлической полусферой около двенадцати футов диаметром в центре - без сомнения, вход в шлюзовую камеру. Полусфера висела футах в шести-восьми над корпусом тарелки. Я не видел, на чем она держится, но полагал, что там должна быть центральная колонна, как у тарельчатого клапана. Почему они не закрылись и не взлетели, тоже было понятно: шлюз искорежила и заклинила своим корпусом "болотная черепаха", легкий плавающий танк из группы захвата, высаженный с "Роберта Фултона".

Хочу, чтобы вы запомнили эти имена: командир танка лейтенант Гилберт Калхаун из Ноксвилла, механик-водитель Флоренс Березовская, и стрелок Букер Т.У.Джонсон. Когда мы приземлились, все они были уже мертвы.

Едва наша машина опустилась на дорогу, ее окружил взвод десантников под командованием молодого розовощекого офицера, которому явно не терпелось кого-нибудь пристрелить. Увидев Мэри, он немного поутих, но все равно не разрешил приблизиться к тарелке, пока не получил согласие своего

непосредственного командира, который в свою очередь связался с капитаном "Фултона". Учитывая, что тому, скорее всего, пришлось говорить с Вашингтоном, разрешение мы получили довольно быстро.

Ожидая ответа, я наблюдал за сражением в воздухе и, по правде говоря, был рад, что не принимаю в нем участия. Потери ожидались большие, и многие уже полегли. За нашей машиной лежало тело мальчишки - от силы лет четырнадцати. Он все еще сжимал в руках реактивный гранатомет, а его плечи, где еще недавно сидел титанец, покрывала красная сыпь. Я сразу насторожился: возможно, паразит сполз и умер, но кто знает, может, он сумел перебраться на солдата, который заколол мальчишку штыком.

Пока я обследовал тело, Мэри с молодым морским офицером отошли по шоссе в сторону. Опасение, что паразит еще жив и может быть где-то рядом, заставило меня обогнать их.

– Иди в машину, - сказал я.

Она бросила взгляд вдоль дороги: глаза ее возбужденно блестели.

– Я подумала, что, может быть, мне удастся пострелять.

– Здесь она в безопасности, - сказал молодой офицер. - Мы надежно удерживаем их довольно далеко отсюда.

Я сделал вид, что не слышу его.

– Послушай, ты, кровожадная хищница! Быстро в машину, или я затолкаю тебя туда силой!

– Хорошо, Сэм, - она двинулась к машине и забралась внутрь.

Я повернулся к молодому офицеру.

– Что ты на меня уставился? Не нравлюсь? - Совсем недавно эта местность кишела паразитами, и я здорово нервничал.

– Не особенно. - Он смерил меня взглядом. - Там, откуда я родом, с дамами так не разговаривают.

– Вот и отправлялся бы туда, откуда ты родом, черт побери! - рявкнул я, повернулся и пошел к машине. Старика тоже не было видно, и мне это совсем не нравилось.

Возвращаясь с запада, затормозила рядом санитарная машина.

– Дорога до Паскагулы свободна? - спросил водитель.

Река Паскагула в тридцати милях к востоку от места посадки считалась янтарной зоной: одноименный городок на восточном берегу в устье реки был в зеленой зоне, но в шестидесяти-семидесяти милях к западу по этой же дороге находился Нью-Орлеан, город с самой высокой концентрацией паразитов южнее Сент-Луиса. Враги прибывали оттуда, а наша ближайшая база была в Мобиле.

– Не знаю, не слышал, - ответил я.

Он сжал зубами костяшку пальца.

– А черт, ладно. Сюда прорвался - может, и назад прорвусь.

Турбины взвыли, и он унесся прочь. Я продолжал высматривать Старика.

Хотя на земле сражение переместилось в сторону от тарелки, в воздухе бой продолжался чуть ли не прямо над нами. Я следил за белыми росчерками в небе, пытаясь понять, кто есть кто, и как они сами это определяют. Вскоре откуда-то появилась большая транспортная машина, резко затормозила реактивными двигателями, и оттуда посыпались десантники. Издалека я не мог разглядеть, есть у них паразиты или нет, но по крайней мере транспорт появился с востока.

Потом я заметил Старика. Тот разговаривал с командиром группы захвата. Я подошел и вмешался в разговор:

– Босс, по-моему, пора давать ходу. Сюда еще минут десять назад должны были сбросить атомную бомбу.

– Не беспокойтесь, - сказал командир. - Концентрация паразитов здесь настолько мала, что не заслуживает даже игрушечной бомбы.

Я уже хотел спросить, откуда он знает, что паразиты придерживаются такого же мнения, но вмешался Старик:

– Он прав, сынок.

Затем взял меня за локоть, отвел к машине и добавил:

– Он прав, но совершенно по другой причине.

– В смысле?

– Мы же не бомбили города, которые удерживают паразиты. И они тоже не хотят уничтожать корабль; он нужен им целым и невредимым. Иди к Мэри и помни: собаки и посторонние мужчины.

Я промолчал, хотя он совсем меня не убедил. По правде сказать, я ждал, что от нас вот-вот останутся только щелчки в счетчике Гейгера.

Паразиты сражались с полным пренебрежением к опасности - возможно, потому что отдельная личность для них ничего не значит. С чего тогда они будут осторожничать с одним из своих кораблей? Может быть, им гораздо важнее, чтобы тарелка не попала в наши руки.

Мы едва успели дойти до машины, как снова появился тот зеленый офицер. Он отсалютовал Старику и громко произнес:

– Командир распорядился оказывать вам всяческое содействие, сэр. Вы вправе делать все, что захотите.

Судя по тому, как изменилось его отношение к нам, можно было подумать, что вместо ответной радиограммы они получили

пылающие письмена от самого господа Бога.

– Благодарю вас, сэр, - ответил Старик снисходительно. - Мы хотели всего лишь осмотреть захваченный корабль.

– Да, сэр. Прошу за мной, сэр.

Но роль гида ему не удалась. Сначала он никак не мог решить, кого ему нужно сопровождать, Старика или Мэри, но Мэри победила, и первым оказался Старик. Я шел сзади, настороженно глядел по сторонам и старался не думать об этом мальчишке. Места на побережье - если это не ухоженные сады совсем дикие, практически джунгли. Летающая тарелка плюхнулась как раз в такую чащу, а Старик вел напрямик.

– Осторожнее, сэр. Смотрите под ноги, - сказал офицер.

– Что, паразиты? - спросил я.

Он покачал головой.

– Кобры.

Только змей нам еще и не хватало, но, видимо, я прислушался к его предупреждению и смотрел на землю, когда случилась новая неожиданность.

Я услышал крик, вскинул голову и - помоги нам бог - прямо на нас несся бенгальский тигр.

Мэри, видимо, выстрелила первой. Я - одновременно с молодым офицером, может быть, даже чуть раньше. Старик выстрелил последним. Четыре луча располосовали зверя на столько кусков, что на ковер там уже ничего не осталось. Но, как ни странно, паразит на загривке тигра не пострадал, и я спалил его вторым выстрелом.

– Ну и ну, - удивленно глядя на тигра, произнес офицер. - Я думал мы с ними со всеми разделались.

– Что ты имеешь в виду?

– Один из первых транспортов, что они сюда направили. Настоящий Ноев ковчег. В кого мы только не стреляли - от горилл до белых медведей. На тебя никогда не бросался буйвол?

– Нет, и надеюсь, судьба избавит меня от таких испытаний.

– На самом деле собаки хуже. На мой взгляд, они все-таки неважно соображают. - Он равнодушно кивнул на мертвого паразита.

Мы быстро миновали заросли и добрались до корабля титанцев - отчего мне совсем не стало спокойнее, хотя ничего пугающего в его облике, в общем-то, не было.

Другое дело, что корабль выглядел не так. Явно искусственный объект, но и без всяких подсказок было ясно, что сделан он не людьми.

Почему? Не знаю, как точнее передать. Поверхность - сплошное темное зеркало, и на нем ни царапины, вообще ни

единой отметины. Как его собирали - непонятно. Сплошная гладкая поверхность и все.

Я даже не мог сказать, что это за материал. Металл? По идее, да, должен бы быть металл. Но что это на самом деле? Далее, поверхность космического корабля только-только с орбиты может быть или безумно холодной или обжигающе-горячей от прохождения через атмосферу. Я дотронулся до нее рукой и ничего не почувствовал, ни холода, ни жара, вообще ничего. И еще я заметил сразу же: такой большой корабль, садящийся с дикой перегрузкой, должен был спалить под собой по крайней мере акра два; здесь же ничего не выгорело, под кораблем остался пышный зеленый кустарник.

Мы поднялись к "грибу" в центре тарелки - к шлюзу, если я правильно понял его назначение. Один край "гриба" зажал "болотную черепаху" танковую броню смяло, будто картонную коробку, но все же она выдержала.

"Черепахи" могут погружаться на глубину до пятисот футов, так что, сами понимаете, они очень прочные.

Шляпка "гриба" смяла ее, но шлюз все-таки не закрылся. Хотя на металле - или что это там за материал, из которого паразиты делают свои корабли - все равно не осталось ни следа.

Старик повернулся ко мне.

– Вы с Мэри подождите здесь.

– Ты что, один туда собрался?

– Да. Возможно, у нас очень мало времени.

Тут заговорил офицер:

– Я должен вас сопровождать, сэр. Приказ командира.

– Что ж, хорошо, - согласился Старик. - Пошли.

Он встал на колени, заглянул внутрь, затем опустился на руках в люк.

Мальчишка последовал за ним. Я немного злился на Старика, но оспаривать его решение не стал.

Когда они скрылись в тарелке, Мэри повернулась ко мне:

– Сэм, мне это совсем не нравится. Я боюсь.

Она меня, признаться, удивила. Я сам испытывал страх, но никак не ожидал этого от нее.

– Не беспокойся. Я рядом.

– А мы должны оставаться здесь? Он ведь не сказал этого.

Я обдумал ее слова и решился:

– Если ты хочешь вернуться к машине, я тебя провожу.

– Я… Нет, Сэм, наверно, нам надо остаться. Но ты меня обними.

Я обнял ее и почувствовал, как она дрожит.

***

Спустя какое-то время - не помню, как долго мы сидели одни, - над краем люка появилась голова Старика и мальчишки-офицера.

Офицер выбрался наружу. Старик приказал ему охранять шлюз, а нас потянул внутрь.

– Пошли. Там не опасно. Вроде бы.

– Черта с два! - сказал я, но послушался, потому что Мэри уже двинулась к люку.

Старик помог ей слезть и сказал:

– Голову не поднимайте. Здесь везде низкие потолки.

Давно известно, что у инопланетян все иначе, не так как у нас, но мало кому из людей доводилось своими глазами видеть лабиринты Венеры или марсианские руины, а я не принадлежу к числу даже тех немногих. Сам не знаю, что ожидал увидеть внутри. Не то чтобы там все поражало воображение, но выглядело довольно необычно. Создавался корабль инопланетным разумом, с совершенно иными представлениями о том, как и что нужно делать, разумом, который даже не знал, возможно, о прямых углах и прямых линиях или не считал эти элементы необходимыми. Мы оказались в небольшой, как бы приплюснутой круглой камере и оттуда поползли по змеящейся трубе около четырех футов диаметром: туннель уходил, наверно, в самое сердце корабля и по всей поверхности светился красноватым светом.

В корабле стоял странный, тяжелый запах - словно болотный газ с душком от мертвых паразитов. Это, и красноватое свечение, плюс полное отсутствие ощущений тепла или холода под ладонями создавало неприятное впечатление, будто мы не космический корабль обследуем, а ползем по пищеводу какого-то неземного чудовища.

Вскоре труба разделилась, словно артерия, на два прохода, и там мы впервые обнаружили титанского гермафродита-носителя. Он - пускай будет "он" - лежал на спине, будто спящий ребенок с паразитом вместо подушки. На маленьких пухлых губках застыло некое подобие улыбки, и я не сразу догадался, что он мертв. На первый взгляд, у титанца и человека больше сходных черт, чем различий. То, что мы ожидали увидеть, как бы заслоняет, что мы видим на самом деле. Взять хотя бы его "рот" - с чего я решил, что они им дышат?

В действительности, даже несмотря на поверхностное сходство - четыре конечности и похожий на голову нарост - они

напоминают нас не больше, чем, скажем, лягушка-бык молодого бычка. Тем не менее что-то в нем было почти человеческое. "Маленький эльф", - подумалось мне. Эльфы со спутника Сатурна.

Увидев это существо, я выхватил пистолет. Старик обернулся и сказал:

– Успокойся. Он мертв. Они все погибли, когда танк нарушил герметизацию.

– Я хотел убить паразита, - не унимался я, держа оружие наготове. Возможно, он еще жив. Паразит был без панциря, какой встречался теперь почти у всех, голый и отвратительный.

– Твое дело. Но он никому не причинит вреда. Этот паразит не может выжить на носителе, который дышит кислородом, - сказал Старик, пожав плечами, и полез через мертвого титанца.

Я даже не смог из-за него выстрелить. Мэри, вопреки обыкновению, не выхватила пистолет, а только прижалась ко мне, словно искала защиты и утешения. Дышала она неровно, будто всхлипывала. Старик остановился и терпеливо спросил:

– Ты идешь, Мэри?

Она судорожно вздохнула.

– Пойдем назад! Я не могу здесь!

– Мэри права, - сказал я. - Это работа не для троих агентов, а для целой научной группы со специальным оборудованием.

Старик не обратил на меня никакого внимания.

– Мэри, это необходимо сделать, ты же знаешь. Кроме тебя, некому.

– Что это еще такое? Почему она должна здесь оставаться? - разозлился я.

Он снова пропустил мои слова мимо ушей.

– Мэри?

Каким-то образом ей удалось справиться с собой. Дыхание стало ровным, лицо разгладилось, и она с невозмутимостью королевы, всходящей на эшафот, поползла дальше, прямо через лежащего титанца. Я двинулся следом, стараясь не задеть тело, хотя пистолет в руке здорово мешал.

В конце концов мы добрались до большого помещения, которое, по всей вероятности, служило титанцам командным отсеком - мертвых "эльфов" там оказалось еще больше. Вогнутые стены светились гораздо ярче, чем в туннеле, и были покрыты какими-то наростами с извилинами, похожими на кору головного мозга и столь же непостижимыми. Мне снова почудилось, что сам корабль это большой живой организм.

Старик не остановился и нырнул в следующий туннель со светящимися красными стенами. Мы ползли по его изгибам, пока туннель не расширился футов до десяти - даже встать уже можно

было. Но это не самое главное: стены стали прозрачными.

За прозрачными панелями по обеим сторонам, извиваясь и переворачиваясь, плавали в питательной среде тысячи и тысячи паразитов. Каждый контейнер освещался мягким рассеянным светом изнутри, и было очень хорошо видно, насколько они велики. Я с трудом сдерживался, чтобы не закричать.

Пистолет дрожал у меня в руке, и Старик закрыл раструб ладонью.

– Не вздумай, - сказал он. - Не приведи господь, они оттуда вырвутся.

Эти-то как раз для нас.

Мэри смотрела на паразитов, не отрываясь, но лицо ее казалось мне слишком уж спокойным. Наверно, она даже не совсем понимала, что видит перед собой. Я посмотрел на нее, на стены этого жуткого аквариума и, теряя терпение, сказал:

– Давайте сматываться отсюда, пока еще есть время, а потом разбомбим их к чертовой матери.

– Нет, - тихо ответил Старик. - Это еще не все. Пошли.

Туннель сузился, затем снова стал шире, и мы оказались в зале чуть меньших размеров. Опять прозрачные стены и опять что-то за ними плавало.

До меня даже не сразу дошло, что это.

Прямо напротив меня, лицом вниз колыхалось тело мужчины. Тело человека. Земного человека лет сорока-пятидесяти. Он плавал, скрестив руки на груди и поджав колени как во сне.

Я смотрел, не в силах отвести взгляд и мучаясь ужасными догадками.

Человек был в аквариуме не один - за ним плавали еще: мужчины и женщины, молодые и старые - но этот почему-то задержал мое внимание. Я думал, что человек мертв, даже сомнений не возникало. Но тут он шевельнул губами боже, лучше бы это и в самом деле был мертвец.

***

Мэри бродила вдоль прозрачной стены словно во сне - нет, не во сне, а полностью погруженная в себя - останавливалась, вглядывалась в мутные, заполненные телами аквариумы.

Старик смотрел только на нее. - Ну что, Мэри? - спросил он мягко.

– Я не могу их найти, - чуть не плача, произнесла она голосом

маленькой девочки и перебежала к другой стене.

Старик схватил ее за руку.

– Ты не там их ищешь, - сказал он, на этот раз твердо. - Тебе нужно вернуться к ним. Вспомнить.

– Но я не помню! - Как стон.

– Ты должна вспомнить! По крайней мере это ты можешь для них сделать.

Тебе нужно вернуться к ним, отыскать их у себя в памяти.

Мэри закрыла глаза, и по ее щекам побежали слезы. Она всхлипывала и судорожно глотала воздух. Я протиснулся между ними и повернулся к Старику.

– Прекрати. Что ты с ней делаешь?

Он оттолкнул меня в сторону и рассерженно прошептал:

– Не лезь, сынок. Сейчас ты не должен мне мешать.

– Но…

– Все! - Он отпустил Мэри и отвел меня ко входу. - Стой здесь. Я знаю что ты любишь жену, знаю, что ненавидишь титанцев, но сейчас не мешай мне.

Все будет хорошо. Я обещаю.

– Что ты задумал?

Старик не ответил и отвернулся. Я остался на месте. Хотелось что-то сделать, но я боялся вмешиваться в то, чего не понимаю.

Мэри села на корточки и закрыла лицо руками, как напуганный ребенок.

Старик опустился рядом с ней на колени и тронул ее за запястье.

– Назад, возвращайся назад, - донеслось до меня. - Туда, где все это началось.

– Нет… нет… - едва слышно откликнулась Мэри.

– Сколько тебе было лет? Когда тебя нашли, по виду было семь или восемь. Это случилось раньше?

– Да… да, раньше. - Она всхлипнула и упала на пол. - Мама! Мамочка!

– Что говорит мама? - мягко спросил Старик.

– Ничего не говорит. Только смотрит на меня так… странно смотрит. У нее что-то на спине. Я боюсь. Боюсь!

Пригнув голову, я двинулся к ним. Старик, не отрывая глаз от Мэри, махнул рукой, чтобы я оставался на месте, и я в нерешительности остановился но полпути.

– Назад, - приказал он. - Назад!

Обращался он ко мне, и я послушался. Но Мэри тоже.

– Я помню корабль, - пробормотала она. - Большой, сверкающий корабль…

Старик сказал что-то еще. Если она и ответила, я на этот раз

не расслышал. Но все равно остался на месте. Происходило явно что-то важное, настолько важное, что целиком захватило внимание Старика даже в окружении врагов. Он говорил - успокаивающе, но настойчиво. Мэри затихла и словно погрузилась в гипнотический транс. Теперь я слышал ее совершенно отчетливо. Спустя какое-то время ее просто понесло, как бывает, когда срывается какой-то эмоциональный тормоз. Старик лишь изредка направлял рассказ.

Я услышал шорох в туннеле за спиной, и, выхватив пистолет, мгновенно повернулся. На какое-то мгновение мной овладело дикое паническое ощущение, что мы попали в ловушку, и я чуть не пристрелил того молодого офицера, что мы оставили охранять вход.

– Срочно на выход! - произнес он, задыхаясь, затем протолкнулся мимо меня к Старику и повторил то же самое.

Старик зыркнул на него как на смертельного врага.

– Заткнись и не мешай!

– Но, сэр, это необходимо, - настаивал офицер. - Командир приказал немедленно возвращаться. Мы отступаем. Возможно, придется уничтожить этот корабль. Если мы останемся, они разнесут его вместе с нами.

– Хорошо, - неожиданно спокойным тоном произнес Старик. - Иди скажи командиру, что он должен продержаться, пока мы не вернемся. У меня есть жизненно важная информация. Сынок, помоги мне с Мэри.

– Есть, сэр! Но поторопитесь! - Офицер поспешно уполз.

Я подхватил Мэри на руки и донес до воронки, ведущей в туннель. Она ни на что не реагировала, хотя вроде бы была в сознании. У выхода я положил ее на пол.

– Придется тащить, - сказал Старик. - Она, видимо, не скоро придет в себя. Знаешь что, давай-ка я пристрою ее тебе на спину, и ты поползешь впереди.

Не обращая на него внимания, я тряхнул Мэри за плечи.

– Мэри! Ты меня слышишь?

Она открыла глаза.

– Да, Сэм.

– Мэри, родная, нам нужно выбираться отсюда - и очень быстро. Ты сможешь ползти?

– Да, Сэм. - Глаза опять закрылись.

Я снова ее встряхнул и крикнул:

– Мэри!

– Да, дорогой. Что такое? Я очень устала.

– Послушай, Мэри, тебе нужно ползти вперед. Иначе нас захватят паразиты. Ты понимаешь?

– Хорошо, дорогой. - Она уже не закрывала глаза, но в них не было ни единой мысли.

Я подтянул ее в туннель и пополз следом. Когда она останавливалась, приходилось подгонять ее шлепками. Через камеру со стеклянными стенами, за которыми плавали паразиты, и командный отсек - если это действительно командный отсек - я пронес Мэри на руках, затем снова ползком. На развилке, где на полу лежал мертвый "эльф", она остановилась. Я пополз вперед и запихал труп в боковой туннель. Теперь уже у меня не возникало никаких сомнений, что паразит сдох. Но Мэри снова пришлось поддать, чтобы она двигалась вперед.

Худо-бедно этот кошмар закончился, и мы все-таки выползли к шлюзу, где нас ждал молодой офицер. Он помог нам поднять Мэри: мы со Стариком толкали снизу, он тянул. Затем я подсадил Старика, выкарабкался наверх сам и отобрал Мэри у этого мальчишки. Снаружи уже почти стемнело.

Мы пробрались мимо раздавленного дома, обогнули кустарник и вышли на дорогу. Машины на месте не оказалось, но нас ждала "болотная черепаха", куда мы и втиснулись, не теряя ни одной секунды, потому что бой шел уже чуть ли не над нашими головами. Командир танка велел задраить люки и мы рванули к воде. Спустя пятнадцать минут танк вполз в чрево "Фултона".

А еще через час мы высадились на базе Мобил. Нам со Стариком предложили в кают-компании "Фултона" кофе и сандвичи, а Мэри тем временем приводили в себя в женском кубрике. Она присоединилась к нам перед самым прибытием на базу и, похоже, чувствовала себя к тому времени вполне нормально.

– Ты как, в порядке, Мэри? - спросил я.

– Конечно, дорогой. А что могло со мной случиться?

С базы мы вылетели на штабной машине в сопровождении нескольких истребителей. Я думал, мы направляемся к себе в Отдел или в Вашингтон, но вместо этого пилот доставил нас на другую базу, скрытую в теле горы, и лихо сел прямо в ангар - гражданским машинам такое просто не под силу, а он, что называется "попал в игольное ушко": на полной скорости снизился, влетел в пещеру и сразу затормозил.

– Где это мы? - спросил я.

Старик не ответил и выбрался из машины. Мы с Мэри последовали за ним.

Ангар был небольшой - всего лишь стоянка для дюжины летающих машин, уловитель и единственная стартовая платформа. Охрана направила нас к двери посреди каменной стены, мы зашли внутрь и оказались в крохотном холле.

Голос из динамика тут же приказал нам раздеться. Как ни жаль было расставаться с оружием и телефоном, но пришлось.

Затем мы прошли в следующее помещение, где нас встретил молодой охранник, чье облачение состояло лишь из повязки с тремя шевронами и двумя перекрещенными ретортами. Он повел нас дальше и перепоручил девушке, на которой было и того меньше - только два шеврона. Оба служащих базы, конечно же, обратили внимание на Мэри, каждый по своему, и мне показалось, что девица-капрал облегченно вздохнула, передав наконец нашу компанию капитану.

– Мы получили ваше сообщение, - сказала женщина-капитан. - Доктор Стилтон уже ждет.

– Благодарю вас, мадам, - ответил Старик. - Куда теперь?

– Секундочку. - Она подошла к Мэри, ощупала ее волосы и извиняющимся тоном добавила: - Приходится быть настороже.

Если она и заметила, что больше половины волос у Мэри искусственные, то никак этого не проявила. У нее самой прическа была по-мужски короткая.

– Ладно, - смилостивилась она. - Идемте.

– Хорошо, - сказал Старик. - Но ты, сынок, останешься здесь.

– Почему это? - спросил я.

– Потому что ты чуть не испортил мне первую попытку. Все. Возражения не принимаются, - отрезал Старик. - Офицерская кают-компания будет в первом проходе налево, подсказала капитанша. - Можете подождать там.

Ничего другого мне не оставалось. По пути в кают-компанию я наткнулся на дверь, украшенную красным черепом с костями и надписью: "Осторожно!

Живые паразиты. Только для допущенного персонала! Используйте процедуру "А"!" Разумеется, меня бы туда силой не затащили.

В кают-кампании прохлаждались трое или четверо мужчин и две женщины.

Я нашел свободное кресло и сел, пытаясь сообразить, кем тут нужно быть, чтобы получить рюмку. Спустя несколько минут ко мне присоединился крупный общительный мужчина с цепочкой на шее, на которой болталась бляха с полковничьими звездами.

– Новичок? - спросил он.

Я признал, что да.

– Гражданский эксперт?

– Не знаю, потяну ли я на эксперта, но для оперативной работы вроде бы гожусь.

– А как зовут? Извините за навязчивость, но и отвечаю здесь за режим секретности. Фамилия - Келли.

Я тоже назвался. Он кивнул.

– Вообще-то, я видел, как вы появились на базе. Ладно, мистер Нивенс, а как вы насчет того, чтобы промочить горло?

– Спрашиваете! Кого надо прикончить, чтобы налили?

***

– …и насколько я понимаю, - говорил Келли, - режим секретности здесь нужен, как роликовые коньки кобыле. Результаты нашей работы надо публиковать в печати и как можно скорее.

Я заметил, что он совсем не производит впечатление твердолобого солдафона. Келли рассмеялся.

– Поверьте, далеко не все "твердолобые солдафоны" на самом деле таковы. Они ими только кажутся.

На это я сказал, что да, мол, маршал Рекстон, например, действительно не так прост, как можно было бы подумать.

– Вы с ним знакомы? - спросил Келли.

– Не то чтобы знаком, но мы встречались с ним по работе. Последний раз я видел его сегодня утром.

– Хм… Я никогда не встречался с этим джентльменом лично. Похоже, вы вращаетесь в более высоких сферах, сэр.

Я объяснил, что это всего лишь случайный поворот судьбы, но тем не менее он стал относиться ко мне с гораздо большим уважением.

Спустя какое-то время Келли принялся рассказывать мне о работе лаборатории:

– Сейчас мы знаем об этих мерзких созданиях больше самого дьявола. Но известно ли нам, как уничтожать паразитов, не убивая носителя? Увы.

Разумеется, если бы мы могли заманивать их по одному в какую-нибудь камеру и усыплять газом, тогда носители оставались бы целы и невредимы. Но знаете эту старую шутку про то, как ловить птиц? Все, мол, очень просто, если можешь подобраться достаточно близко и насыпать ей на хвост соли. Сам я не ученый - всего лишь полицейский, хотя и числюсь по другому ведомству, - но я разговаривал с теми, кто здесь работает. И одно ясно уже сейчас: для победы в войне нужно биологическое оружие - микроб, который кусает паразита, но не носителя. Вроде бы не так сложно, да? Нам известны сотни болезней, которые смертельны для титанцев - оспа, тиф, сифилис,

энцефалит, болезнь Обермейера, чума, желтая лихорадка и так далее. Беда в том, что все они убивают и носителей.

– А нельзя использовать что-нибудь такое, против чего у всех есть иммунитет? - спросил я. - Всем, например, делают прививки от тифа. И почти все вакцинированы от оспы.

– Ничего не выйдет. Если у носителя есть иммунитет, паразиту болезнь не передается. Теперь, когда они научились отращивать себе этот наружный панцирь, все контакты с внешней средой идут у них через носителей. Нет, нам нужно что-то такое, что наверняка убьет паразита, а у человека разве что насморк вызовет.

Я хотел что-то ответить, но тут заметил в дверях Старика, извинился перед Келли и встал из-за столика.

– Что там из тебя Келли выкачивал? - спросил Старик.

– Ничего не выкачивал, - ответил я.

– Это тебе только кажется. Ты знаешь, кто он?

– А должен?

– Да должен бы. Хотя может, и нет. Он никому не позволяет себя фотографировать. Это знаменитый "Б.Дж.Келли", величайший криминолог современности.

– Тот самый Келли?! Но ведь он не имеет никакого отношения к армии.

– Почему? Возможно, он в запасе. Но я думаю, ты догадываешься теперь, насколько важна эта лаборатория. Пойдем.

– Где Мэри?

– Сейчас тебе к ней нельзя. Она приходит в себя.

– С ней… что-нибудь случилось?

– Я же обещал тебе, что все будет в порядке. Лучше Стилтона в этой области никого нет. Но нам пришлось копать очень глубоко и преодолевать ее сопротивление. Это всегда тяжело для объекта.

Я обдумал его слова и спросил:

– Ты получил, что хотел?

– И да, и нет. Мы еще не закончили.

– А что ты хочешь найти?

Мы шли по одному из бесконечных подземных коридоров базы, потом зашли в небольшой кабинет и сели. Старик нажал клавишу коммуникатора на столе и сказал:

– Частная беседа.

– Да, сэр, - послышалось в ответ. - Мы не будем записывать.

Одновременно на потолке зажегся зеленый сигнал.

– Верить им, конечно, нельзя, - пожаловался Старик, - но по крайней мере, пленку не будет слушать никто, кроме Келли. Теперь о том, что ты хотел узнать… Хотя, по правде говоря, я не

уверен, что тебе положено это знать. Да, она твоя жена, но душа ее тебе не принадлежит, а то, что нам стало известно, крылось слишком глубоко в душе. Мэри и сама не подозревала, что там есть.

Я молчал, и он продолжал задумчиво, обеспокоенным тоном:

– С другой стороны, может быть, лучше рассказать тебе что-то, чтобы ты понял, о чем я говорю. Иначе ты начнешь дергать ее, а мне бы этого очень не хотелось. Ты невольно можешь вызвать у нее какой-нибудь нервный срыв. Она вряд ли что-то вспомнит - Стилтон работает предельно осторожно но ты можешь здорово осложнить ей жизнь.

Я глубоко вздохнул и сказал:

– Сам решай.

– Ладно. Я расскажу тебе кое-что и отвечу на твои вопросы - на некоторые из них, - если ты поклянешься никогда не беспокоить на эту тему свою жену. У тебя просто нет нужного опыта.

– Хорошо, сэр. Я обещаю.

– В общем, не так давно на Земле существовала группа людей - культ, можно сказать, - к которым все остальное человечество относилось довольно неприязненно.

– Я знаю. Уитманиты.

– А? Откуда ты узнал? От Мэри? Нет, Мэри не могла ничего тебе рассказать; она сама не помнила.

– Нет, не от Мэри. Сам догадался.

Старик посмотрел на меня с удивлением и уважением одновременно.

– Возможно, я тебя недооценивал, сынок. Да, уитманиты. И Мэри была в детстве с ними, в Антарктике.

– Стоп! Они же перебрались из Антарктики… - я напряг память, и нужная дата вдруг всплыла, -…в 2034-м!

– Точно.

– Но тогда Мэри должно быть около сорока.

– А тебя это беспокоит?

– В смысле? Нет, видимо. Но этого не может быть.

– На самом деле может. Хронологически ей действительно около сорока.

Биологически - примерно двадцать пять. А субъективно она еще моложе, потому что у нее нет сознательных воспоминаний о жизни до 2050-го.

– Что ты имеешь в виду? Я могу понять, что она не помнит свое детство, не хочет его вспоминать. Но что означает все остальное?

– То что я и сказал. Ей ровно столько, на сколько она

выглядит…

Помнишь ту камеру на корабле титанцев, где она начала что-то вспоминать?

Лет десять или даже больше Мэри провела в анабиозе точно в таком же аквариуме.

Глава 28

С возрастом я не становлюсь грубее и крепче; скорее наоборот - мягче, сентиментальнее… Мэри, моя любимая жена, плавающая в этой искусственной утробе, не живая, не мертвая - законсервированная, словно саранча в банке - нет, это было уже слишком.

Откуда-то издалека вновь донесся голос Старика:

– Спокойно, сынок. С ней же все в порядке.

– Ладно… Дальше.

Внешне жизнеописание Мэри выглядело довольно просто, хотя элемент загадочности в нем тоже присутствовал. Ее нашли в болотах под Кайзервилем у северного полюса Венеры. Девочка ничего не могла о себе рассказать и знала только свое имя - Аллукьера. Никто не счел имя важной деталью, да и вряд ли кому пришло бы в голову искать связь между маленькой девочкой-найденышем и крахом уитманитов: еще в 2040-м команда грузового корабля, доставлявшего припасы в их колонию в Новый Сион, сообщила, что там никого не осталось в живых. Целых десять лет времени и двести миль непроходимых джунглей разделяли крохотное поселение Кайзервиль и забытую богом колонию уитманитов. Неизвестно откуда взявшийся ребенок на Венере? В 2050-м году? Да, событие невероятное, но на планете не нашлось ни одного человека, который заинтересовался бы этим делом и захотел разобраться. Кайзервиль в то время - это горняки, шлюхи, несколько представителей "Двухпланетной компании" и, пожалуй, все. А когда целыми днями ворочаешь на болотах радиоактивную грязь, ни сил, ни желания чему-то удивляться уже не остается.

Девочка росла, называя всех женщин в поселении "мамами" или "тетями", а игрушки ей заменяли покерные фишки. Со временем поселенцы сократили ее имя и стали называть девочку просто Лукки. Старик не сказал, кто платил за ее перелет до Земли, да это и не так важно. Главный вопрос заключался в другом: где она была с тех пор, как Новый Сион поглотили джунгли, и что случилось с колонией уитманитов?

Однако ответ на него хранился только в памяти Мэри - вместе с ужасом и отчаянием.

Незадолго до 2040 года - примерно в то время, когда появились сообщения о летающих тарелках над Сибирью, или на год-два раньше - титанцы обнаружили на Венере колонию Новый Сион. Как раз, видимо, за один сатурнианский год до нападения на Землю. Скорее всего, они прилетели на Венеру не ради землян,

а на разведку. Но может быть, и наоборот, титанцы точно знали, где искать колонистов. Нам известно, что они похищали землян в течение двух веков, как минимум, и кто-то из последних пленников мог знать, где находится Новый Сион. Здесь темные воспоминания Мэри ничего не проясняли.

Она видела, как титанцы захватили колонию, как ее родители превратились в зомби, которые вдруг потеряли к ней всякий интерес.

Очевидно, паразиты не использовали Мэри в качестве носителя, или же попробовали и отпустили, решив, что слабенькая девочка-несмышленыш ни на что не годится. Так или иначе, она целую вечность - в ее детском восприятии - оставалась в захваченном поселении: забытая, никому не нужная, без ласки и заботы. Ее не трогали, но даже есть девочке приходилось то, что удастся стащить. Титанцы, судя по всему, собирались закрепиться на Венере: в качестве рабов они использовали, в основном, венерианцев, а колонисты-земляне большой роли в их планах не играли. Но Мэри присутствовала при том, как ее родителей помещали в анабиотический контейнер - возможно, для использования в дальнейшем против Земли.

В конце концов, она и сама оказалась в таком контейнере. Либо на корабле титанцев, либо на их базе на Венере. Скорее всего, последнее, поскольку после пробуждения она все еще была на Венере. Тут в ее истории много неясностей. Неизвестно, например, отличались ли паразиты для венерианцев от тех, что управляли колонистами-землянами. Возможно, нет: жизнь и на Венере, и на Земле имеет одинаковую углеродно-кислородную основу. Судя по всему, способности паразитов изменяться и приспосабливаться к окружающей среде безграничны, однако им приходится подстраиваться под биохимию носителя. Если бы жизнь на Венере имела кремниево-кислотную основу - как на Марсе - или фторовую, одни и те же паразиты не могли бы использовать и венерианцев и людей.

Но важнее всего было то, что случилось с Мэри после извлечения из "инкубатора". Планы титанцев захватить Венеру провалились - во всяком случае она застала последние дни господства паразитов. Ее начали использовать в качестве носителя сразу же после анабиоза, но она пережила своего паразита.

Почему он умер? Почему провалились планы титанцев? Именно это и пытались узнать Старик с доктором Стилтоном, выискивая ответы в памяти Мэри.

***

– И это все? - спросил я.

– А по-твоему мало? - ответил Старик.

– Но тут больше вопросов, чем ответов. - На самом деле, нам известно больше, - сказал он. - Но ты не специалист по Венере и не психолог. Я рассказал тебе, что знаю, чтобы ты понял, зачем нам нужна Мэри, и ни о чем ее не спрашивал. Будь с ней поласковей, на ее долю и так выпало слишком много горя.

Совет я пропустил мимо ушей, решив, что с женой мы поладим без посторонней помощи.

– Чего я не могу понять, так это как ты догадался, что Мэри имеет какое-то отношение к летающим тарелкам, - сказал я. - Надо думать, в тот первый раз ты тоже взял ее с собой не случайно. И оказался прав. Но как тебе это удалось? Только серьезно.

– Сынок, у тебя бывают предчувствия? - озадаченно спросил он.

– Еще бы!

– А что такое предчувствие?

– А? Видимо, ничем на первый взгляд не подкрепленная уверенность в том, что какое-то событие произойдет или не произойдет.

– Я бы сказал, что это результат подсознательного осмысления данных, о наличии которых ты даже не подозреваешь.

– Черная кошка в темном угольном погребе в полночь. У тебя не было вообще никаких данных. И не пытайся меня уверить, что твое подсознание обрабатывает информацию, которую ты получишь только на следующей неделе.

– Вот данные-то как раз были.

– Как это?

– Ты помнишь последнюю процедуру, которой подвергается кандидат перед зачислением в Отдел?

– Личное собеседование с тобой.

– Нет, не то.

– А! Гипноанализ! - Я забыл об этом по той простой причине, что объект и не должен помнить сеанс гипноанализа. - Ты хочешь сказать, что знал что-то о Мэри еще тогда? Значит, это не предчувствие?

– Тоже неверно. У меня было очень мало данных: добраться до информации, что кроется у Мэри глубоко в подсознании, не так-то легко.

Кроме того, я успел забыть то немногое, что удалось узнать. Но когда все это началось, мне сразу пришло в голову, что здесь не обойтись без Мэри.

Позже я прослушал пленку с ее гипноинтервью еще раз и тогда только понял, что она может знать гораздо больше. Первая попытка ничего не дала. Но я уже не сомневался, что Мэри сможет рассказать что-то еще.

Я задумался.

– Веселую жизнь ты ей устроил, чтобы добраться до этой информации.

– Ничего другого мне не оставалось. Извини.

– Ладно. - Я помолчал, затем спросил: - Слушай, а что было в моем гипноинтервью?

– Тебе этого знать не положено.

– Да брось ты.

– И я не мог бы тебе рассказать, даже если бы захотел. Я его просто не слушал, сынок.

– Как это?

– Распорядился, чтобы пленку прослушал мой заместитель. Он сказал, что для меня там нет ничего интересного. Я и не стал слушать.

– Да? Что ж, спасибо.

Он лишь проворчал в ответ что-то неразборчивое. Мы с ним вечно ставим друг друга в неловкое положение.

Глава 29

Паразиты на Венере умерли от какой-то болезни, которую они там подцепили - в этом, по крайней мере, мы почти не сомневались. Поначалу Старик рассчитывал вытащить из летающей тарелки тех людей, что плавали в анабиотических контейнерах, оживить их и допросить, но теперь мы вряд ли могли надеяться, что быстро получим подтверждение: пока Старик рассказывал мне о Мэри, из Пасс-Кристиан сообщили, что тарелку удержать не удалось, и, чтобы она не досталась титанцам, на нее сбросили бомбу.

Короче, другого источника информации, кроме Мэри, у нас не было. Если какая-то болезнь на Венере оказалась смертельной для титанцев, но не принесла вреда людям - Мэри, во всяком случае, выжила, - тогда нам оставалось проверить их все и определить, что это за болезнь. Хорошенькое дело! Все равно что проверять каждую песчинку на берегу моря. Список венерианских болезней, которые не смертельны для человека, а вызывают только легкое недомогание, просто огромен. С точки зрения венерианских микробов, мы, видимо, не слишком съедобны. Если, конечно, у них есть точка зрения, в чем я лично сомневаюсь, что бы там ни говорил доктор Макилвейн.

Проблема осложнялась тем, что на Земле хранилось весьма ограниченное число живых культур болезнетворных микроорганизмов Венеры. Это, в общем-то, можно было поправить - но лет так за сто дополнительных исследований чужой планеты.

А тем временем приближались заморозки. Режим "Загар" не мог держаться вечно.

***

Оставалось искать ответ там, где, ученые надеялись, его можно найти в памяти Мэри. Мне это совсем не нравилось, но поделать я ничего не мог. Сама Мэри, похоже, не знала, зачем ее вновь и вновь погружают в гипнотический транс. Вела она себя достаточно спокойно, но усталость чувствовалась: круги под глазами и все такое. В конце концов я не выдержал и сказал Старику, что это пора прекращать.

– Ты же сам понимаешь, что у нас нет другого выхода, - тихо

сказал Старик.

– Черта с два! Если вы до сих пор не нашли, что искали, то и не найдете уже.

– А тебе известно, сколько требуется времени, чтобы проверить все воспоминания человека, даже если ограничиться каким-то отдельным периодом?

Ровно столько же, сколько этот период длился! То, что мы ищем - если у нее вообще есть нужная нам информация, - может оказаться каким-то едва уловимым штрихом ее воспоминаний.

– Вот именно "если есть"! - повторил я за ним. - Вы сами в этом не уверены. Знаешь, что… Если с Мэри что-то случится - выкидыш или еще что - я тебе своими руками шею сверну.

– Если мы не добьемся результатов, - сказал он спокойно, - ты сам не захочешь ребенка. Тебе что, понравится если твои дети станут носителями для титанцев?

Я закусил губу.

– Почему ты оставил меня на базе, а не отправил в Россию?

– Ты нужен мне здесь, рядом с Мэри, чтобы утешать ее и успокаивать, а ты ведешь себя как испорченный ребенок. И кроме того, лететь в Россию уже не нужно.

– Как это? Что случилось? Кто-то из агентов раздобыл информацию?

– Если бы ты, как положено взрослому человеку, хоть изредка интересовался новостями, тебе не пришлось бы задавать глупые вопросы.

Я торопливо вышел, узнал, что происходит в большом мире и вернулся.

Оказалось, что на этот раз я прозевал сообщение об охватившей целый континент Азиатской чуме, вторым по значимости событии после нападения титанцев. Эпидемия такого масштаба последний раз была на Земле в семнадцатом веке.

Новости не укладывались в голове. Согласен, они все там в России ненормальные. Но здравоохранение и санитария поставлены у них весьма неплохо; там это делается "под гребенку" и без всяких глупостей. Чтобы в стране разразилась эпидемия, необходимо буквально нашествие крыс, вшей, блох и прочих классических переносчиков заразы. А русские бюрократы даже Китай вычистили до такой степени, что вспышки бубонной чумы и тифа отмечались там теперь редко и лишь в отдельных регионах.

А сейчас оба заболевания быстро распространялись по всей территории Китая, России и Сибири. Положение было настолько критическим, что правительство обратилось в ООН за помощью. Что же произошло?

Ответ напрашивался сам собой. Я посмотрел на Старика.

– Босс, в России действительно полно паразитов. - Да.

– Ты догадался? Однако, черт, нам теперь нужно торопиться, а не то в долине Миссисипи будет то же, что и в Азии. Одна маленькая крыса и… Титанцы совершенно не заботились о санитарии. И видимо, с тех пор, как они отбросили маскарад, на территории от канадской границы до Нью-Орлеана не мылся ни один человек. Вши… Блохи… - Если мы не найдем выхода, можно с таким же успехом закидать их бомбами. Смерть, по крайней мере, будет не так мучительна.

– Да, пожалуй, - вздохнул Старик. - Может быть, это наилучшее решение. Может быть, единственное. Но ты же сам понимаешь, что мы этого не сделаем. Пока остается хотя бы малейший шанс, мы будем искать выход.

Я задумался. Гонка со временем обрела еще один аспект. Неужели титанцы настолько глупы, что не в состоянии уберечь своих рабов? Может быть, именно по этой причине они вынуждены перебираться с планеты на планету? Потому что портят все, к чему прикоснутся? Потому что со временем их носители вымирают и им нужны новые?

Теории, одни теории. Но одно ясно: если мы не найдем способ уничтожить паразитов, в красной зоне разразится чума, причем очень скоро.

Я наконец собрался с духом и решил, что обязательно пойду на следующий сеанс "просеивания памяти". Если в воспоминаниях Мэри есть что-то такое, что поможет расправиться с паразитами, возможно, мне удастся разглядеть это там, где пропустили другие. Понравится это Старику со Стилтоном или нет, но я буду там. В конце концов, мне надоело, что со мной обращаются не то как с принцем-консортом, но то как с нежеланным ребенком.

Глава 30

Нас с Мэри поселили в комнатушку, предназначенную для одного офицера.

Тесно там было как на "шведском" столе, заставленном тарелками, но мы не жаловались. На следующее утро я проснулся первым и по привычке проверил, не подобрался ли к ней паразит. Пока я проверил, она открыла глаза и сонно улыбнулась.

– Спи-спи, - прошептал я.

– Я уже проснулась.

– Мэри, ты случайно не знаешь, какой у бубонной чумы инкубационный период?

– А должна?… Слушай, у тебя один глаз чуть темнее другого.

Я ее чуть встряхнул.

– Я серьезно, женщина. Вчера вечером я был в лабораторной библиотеке и кое-что посчитал. По моим прикидкам, паразиты напали на Россию по крайней мере на три месяца раньше, чем на нас.

– Да, я знаю.

– Знаешь? А почему ты ничего не говорила?

– Никто не спрашивал.

– А, черт! Давай вставать. Я проголодался.

Перед выходом я спросил:

– "Вопросы и ответы" в обычное время?

– Да.

– Мэри, а почему ты никогда не рассказываешь, о чем они спрашивают?

– Я просто этого не помню, - удивленно сказала она.

– Так я и подумал. Глубокий транс, а потом приказание забыть, да?

– Видимо.

– Хм-м… пора внести в это дело кое-какие коррективы. Сегодня я иду с тобой.

– Хорошо, дорогой, - только и сказала она.

***

Вся команда, как обычно, собралась в кабинете доктора Стилтона:

Старик, сам Стилтон, начальник штаба полковник Гибси,

какой-то подполковник и целая орава техников - сержантов, помощников и прочей обслуги. Недаром говорят, что без десятка солдат генерал даже высморкаться не сумеет.

Увидев, что Мэри не одна, Старик удивленно поднял брови, но промолчал. Однако сержант в дверях попытался меня остановить.

– Доброе утро, миссис Нивенс, - сказал он Мэри, затем добавил, обращаясь ко мне: - А вас у меня в списке нет.

– Я себя сам туда включил, - громко объявил я и пролез мимо него.

Полковник Гибси бросил на меня сердитый взгляд, повернулся к Старику и забурчал что-то типа "какого-дьявола-кто-это-такой". Остальные следили за происходящим с застывшими лицами, и только одна девица-сержант не сумела сдержать улыбку.

– Минутку, полковник, - Старик доковылял до меня и так, чтобы только мне было слышно, сказал: - Ты же мне обещал, сынок.

– Я забираю свое обещание. Ты не имел права требовать от меня обещаний, касающихся моей жены.

– Но тебе здесь нечего делать. У тебя нет никакого опыта в подобных делах. Хотя бы ради Мэри, оставь нас.

До этой минуты мне и в голову не приходило оспаривать право Старика присутствовать на сеансе, но неожиданно для себя я заявил:

– Это тебе здесь нечего делать. Ты не психоаналитик, так что давай убирайся.

Старик бросил взгляд на Мэри, но на ее лице не отражалось никаких чувств. - Ты что, сынок, сырого мяса объелся? - тихо спросил он.

– Опыты проводят на моей жене, и отныне я буду устанавливать здесь правила, - сказал я.

Тут в разговор вмешался полковник Гибси:

– Молодой человек, вы в своем уме?

– А вы что здесь делаете? - Я взглянул на его руки. - Если не ошибаюсь, на вашем перстне монограмма военно-морской разведки. Есть у вас какие-то основания здесь находиться? Вы что, врач? Или психолог?

Гибси выпрямился и расправил плечи.

– Похоже, вы забываете, что это военный объект.

– А вы, похоже, забываете, что ни я, ни моя жена не служим в армии!

Пойдем, Мэри. Мы уходим.

– Да, Сэм.

Я обернулся к Старику и добавил:

– Мы сообщим в Отдел, куда переслать нашу корреспонденцию.

Затем направился к двери. Мэри последовала за мной.

– Подожди! - сказал Старик. - В порядке личного одолжения, хорошо?

Я остановился, и он подошел к Гибси.

– Полковник, можно вас на минутку? Я бы хотел переговорить с вами наедине.

Полковник Гибси бросил на меня "трибунальный" взгляд, но вышел вместе со Стариком. Все ждали. Сержантский состав сохранял каменные физиономии, подполковник немного нервничал, а маленькую девицу с сержантской повязкой буквально распирало от смеха. Только Стилтон ничуть не волновался. Он достал бумаги из "входящей" корзины и спокойно принялся за работу.

Минут десять или пятнадцать спустя появился еще один сержант.

– Доктор Стилтон, командир распорядился, чтобы вы начинали работу.

– Отлично, - откликнулся тот, посмотрел на меня и сказал: - Прошу в операционную.

– Стоп! Не так быстро, - остановил я его. - Кто все эти люди? Вот он, например. - Я показал на подполковника.

– А? Это доктор Хазелхерст. Два года на Венере.

– О'кей, он остается. - Тут мне на глаза попалась смешливая девица. Эй, сестренка, что у тебя тут за обязанности?

– У меня-то? Да я вроде как присматриваю…

– Ладно, этим теперь займусь я. Доктор, может быть, вы сами решите, кто тут нужен, а кто нет?

– Хорошо, сэр.

Оказалось, что, кроме подполковника Хазелхерста, ему на самом деле никто не нужен, и мы двинулись в операционную - Мэри, я, и двое специалистов. В "операционной" стояла обычная кушетка, какие можно встретить в кабинете любого психиатра и несколько кресел. С потолка глядело двойное рыло стереокамеры. Мэри подошла к кушетке и легла. Доктор Стилтон достал впрыскиватель.

– Попробуем начать с того места, где мы остановились в прошлый раз, миссис Нивенс.

– Стойте, - сказал я. - У вас есть записи предыдущих сеансов?

– Разумеется.

– Давайте сначала прокрутим их. Я хочу знать, что вы уже успели.

Он несколько секунд думал, потом сказал:

– Хорошо. Миссис Нивенс, может быть, вы подождете в моем кабинете? Я позову вас позже.

Возможно, во мне еще бродил дух противоречия: после победы над Стариком я здорово завелся.

– Давайте все-таки узнаем, хочет ли она уходить, - сказал я.

Стилтон удивленно вскинул брови.

– Вы просто не понимаете, о чем говорите. Эти записи могут нарушить эмоциональное равновесие вашей жены, даже нанести вред ее психике.

– Подобная терапия вызывает у меня серьезные сомнения, молодой человек, - добавил Хазелхерст.

– Терапия здесь ни при чем, и вы прекрасно это понимаете, - отрезал я. - Если бы вашей целью была терапия, вы использовали бы не наркотики, а метод эйдетической гипнорепродукции.

– Но у нас нет времени, - озабоченно сказал Стилтон. - Ради быстрого получения результатов приходится применять грубые методы. Боюсь, я не могу разрешить объекту видеть эти записи.

– Я с вами согласен, доктор, - снова вставил Хазелхерст.

– А вас, черт побери, никто не спрашивает! - взорвался я. - И нет у вас никакого права разрешать ей или не разрешать. Записи надерганы из мозга моей жены, и они принадлежат ей. Мне надоело смотреть, как вы разыгрываете из себя господа Бога. Я ненавижу эти замашки у паразитов, и точно так же ненавижу их у людей. Она сама за себя решит. А теперь потрудитесь узнать ее мнение.

– Миссис Нивенс, вы хотите увидеть записи? - спросил Стилтон.

– Да, доктор, - ответила Мэри. - Очень.

Он явно удивился.

– Э-э-э… как скажете. Вы будете смотреть их одна?

– Вместе с мужем. Вы и доктор Хазелхерст можете остаться, если хотите.

Они, разумеется, остались. В операционную принесли стопку кассет, каждая с наклейкой, где значились дата записи и возраст объекта. Чтобы просмотреть их все, нам потребовалось бы несколько часов, поэтому я сразу отложил в сторону те, что относились к жизни Мэри после 2051 года: они вряд ли могли помочь.

Первые кассеты относились к раннему детству. В начале каждой записи шло изображение объекта - Мэри. Она стонала, ворочалась и едва не задыхалась, как всегда случается с людьми, которых вынуждают возвращаться к неприятным и нежеланным воспоминаниям. И только после этого разворачивалась

реконструкция событий - ее голосом и голосами других людей. Больше всего меня поразило лицо Мэри - я имею в виду, на стереоэкране. Мы увеличили изображение, так что оно придвинулось почти вплотную к нам, и могли следить за мельчайшими изменениями в выражении лица.

Сначала Мэри превратилась в маленькую девочку. Нет, черты лица остались прежними, взрослыми, но я знал, что вижу жену именно такой, какой она выглядела в детстве. Мне сразу подумалось, как хорошо будет, если у нас тоже родится девочка.

Затем выражение ее лица менялось - это начинали говорить другие люди, чьи слова сохранились у нее в памяти. Мы словно смотрели на невероятно талантливого актера, играющего подряд сразу несколько ролей.

Мэри воспринимала записи достаточно спокойно, только незаметно для других сунула свою руку в мою. Когда мы добрались до тех жутких кассет, где ее родители превратились в рабов титанцев, она сжала мои пальцы, но больше никак себя не выдала.

Я отложил в сторону кассеты с надписью "Период анабиотического сна", и мы перешли к следующей группе - от ее пробуждения до спасения на болотах.

Сразу стало ясно, что паразит оседлал ее, едва Мэри пришла в себя после анабиоза. Мертвое выражение лица - это титанец, которому незачем притворяться. Последние передачи из красной зоны были полны таких кадров. А скудность воспоминаний за этот период лишь подтверждала, что Мэри находилась во власти паразита.

Затем, совершенно неожиданно, паразит исчез, и она вновь стала маленькой девочкой, больной и испуганной. Сохранившиеся в памяти мысли путались и расплывались, но потом возник новый голос, громкий и чистый:

– Чтоб я сдох, Пит! Здесь маленькая девчонка!

Еще один голос:

– Живая?

И снова первый:

– Не знаю.

Дальше на пленке шли воспоминания о Кайзервиле, ее выздоровление и много других голосов и мыслей.

– Я хотел предложить вам прокрутить еще одну запись из того же периода, - сказал доктор Стилтон, вынимая кассету из проектора. - Они все немного отличаются друг от друга, а период для нас ключевой.

– Почему, доктор? - поинтересовалась Мэри.

– А? Нет, если не хотите, можем, конечно, не смотреть, но

именно этот период мы сейчас исследуем. Нам нужно восстановить события и понять, что же случилось с паразитами, почему они умерли. Если мы сумеем узнать, что за болезнь убила титанца, который э-э-э… управлял вами, - убила титанца, но пощадила вас - тогда нам, возможно, удастся найти оружие против паразитов. - А вы не знаете? - удивленно спросила Мэри.

– Что? Нет еще, но узнаем. Человеческая память хранит на удивление подробные записи.

– Но я думала, вы уже знаете. Это "девятидневная лихорадка".

– Что? - Хазелхерст выскочил из кресла.

– Вы разве не поняли по моему лицу? Это очень характерная деталь - я имею в виду "маску". Там, до… в смысле, в Кайзервиле мне случалось ухаживать за больными "девятидневной лихорадкой", потому что я уже переболела и у меня был иммунитет.

– Что вы на это скажете, доктор? - спросил Стилтон. - Вам приходилось видеть таких больных?

– Больных? Нет. Ко времени второй экспедиции уже появилась вакцина.

Но я, разумеется, знаком с клиническими характеристиками.

– А можете вы сделать вывод на основе этих записей?

– Хм-м-м… - Хазелхерст осторожничал. - Я бы сказал, что увиденное совпадает с этой версией, но не доказывает ее.

– Какая еще версия? - резко спросила Мэри. - Я же сказала, что это "девятидневная лихорадка".

– Мы должны быть уверены на все сто процентов, - извиняющимся тоном произнес Стилтон.

– А какие еще доказательства вам нужны? У меня нет на этот счет никаких сомнений. Мне сказали, что, когда Пит и Фриско меня нашли, я была больна. А после я ухаживала за другими больными, но ни разу не заразилась.

Я помню их лица перед смертью - точь-в-точь как мое на пленке. Любой, кто хоть однажды видел больного "девятидневной лихорадкой", ни с чем другим эту болезнь не спутает. Что еще вам нужно? Огненные письмена в небе?

За исключением одного раза я никогда не видел Мэри такой рассерженной и сказал про себя: "Так, джентльмены, полегче, а то она вам сейчас задаст!"

– Хорошо, я думаю, вы свою точку зрения доказали вполне убедительно.

Но объясните, пожалуйста: мы считали, что у вас нет сознательных воспоминаний об этом периоде жизни, и моя проверка это подтвердила, а теперь вы говорите так, словно все помните.

– Да, теперь помню, - произнесла Мэри несколько озадаченно. - И очень отчетливо. Я не думала об этом долгие годы.

– Кажется, я понимаю. - Стилтон повернулся к Хазелхерсту. - Ну, доктор? У вас есть культура "девятидневной лихорадки"? Ваши люди с ней уже работали?

Хазелхерст смотрел на нас такими глазами, будто его только что двинули по голове.

– Работали?! Нет, конечно! Это исключено! "Девятидневная лихорадка"… С таким же успехом мы можем применять полиомиелит или тиф.

Все равно что заусенец рубить топором!

Я тронул Мэри за руку.

– Пойдем, дорогая. Кажется, мы уже испортили им все, что можно.

Она дрожала, и в глазах у нее стояли слезы. Я повел ее сразу в кают-компанию и применил свое лекарство - неразбавленное.

***

Позже я уложил Мэри вздремнуть, присел рядом, и дождался, когда она заснет. Затем отыскал отца в выделенном ему кабинете.

– Привет!

Он бросил на меня задумчивый взгляд.

– Я слышал, Элихью, ты нашел-таки "горшок с золотом".

– Пусть лучше будет "Сэм", - ответил я.

– Что ж, хорошо, Сэм. Победителей не судят. Однако горшок оказался до обидного мал. "Девятидневная лихорадка"… Не удивительно, что вся колония вымерла вместе с паразитами. Видимо, мы не сможем воспользоваться этим открытием. Нельзя рассчитывать на то, что все обладают столь же неукротимой волей к жизни, как Мэри.

Я все понимал. При "девятидневной лихорадке" смертность среди невакцинированных землян составляет девяносто восемь с лишним процентов. Среди вакцинированных - ноль, но к нашей ситуации это не относилось. Нам нужна была болезнь, от которой помирали бы паразиты, а не люди.

– Видимо, это и не имеет значения, - заметил я. - Месяца через полтора в долине Миссисипи наверняка начнется эпидемия тифа или чумы может быть, и то, и другое сразу.

– Если только паразиты не извлекут урок из положения в Азии и не введут жесткие санитарные меры, - ответил Старик.

Эта мысль настолько меня поразила, что я едва не пропустил мимо ушей его следующую фразу:

– Однако, Сэм, придется тебе разработать план получше.

– Мне? Я всего лишь рядовой сотрудник Отдела.

– Был. Теперь ты его возглавляешь.

– Что за чертовщина? О чем ты говоришь? Я ничего не возглавляю, да и не хочу. У меня уже есть босс - ты.

– Босс - это человек, которому дано руководить. Звания и знаки отличия приходят позже. Как ты полагаешь, Олдфилд мог бы меня заменить?

Я покачал головой. Первый заместитель Старика был, скорее, кабинетным руководителем. Он отлично справлялся с задачами, которые на него возлагались, но на "мыслителя" и стратега не тянул.

– Я никогда не продвигал тебя по службе, - продолжал Старик, - потому что был уверен: придет время, и ты сам себя продвинешь. Что и произошло.

Ты не принял мое мнение по важному вопросу, навязал мне свою волю и оказался прав. - О боже, чушь какая! Я просто уперся и заставил вас один раз поступить по-моему. Почему-то вам, умникам, так и не пришло в голову задать свои вопросы единственному настоящему эксперту по Венере в вашем распоряжении - я имею в виду Мэри. Но я вовсе не ожидал найти какие-то ответы. Это просто удача!

Старик задумчиво покачал головой.

– Я не верю в удачу, Сэм. "Удача" это ярлык, который посредственность наклеивает на достижения гениев. Я оперся руками о стол и наклонился к Старику.

– О'кей, пусть я гений, но в эту телегу ты меня не запряжешь. Когда все это кончится, мы с Мэри отправляемся в горы растить детишек и котят. Я не собираюсь всю жизнь распекать чокнутых агентов. Он только сдержанно улыбнулся, и я добавил:

– Пропади она пропадом такая работа!

– То же самое сказал богу дьявол, когда занял его место. Не принимай это близко к сердцу, Сэм. До поры до времени я останусь в своем кресле. Но хотел бы знать, каковы ваши планы, сэр.

Глава 31

Хуже всего было то, что он говорил это всерьез. Я пытался уйти в тень, но ничего не вышло. После полудня все руководство базы и ведущие специалисты собрались на совещание. Меня тоже известили, но я не пошел.

Спустя какое-то время в дверях появилась миниатюрная девушка-сержант и вежливо сообщила, что командир ждет. Не могу ли я, мол, поторопиться?

Делать нечего, явился. Но старался не влезать ни в какие дискуссии.

Однако отец обладает способностью вести заседания по своему плану, даже если ему не предложили председательствовать; делает он это, пристально глядя на того, чье мнение хотел бы услышать. Очень тонкое умение, поскольку собравшиеся и не подозревают, что их "ведут".

Но я-то его знал. А когда на тебя смотрят все, гораздо легче высказать свое мнение, чем промолчать. Тем более, что у меня было свое мнение.

В основном, собравшиеся стонали и жаловались по поводу того, что нет никакой возможности использовать "девятидневную лихорадку". Да, конечно, она убивает титанцев. Она даже венерианцев убивает, хотя их можно надвое разрубить и ничего им не делается. Но это верная смерть и для людей. Почти для всех. Моя жена выжила, но для подавляющего большинства, исход может быть только один. Семь, максимум десять дней после инфицирования, и конец.

– Вы что-то хотите сказать, мистер Нивенс? - обратился ко мне командующий базой генерал.

Сам я не вызывался, но отец смотрел только на меня и ждал.

– Мне кажется, - начал я, - здесь слишком много говорилось о нашем отчаянном положении, и слишком много прозвучало оценок, основанных только на предположениях. Возможно, на неверных предположениях.

– Например?

Готового примера у меня не было; я, что называется, стрелял с бедра.

– М-м-м… Вот, скажем, все говорят о "девятидневной лихорадке" так, будто эти девять дней абсолютно неизменная характеристика болезни. Что не соответствует истине.

Генерал нетерпеливо пожал плечами.

– Но это просто удобное наименование. По статистике, болезнь протекает в среднем девять дней.

– Да, но откуда вы знаете, что она длится девять дней для паразита?

По ответному ропоту я понял, что опять попал в точку. Мне предложили объяснить, почему я считаю, что лихорадка протекает у паразитов быстрее и какое это имеет значение.

– Что касается первой части вопроса, - начал я, - то в одном только известном нам случае паразит действительно умер раньше, чем истекли девять дней. Намного раньше. Те из вас, кто видел записи воспоминаний моей жены а на мой взгляд, их видело уже слишком много специалистов - знают, что паразит оставил ее - предположительно, отвалился и сдох - задолго до кризиса, обычно случающегося на восьмой день. Если эксперименты это подтвердят, тогда проблема предстает в совершенно ином свете. Человек, зараженный "девятидневной лихорадкой", может избавиться от паразита, допустим, на четвертый день. У вас остается пять дней, чтобы отловить его и вылечить.

Генерал присвистнул.

– Это довольно рискованный метод, мистер Нивенс. Как вы, например, предлагаете лечить их? Или "отлавливать"? Допустим, мы распространили в красной зоне эпидемию, но после этого потребуются невероятно быстрые действия - кстати, встречающие активное сопротивление - чтобы разыскать и вылечить пятьдесят миллионов человек, прежде чем они умрут.

Я тут же отшвырнул "горячую картофелину" назад. Наверно, не один "эксперт" сделал себе имя подобным маневром.

– Вторая часть вопроса это задача для специалистов по тактике и материально-техническому обеспечению - ваша задача. А что касается первой, то вот ваш эксперт. - Я указал на доктора Хазелхерста.

Тот пыхтел, сопел - в общем, я понимал, каково ему быть в центре внимания. Недостаток опыта… необходимость дальнейших исследований… дополнительные эксперименты… Хазелхерст вспомнил, что в свое время велись разработки антитоксина. Однако вакцина оказалась настолько результативной, что он даже не был уверен, доведена ли работа до конца. В заключение Хазелхерст заявил, что изучение венерианских болезней находится пока в зачаточном состоянии.

Генерал перебил его вопросом:

– Насчет этого антитоксина - когда вы сможете узнать точно?

Хазелхерст ответил, что ему нужно позвонить в Сорбонну.

– Звоните. Прямо сейчас, - приказал генерал. - Можете идти.

***

На следующее утро, еще до завтрака, Хазелхерст появился у нашей двери. Я вышел в коридор.

– Извините, что разбудил вас, - сказал он, - но вы оказались правы насчет антитоксина.

– В смысле?

– Мне уже выслали партию из Парижа. Груз прибудет с минуты на минуту.

Надеюсь, антитоксин еще действует.

– А если нет?

– Ну, у нас есть средства, чтобы изготовить еще. В любом случае, придется, если этот дикий план будет запущен - миллионы ампул.

– Спасибо, что сообщили, - сказал я и уже собрался идти в комнату.

– Э-э-э… мистер Нивенс. Есть еще вопрос переносчиков…

– Переносчиков?

– Да, переносчиков инфекции. Мы не можем использовать крыс, мышей и прочих. Вы в курсе, как передается болезнь на Венере? Маленькими летающими коловратками - я имею в виду венерианский эквивалент этого насекомого.

Здесь таких нет, а это единственный способ распространить инфекцию.

– Вы хотите сказать, что при всем желании не можете меня заразить?

– Нет, почему же. Я могу ввести вам вирус в кровь. Но мне трудно себе представить, как миллион парашютистов высаживаются в красной зоне и просят людей с паразитами на спине не дергаться, пока им не сделают уколы. - Он беспомощно развел руками.

У меня в голове начал складываться план. Миллион парашютистов, разом…

– А почему вы обращаетесь ко мне? - спросил я. - Это, скорее, по части медиков или биологов. - Да, конечно. Я просто подумал… Вам как-то легко удается…

– Спасибо. - Мой мозг пытался решить сразу две задачи одновременно, но получалось что-то вроде автомобильного затора. Сколько, интересно, всего людей в красной зоне? - Скажите-ка мне вот что: допустим, у вас лихорадка. Вы не можете меня заразить?

В высадке не могут участвовать медики: их просто столько нет…

– Это будет нелегко. Если я возьму у себя со слизистой оболочки мазок, и он попадет вам в горло, тогда вы, видимо, заболеете. При переливании крови от меня к вам, заболеете наверняка.

– Значит, нужен непосредственный контакт, да? - Сколько человек сможет обработать один парашютист с антитоксином? Двадцать? Тридцать? Или больше? - Если этого достаточно, тогда у вас нет никаких проблем.

– Как это?

– А что прежде всего делает паразит, встречаясь с другим, которого он последнее время не видел?

– Конъюгации!

– Я всегда называл это "прямые переговоры", но я пользовался неточным термином, который употребляли паразиты. Вы полагаете, болезнь можно передать таким образом?

– Полагаю? Я в этом абсолютно уверен! Мы уже доказывали - здесь, в лаборатории - что при конъюгации происходит обмен белками. Тут уже никто не избежит инфицирования. Мы сможем заразить всю колонию, как одного человека. И как я сам до этого не додумался?

– Вы не очень-то пока настраивайтесь на победу, - сказал я. - Хотя лично я думаю, этот трюк сработает.

– Сработает! Еще как сработает! - Он собрался бежать, но остановился.

– Э-э-э… мистер Нивенс, вы не станете возражать… Я знаю, что это слишком большая услуга…

– Что такое? Выкладывайте. - Мне не терпелось вернуться к решению второй проблемы.

– Вы позволите мне объявить об этом методе распространения болезни?

Разумеется, приоритет открытия останется за вами, но генерал очень на меня рассчитывает, а это как раз то, что необходимо мне, чтобы закончить отчет.

Так ему было невтерпеж, что я чуть не рассмеялся.

– Ради бога. В конце концов, это ваша кухня.

– Вы чрезвычайно любезны. Постараюсь не остаться в долгу.

Хазелхерст отправился к себе счастливым человеком. Я тоже. Приятно, когда тебя считают гением - я начал входить во вкус.

Остановившись в коридоре, я продумал основные моменты большого десанта и только после этого вернулся в комнату. Мэри открыла глаза и одарила меня своей райской улыбкой. Я протянул руку и пригладил ее волосы.

– Привет, рыжик. Ты знаешь, что у тебя муж - гений?

– Да.

– Знаешь? Ты никогда мне этого не говорила.

– А ты никогда не спрашивал.

***

В своем докладе Хазелхерст назвал способ распространения информации "вектором Нивенса". Сразу после него меня попросили высказать свои соображения.

– Я согласен с доктором Хазелхерстом, - начал я, - хотя здесь требуется экспериментальное подтверждение. Однако он не остановился на некоторых аспектах проблемы, которые носят не медицинский, а, скорее, тактический характер. Такой важный аспект, как задержка перед высадкой десанта с антитоксином - можно даже сказать, краеугольный аспект… - Речь я продумал за завтраком, вплоть до драматических пауз; у Мэри, к счастью, нет привычки болтать с утра во время еды.

– …требует начала распространения инфекции сразу во многих точках.

Если мы хотим спасти сто процентов населения красной зоны, необходимо, чтобы все паразиты были заражены почти одновременно. Тогда спасательные бригады смогут высадиться в красной зоне после того, как паразиты перестанут представлять опасность, но до того, как носители пройдут кризисный срок, после которого антитоксин уже бесполезен. Проблема легко поддается математическому анализу… - Сэм, сказал я при этом себе, старый ты шарлатан, тебе самому с такой задачей даже с электронным интегратором за двадцать лет не справиться. -…и ее следует передать для решения вашему аналитическому отделу. Однако я позволю себе обрисовать проблему хотя бы в общих чертах. Количество векторов обозначим "Х", а количество спасателей - "У". Существует бесконечное число решений этой задачи, но оптимальное решение зависит от возможностей материально-технического обеспечения. Я уже говорил, что здесь необходим точный математический расчет, но, основываясь на собственном, к сожалению, слишком близком знакомстве с их привычками… - Цифры я, как мог, прикинул на логарифмической линейке, но им, разумеется, этого не сказал. -…полагаю, что нам не понадобится…

Все затаили дыхание. Когда я дал для "Х" слишком низкую оценку, генерал меня перебил:

– Мистер Нивенс, можете не сомневаться, добровольцев будет

столько, сколько нужно.

Я покачал головой.

– Добровольцев тут использовать нельзя, генерал.

– Да, я вас понимаю. Болезнь должна укрепиться в организме, и у добровольцев останется слишком мало времени, чтобы подействовало противоядие. Но эта проблема решается очень просто. Им можно имплантировать желатиновую капсулу с антитоксином или еще что-то. Тут наши люди справятся.

Сделать все это, конечно, несложно, но я возражал против добровольцев по другой причине - отвратительной казалась сама мысль, что этим людям придется подчиняться паразитам.

– Как бы там ни было, использовать добровольцев нельзя. Паразит узнает все, что знает его носитель, и просто не пойдет на прямые переговоры. Он предупредит остальных голосом. Нет, нам придется использовать животных - обезьян, собак, любых животных, которые способны унести паразита, но не могут ничего рассказать. И их должно быть достаточно, чтобы заразить всю опасную зону, прежде чем хотя бы один паразит поймет, что болен.

Затем я вкратце высказал свои соображения по операции "Милосердие".

– Первый этап, операцию "Лихорадка", можно начинать, как только у нас будет достаточно антитоксина. И через неделю после этого на континенте не должно остаться ни одного паразита.

Никто не аплодировал, но атмосфера очень напоминала атмосферу театрального зала после премьеры. Генерал отправился переговорить с маршалом Рекстоном, а после прислал своего помощника с приглашением на ленч. Я ответил согласием, но при условии, что приглашение распространяется и на жену.

Когда все вышли, отец подождал меня снаружи.

– Ну как я выступил? - спросил я, стараясь не показывать, что волнуюсь, хотя, кажется, мне это не очень удавалось.

Он затряс головой.

– Сэм, ты их наповал сразил. Тебя пора по стерео показывать.

Меня распирало от удовольствия. За всю речь я ни разу не замялся, и вообще, чувствовал себя теперь совершенно новым человеком.

Глава 32

Шимпанзе, за которого я так переживал в Национальном зоопарке Сатана, - полностью оправдал свою кличку, едва его освободили от паразита.

Отец вызвался добровольцем для проверки "теории Нивенса-Хазелхерста", но я уперся, и короткая спичка досталась Сатане. Ни сыновние чувства, ни их фрейдистская противоположность тут ни при чем, я просто боялся комбинации Старик-плюс-паразит. Мне не хотелось, чтобы он оказался на их стороне даже в лабораторных условиях - слишком уж Старик хитер и изворотлив. Люди, которые не испытали на себе власть паразитов, не в состоянии понять, насколько враждебно относятся к нам, свободным людям, носители - и при этом сохраняют все свои способности.

Короче, для опытов использовали обезьян. В наше распоряжение передали не только питомцев Национального зоопарка, но и множество других из зоопарков поменьше и нескольких цирков. Сатану инфицировали "девятидневной лихорадкой" в среду, двенадцатого числа. К пятнице он уже заболел, и к нему в клетку поместили другого шимпанзе с паразитом. Титанцы тут же соединились для прямых переговоров, после чего вторую обезьяну снова посадили отдельно.

В субботу шестнадцатого паразит Сатаны съежился и отвалился. Шимпанзе сразу ввели антитоксин. В понедельник сдох второй паразит, и его носитель получил свою дозу препарата.

К среде Сатана практически выздоровел, хотя и заметно похудел. Вторая обезьяна, Лорд Фонтлерой, тоже поправлялась. На радостях я дал Сатане банан, и он откусил мне первый сустав на указательном пальце. Обидно, тем более что времени для регенерации не было. Впрочем, я сам виноват: у Сатаны действительно мерзкий характер.

Однако даже это не испортило мне настроения. Я обработал и забинтовал палец, затем бросился искать Мэри. Не нашел и в конце концов отправился в кают-компанию: думал, найду кого-нибудь, с кем можно будет отпраздновать.

Но там никого не оказалось. Все работали в лабораториях, готовились к началу операций "Лихорадка" и "Милосердие". Распоряжением Президента все приготовления велись только на одной этой базе в горах. Обезьян для распространения инфекции - более двухсот - тоже доставили на базу; здесь же "колдовали" над культурой болезнетворных микроорганизмов и

антитоксином. Даже пункт для получения иммунной сыворотки разместили в подземном зале, где раньше сотрудники базы играли в ручной мяч.

Миллион с лишним человек для операции "Милосердие", конечно же, там разместиться не могли, но они и не должны были ничего знать до сигнала тревоги перед началом операции, когда каждому из них выдадут пистолет и патронташ с индивидуальными впрыскивателями антитоксина. Тем, кто ни разу не прыгал с парашютом, поможет преодолеть страх сержант - если будет необходимо, пинком. Делалось все возможное, чтобы сохранить подготовку в тайне; проиграть мы могли, если только титанцы узнают о наших планах - от предателя или еще как-то. Слишком много хороших замыслов проваливалось в прошлом потому лишь, что какой-нибудь идиот выбалтывал их жене.

Если бы титанцам стал известен наш план, зараженных обезьян просто перестреляли бы сразу после высадки в красной зоне. Однако за рюмкой виски я позволил себе немного расслабиться. Меня не покидало радостное чувство, и я почти не сомневался, что нам удастся сохранить подготовку в тайне.

Все, кто прилетел на базу, должны были оставаться там до самой высадки десанта, а любое общение с внешним миром полностью контролировал полковник Келли.

Что касается утечки информации за пределами базы, то это практически исключалось. Неделей раньше генерал, отец, полковник Гибси и я побывали в Белом доме. Старик долго скандалил, но своего все-таки добился: в конце концов о плане не сообщили даже шефу службы безопасности Мартинесу. Если Президент или Рекстон не разговаривают во сне, то все должно, быть в порядке. Нужно продержаться только неделю.

Хотя и неделя - срок достаточно большой. Красная зона неумолимо расползалась. После сражения у Пасс-Кристиан паразиты перешли в наступление. Теперь граница красной зоны на побережье Мексиканского залива проходила к востоку от Пенсаколы, и похоже было, они на этом не остановятся. А может быть, им надоест преодолевать наше сопротивление, и они решат "истратить" потенциальных носителей, просто забросав наши города атомными бомбами. Радарные службы, конечно, сообщат об угрозе заранее, но они не могут остановить массированное нападение.

Однако я старался не думать о плохом. Ждать оставалось всего неделю…

***

В кают-компанию вошел полковник Келли и сел рядом.

– Выпить не хотите? - спросил я. - Есть повод.

Он посмотрел на свой огромный живот и сказал:

– Ладно, я думаю, от одного пива мне хуже не станет.

– Берите два. Или сразу дюжину! - я заказал для него пива и рассказал об успешном эксперименте с обезьянами.

Келли кивнул.

– Да, я знаю. Неплохо.

– Всего лишь "неплохо"? Да мы уже на полпути к успеху! Через неделю мы победим!

– И что?

– Как "что"? - Я даже немного разозлился. - Вы сможете одеться и вообще вернуться к нормальной жизни. Или вы думаете, наш план провалится?

– Нет, отчего же? Операция, я думаю, пройдет успешно.

– Тогда почему такой траур?

– Мистер Нивенс, вы сами, очевидно, понимаете, что с таким пузом как у меня не очень-то приятно расхаживать голышом.

– Видимо, да. Но сам я привык, и будет даже жаль, если все станет как прежде. Удобно, да и время экономится.

– Не беспокойтесь, не станет. Ничего уже не изменится.

– Что-то я вас не понимаю. Минуту назад вы сказали, что наш план сработает, а теперь утверждаете, что режим "Загар" останется в силе навсегда.

– С некоторыми изменениями, но останется.

– Как это? Я сегодня не очень хорошо соображаю.

Он выбил на клавиатуре еще одно пиво.

– Мистер Нивенс, я никогда не думал, что мне доведется увидеть, как военный комплекс превращается в лагерь нудистов. А увидев, я уже не жду, что все станет на свои места. Потому что это невозможно. Ящик Пандоры открывается только в одну сторону. И вся королевская конница, и вся королевская рать…

– Согласен, - ответил я. - В жизни ничего не проходит бесследно, и ничего не становится, как было. Но, по-моему, вы преувеличиваете. Едва Президент отменит режим "Загар", законы о появлении в общественных местах в непристойном виде снова войдут в силу, и человека без штанов, скорее всего, арестуют.

– Надеюсь, этого не произойдет.

– Ха! Вам все-таки нужно решить, чего вам хочется больше.

– А все уже решено за меня. Мистер Нивенс, до тех пор пока существует опасение, что на Земле остался хотя бы один паразит, нормальный человек должен быть готов оголить тело по первому же требованию. Иначе его могут просто пристрелить. Не только

на этой неделе или на следующей, а двадцать лет спустя и, может быть, сто. Нет, я не сомневаюсь в успехе операции, однако вы были слишком заняты, чтобы заметить: это меры сугубо локальные и временные. Как, например, быть с амазонскими джунглями? Вы случайно не собираетесь их прочесывать? Но это так, риторические вопросы. На планете около шестидесяти миллионов квадратных миль суши. Этой работе конца не видно. Черт, мы даже с крысами не добились хоть сколько-то заметных результатов, а люди их бьют с незапамятных времен.

– Хотите сказать, что мы затеяли безнадежное дело? - спросил я.

– Безнадежное? Нет, почему же. Закажите себе еще. Я просто пытаюсь убедить вас, что нам предстоит научиться жить с этим кошмаром - так же, как мы научились жить при атомной бомбе.

Глава 33

Все собрались в том же президентском конференц-зале Белого дома, и мне сразу вспомнилась ночь после обращения Президента к нации.

Присутствовали отец, Мэри, Рекстон, Мартинес, а также генерал из лаборатории, доктор Хазелхерст и полковник Гисби. Все следили за электронной картой на стене; прошло уже четыре с половиной дня от начала операции "Лихорадка", но долина Миссисипи по-прежнему светилась рубиновыми огнями.

Я немного нервничал, хотя в целом заброска обезьян прошла успешно, и мы потеряли только три десантные машины. По расчетам, каждый паразит за исключением тех, может быть, которым по каким-то причинам не довелось за это время вступить в прямые переговоры, должен был заразиться три дня назад, причем двадцать три процента из них от двух и более векторов. Операция планировалась таким образом, чтобы охватить около восьмидесяти процентов титанцев в первые двенадцать часов - в основном, в городах.

Скоро, очень скоро паразиты начнут дохнуть даже быстрее, чем мухи.

Если только мы нигде не ошиблись.

Усилием воли я заставил себя сидеть на месте, но мысли сами возвращались к карте. Что там за этими рубиновыми огнями? Несколько миллионов мертвых паразитов или всего две сотни мертвых обезьян? Вдруг кто-то напутал в расчетах? Сболтнул лишнего? Или мы допустили в своих рассуждениях ошибку столь глобальную, что до сих пор этого не понимаем?

Неожиданно на красном поле вспыхнул зеленый огонек. Все встрепенулись. Из динамиков стереовизора пошла речь, хотя изображение так и не появилось.

– Говорит станция Дикси, Литл-Рок, - донесся до нас очень усталый голос; говорил явно южанин. - Нам срочно нужна помощь. Все, кто нас слышит, пожалуйста, передайте это сообщение дальше: в Литл-Роке, штат Арканзас, разразилась ужасная эпидемия. Необходимо поставить в известность Красный Крест. Мы были в руках… - Голос растаял - или от слабости, или что-то случилось со связью.

Я наконец вспомнил, что надо дышать. Мэри тронула меня за руку, и я откинулся на спинку кресла, чувствуя, как полегчало на душе. Не просто удовольствие, нет, ощущение великой радости. Вглядевшись в карту внимательнее, я заметил, что зеленый огонек вспыхнул не в самом Литл-Роке, а западнее, в Оклахоме.

Вскоре вспыхнули еще два: один в Небраске, другой чуть к северу от канадской границы. Из динамиков донесся новый голос - со звонким новоанглийским произношением. И как его угораздило оказаться в красной зоне?

– Как во время выборов под конец дня, да? - пошутил Мартинес.

– Похоже, но обычно мы не получаем сведений из Мексики, - согласился Президент и указал на карту: в штате Чиуауа загорелись сразу несколько зеленых огней.

– А черт, верно! Видимо, когда все это закончится, Госдепартаменту придется утрясать не один конфликт, а?

Президент не ответил, и Мартинес, слава богу, умолк. Я посмотрел на Президента. Тот шевелил губами, словно разговаривал сам с собой, затем заметил мой взгляд и произнес вслух:

На вшах побольше ездят вши поменьше,

Зовутся паразиты.

На тех, поменьше, ездят еще мельче

И так ad infinitum «до бесконечности (лат.)»

Я из вежливости улыбнулся: ситуация - наша, во всяком случае - к веселью не располагала.

Президент отвернулся и сказал:

– Кто-нибудь будет ужинать? У меня впервые за несколько дней разыгрался аппетит.

***

К двенадцати часам следующего дня зеленого на карте стало гораздо больше, чем красного. Рекстон распорядился установить в зале два монитора с прямым подключением к Новому Пентагону: один показывал сложную диаграмму степени готовности к высадке; другой - расчетное время десантирования. На втором мониторе цифры иногда менялись, но последние два часа время колебалось около 17:43 по Вашингтону.

Рекстон поднялся с места и объявил:

– Я думаю, надо назначить десантирование на 17:45. Господин Президент, если позволите…

– Разумеется, сэр.

Рекстон повернулся к нам со Стариком.

– Если вы, донкихоты, еще не передумали, то пора идти.

Я встал.

– Мэри, ты меня обязательно дождись.

– Где? - спросила она.

Еще раньше мы решили - правда, не без скандала - что Мэри в операции участвовать не будет.

– Может быть, миссис Нивенс подождет вас здесь? - вмешался Президент.

– В конце концов, она уже как член нашей семьи.

– Благодарю вас, сэр, - сказал я. Полковника Гисби чуть не перекосило.

***

Спустя два часа мы были над целью, и дверь уже открылась. Мы с отцом шли последними, за молодыми десантниками, которым, собственно, и доставалась настоящая работа. Руки у меня вспотели, и, видимо, от меня просто несло страхом. А кроме того, я ненавижу прыгать с парашютом.

Глава 34

С лучеметом в левой руке и впрыскивателем в правой я перебирался от дома к дому в назначенном мне квартале - старый район Джефферсон-Сити, почти трущобы, застроенные жилыми домами пятидесятилетней давности. Я успел ввести антитоксин двум с половиной десятков больных, и еще десятка три с половиной ампул оставалось, а затем нужно было идти к месту сбора у здания муниципалитета. Но по правде сказать, меня уже начинало мутить.

Я знал, зачем прилетел. Нет, не из любопытства. Я хотел своими глазами увидеть, как подыхают паразиты, хотел увидеть их мертвыми, всех, и эта иссушающая душу ненависть пересиливала все другие чувства. Увидел.

Достаточно увидел. Теперь мне хотелось только домой - отмыться и забыть.

Работа была не тяжелая, но монотонная и, в общем, не для слабонервных. Ни одного живого паразита я пока не встретил, зато видел множество мертвых. Прижег собаку, у которой, мне показалось, был горб, хотя, может быть, я и ошибся: высадились мы перед закатом, и вскоре стало совсем темно.

Я закончил проверку дома, покричал на всякий случай - вдруг кто откликнется - и вышел на улицу. Никого. Поскольку все слегли от лихорадки, люди на улицах нам почти не встречались. Но на этот раз я увидел человека - редкое исключение. Он шел на заплетающихся ногах прямо на меня, но его пустые глаза, похоже, ничего не замечали. Я крикнул: "Эй!".

Человек остановился.

– У меня есть как раз то, что тебе нужно, - сказал я. - Вытяни руку.

Он попытался меня ударить. Я легко увернулся, двинул его несильно по шее, и он повалился лицом вниз. На спине у него краснела сыпь: совсем недавно там сидел паразит. Я выбрал над почками место почище, воткнул впрыскиватель и чуть наклонил, чтобы сломать головку-ампулы. Они были заряжены под давлением, так что больше ничего не требовалось.

На первом этаже следующего дома оказалось семеро больных, большинство из них в таком плохом состоянии, что я, не говоря ни слова, ввел каждому по дозе и пошел дальше. На втором этаже - то же самое.

На самом последнем - три пустые квартиры. Правда, чтобы убедиться в этом, в одной из них пришлось выжечь замок. В четвертой жили - если можно так сказать. На полу кухни лежала

женщина с пробитой головой. Паразит все еще сидел у нее на плечах, но уже мертвый. Я не стал их трогать и пошел дальше по квартире.

В ванной комнате, в старинной чугунной ванне, сидел, уронив голову на грудь, мужчина средних лет со вскрытыми венами. Мне показалось, что он мертв, но когда я наклонился, мужчина с трудом поднял голову и тупо произнес:

– Вы пришли слишком поздно. Я убил свою жену.

Или слишком рано, подумал я. Судя по тому, сколько крови натекло на дне ванны, по его серому лицу, пятью минутами позже, было бы лучше. Я смотрел на него, не зная, стоит ли тратить ампулу. Но тут он едва слышно произнес:

– Моя дочь…

– У вас есть дочь? - громко спросил я. - Где она?

Века его дрогнули, но он ничего не сказал и снова уронил голову на грудь. Я прикрикнул на него, надеясь, что он очнется, потрогал подбородок и приложил палец к горлу. Пульса не было.

Его дочь лет восьми или около того я нашел в постели в одной из комнат - если бы не болезнь, очень симпатичная девчушка. Она проснулась, заплакала и назвала меня "папочкой".

– Да, папочка здесь. Сейчас папочка тебя вылечит, - сказал я, и ввел ей антитоксин в ногу. Она даже не заметила укола.

Я уже собрался идти, но она попросила пить. Пришлось возвращаться в ванную. Когда я держал стакан у ее губ, пронзительно зазвонил мой телефон, и от неожиданности я пролил немного воды.

– Сынок, ты меня слышишь?

Я притронулся к аппарату связи на поясе и включил.

– Да. Что случилось?

– Я сейчас в небольшом парке к северу от тебя. Нужна твоя помощь.

– Иду.

Поставив стакан, я двинулся к выходу, но в нерешительности остановился, затем вернулся. Нельзя же было оставить ее там, чтобы она проснулась и первым делом наткнулась в квартире на своих мертвых родителей. Я взял девочку на руки и отнес на второй этаж, зашел в первую попавшуюся квартиру и положил на диван. Люди в этой квартире сами лежали без движения, но ничего другого мне не оставалось.

– Скорее, сынок!

– Иду! - Я метнулся на улицу и, не тратя лишних слов, бросился бегом.

Улица, назначенная отцу, шла параллельно моей и граничила с крохотным парком. Обогнув дом, я не заметил отца и пробежал

мимо.

– Сюда, сынок. Я в машине! - Теперь я слышал его и в телефоне, и так, а обернувшись, увидел машину, большой летающий "Кадиллак" вроде тех, что обычно использует Отдел. Внутри сидел человек, но в темноте трудно было разглядеть, кто.

– Слава богу! Я уж думал, куда ты запропастился.

Голос отца.

Забираясь в машину, я пригнулся, и вот тут-то он двинул меня по затылку.

***

Придя в себя, я обнаружил, что руки и ноги у меня связаны. Я полулежал во втором водительском сиденье, а Старик вел машину, сидя в первом. Руль на моей стороне был убран вверх. Когда до меня дошло, что мы в воздухе, я очнулся окончательно.

Старик повернулся ко мне и спросил довольным тоном:

– Ну как, уже лучше?

– Пожалуй, - ответил я, глядя на сидящего у него на плечах паразита.

– Извини, что пришлось тебя оглушить. Выбора не было.

– Да, наверно.

– Придется оставить тебя пока связанным. Позже мы придумаем что-нибудь получше. - Он улыбнулся своей такой знакомой зловещей улыбкой, и меня поразило, до чего же сильно проглядывает личность Старика в каждом слове, которое произносит паразит.

Я не стал спрашивать, что означает "что-нибудь получше" - не хотел знать. Вместо этого я принялся проверять веревки, но Старик постарался на совесть, ничего не скажешь.

– Куда мы летим?

– На юг, - ответил он, склонившись над приборами. - Далеко на юг. Подожди, я задам колымаге программу и тогда объясню тебе все наши планы. Он еще несколько секунд работал с автопилотом, затем выпрямился. - Ну вот, этого ей хватит, пока не наберем тридцать тысяч.

Упоминание о такой большой высоте заставило меня еще раз взглянуть на приборную панель. Машина не просто походила на специальную, это и была одна из наших переделанных машин.

– Где ты ее взял? - спросил я.

– Отдел держал ее в тайнике в Джефферсон-Сити. Я

проверил, и вот, ее действительно никто не нашел. Повезло, да?

У меня, конечно, на этот счет сложилось свое мнение, но я не стал спорить. Я по-прежнему пытался найти выход, хотя шансы вырисовывались от почти безнадежных до нулевых. Пистолет исчез. Свой он, очевидно, держал с другой стороны, подальше от меня.

– Но это еще не все, - продолжал Старик. - Мне посчастливилось быть пойманным, возможно, единственным во всем Джефферсон-Сити здоровым титанцем. Хотя в удачу я, как ты знаешь, не верю. Короче, мы все-таки победим. - Он усмехнулся. - Это очень похоже на сложную шахматную партию, когда играешь сразу за обе стороны.

– Ты не сказал мне, куда мы летим. - Я ничего не мог предпринять, оставалось только говорить.

Он на секунду задумался.

– Во всяком случае, за пределы Соединенных Штатов. Возможно, что кроме моего хозяина, на всем континенте больше нет ни одного незаболевшего титанца, и я не хочу рисковать. Полуостров Юкатан нас, видимо, вполне устроит - как раз туда я и направил машину. Во второй раз - а мы обязательно вернемся! - мы не сделаем тех же ошибок.

– Может, ты меня развяжешь, пап? У меня и ноги, и руки затекли. Ты же знаешь, что мне можно доверять.

– Подожди, подожди… Всему свое время. Сначала надо запрограммировать автопилот.

Машина все еще поднималась. Даже после доработки в Отделе, ей требовалось время, чтобы набрать тридцать тысяч футов: в конце концов, с конвейера она сошла как обычная серийная модель.

– Похоже, ты забываешь, что я и сам долгое время был под хозяином. Я знаю, что это такое, и могу дать тебе честное слово…

Он только усмехнулся.

– Не учи отца овец воровать. Если тебя развязать сейчас, ты меня убьешь, или мне придется убить тебя. А ты нужен мне живым. Мы с тобой еще погуляем, сынок. Хитрости и решительности нам не занимать, а это как раз то, что нужно.

Я промолчал, и он добавил:

– Кстати, насчет того, что ты знаешь… Почему ты мне ничего не сказал?

– О чем?

– Ты не сказал мне, каково это на самом деле. Я даже не подозревал, сынок, что такое возможно - покой, удовлетворение, благодать. Никогда в жизни я не чувствовал себя таким счастливым. Разве что… - на лице у него промелькнуло

удивленное выражение. - Разве что до того, как умерла твоя мать. Впрочем, сейчас мне даже лучше. Ты напрасно не рассказал мне об этом.

Меня охватило отвращение, и я начисто забыл о тонкой игре, которую пытался вести.

– Может быть, для меня все это совсем не так. Да и для тебя на самом деле тоже, старый ты идиот, только сейчас у тебя на загривке сидит паразит, говорит твоим языком и думает твоим мозгом!

– Не кипятись, сынок, - сказал он мягко, и, черт побери, его голос действительно немного меня успокоил. - Скоро ты сам все поймешь. Поверь, это наша судьба, наше предназначение. Человечество разделено и постоянно воюет, но хозяева сделают его единым.

Я вдруг подумал, что, наверно, и в самом деле есть такие слабоумные, которым эта идея придется по вкусу - добровольно продать душу за обещание мира и безопасности. Однако промолчал.

– Совсем немного уже ждать осталось, - сказал отец, бросив взгляд на приборную панель. - Сейчас я задам ей направление, и все будет в порядке.

– Он настроил автопилот и проверил еще раз приборы. - Следующая остановка - Юкатан. А теперь пора к делу.

Отец поднялся с сиденья и наклонился рядом со мной.

– На всякий случай, - сказал он, затягивая ремень безопасности у меня на поясе.

Я резко поднял колени и ударил его в лицо.

Отец отскочил и бросил на меня беззлобный взгляд.

– Нехорошо, нехорошо. Я мог бы обидеться, но хозяева выше этого. А теперь сиди смирно. - Из носа у него текла кровь, но он даже не остановился, чтобы ее стереть, проверил веревки на руках и на ногах и добавил:

– Сойдет. Потерпи еще немного.

Затем сел на свое место и наклонился вперед, упершись локтями в колени. Теперь мне хорошо было видно его паразита.

Несколько минут ничего не происходило, и я, напрягая силы, пытался хоть немного ослабить веревки - ничего другого не оставалось. Старик, казалось, уснул, но я знал, что он может притворяться.

На твердом кожистом покрытии паразита, посередине, вдруг появилась вертикальная линия. Прямо у меня на глазах трещина становилась шире и шире, и вскоре показалось мерзкое переливающееся мутными цветами тело этой твари. До меня наконец дошло, что паразит разделился и теперь высасывает из

моего отца жизнь и его плоть, чтобы хватило на двоих титанцев. И в то же мгновение я понял, что моей собственной свободной жизни мне осталось от силы минут пять. Мой новый хозяин уже родился и вот-вот будет готов перебраться ко мне на спину.

***

Если бы было возможно разорвать путы усилием человеческой плоти, я бы это сделал, но увы. Старик не обращал на мои потуги никакого внимания. Я даже думаю, что он вообще ничего не замечал. При делении контроль над носителем наверняка ослабевает, и, видимо, паразиты просто парализуют своих рабов. Старик, во всяком случае, сидел совершенно неподвижно.

К тому времени, когда я, обессилев и потеряв всякую надежду вырваться, сдался, по телу самого паразита уже бежала тонкая серебристая линия - верный признак того, что процесс деления вот-вот закончится.

Именно это, пожалуй, и заставило меня думать о другом выходе, если то, что происходило у меня в голове, можно охарактеризовать словом "думать".

Мои руки были связаны за спиной, ноги тоже связаны у лодыжек, и, кроме того, Старик притянул меня за пояс к сидению ремнем безопасности. Но ногам, хотя и связанным вместе, от пояса вниз ничего не мешало. Я сполз по сидению еще ниже, задрал ноги и изо всех сил ударил по приборной панели, включив сразу все стартовые ускорители.

Перегрузка получилась дай бог. Я не знаю, сколько в машине оставалось ускорителей, и поэтому не могу сказать точно, сколько вышло "же", но, в общем, немало. Нас обоих швырнуло назад. Отца гораздо сильнее, поскольку я был пристегнут ремнем. Его бросило на спинку сиденья, и открывшийся, беззащитный паразит оказался как между молотом и наковальней.

Короче, он буквально брызнул во все стороны.

Отца выгнуло в этом жутком спазме, что я видел уже три раза, и с искаженным лицом, со скрюченными пальцами откинуло вперед на рулевую колонку.

Машина резко пошла вниз.

Я сидел и смотрел, как она падает, если вообще можно "сидеть", когда висишь привязанный только ремнем у пояса. Если бы тело отца, рухнувшее на приборную панель, не сбило все

приборы, я бы еще мог что-то сделать например, связанными ногами выровнять курс. Пытался, но ничего не вышло.

Видимо, управление еще и заклинило.

Альтиметр деловито щелкал. Когда я нашел время взглянуть на прибор, он показывал уже одиннадцать тысяч футов. Затем стало девять… семь… шесть, и мы вышли на последнюю милю.

На высоте полторы тысячи футов включилась радарная блокировка, и один за другим выстрелили тормозные ускорители в носу машины. Каждый раз меня чуть не разрезало ремнем пополам, однако появилась надежда, что теперь машина выровняется, и, может быть, я спасусь. Рассчитывать на это было глупо, поскольку отец по-прежнему лежал на рулевой колонке.

Но когда мы врезались в землю, я все еще надеялся.

***

В себя я начал приходить, почувствовав какое-то мягкое покачивание.

Ощущение раздражало, и в голове крутилась только одна мысль "Когда же это кончится?" Каждое, даже самое легкое движение вызывало нестерпимую боль во всем теле. Я с трудом разлепил один глаз - второй вообще не открывался - и тупо огляделся, пытаясь сообразить, что же вызывает это раздражающее покачивание.

Надо мной был пол машины, но я довольно долго его разглядывал, прежде чем понял, что это такое. К тому времени я начал вспоминать, где нахожусь и что произошло. Вспомнился стремительный полет вниз, удар, и до меня дошло, что мы упали не на землю, а, видимо, в воду. Может быть, в Мексиканский залив? Я не знал наверняка, да и не до того было.

Мысль об отце отозвалась вспышкой боли и отчаянья.

Надо мной болтались два обрывка ремня безопасности. Руки и ноги по-прежнему были связаны, но одну руку я вроде бы умудрился сломать.

Второй глаз таки не открывался, дышалось с трудом. Отца у приборной панели не оказалось, и это меня почему-то удивило. Превозмогая боль, я перекатил голову, чтобы взглянуть на другую часть машины здоровым глазом. Отец, весь в крови, лежал совсем рядом; от моей головы до его было всего фута три. Я уже не надеялся, что он жив, но, наверно, целых полчаса потратил, чтобы проползти эти три фута.

Дополз и остановился лицом к нему, почти касаясь щекой его щеки.

Никаких признаков жизни, и судя по тому, как он лежал - изломанный, скомканный словно тряпичная кукла - на чудо рассчитывать не приходилось.

– Папа, - хрипло позвал я, затем закричал: - Папа!

Веки его дрогнули, но глаза остались закрытыми.

– Привет, сынок. Спасибо… Я тебе очень благодарен… - прошептал он и умолк.

Мне хотелось встряхнуть его, но я ничего не мог, только кричать.

– Папа! Очнись! Ты жив?

Он снова заговорил, но каждое слово давалось ему с болезненным усилием:

– Твоя мать… просила передать тебе… она очень тобой гордилась…

Отец затих, и его дыхание вдруг стало сухим и хриплым - зловещий предсмертный хрип.

– Папа, - закричал я сквозь слезы, - не умирай! Я не смогу без тебя.

Он открыл глаза.

– Сможешь, сынок, сможешь. - Пауза, хриплый натужный вздох, затем: Мне так больно… - И глаза закрылись.

Я кричал, но больше ничего не мог от него добиться. Затем просто прижался к нему лицом, и по моим щекам, смешиваясь с кровью и грязью, потекли слезы.

Глава 35

А теперь мы вычистим Титан!

Все, кто должен был лететь, пишут такие отчеты. Если мы не вернемся, это будет нашим посланием свободному человечеству - тут все, что мы знаем о титанцах и о том, чего в борьбе с ними надо опасаться. Ибо Келли оказался прав: Шалтая-Болтая уже не собрать. Несмотря на успешное завершение операции "Милосердие", нельзя успокаиваться и думать, что все титанцы уничтожены. Только неделю назад на Юконе пристрелили медведя с паразитом на спине.

Отныне человечеству предстоит постоянно быть настороже, особенно лет через двадцать пять - если мы не вернемся, а вместо нас прилетят тарелки.

Нам пока неизвестно, почему активность титанцев подчиняется двадцатидевятилетнему циклу сатурнианского года, но это факт. Причина, возможно, очень проста: мы и сами во многом подчиняемся циклу, совпадающему с земным годом. Будем надеяться, что титанцы по-настоящему активны только в один из периодов своего года. Если так, операция "Возмездие" пройдет легко и быстро. Впрочем, мы на это не рассчитываем.

Меня направили, помоги нам Бог, как "специалиста по прикладной экзопсихологии", но кроме того, я еще и боевая единица, как любой из нас, от капеллана до повара. Мы раз и навсегда должны показать паразитам, что они совершили крупную ошибку, связавшись с самой живучей, самой коварной, самой опасной, самой непокорной - и самой способной - формой жизни в этом секторе космического пространства, с существами, которых можно убить, но не подчинить.

(Я втайне надеюсь, что мы сумеем спасти тех маленьких эльфов-гермафродитов. С эльфами, мне почему-то кажется, мы поладим.) Справимся мы с ними или нет, человечеству в любом случае придется теперь поддерживать свою заслуженную по части свирепости репутацию. Цена свободы это готовность вступить в драку - в любое время, в любом месте и с беспредельной храбростью. Если мы не извлечем урок из нашествия паразитов, нам остается только крикнуть: "Эй, динозавры, подвиньтесь-ка! Мы уже готовы вымирать!"

Никому ведь неизвестно, какую еще грязную шутку может сыграть с нами большая вселенная. И паразиты, возможно, покажутся нам простыми, открытыми, дружелюбными парнями по сравнению, скажем, с жителями планет Сириуса. Если это только увертюра, то нам лучше извлечь из нее урок и всерьез

приготовиться к первому действию. Мы считали, что вселенная пуста, а нам автоматически отводится роль ее властителей. Даже после "завоевания" космоса мы продолжали заблуждаться, потому что Марс уже умер, а на Венере разум едва зародился. Но если человек претендует на главную роль - или хотя бы на роль уважаемого соседа, - ему придется доказывать себя в борьбе. Перековывать орала обратно на мечи; первый вариант - это бабушкины сказки.

Каждый из участников операции хоть раз, но был в подчинении у паразитов. Только те, кто испытал на себе их власть, знают, как паразиты коварны, как ни на секунду нельзя терять бдительность - и как нужно ненавидеть. Полет, нам сказали, продлится двенадцать лет, так что у нас с Мэри будет долгий медовый месяц. Да, разумеется, Мэри летит. Почти весь экспедиционный корпус состоит из женатых пар, а что касается остальных, то на каждого одинокого мужчину приходится одинокая женщина. Двенадцать лет не просто долгое путешествие, это часть жизни.

Когда я сказал Мэри, что мы летим к спутникам Сатурна, она ответила лишь: "Хорошо, дорогой".

Думаю, у нас будет достаточно времени, чтобы вырастить двоих или троих ребятишек. Как говорит отец, раса должна идти дальше, даже если еще не ясно, куда.

Я понимаю, что отчет у меня получился не очень связный. Видимо, перед тем, как сдавать, придется его доработать. Но я все изложил, как видел и чувствовал. Война с инопланетной расой - это война психологическая; техника не играет тут главной роли, и, может быть, то, что я думал и чувствовал, будет гораздо важнее, чем то, что я делал.

***

Отчет я заканчиваю уже на космической станции "Бета", откуда мы должны перейти на крейсер "Мститель". Похоже, у меня не будет времени доработать свое сочинение, так что оставляю его как есть - пусть историки развлекаются. Вчера вечером мы попрощались в Пайкс-Пик-Порт с папой. Он меня сразу поправил:

– Не "прощай", а "до свидания". Вы вернетесь, и я собираюсь дотянуть до вашего возвращения, становясь с каждым годом все чудней и ворчливей.

Я сказал, что буду на это надеяться. Он кивнул.

– Вы вернетесь. Ты слишком живуч, чтобы умереть. Я очень верю в тебя и таких как ты, сынок.

С минуты на минуту начнется переброска на крейсер. В душе - волнение и радость. Ну, теперь держитесь, кукловоды - свободные люди летят по вашу душу!

Смерть и разрушение!

А.Нортон. ЛУНА ТРЕХ КОЛЕЦ

КРИП ВОРЛАНД

Глава 1

Что такое космос? Это пустыня, познать которую не дано человеку, даже если он обладает сотнями, тысячами жизней, чтобы провести дороги между солнечными системами и планетами, чтобы расспрашивать, чтобы пытаться узнать, что находится за следующим солнцем, следующей системой.

Такие искатели знают, что не должно быть пределов человеческой вере в чудесное, которая отсутствует у тех, кто следует проторенными дорогами, не принимает ничего, отказывает собственным чувствам.

Те, кто осмеливается проникать в неизвестное - первые разведчики пространства, исследователи и не в меньшей степени Свободные Торговцы, вырывающиеся за пределы Галактики - привыкают к тому, что то, что было легендами и фантазией на одной планете, может оказаться счастливой или мрачной действительностью на другой. Каждое приземление на новую планету приносит свои тайны и открытия.

Быть может, это вступление псевдофилософское, но я не знаю, как начать иначе, потому что раньше я рассказывал обо всем этом только в той мере, в какой это требовалось для отчета в Лигу Свободных Торговцев. Когда человек собирается описывать невероятное, ему трудно начать.

Перворазведчики во время своих бесконечных путешествий по мирам и системам сообщают в Управление много странного и необычного. Но даже планеты, ставшие благодаря их работе доступными людям, могут хранить свои тайны и после того, как их признают удобными стоянками для кораблей или даже пригодными для новых поселений.

Свободные Торговцы, целиком зависящие от внешней торговли и не получающие для поддержки жирных кусков, которые дают своим монополиям Объединения планет системы, то и дело сталкиваются с явлениями, неизвестными даже в Управлении. Так и случилось на Йикторе во времена Луны Трех Колец. И кто может рассказать об этом лучше меня, с которым все это произошло, хотя я был всего лишь помощником суперкарго на "Лидисе", к тому же последним в списке команды этого корабля.

Благодаря своему образу жизни за годы своего существования Свободные Торговцы стали почти что отдельным племенем Галактики. У них нет дома, у их кораблей нет постоянного порта

приписки, они всегда скитаются. Поэтому для нас корабль - единственная наша планета, и вне его мы все выглядим иностранцами. Но это не значит, что мы неприязненно относимся ко всему иностранному, чужому; тяга к исследованию и восприятию окружающего нас внешнего пространства стала уже неотъемлемой частью нашей природы.

Мы рождаемся торговцами, потому что семьи живут на больших кораблях.

Так было решено уже давно, и это было гораздо лучше для нас, чем короткие непрочные связи в портах, могущие привести к потере своего корабля.

Крупные космические станции-порты являются городами, торговыми центрами для каждого сектора, где совершаются крупные сделки и где семьи могут насладиться чем-то вроде домашнего уюта в промежутках между вояжами.

Но "Лидис" был кораблем класса Д для холостяков, потому что предназначался для торговли на опасных окраинах, на которую могли решиться только одинокие мужчины. Я, Крип Ворланд, был очень доволен, что взялся за это дело. Мой отец не вернулся из последней экспедиции уже много лет тому назад. Моя мать, по обычаю Торговцев, через два года снова вышла замуж и уехала куда-то со своим супругом. Так что меня некому было отговаривать, когда я записывался в команду.

Нашего капитана Урбана Фосса считали хорошим командиром, хотя он был молод и любил риск; но именно последнее и устраивало членов его команды: они хотели иметь вожаком человека, который каким-нибудь рискованным предприятием продвинет их в ряды тех, кто пользуется солидным авторитетом в торговых центрах. Джел Лидж заведовал торговым отделением. Он не любил давать легких заданий, но я повздорил с ним только один раз, и из-за того, что он ревниво охранял торговые секреты, заставляя меня доискиваться до всего самому. Но, может быть, это и было лучшим способом обучения держать меня в постоянном напряжении во время вахты и давать возможность подумать, когда я был свободен от своих обязанностей.

Мы совершили уже две удачные экспедиции до того, как приземлились на Йикторе, и, конечно, возомнили о себе бог знает что. Но, как бы то ни было, Свободные Торговцы никогда не забывают об осторожности. Когда мы совершили посадку, то, прежде чем открыть люки, Фосс включил для прослушивания магнитофонную запись, содержащую все предупреждения, необходимые на этом свете.

Единственный порт - так как это была действительно

окраинная планета - находился вблизи Ырджара, центрального города, если можно вообще говорить о существовании городов на Йикторе, расположенного в центральной части большого северного материка.

Мы приурочили наше прибытие к большой торговой ярмарке, встрече купцов и простого люда со всей планеты, что происходило раз в два планетных года в конец сезона сбора урожая.

Как и во многих других мирах, эти сборища имели когда-то, да и до сих пор не утратили до конца религиозное значение. Считалось, что это была дата битвы древнего народного героя с каким-то демоническим врагом, в которую он вступил ради своего народа и одержал победу, но погиб и был похоронен с необычайными почестями. До сих пор разыгрывалось подобие той битвы, после чего следовали соревнования, в которых феодалы соперничали друг с другом, ставя на своих чемпионов. Победившие в каждом соревновании получали богатые призы, а главное - престиж не только для себя, но и для своего хозяина вплоть до следующей ярмарки.

Глава 2

Общество на Йикторе находилось в феодальной стадии развития.

Несколько раз за историю его существования короли и завоеватели пытались объединить под своей властью целые континенты, хотя бы на время своего правления. Эти объединения порою существовали и в последующие династии, но, как правило, вскоре распадались в результате междуусобиц. Развития не происходило. Священники, правда, хранили какие-то легенды о ранней цивилизации, достигшей большей стабильности и более высоких технических знаний.

Никто не знал, почему они остановились на этой стадии, и никто из местных жителей не хотел знать, существует ли другой образ жизни, или не верил в это. Мы прибыли во время полной разрухи и беспорядка, когда шесть феодалов нападали друг на друга, но ни у кого из них не было ни ловкости, ни смекалки, ни везения, чтобы взять верх. Таким образом, имело место своего рода равновесие власти.

Для нас, Торговцев, это влекло за собой некоторые трудности и неудобства, ограничивало нашу деятельность, чем мы были очень недовольны.

Это означало "запрет на мысли" и "запрет на оружие".

Давным-давно, еще в самом начале свободной торговли, для защиты от власти Патруля и якобы для того, чтобы не раздражать Контроль, Торговцы осознали необходимость этих двух предосторожностей на примитивных планетах. Определенная техническая информация ни в коем случае не должна была продаваться, как бы ни высока была предлагаемая цена. Оружие внешнего мира, а также секреты его изготовления, находились под запретом. Когда мы совершали посадку на такую планету, все оружие, кроме небольших дубинок, запиралось в сейф и доставалось только после того, как мы покидали планету. Мы также проходили профилактику, чтобы из нас нельзя было вытянуть никакой запретной информации.

Может показаться, что в результате всего этого мы были абсолютно беззащитными перед грубой силой какого-нибудь феодала, решившего узнать от нас как можно больше. Но закон ярмарки полностью охранял нас от опасности, по крайней мере, до тех пор, пока мы придерживались правил, установленных жрецами в первый день.

По закону, общему для всех миров Галактики и кажущемуся везде естественным и справедливым, территория ярмарки являлась нейтральной площадью и святыней. Смертельные враги могли встретиться тут, но ни один не посмел бы взяться за оружие. Если кто-нибудь из преступников достигал ярмарки и не нарушал ее законов, он был полностью свободен от преследования и наказания до ее окончания. Сама ярмарка имела свои законы и полицию, и любое преступление, совершенное за ней, жестоко каралось.

Таким образом, ярмарка являлась также местом переговоров между феодалами, где они разбирались в своих междуусобицах, а возможно, и заключали новые союзы. Нарушивший закон ярмарки объявлялся вне закона, что было почти равносильно приговору к смертной казни, только более продолжительной и мучительной.

Все это мы хорошо знали, однако терпеливо выслушали запись: на торговом корабле никто никогда не относится к такого рода предупреждениям как к пустой трате времени. Затем Фосс снова обратился к распределению обязанностей во время пребывания на планете. Во время экспедиций на разные планеты мы выполняли их по очереди. Охрана корабля была постоянно, остальные же были относительно свободны и могли работать парами. Начиная с утреннего гонга и до сумерек мы должны были налаживать контакты с местными купцами. Фосс был уже один раз на Йикторе как помощник капитана на "Коал Сэк" и теперь вытащил свой дневник, чтобы освежить в памяти образ жизни планеты.

На всех кораблях Свободной Торговли, хотя суперкарго руководит распределением товара и основными сделками, каждый член команды может работать самостоятельно, смотреть во все глаза и предлагать по собственной инициативе выгодные сделки. Так что, разбившись на пары, мы исследовали рынки, выясняя нужды местных жителей, которые можно было бы удовлетворить во время следующей экспедиции, а также подыскать возможные предметы экспорта.

Основной груз, который мы забирали в Ырджаре, был спрод, густой сок, выжатый из листьев местного растения и спрессованный в блоки, которые мы легко укладывали в нижнее отделение, когда оттуда были выгружены тюки с мурано, блестящим плотным шелком, который жадно расхватывали ткачи Йиктора. Они терпеливо распускали его на отдельные нити и смешивали с лучшей пряжей местного производства, в результате чего работа занимала вдвое больше времени. Иногда какой-нибудь феодал платил все деньги, вырученные за сезонные работы, за платье, сшитое целиком из нашего шелка.

На обратном пути мы сгружали блоки спрода у Закатанов, которые перерабатывали его в вино. Они считали, что это вино повышает умственное развитие и лечит некоторые болезни их змеиного народа. Правда, я не понимаю, зачем Закатанам еще повышать свое умственное развитие, в этом отношении они и так сильно нас обогнали.

Но спрод не составлял полного груза, и мы должны были искать новые товары. Догадки не всегда оправдывались, случалось и так, что то, что сначала казалось сокровищем, на поверку оказывалось бесполезным грузом, и его выкидывали. Но предыдущие опасные операции прошли настолько удачно, что мы были уверены - нам повезет и на этот раз.

Каждый Торговец, участвующий в удачных операциях, имеет возможность довольно скоро заключить контракт с хозяином и получать большую долю прибыли. Поэтому каждый из нас был очень внимателен, запоминал результаты предыдущих экспедиций и старался чутьем определить то, что невозможно было понять даже в результате упорной подготовки и обучения.

Конечно, всегда можно столкнуться с заметными товарами - новое производство, драгоценные камни, это бросается в глаза. Опытный Торговец замечает их сразу во время больших ярмарок. В таких ярмарках, как эта, и заключается основной соблазн для инопланетных торговцев.

С другой стороны, существуют товары-загадки, которые вы вынюхиваете с расчетом на спекуляцию. Чаще всего это какой-нибудь неизвестный товар, который местные купцы привозят на

ярмарку, надеясь продать его с выгодой какие-то мелкие предметы, легкие и удобные для перевозки, и их можно продать в тысячу раз дороже, чем они стоят, кому-нибудь из этой толпы инопланетян, которые всегда ищут что-то такое, чем можно удивить соседей.

Ходят легенды о том, как однажды повезло Фоссу с Эспанскими коврами шедеврами ткачества и сочетания цветов. Их можно было свернуть в рулон не длиннее человеческого предплечья, в развернутом же виде это были огромные сверкающие полотна, покрывающие пол большой комнаты, прочные, радующие глаз переливами цветов. Мой непосредственный начальник Лидж был причастен к открытию дальхе на Крантаксе. Случилось так, что этот незаметный сморщенный плод оказался нужен промышленности, и это принесло Лиге порядочное количество кредитов, перевело Лиджа на следующую должность и оказалось выгодным для планеты. Конечно, в самом начале службы на такие удачи надеяться не приходится, но я думаю, что весь младший состав нашего корабля в глубине души тешил себя подобными надеждами. Но было много возможностей выслужиться и улучшить свою характеристику более мелкими находками.

В первый же день я отправился на встречу с местными торговцами вместе с Лиджем и капитаном. Встреча происходила в Большой Палатке - средних размеров здании, находящемся в поле за стенами Ырджара, в центре ярмарки.

В то время, как вся архитектура на Йикторе была мрачной и тяжелой - здания строились так, что могли в любой момент стать крепостями - Палатка, которой не грозили никакие нападения, была немного веселее. Ее стены были только частично из камня. Внутри было просторно, только по краям стояли колонны, поддерживающие остроконечную крышу, края которой далеко выступали за стены и представляли собой прекрасное укрытие от ненастья. Впрочем, ярмарка проводилась обычно в сухую погоду. Освещение в Палатке было гораздо лучше, чем в других домах Йиктора.

Мы были единственными представителями Свободных Торговцев в порту, хотя тут был еще имеющий лицензию корабль Синдиката. Но он перевозил только спецгрузы по контракту, и мы не возражали. Это был редкий случай перемирия между инопланетянами, и не было необходимости изворачиваться.

Наш капитан и суперкарго Лидж сидели по-дружески со старшими купцами, мы же устроились с меньшими удобствами. Мы приравнивались к их торговцам второй гильдии и по правилам должны были помещаться в других отделениях; кроме

того, мы должны были, кроме демонстрации товара, еще и вести счет.

Эта двойная работа отделяла нас от наших офицеров и внушала местному населению, что инопланетники глупы и нуждаются в таких помощниках, потому что расчет - это движущее начало разумной торговли. И вот мы усаживались на высокой платформе, для вида записывали экспонаты и расхваливали предлагаемый товар.

Здесь продавали северные меха глубокого красного цвета, отливающие золотом, когда торговцы вертели их, показывая. Ткани стояли в рулонах на подставках, принесенных помощником. Много было металлических изделий, главным образом, оружия. Мечи и копья, видимо, были универсальным примитивным оружием в Галактике и были сделаны мастером, явно знающим свое дело. Были здесь и кольчуги, шлемы с миниатюрными животными или птицами на гребнях, щиты. Торговец, прибывший последним, с важным видом показывал военные материалы. Двое его гильдсменов демонстрировали стрельбу по мишени из самострела нового типа, и оживление, вызванное этой демонстрацией, доказывало превосходство самострела.

Выставка оружия, которая была немалой и на местном рынке, надоела нам. Конечно, время от времени кто-нибудь из нас покупал меч или кинжал, чтобы продать какому-нибудь коллекционеру. Это была небольшая спекуляция с минимальным риском.

Торговля - дело другое. Местные купцы делали перерыв, чтобы освежиться, подходили к бочкам их лучшего, но для нас неприемлемого пива и к "твердой еде", состоящей из оладий с фруктово-мясной пастой, а нас отпускали почти перед заходом солнца. Как обычно, капитан Фосс и Лидж шли на специальный банкет, который давала администрация ярмарки, а мы, второсортные, возвращались на корабль.

Младший представитель Синдиката, деливший со мной неудобное сидение на платформе, с усмешкой потянулся, предварительно засунув для безопасности свои записи под ремень.

– Вот и все, - сказал он. - Ты свободен? Пошли в порт?

Как правило, Свободные Торговцы и Люди Синдиката не общались между собой. В прошлом у нас было много неприятностей с ними. Торговец с единственным кораблем не мог и надеяться на победу. Однако в наши дни вещи охраняются лучше, чем они того стоят. У Лиги сильная рука, и лидеры Синдиката дважды подумают, прежде чем толкнуть локтем

Торговца, имеющего такую защиту. Но чувства и память идут от тех времен и держат нас в стороне, поэтому я ответил не слишком сердечно:

– Не сейчас, после рапорта.

– Все равно, - если он и понял смысл моей холодности, он ничем не выдал этого. Наоборот, он уселся ждать меня, а я медлил, давая ему возможность уйти. Но он не ушел.

– Меня зовут Гек Слэфид.

– Крип Ворланд, - я неохотно пошел за ним.

Выход был забит торговцами, и мы, как полагается иноземцам, среди них не толкались. Он бросил взгляд на мой значок, я сделал то же. Он был на грузовом судне, но на его диске было две полосы, а у меня только одна.

Однако продвижение по службе в Синдикате шло тогда более медленно.

Никогда нельзя судить о планетном возрасте тех, кто большую часть жизни проводит в космосе. Некоторые даже и сами не знают, сколько им лет.

Однако я прикинул, что этот Гек Слэфид немногим старше меня.

– Еще не подкалымил? - спросил он.

Это был слишком наглый вопрос даже для людей Синдиката. Я подумал было, что он просто не соображает, что подобных вопросов не задают никому, разве что родственникам или близким друзьям. Возможно, он слышал об обычаях Свободных Торговцев и воспользовался этим неудачным способом завязать разговор.

– Нам еще не освободили порт, - я не стал показывать, что оскорблен: может, его вопрос был вполне безобидным, хотя и выглядел скверно. Надо уметь отвести оскорбление в сторону, когда имеешь дело с чужаком, а Синдикат для нас был более чужим, чем иные негуманоиды.

Видимо, он уловил мои ощущения, потому что не стал развивать эту тему. Пока мы шли по заполненным народом улицам, он указывал на безвкусные флажки и полосы ткани, где были написаны местными загогулинами объявления о всевозможных развлечениях - от совершенно невинных, до граничащих с пороком. На ярмарке собирались продавцы и покупатели, жрецы и уважаемые люди, так что здесь сосредотачивались все, кто добывал себе средства к жизни предложением развлечений для ума и чувств.

– Здесь есть, на что посмотреть - или ты дежуришь вечером? - не был ли его тон чуть-чуть покровительственным - или мне показалось? Я решил не доискиваться. Мы не были связаны

какой-нибудь торговлей, а я был осторожен.

– Да, мне говорили, что тут есть кое-что интересное. Но я еще не отстоял вахту.

Он ухмыльнулся и поднес руку ко лбу, как бы салютуя.

– Тогда у тебя счастье впереди, Ворланд. Мы уже отстояли, и ночь у меня свободна. Если освободишься, посмотри это, - он повел рукой, указывая на полосу в конце линии.

Она не блестела красками, как другие, а была странного серого оттенка с розовыми прожилками, однако от нее нельзя было отвести взгляд.

– Это что-то особенное, - продолжал Слэфид. - Конечно, если тебе нравятся шоу животных.

Шоу животных? Я снова смутился: я полагал, что у людей Синдиката совершенно иные понятия о развлечениях - что-нибудь близкое к извращениям, почти упадочным удовольствиям внутренних планет. Затем у меня возникло подозрение - не эспер ли этот Гек Слэфид? Ведь он безошибочно спикировал на такое развлечение, которое в первую очередь заинтересует меня, если я о нем узнаю. Я развернул один из усиков моего мыслеискателя - не вторгаться в мозг, конечно, этого я ни в коем случае не должен был делать - а только осторожно обнаружить ауру эспера. Ее не оказалось, и я даже слегка подосадовал на себя за свою подозрительность. Я ответил:

– Если мне повезет, я обязательно последую твоему совету.

Его окликнул кто-то, носящий знак его корабля, и он легким поклоном простился со мной и пошел к своему другу. Я же стоял некоторое время перед этой почти бесцветной рекламой, пытаясь понять, чем она так привлекает взгляд. Такие вещи очень важно знать Торговцу. Действует ли оно так только на меня, или на других тоже? Мне почему-то было так важно получить ответ на этот вопрос, что я решил найти самого спокойного члена нашей команды и проверить на нем действие рекламы.

Мне повезло. В эту ночь я был свободен. Команда "Лидиса" была столь мала, что свободными бывали только четверо, и трудновато было заставить ходить по двое, если у них разные понятия о развлечениях. Мы считались младшими, и я вышел вместе с Грисом Шервином, вторым механиком. Прекрасно: мне нужен был практичный спутник для проверки рекламы, и Грис подходил как нельзя лучше. Он был потомственным Торговцем, как и все мы, но основной его любовью был корабль, и я не думаю, что он интересовался торговлей кроме тех случаев, когда от него этого ждали. К счастью, я вспомнил, что неподалеку от рекламы шоу животных есть темно-малиновая реклама выставки мечей, и воспользовался этим, как приманкой для Гриса. Он был

игроком, но такая деятельность не рекомендуется на чужих планетах. Игра, наркотики, пьянство и чересчур пристальное внимание к дочерям чужеземцев могли привести к неприятным последствиям, вплоть до угрозы кораблю, так что подобные желания временно блокировались, и мы, в конце концов, соглашались, что это разумно.

Улица, где располагалось шоу, была теперь ярко освещена фонарями, висевшими каждый над своей рекламой и окрашенными в тот же свет.

Светящиеся изображения на них извещали о том, что происходит внутри. Серая с розовым полоса была еще здесь, фонарь в виде серебряного шара висел над ней, и никакие изображения не разбивали его перламутровый свет.

– Что это? - спросил Грис, подойдя.

– Говорят, шоу животных, - ответил я.

Поскольку Свободные Торговцы большую часть жизни проводят в космосе, понятно, что у них мало контактов с животными. Много лет на всех кораблях жили кошки - - для защиты груза, поскольку они охотились на всяких паразитов, прячущихся в трюмах. Веками они считались членами команды. Но число их все уменьшалось: они уже не приносили так часто и много потомства. Мы уже забыли, откуда родом эти животные, и не могли добыть для них притока свежей крови, чтобы восстановить их размножение. Несколько кошек оставалось на базах, их высоко ценили, охраняли и заботились о них в надежде, что размножение восстановится. Все мы пытались время от времени заменить кошек другими животными из многих миров. Один-два вида обещали размножение, но большинство животных не могло приспособиться к корабельной жизни.

Вероятно, желание иметь компаньонов-животных так привлекло нас к инопланетным зверям. Не знаю, как Грис, но я считал, что просто обязан посетить палатку под лунным шаром. Оказалось, уговаривать Гриса не пришлось: он охотно пошел со мной.

Откуда-то доносился глухой тяжелый звук гонга. Постепенно стихали смех, разговоры, песни на улицах: толпа платила дань призыву храма. Но тишина длилась недолго, потому что, хотя ярмарка и имела свои религиозные традиции, они с годами потускнели.

Мы прошли под тенью серой рекламы в сиянии лунной лампы. Я рассчитывал увидеть какие-нибудь изображения животных, могущие послужить приманкой для публики, но там оказался только экран с надписью на местном языке, а над дверью качалась странная эмблема-маска - не животного, не

птицы, а комбинации того и другого. Увидев ее, Грис издал негромкое восклицание.

– Что это?!

Его тон меня не удивил. Я слышал его и раньше, но только в тех случаях, когда Грис стоял перед новой и непонятной машиной.

– Это же настоящая находка!

– Находка? - переспросил я, решив, что речь идет о какой-нибудь удачной покупке.

– Настоящее зрелище, - поправился он, как будто прочел мои мысли. Это шоу Тэсса.

Грис, как и капитан Фосс, бывал на Йикторе и раньше. Я же мог только повторить:

– Тэсса?

Я думал, что изучил ленты Йиктора достаточно внимательно, но смысл этого слова ускользнул от меня.

– Пошли! - Грис подтолкнул меня к стройному туземцу в серебряной тунике и высоких красных сапожках, принимающему плату за вход. Туземец взглянул на нас, и я поразился.

Вокруг нас была толпа йикториан. Они лишь немногим отличались от людей нашей породы. Но этот юноша в бледной одежде казался более чужим этому миру, чем мы.

Он был так хрупок, что казалось, ветер, треплющий рекламу над ним, может закрутить его и унести. У него была очень гладкая кожа без всяких признаков бороды, очень белая, почти без красок. Черты лица человеческие, за исключением громадных глаз, таких темных, что нельзя было определить их цвет. Брови наклонялись к вискам так далеко, что сходились с серебристо-белыми волосами.

Я старался не пялиться на него. Грис заплатил, и туземец поднял полотнище палатки, чтобы впустить нас.

Глава 3

Там не было сидений, только ряды ступеней в одном конце палатки, которые легко убирались после представления. Перед ними возвышалась эстрада, пока еще пустая, за ней был занавес того же серо-розового цвета, что и вывеска. Наверху висели фонари серебристо-лунного цвета. Все это выглядело просто, но элегантно и никак не вязалось с показом дрессированных животных.

Мы, видимо, пришли вовремя: складки занавеса раздвинулись и перед аудиторией появился мастер-

дрессировщик. Несмотря на ранний час, здесь было много народу, в основном, дети.

Мастер - нет, несмотря на тунику, брюки и высокие сапоги, такие же, как у привратника, это явно была женщина. Ее туника не облегала горло, а поднималась сзади стоячим воротником-веером, отделанным по краю маленькими рубиновыми искорками того же цвета, что ее сапожки и широкий пояс. На ней был еще короткий облегающий жилет из золотисто-красного меха, какой я видел сегодня утром в Большой Палатке. В ее руках был бич, каким большинство дрессировщиков подкрепляет свои программы, и тоненький серебряный жезл, который не мог служить ни для наказания, ни для защиты.

Он подходил по цвету и блеску к ее высокой прическе, заколотой шпильками с рубином. В середине лба был серебряный арабеск с рубином, неизвестно как прикрепленный - он не шевелился при движениях ее головы. В ней чувствовалась уверенность, как у всех мастеров, умеющих владеть собой и своим искусством.

– Лунная певица! - выдохнул Грис с некоторым оттенком страха - редкой эмоцией у Торговцев. Я хотел было попросить у него объяснений, но в это время она взмахнула палочкой, и все разговоры смолкли. Публика относилась к ней явно с большим почтением, чем толпа на улице к храмовому гонгу.

– Дамы и господа! - голос был низкий, напевный, вызывающий желание слушать. - Окажите внимание нашему маленькому народу, который рад повеселить вас, - она отошла и снова взмахнула жезлом.

Драпировки раздвинулись, чтобы пропустить шесть маленьких мохнатых созданий.

Они шли на задних лапках, прижимая к круглым брюшкам маленькие рубиново-красные барабаны. Их передние лапки очень походили на человеческие руки, с той лишь разницей, что пальцы животных были длиннее и тоньше. У них были круглые головы с высоко поставленными бесшерстными блестящими острыми ушами. Как и у их хозяйки, их глаза были очень велики по сравнению с круглой широконосой мордочкой. Позади крючком загибался пышный шелковистый хвост. Они гуськом прошли в противоположный конец сцены и уселись там, поставив перед собой барабаны и положив на них передние лапы. Видимо, она подала какой-то сигнал, который я прозевал, потому что они стали бить в барабаны, но не как попало, а в определенном ритме.

Снова раздвинулся занавес, и появились новые артисты. Эти были крупнее барабанщиков и, видимо, менее ловки в движениях.

У них были слишком массивные тела для их размера, их грубая шерсть, их рост, длинные уши и узкое вытянутое тело выглядели гротескно и по-настоящему чуждо. Они шли в такт барабанам, ритмично покачивали головами и шевелили кончиками морд. Однако они служили всего лишь верховыми животными для еще одной группы. У всадников были маленькие кремовые головки с большими, более темного цвета кругами вокруг глаз, что придавало их мордочкам удивленное выражение. Похоже, что они, как и барабанщики, пользовались своими передними лапками не хуже, чем мы руками.

Тапироподобные "лошади" и их всадники церемониальным маршем прошли по авансцене. Вот тут я и стал свидетелем явной магии. Я повидал немало шоу с животными в разных мирах, но ничего подобного не встречал. Тут не было ни щелканья бича, ни словесных приказов. Они выступали не как обученные трюкам, а скорее как будто привносили что-то свое, неожиданное для тех, кто не относился к их породе. Стояла полная тишина, нарушаемая лишь разными ритмами, отбиваемыми мохнатыми музыкантами, и сложными звуками, которые время от времени издавали артисты. Всадники и "лошади" были первыми, но после ухода артистов я сообразил, что мы видели по крайней мере десять разных пород.

Хозяйка еще раз вышла на середину платформы и отсалютовала своим жезлом.

– Мой народ устал. Если он понравился вам, дамы и господа, он этим вознагражден. Завтра они выступят снова.

– Я никогда не… - я взглянул на Гриса, но тут кто-то дотронулся до моего плеча. Я обернулся и увидел юношу, который впускал нас сюда.

– Благородные Гомос, - сказал он на базике, а не на ырджарском наречии, - не пожелаете ли вы взглянуть на маленьких артистов поближе?

Я не мог понять, с какой стати нам было сделано такое предложение, но жаждал его принять. Однако укоренившаяся в нас осторожность предъявила свои права, и я заколебался, поглядывая на Гриса. Поскольку он, как видно, что-то знал об этих Тэсса (кем или чем бы они ни были), я предоставил решение ему. Но у него, похоже, сомнений не было. Мы встали и последовали за нашим гидом через сцену за драпировки. Там странно пахло животными, но очень чистыми и ухоженными, травяными подстилками и чуждой для нашего носа пищей. Пространство перед нами было раза в три больше театра. Его разгораживал широкий деревянный экран. Рядом с ним стояли фургоны вроде тех, в которых перевозят продукты, это была

линия для крупных ездовых животных - казов. Большая часть их теперь спокойно лежала, пережевывая жвачку. Рядами, почти как город с узкими улицами, тянулись клетки. В конце ближайшей "улицы" стояла женщина. Я не мог определить ее возраст, но издалека она казалась девочкой. При ближайшем рассмотрении хитроумная прическа, украшение на лбу и самоуверенность выдавали патину лет. Она все еще вертела в руках серебряную палочку, как якорь спасения. Не знаю, почему мне пришла мысль: в ее манерах и выражении лица не было ничего, указывающего на неприятности.

– Добро пожаловать, Благородные Гомос! Меня зовут Майлин, - сказала она на базике.

– Крип Ворланд.

– Грис Шервин.

– Вы с "Лидиса", - это был не вопрос, а утверждение. Мы кивнули. Малик, - обратилась она к юноше, - может быть, Благородные Гомос выпьют с нами?

Он не ответил, но быстро пошел по улице из клеток с решетчатой стенкой с правой стороны для охраны животных. Майлин продолжала изучать нас, а затем указала жезлом на Гриса.

– Вы что-то слышали о нас, - она повернула жезл ко мне. - А вы нет.

Грис Шервин, что вы о нас слышали? Только ни о чем не умалчивайте, ни о плохом, ни о хорошем - если было хорошее.

Грис был загорелым, как все мы, живущие в космосе. Рядом с этими людьми он казался почти черным. Но даже через эту черноту было видно, как он вспыхнул, и я понял его самочувствие.

– Тэсса - Лунные Певцы, - сказал он.

– Неточно, - она улыбнулась. - Только некоторые из нас воспевают власть Луны для пользования ею.

– Но вы как раз из них.

– Это правда, - она ответила без улыбки, - раз уж вы, Торговцы, об этом знаете.

– Все Тэсса - другой крови и рода. Никто на Йикторе, кроме, может быть, их самих, не знает, откуда они пришли. Они древнее, чем старые записи у лордов или в храмах.

– Это правда, - Майлин кивнула. - Что еще?

– Остальное - слухи. О власти над добром и злом, которой не имеет человеческий род. Вы можете наслать беду на человека и весь его клан, - он засмеялся.

– Суеверие? - спросила она. - Однако есть много способов омрачить человеческую жизнь, Благородный Гомо. Слух всегда

имеет две стороны правдивую и фальшивую. Но мне кажется, нас нельзя обвинить в том, что мы желаем зла кому-нибудь в этом мире. Мы и в самом деле древний народ и хотим жить по своим обычаям, не мешая никому. Что вы думаете о нашем маленьком народе? - она резко повернулась ко мне.

– Я никогда не видел равных им.

– Как вы думаете, их хорошо встретят в иных мирах?

– Вы имеете в виду шоу в космосе? Это рискованно. Перевозка животных требует различной пищи, специальных забот. Некоторые животные вообще не могут переносить полет. Можно построить и экипировать корабль, Благородная Дама, но это будет…

– Стоить целое состояние, - закончила она. - Да, об эту скалу разбивалось немало грез, не так ли? Но если показывать не все представление? Может быть, некоторые мои артисты смогут путешествовать.

Пошли посмотрим на мой народ - вам будет что вспоминать потом.

Она была совершенно права. Когда она повела нас над одним рядом клеток и под другим, мы увидели, что эти клетки были для животных не местом заключения, а только местом защиты их от вреда, который может причинить им человеческое любопытство. Животные находились у передней решетки своих жилищ, когда она подходила к каждому и официально знакомила нас. И у нас усиливалось ощущение, что это действительно народ с мыслями и чувствами, странный, но приближающийся к моим собственным мыслям и чувствам. Это пробудило во мне страстное желание иметь такого товарища на корабле, хотя осторожность возражала против такого безрассудства.

Мы подходили к концу последней "улицы", когда прибежал один из "свободных мальчиков", бродящих по ярмарке и зарабатывающих монетку, бегая по поручениям, а возможно, и менее легальными способами. Он переминался с ноги на ногу, словно у него было важное поручение, но он боялся потревожить Тэсса. Она круто оборвала свою речь и повернулась к нему.

– Госпожа, продавец животных… Ты велела мне узнать - у него есть один мохнатый в тяжелом состоянии, - он замолчал.

Ее лицо как бы сузилось, губы сжались. Сейчас она выглядела еще более чужой, и мне показалось, что она вот-вот зашипит, как разъяренная кошка.

Затем она вновь надела маску спокойствия.

– Похоже, что то существо нуждается во мне, Благородный Гомо. Малик останется с вами, а я скоро вернусь.

– Благородная Дама, не могу ли я пойти с вами?

Не было никаких оснований полагать, что ей нужен помощник, и я ожидал, что она так и скажет. Но выражение ее лица изменилось, и она кивнула.

– Если желаете, Благородный Гомо.

Грис поочередно оглядел нас, но не предложил себя в сопровождающие, а пошел с Маликом в жилые помещения. Мы пошли за посланцем. В этот поздний час на улицах было полно народу, хотя существовало правило, по которому торговцы и покупатели могли действовать только при свете дня, когда ясно видны недостатки товара. Ночью мужчины и женщины искали развлечений, а мы шли как раз через эту часть ярмарки. Я обратил внимание, что местные жители, узнав мою спутницу, уступали ей дорогу и глядели ей вслед с каким-то опасением, даже со страхом, как если бы она была жрицей. Она же ни на кого не обращала внимания.

Мы шли молча. Согласившись на то, чтобы я пошел с ней, она как бы забыла обо мне и сосредоточилась на чем-то более важном.

Мы дошли до конца разбросанной коллекции развлекательных заведений и увидели претенциозную палатку, кроваво-красную с ядовито-зелеными пятнами, откуда доносились крики игроков. Там стоял такой шум, словно выигрыш зависел не от умения игрока, а от силы его рева. Через открытую дверь я мельком увидел стол, где играли в распространенную в Галактике игру "Звезды и кометы". И сидел за этим столом мой сегодняшний знакомый Гек Слэфид. Видимо, на его корабле не было той дисциплины, что у Свободных Торговцев, потому что перед ним лежал столбик фишек, более высокий, чем у соседей, которые, судя по одежде, были из местной знати, но слишком молоды для правителей.

Когда мы проходили, Гек поднял голову и пристально посмотрел на меня, а затем приподнял руку, будто хотел то ли помахать мне, то ли позвать, но не спуская глаз со стола. Один из потомков лордов тоже уставился на меня с таким изумлением, что я отстал на шаг от Майлин и так же внимательно оглядел его. Он смотрел не то с вызовом, не то просто с любопытством, я не смог понять, а мысли читать не осмеливался.

За игорной палаткой находились маленькие хижины - как я предполагал, жилые дома для прислуги. Оттуда несло странной кухней, тошнотворными духами. Мы снова повернули, держась на почтительном расстоянии от хижин.

Затем мы подошли к палатке, где пахло совсем уж гнусно. Я думал, что услышу яростное шипение Майлин, когда она толкнула полотнище у входа своим серебряным жезлом, как бы

не желая касаться его пальцами. Внутри отвратительный запах перебивался другим, поднимающимся душным облаком, и там стоял невообразимый шум от лая, ворчания, рычания и шипения. Мы стояли в тесном пространстве между клетками. Они отнюдь не были заботливо отделанными жилыми квартирами, а скорее тюрьмой для несчастных обитателей.

Торговец животными, который ни о чем не заботился, кроме быстрой наживы, вышел из темного угла. Его губы растянулись в улыбку, но глаза не выражали приветливости. Когда же он узнал Майлин, его улыбка исчезла, в холодных глазах сверкнула ненависть, умеренная страхом перед властью той, кого он ненавидел.

– Где барск? - спросила Майлин тоном оскорбительного приказа, даже не поздоровавшись.

– Барск? Какой дурак захочет иметь дело с барском, госпожа? Барск зло, демон безлунной ночи, это всем известно.

Она оглянулась и прислушалась, как будто в шуме, производимом несчастными зверями, уловила единственную ноту и пошла по следу к источнику этого звука. Она не обращала больше внимания на хозяина, а просто шла вперед. Я увидел, что его ненависть поборола страх, и что он собирается остановить Майлин. Он сунул руку за пояс, и моя направленная мысль, как луч света, показала мне его оружие - интересную, тайную и очень опасную штуку, не похожую на честную сталь: небольшой, прячущийся в ладони крючковатый коготь, смазанный чем-то зеленым, так что, видимо, всякая царапина, сделанная им, была бы смертельной. Хотя его съедала злоба и ненависть, я не был уверен, что он пустит оружие в ход. Но шансов у него все равно не было: из моего станнера вылетел слабый луч, и пальцы его, державшие оружие, онемели. Он пошатнулся, ударился об одну из своих вонючих клеток и отчаянно заорал, когда животное в клетке попыталось добраться до него. Майлин оглянулась и вытянула жезл.

Она холодно посмотрела на него:

– Дурак, двойной дурак! Не хочешь ли ты, чтобы я обвинила тебя в нарушении мира?

Можно было подумать, что она плеснула ему в лицо ледяной водой: так быстро исчезло с него пламя ярости. Ненависть в его глазах сменилась страхом. То, чем она грозила ему, могло поставить его вне закона, а это было на Йикторе самым страшным наказанием.

Он пополз на локтях и коленях назад в темноту. Однако, я счел все же нужным держаться настороже и сказал об этом Майлин. Она покачала головой.

– Нечего его бояться. Если хотите знать - низшие не могут обмануть Тэсса!

Она не то чтобы презрительно назвала его "низшим", как ничтожного прихлебателя. Она просто констатировала факт.

Она прошла за занавеску, где было еще больше клеток и еще большее зловоние, и бросилась к тюрьме, стоявшей поодаль от других. Тот, кто жил в ней, лежал без движения. Я подумал, что он умирает, когда увидел, как выпирают его кости под шкурой, и услышал слабое редкое дыхание.

– Здесь тележка… - она встала на колени перед клеткой и внимательно вгляделась в животное, а ее жезл указывал на доску на колесах.

Я подтолкнул доску вперед. Мы вдвоем поставили на нее клетку и покатили к выходу. Майлин остановилась, достала из кошелька два денежных знака и бросила их на одну из клеток.

– Пять весовых единиц за барска и две за колеса, - сказала она торговцу, все еще скорчившемуся в тени. - Хватит?

Мыслеуловитель сказал мне, что торговец только и мечтает, чтобы мы ушли. Но за его страхом пробуждалась жадность. Он заскулил:

– Барск - редкий зверь…

– Этот барск вот-вот умрет, и даже его шкура ничего не стоит, потому что ты заморил его голодом. Если не согласен - подавай в суд, - я заметил, что этот разговор ее забавляет.

Обратно мы шли другой дорогой.

Когда клетка приблизилась к ломовым казам, те принюхались, зафыркали, некоторые встали на дыбы, вскинув головы и раздувая ноздри.

Майлин остановилась перед ними, поводила жезлом и тихо запела. Это успокоило животных. Мальчики отвезли клетку подальше и остановились.

Навстречу вышли Малик и Грис. Юноша Тэсса заглянул в клетку и, покачав головой, расплатился с ребятами.

– Он безнадежен, - сказал он Майлин, когда она отошла от успокоившихся казов. - Даже ты не сможешь повлиять на него, Певица.

Она задумчиво посмотрела на клетку. В одной руке она все еще сжимала жезл, а другой гладила мех своего короткого жилета, как будто это было любимое балованное животное, живое и дышащее.

– Возможно, ты и прав, согласилась она, - а может, его смерть еще не занесена во Вторую Книгу Моластера. Если ему придется пойти по Белой Дороге, то пусть начнет это путешествие спокойно и безбоязненно. Он слишком истощен, чтобы бороться с

нами. Открой клетку, потому что его тошнит.

Они открыли клетку и перенесли животное в одну из своих, побольше и пошире, на мягкую подстилку. Этот зверь был крупнее тех, что были в этот вечер на сцене, если бы он мог встать, он был бы на уровне моих нижних ребер. Его шерсть запылилась и свалялась, потускнела, но была того же красного цвета, что и жилет Майлин.

У этого животного были странные пропорции: маленькое тело и такие длинные и тонкие ноги, будто они достались ему по ошибке от кого-то другого. Хвост заканчивался веерным пучком, а между острых ушей, по шее и вокруг плеч лежала острая грива более светлого оттенка. Нос был острый и длинный, за черными губами виднелись крепкие зубы. Не будь он таким изможденным, я бы сказал, что это опасный зверь.

Он слабо огрызнулся, когда они укладывали его на подстилку в новую клетку. Майлин слегка коснулась его жезлом, ласково проведя им по носу животного, и его голова перестала дергаться.

Малик принес чашку с какой-то жидкостью, окунул в нее пальцы и влил чуть-чуть в запекшийся рот, из которого высовывался почерневший язык.

Майлин стояла рядом.

– Сейчас больше мы ничего не можем сделать. Остальное… - ее жезл нарисовал в воздухе символ. Затем она повернулась к нам. - Благородные Гомос, час уже поздний, а этот бедняга будет нуждаться во мне.

– Благодарим за вашу любезность, Благородная Дама, - мне показалось, что она довольно-таки резко отсылает нас. Похоже, у нее были какие-то основания пригласить нас, но теперь мы стали лишними. Собственно, эта мысль не подтверждалась никакими фактами, но была мне почему-то неприятна.

– И вам спасибо за помощь, Благородный Гомо. Вы придете еще раз.

Это был не вопрос и, тем более, не приказ, а просто утверждение, с которым мы оба были согласны.

На обратном пути к "Лидису" мы с Грисом мало разговаривали, я только рассказал ему, что произошло в палатке торговца животными, а он посоветовал мне сообщить об этом в своем рапорте - на случай каких-либо осложнений.

– Что за зверь барск? - спросил я.

– Ты видел. Их мех был выставлен сегодня утром, из него же сшит жилет Майлин. Они считаются умными, хитрыми и опасными животными. Время от времени их убивают, но вряд ли часто захватывают живыми. Может, только этого…

Мы уже миновали охрану порта, когда я неожиданно почуял

не одну только ненависть торговца животными, но связанную с резким направленным умыслом. Это соединение эмоций било в мозг, как копье, ударяющее в тело. Я остановился и обернулся навстречу этому мозговому удару, но в темноте ничего не увидел. Грис, стоящий рядом, сжал в руке станнер, и я понял, что он тоже почуял это.

– Что?

– Торговец животными и еще кто-то…

Я часто мечтал иметь полную внутреннюю власть эспера. С ней можно иногда без оружия искалечить человека. Грис предложил сообщить капитану.

Конечно, он был прав, но мне было крайне неприятно согласиться с этим. Капитан Фосс может запереть меня на "Лидисе" до самого отлета.

Осторожность - щит торговца в чужих мирах, но если человек только и делает, что хватается за щит, он может прозевать удар меча, который навсегда освободит его от каких бы то ни было опасностей. А я был достаточно молод, чтобы вести свой собственный бой, а не сидеть в укрытии, пока меня не унесет штормом. Итак, угроза исходит от двоих, а не от одного. Я мог понять вражду продавца зверей, но кто присоединился к нему?

Какого еще врага я приобрел в Йикторе и как?

МАЙЛИН

Глава 4

Талла, Талла, волей и сердцем Моластера и властью Третьего Кольца должна ли я начать эту часть рассказа так, как начал бы любой певец какого-нибудь лорда?

Я - Майлин из Контра, Лунная Певица, руководитель малых существ. В прошлом я была многим другим, а теперь также под оковами на время.

Зачем мне было остерегаться Лорда или Торговца в этой встрече на ярмарке в Ырджаре? Для нас они не более, чем пыль городов, что душит нас, с их грязью, жадностью, шумом и проституционными мыслями тех, кто живет добровольно в подобных тюрьмах. Но нет необходимости говорить о Тэсса, об их верованиях и обычаях, надо сказать лишь о том, как моя жизнь была вытолкнута из одного будущего в другое, потому что я не остерегалась людских действий и не замечала людей, чего никогда не делала с малыми существами, которых уважала.

Озокан пришел ко мне в полдень, сначала прислав своего оруженосца. Я думала, что он держался так больше из страха, что он станет обращаться со мной, как с низшей - местные жители считают Тэсса бродягами, не говоря этого, однако, нам в глаза. Он просил разрешения поговорить со мной, так сказал этот молодой щенок из крепости. Мне это показалось интересным, потому что я знала репутацию Озокана - довольно темная репутация. Лордам свойственно часто менять власть. Тот, кто сумел подмять под себя своих соперников или избавиться от них, становится королем. Так нередко бывало в прошлом. Под властью одного человека устанавливался непрочный мир, который немедленно нарушался снова, и на протяжении многих десятилетий здесь был не верховный лорд, а множество мелких, ссорящихся между собой.

Озокан, сын Осколда, горел желанием совершить великие дела, жаждал власти. Такие желания в сочетании с ловкостью и удачей могли привести человека на трон, но если такого соединения не происходило, он весьма тяжело переживал это.

Наверное, со стороны Тэсса было не вполне разумно безразлично относиться к ссорам других, потому что это усыпляло мудрость и предвидение.

Я не отказалась принять Озокана, хотя Малик счел это неразумным.

Признаться, мне хотелось знать, зачем Озокану понадобился контакт с Тэсса, раз он считает нас ниже себя.

Хоть он и прислал своего меченосца договориться о встрече, сам он пришел без эскорта, только с инопланетником, молодым человеком с приятной улыбкой и любезными словами, но за его испытующим взглядом таилось что-то темное. Озокан назвал его имя - Гек Слэфид.

Они церемонно поздоровались, и мы пригласили их к столу. Нетерпение, которое могло свести Озокана и все его планы к нулю, заставило его влезть в дело, по-настоящему опасное - в основном, для него, а не для меня, поскольку законы, связывающие его, не являются Уставными словами для моего народа.

Все стало более или менее ясно: Озокан желал получить знания об оружии других планет. Вооружив преданных ему людей, он мог немедленно стать военным лордом всей страны и таким королем, какого доселе не знали.

Мы с Маликом улыбнулись про себя. Мой голос не выдавал внутреннего смеха и звучал детски наивно, когда я достаточно вежливо ответила:

– Господин Озокан, известно, что все инопланетники знают способ прятать знание, прежде чем ступить на землю Йиктора. А на их кораблях принимаются такие меры безопасности, которые невозможно преодолеть.

Озокан нахмурился, но его лицо быстро разгладилось.

– Для обеих этих преград мне нужно одно решение. С вашей помощью…

– Наша помощь? О, мы имеем древние знания, господин Озокан, но они ничуть не помогут вам в данном случае. И я думаю, что наша репутация среди местных жителей может в какой-то мере пострадать. Возможно, сила Тэсса и могла бы сломать барьер инопланетника, но она никогда не станет этого делать.

– Нам нужно захватить Свободного Торговца. Этот господин, - он указал на своего спутника, - снабдил нас информацией, - Озокан достал из поясного кармана исписанный пергамент, прочитал его, а затем разъяснил.

Инопланетник улыбался, кивал и старался обшарить наш мозг, чтобы узнать, что там. Но я держала свои мысли на втором уровне, так что он решительно ничего не добился.

План Озокана был достаточно прост, но бывают такие моменты, когда простота поддерживается дерзостью исполнения, и это был как раз такой случай. Свободные Торговцы поощряли своих людей разыскивать новые товары.

Таким образом, требовалось только выманить кого-нибудь из членов команды Торговцев за пределы Ярмарки и ее законов и захватить его. Если Озокану не удастся выжать из пленника нужную информацию, он возьмет ее с капитана корабля как выкуп.

Слэфид согласился с этим.

– Свободные Торговцы гордятся своей заботой о команде. Если одного из них захватить, они охотно заплатят за его освобождение.

– А какое отношение к вашему плану будем иметь мы? - спросил Малик.

– Вы будете приманкой. Шоу животных заинтересует некоторых из них, поскольку им запрещено пить, играть или искать женщин на чужих планетах, и мы не можем соблазнить их обычными средствами. Пусть они придут на одно из ваших представлений - пригласите их посмотреть, как вы живете, постарайтесь их заинтересовать, а затем придумайте какой-нибудь предлог, чтобы они вышли за пределы ярмарки. Пригласите одного из них посетить вас еще раз - и ваше участие в этом деле закончится.

– А зачем нам это? - спросил Малик с некоторой враждебностью.

Озокан посмотрел нам в лица.

– Я ведь могу и пригрозить…

– Грозить Тэсса? - я засмеялась. - Ох, господин, вы смелый человек! У меня нет причин играть в вашу игру. Поищите другую приманку, и пусть вам сопутствует счастье, то, которого вы заслуживаете, - я протянула руку и опрокинула гостевой бокал, стоящий между нами.

Озокан покраснел и схватился за рукоять меча, но инопланетник дотронулся до его локтя. Озокан злобно взглянул на него, встал и вышел, не простившись. Слэфид опять улыбнулся, делая вид, что ничуть не расстроен, а просто вынужден искать другие пути к цели. Когда они ушли, Малик захохотал.

– Они что, считают нас дураками?

Я катала гостевой бокал по гладкому зеленому краю стола. Потом тихо спросила:

– С чего они взяли, что мы будем их орудием?

– Да, - Малик медленно кивнул. - Почему это? Может, они думают, что выгода или угроза также сильны, как наш связующий жезл?

– Видимо, я поступила неразумно, отпустив их слишком быстро, - меня раздражало, что я сделала это недостаточно тонко.

- И вот еще что: почему один инопланетник готов похитить другого? Озокан нахватает неприятностей с любым пленником, которого он захватит.

– Не представляю, - ответил Малик. - Существовала старая вражда, хотя в наши дни она забыта, между людьми, проверяющими грузовые корабли, и Свободными Торговцами. Может, по каким-то причинам эта вражда снова ожила?

Но это их дело. Тем не менее, - он встал и положил руки на пояс, - мы поставим Древних в известность.

Я не высказала ни согласия, ни возражения. В те дни я испытывала какие-то неприятные чувства по отношению к некоторым нашим Верховным, но это было моим личным делом и не касалось никого, кроме моего клана.

Наш маленький народ показал днем свою магию и доставил зрителям громадное удовольствие. Моя гордость расцвела, как цветок лалланда под луной. Я, как в прежние годы, договорилась с мальчиками на ярмарке, чтобы они выискивали для меня животных. Это была моя личная служба Моластеру - я выводила из рабства - где и как могла - тех мохнатых существ, которые страдали от дурного обращения со стороны тех, кто смел считать себя человеком.

В тот вечер, когда зажглись лунные шары, и мы приготовились к вечернему представлению, я сказала Малику:

– Возможно, есть способ узнать об этом побольше. Кто-нибудь из Торговцев придет посмотреть шоу. Если они покажутся тебе безвредными, предложи им пройти сюда, после спектакля я поговорю с ними. Все, что мы сможем узнать, станет пищей для разума Древних.

– Лучше было бы не вмешиваться… - начал он и замялся.

– Дальше этого дело не пойдет, - пообещала я, не зная, сколь быстро это обещание превратится в утренний туман, тающий в лучах солнца.

Слэфид оказался более, чем прав: на представление пришло два Торговца. Я не умею определять возраст инопланетников, но была уверена, что они молоды, тем более, что на их туниках не было никаких нашивок. Кожа их была смуглой, как у всех космонавтов, волосы тоже были темные и коротко подстриженные, чтобы шлем лучше держался. Они не улыбались все время, как Слэфид, и мало разговаривали друг с другом. Но когда мой маленький народ показал свои таланты, они восхищались как дети, и я подумала, что мы могли бы стать друзьями, живи они на Йикторе.

Как я просила, Малик после шоу пригласил их к нам. И когда я взглянула на них поближе, я поняла, что они не то, что Гек

Слэфид.

Возможно, они были простыми людьми, такими, как мы, Тэсса, считаем большинство рас, но это была хорошая простота, а не невежество, которое легко поймать на хитрость и честолюбие. Я заговорила с одним из них, назвавшимся Крипом Ворландом, о моей давней мечте показать маленький народ на других планетах.

Я встретила в нем родственный интерес, хотя он тут же указал мне на множество опасностей, которые будут препятствием, и на то, что выполнение этого желания потребует много денег. Глубоко во мне вспыхнула мысль, что я, возможно, тоже имею цену, но эта мысль быстро угасла.

Этот инопланетник был по-своему красив: не так высок, как Озокан, но гораздо стройнее и мускулистее. И я подумала, что если бы он стал сражаться с сыном Осколда даже голыми руками, то последнему несдобровать.

Мой маленький народ очаровал его, и это располагало меня к нему, потому что животные, такие, как наши, умеют читать в душах. Фэтэн, который очень застенчив с чужими, при первом знакомстве подал ему лапку и кричал вслед, когда он отошел, так что он вернулся и ласково поговорил с ним, как будто успокаивал ребенка.

Я хотела и дальше изучать этого человека и его товарища, но прибежал Уджан, мальчик с ярмарки, рассказал о барске в жестоком плену, и я бросилась туда. Этот Ворланд спросил, не может ли он пойти со мной, и я согласилась, сама не зная, почему - разве что мне хотелось побольше узнать о нем.

И, наконец, быстрота его реакции спасла меня от беды, когда этот мучитель мохнатого народа, Отхельм из Ылта, хотел пустить в ход нож с когтистой зарубкой. Ворланд воспользовался своим инопланетным оружием, которое не могло убить, но наносило большой вред, и остановил возможное нападение, дав мне время сбить желания этого низшего.

С помощью инопланетника я отняла барска и привезла его домой. Но тут я поняла, что не могу заниматься чем-то еще, пока ухаживаю за этим безнадежным существом, и отпустила Торговцев с той вежливостью, на какую была способна в своем нетерпении.

Проводив их, я сделала для барска все, что могла, применив все искусство служанки Моластера. Я видела, что тело его можно вылечить, но с его мозгом, угнетенным болью и ужасом, не удастся установить контакт.

Однако, я не могла найти в себе силы пустить его по Белой дороге. Я погрузила его в сон без сновидений, чтобы лечить его

тело и избавить от тяжелых мыслей.

– Бесполезно, - сказал мне Малик перед рассветом. - Тебе придется держать его спящим или дать ему вечный сон.

– Возможно, но подождем пока. Тут есть кое-что… - я сидела за столом, ослабев от напряжения, тело как бы налилось свинцом, и я с трудом думала. - Есть кое-что… - но груз усталости не дал мне продолжать. Я с трудом встала, свалилась на кровать и крепко заснула.

Тэсса могут спать по-настоящему, но только в обстоятельствах контроля. То, что я рисовала себе в глубинах сна, было поворотом памяти, смешивающей гротескное с настоящим и рождающей возможное будущее.

Во-первых, я держала в объятиях кого-то, кто кричал в отчаянии, потому что ему тут было плохо, и смотрела на другого, с безупречно красивым юношеским телом, но без малейшего признака разума, который нельзя вернуть. Затем я шла с молодым Торговцем, но не по ярмарке, как сегодня ночью, а где-то на холмах, и знала, что это место печальное и страшное. Но человек превратился в животное, и рядом со мной шагал барск, который вертелся туда и сюда и смотрел на меня глазами, полными угрозы, сначала он умолял, а потом ненавидел. Но я шла без страха - не из-за жезла, у меня его больше не было, а потому, что животное не могло разрушить оковы, связывающие его со мной. И в этом сне все было ясно и имело большое значение, но когда я проснулась с тупой болью в глазах и с неотдохнувшим телом, это значение ушло, остались только обрывки призрачных воспоминаний.

Но я знала, что этот сон остался в глубинах моего мозга и намеревался расти там, пока не проявится ясной мыслью. Я не отступлю от этой мысли, когда придет время привести ее в исполнение, потому что она заполнит все мое существо.

Барск был все еще жив, и мое внутреннее зрение сказало мне, что его тело поправляется. Мы оставили его в глубоком сне, потому что для него это было самым лучшим. Когда я опустила занавески вокруг его клетки, я услышала металлический звон сапог и радостно обернулась, думая, что пришли Торговцы. Однако это оказался Слэфид, на этот раз один.

– С добрым утром, Госпожа, - приветствовал он меня на городской манер, как человек, полностью уверенный, что он здесь желанный гость.

Желая знать причину его появления, я ответила на приветствие.

– Я вижу, - он огляделся вокруг, - что все в порядке.

– А почему бы и нет? - спросил Малик, выходя из загона

казов.

– Здесь ничто не потревожено, но зато в другом месте прошлой ночью…

– Слэфид поочередно оглядел нас и, поскольку наши лица ничего не выражали, продолжал:

– Некий Отхельм из Ылта подал на вас жалобу, Госпожа, и упомянул в ней инопланетника.

– Да?

– Использование инопланетного оружия, кража ценной собственности. По законам ярмарки и то, и другое - тяжкие преступления. В лучшем случае вас ждет судебное разбирательство, а в худшем - штраф и изгнание.

– Правильно, - согласилась я. Самой мне не страшны жалобы Отхельма, но случай с Торговцем - дело другое. Был ли это тот случай, который Озокан мог повернуть в свою пользу? Портовый закон разрешал Торговцу носить личное оружие, потому что оно было относительно безвредным. В сущности, оно было куда менее опасным, чем мечи и кинжалы, без которых лорды и их оруженосцы и шагу не делали. А Ворланд, защищая меня, применил свое оружие против запрещенного ножа, за ношение которого Отхельм может быть наказан строже, чем он думает. Но дело в том, что любое столкновение с законами ярмарки восстановит начальство Торговцев против Ворланда. Мы хорошо знали о строгости их правил поведения на чужих планетах.

– Сегодня начальником городской стражи Окор, родственник Озокана.

– Что вы хотите этим сказать? - нетерпеливо спросил Малик, в упор глядя на Слэфида.

– Это значит, что вы все же выполнили желание Озокана, Господин, улыбнулся Слэфид. - Я думаю, вы можете требовать благодарности за это, даже если он не намерен воспользоваться результатом.

– Я пока не улавливаю сути. В чем дело?

Он все еще улыбался.

– Тэсса считают себя выше местных законов. А если здесь будут новые законы, Госпожа? И что, если легенда о Тэсса окажется, в основном, только легендой, и потребуется немногое, чтобы все изменить? Разве теперь вы Великий народ? Говорят, что нет, даже если когда-то вы и были великими. Вы так далеки от местных жителей, что они не считают вас людьми. Как вы бегаете под Тремя Кольцами, Госпожа, на двух ногах, на четырех или парите на крыльях?

Я почувствовала себя как воин, получивший удар меча в жизненно важные органы, потому что такие слова и то, что за

ними крылось, было мечом, оружием, которое, если им умело воспользоваться, может вырезать весь мой род. Вот, значит, какова была угроза Озокана, с помощью которой он хотел прижать нас! Но я гордилась тем, что ни я, ни Малик не показали, что удар достиг цели.

– Вы говорите загадками, Благородный Гомо, - ответила я на языке инопланетников.

– Спрашивать о загадках и отгадках будут другие, - ответил он. - Если у вас есть безопасное место, Госпожа, вам лучше всего собираться в будущем там, иначе вы можете исчезнуть в войне, как меньший вид. Вас будут искать, пока вы не объявитесь.

– Никто не может говорить за всех, пока его не послали под щит объявлений, - заметил Малик. - Вы говорите от имени Озокана, Благородный Гомо? Если нет, то от имени кого? Что инопланетник собирается делать на Йикторе? Почему угрожает войной?

– Что такое Йиктор? - засмеялся Слэфид. - Маленькая планетка с отсталым народом, который не может добиться ни богатства, ни славы, ни оружия других миров. Его можно разжевать и проглотить, как ягоду тэка, мимоходом.

– Значит, мы все равно, что ягоды тэка? - теперь уж засмеялась я. Ах, Благородный Гомо, может, вы и правы. Но если съесть ягоду за день до того, как она созреет, или лишь часом позже ее созревания, желудку будет очень скверно и неуютно. Да, конечно, мы - малый и отсталый мир, и я только удивляюсь, ради каких сокровищ великие и далекие миры так заботятся о нас.

Я не надеялась легко поймать его и не поймала. Но зато и он, я думаю, ничего не узнал о нас, по крайней мере, ничего существенного, такого, что показал он сам, когда наносил свой удар, чтобы принудить нас ответить на его вопросы.

– Благодарим вас за предупреждение, - мысли Малика шли параллельно моим. - Нам есть что ответить суду. А теперь…

– А теперь у вас есть дела, которыми лучше заниматься без меня, весело согласился инопланетник. - Я ухожу, на этот раз вам не придется опрокидывать кубок, Благородная дама.

Когда он ушел, я посмотрела на Малика.

– Тебе не кажется, родич, что он был доволен собой.

– Да. Он говорил о… - но даже дома, где его мог подслушать только наш маленький народ, неспособный проболтаться или предать нас, он не хотел выражать свою мысль словами.

– Древние…

– Да, - кивнул он. - Сегодня полнолуние.

Жезл заскользил в моих пальцах, не холодный на ощупь, не горячий его меняла лишь жизнь моих мыслей.

Итак, в самом центре этой могущественной, теперь враждебной территории была возможная опасность. Однако, Малик был прав: необходимость была сильнее риска. Он прочитал в моих мыслях согласие, и мы занялись рутинной работой по подготовке шоу.

В течение дня я дважды подходила к барску, каждый раз с мысленным зондом. Его тело поправилось, но еще не настолько, чтобы его можно было вывести из сна и попытаться коснуться его мозга. Сейчас не время для подобных экспериментов, когда на нас давило другое.

У нас, как всегда, было много зрителей, и наш маленький народ был счастлив и доволен своей работой, а мы с Маликом постарались закрыть свой мозг, чтобы наша озабоченность не встревожила животных. Я глядела, нет ли Торговцев - если не тех двоих, что были у нас, то других. Ведь если Ворланд доложил о том, что случилось в палатке Отхельма, кто-нибудь из них мог прийти к нам по поводу этого дела. Но никого не было.

В полдень Малик послал Уджана посмотреть, кто занимается покупателями в палатке "Лидиса". Мальчик доложил, что ни Ворланда, ни Шервина там не видел. Может быть, они быстро закончили работу и ушли.

– Разумно с их стороны, - заметил Малик. - Чем меньше мы будем их видеть, тем лучше. Почему эти инопланетники ссорятся между собой и почему это на руку Озокану, нас не касается. Возможно, нам тоже придется укладываться и уходить на этих днях.

Но этого мы не могли сделать. В воздухе пахло слежкой. К вечеру беспокойство достигло маленького народа, несмотря на все мои усилия держать мозговой заслон для их спокойствия. Я дважды пользовалась жезлом, чтобы изгнать страх из их мозга, и выключила мощные лампы, чтобы в палатку вошла ночь. Пока все было спокойно. Страж ярмарки не потребовал меня к ответу на жалобу Отхельма. Я уже подумала, что было бы разумней первой подать на него жалобу.

Мы разместили маленький народ по клеткам, и я зажгла по четырем углам нашего дома лунные лампы средней мощности. Затем мы с Маликом осмотрели барска и пошли взять с места нашего посланника.

Длиннокрылый осторожно завозился, когда Малик поставил его на стол в нашей комнате, слегка развернул сильные крылья и заморгал, как будто только что проснулся.

Я зажгла порошок, чтобы крылатый пил дым. Он полураскрыл клюв, и его тонкий язычок задвигался туда и обратно с невероятной быстротой. Затем Малик взял в ладонь его

голову, чтобы я могла фиксировать своим взглядом красные глаза птицы. Я запела, но не громко, как обычно принято, а полушепотом, чтобы никто чужой не услышал.

Я вложила много усилий, зажав жезл в ладонях, пока он не загорелся жарким огнем, и держала его ровно, чтобы его энергия могла перелиться через меня в посланца. Когда я кончила петь, моя голова откинулась назад, и у меня едва хватило сил сесть на стул, чтобы не упасть. Теперь Малик смотрел в глаза посланца и говорил быстрым резким шепотом, вкладывая в его мозг слова, которые посланец должен был передать в том далеком месте, куда он полетит.

Закончив, Малик надел плащ, закрыл им птицу, которая прижалась к его груди, и вышел в темноту. Он пошел на луг, где паслись наши животные, в стороне от палаток и ларьков.

У меня не было сил встать, и я продолжала сидеть, чувствуя тяжесть во всем теле. Собственно, я даже не сидела, а почти лежала на столе, обхватив его руками, близкая к обмороку. Я не спала. Мои мысли бесконтрольно носились туда и сюда, а память пробивалась сквозь них, требуя здравого и осторожного размышления.

Я еще раз увидела медленное изображение: лицо Торговца в темноте над тем лицом, которое я знала гораздо лучше. И оба стерлись, превратившись в рычащую маску проснувшегося животного. Мне показалось, что это очень важно, но я не могла понять, почему именно.

Затем у меня возникло желание послать читающую мысль, хотя я знала, что нужная для этого концентрация вне пределов моих возможностей. Но я твердо решила, что сделаю это. Узнаем ли мы по этому лучу будущее или только одну из его вероятностных линий? Имея читающий луч, не повернем ли мы бессознательно на тот путь, который нам откроется? Я много раз слышала споры ученых по этому поводу и почти поверила, что это окажет влияние на выбор личного будущего, к чему многие относились с отвращением. За пользование этим лучом Древние могут призвать нас к ответу. Но я должна это сделать, когда моя сила вернется ко мне. Приняв это решение, я уснула.

Тело мое было скорчено и напряжено, но зато мысли ушли и оставили меня в покое.

КРИП ВОРЛАНД

Глава 5

Закон причины и следствия не из тех, что наша или любая другая порода может отменить. Можно надеяться на лучшее, но нужно быть готовым к худшему. Мне пришлось безвылазно сидеть в корабле, и я, рассуждая здраво, не мог спорить с этим. По-моему, мне еще повезло, что капитан Фосс не добавил к этому минимальному наказанию черную отметку в моих документах.

Другие командиры так и сделали бы. У меня была личная пленка, которую мы все носим в поясе, и она дала правильный отчет о скандале в палатке торговца животными и подтвердила, что мои враждебные действия были вызваны необходимостью защиты уроженки Йиктора, а не просто собственной шкуры. К тому же Фосс знал о Тэсса и их положении больше, чем я. Он с удовольствием запер бы не только меня, но и всю команду. Я оставался в нашем ларьке в течение нескольких часов торговли, но мне ясно дали понять, что дальнейшее нарушение приказа приведет Крипа Ворланда к полнейшему краху. И капитан сказал мне, что ожидает какой-нибудь жалобы со стороны властей ярмарки, но будет защищать меня в любом суде, и лучшим аргументом послужит моя пленка.

Большая часть утра прошла в ларьке, как обычно. У меня не было даже возможности пойти поохотиться для себя, так как меня лишили этой привилегии на Йикторе. В свободные минуты я вспоминал о мечте Майлин выйти в космос с шоу животных. Насколько мне известно, такого никогда не было.

Но все препятствия, которые я изложил ей, действительно существовали.

Животные не всегда привыкают. Некоторые из них не могут жить вне своего родного мира и едят только очень специфическую пищу, которую нельзя транспортировать, или не переносят жизни на корабле. Но, допустим, какой-нибудь вид сможет преодолеть такие трудности и привыкнет к звездным странствиям - будет ли подобное рискованное предприятие прибыльным? Разум Торговца всегда первым делом поворачивается к этому вопросу, и Торговец готов мчаться к любому солнцу, если ответ будет положительным.

Я мог судить о представлении прошлой ночью только по собственной реакции, а личное суждение могло быть случайным. Мы издавна привыкли проявлять свой энтузиазм при первой

вспышке интереса и были далеки от того, чтобы проверять и перепроверять все, прежде чем пуститься в какую-нибудь авантюру.

Я вспомнил барска, которого Майлин так решительно спасла. Почему именно его? Там были и другие, явно подвергающиеся дурному обращению животные, но ее интересовал только барск. Да, это животное редкое, его не увидишь в неволе. Но почему?…

– Господин!

Кто-то дотронулся до моего рукава. Я стоял в дверях спиной к улице.

Обернувшись, я увидел оборванного босого мальчишку, перебиравшего грязными ногами. Он прижал руки к животу и часто-часто кивал головой в "великом поклоне". Я узнал его: это тот самый, что вел нас прошлой ночью.

– Чего тебе?

– Господин, Госпожа просит тебя прийти к ней. Так она сказала.

Больше для порядка я на секунду задержался с ответом.

– Передай Госпоже, - начал я свою речь в стиле йикторианской вежливости, - что я нахожусь под влиянием слова Лорда моей Лиги и поэтому не могу поступить так, как она желает. Мне очень прискорбно, что я должен сказать это, клянусь Кольцами Истинной Луны и Цветением Хресса.

Он не уходил. Я достал монетку и протянул ему.

– Выпей сладкой воды за меня, посланец.

Он взял монетку, но не ушел.

– Господин, Госпожа очень этого желает.

– Разве может "поклявшийся на мече" следовать своим желаниям, если он под приказом своего Лорда? - возразил я. - Скажи Госпоже то, что я тебе ответил, у меня в этом деле нет выбора.

Он ушел, но так неохотно, что я удивился. Извинение, которое я дал ему, звучало вполне приемлемо для любого человека на Йикторе. Вассал был связан со своим Лордом, и приказ Лорда был выше, много выше любых личных желаний, выше, чем жизнь. Зачем Майлин послала за мной, инопланетником, почти ей незнакомым, если не считать совместного участия в маленьком приключении с барском и его хозяином? Осторожность говорила, что лучше держаться подальше от палатки Тэсса, от маленького народа, от всего, с ним связанного.

Однако, я хранил воспоминание о ее серебристо-рубиновом наряде, о ней самой, как она стояла не рядом со своими животными, а в стороне, как будто тоже смотрела на них. Я

вспоминал, как она заботилась о барске, ее высокомерное презрение, заморозившее продавца животных, когда ее жезл связал его. Люди приписывали Тэсса странную силу, и, похоже, в этих слухах была доля истины - по крайней мере, Майлин вызывала подозрение, что так оно и есть.

Мне не пришлось долго размышлять, потому что в ларек влетели два богатых северных купца. Сами они не торговали, но предлагали различные изделия в обмен на наш легкий груз - мелкие предметы роскоши, которые легко было поместить в корабельном хранилище и получить хороший доход при малом объеме. Капитан Фосс приветствовал их как своих постоянных покупателей, которых привлекал не наш обычный груз, а наши легкие изделия.

Это были подлинные аристократы купеческого класса, люди, которые сколотили себе твердый капитал и теперь спекулировали вещами, вытаскивая деньги из кошельков дворян.

Я подал гостевые кубки - пласта-кристалл с Фарна - отражающие свет бриллиантовым блеском. Они так сверкали в руке, будто были сделаны из капель воды. На их круглые чаши и тонкие ножки можно было наступить магнитной подошвой космического ботинка, и они не разбивались.

Фосс налили в них вино с Арктура, и темно-розовая жидкость засияла в них, как рубины на воротнике Майлин. Майлин… Я сурово изгнал ее из своих мыслей и почтительно стоял, ожидая, когда Фосс или Лидж подадут мне знак показать что-нибудь.

С купцами вошли четыре носильщика, все старые служащие, встали возле своих хозяев и поставили перед ними маленькие ящички, принесенные с собой.

Несмотря на мир на ярмарке, они показывали ценность своего груза тем фактом, что были вооружены не кинжалами, как обычно, а мечами для его защиты.

Однако, я никогда не видел, чтобы они держались так настороженно.

Снаружи через дверь пронесся пронзительный свист, и вся волна шума, к которому мы уже привыкли, разом смолкла настолько, что можно было услышать слабый звон вооружения, стук мечей, извещающий о прибытии отряда судейских чиновников ярмарки. Их было четверо, и они были так вооружены, словно собирались осаждать крепость. Их вел человек в длинной мантии, одна половина которой была белой (хотя и сильно запыленной), а вторая - черной, что символизировало обе стороны правосудия. Он был без шлема, увядший венок из цветов хресса болтался на его голове. Мы поняли, что это жрец, чья временная обязанность состояла в том, чтобы хоть слабо, но

напомнить, что это дело имеет священное значение.

– Слушайте внимательно! - провозгласил он высоким голосом, специально тренированным для жреческого стиля поучения. - Это правосудие Луны Колец, милостью Доматопера, по воле которого мы бегаем и ходим, живем и дышим, думаем и действуем! Пусть выйдет вперед тот, кого призывает Доматопер тот инопланетник, что поднял оружие в границах Ярмарки Луны Колец!

Капитан Фосс мгновенно очутился перед жрецом.

– По чьей жалобе присягнувшие Доматоперу вызывают моего вассала? ответил он, как полагается отвечать на вызов.

– По жалобе Отхельма, клявшегося у алтаря и перед мудрейшими. Должен быть дан ответ.

– И он будет дан, - согласился Фосс и чуть заметно кивнул мне, чтобы я подошел. Моя личная пленка была в кармане его туники. Она вполне могла оправдать меня за применение станнера. Но коль скоро мы должны были передать ее смешанному суду жрецов и торговцев - это дело другое, и я понял, что конференция между капитаном и северными людьми имела важное значение.

– Отпустите меня, - сказал я на базике. - Если они предполагают сразу же судить меня, я пришлю записку…

Вместо ответа Фосс обернулся и крикнул в глубину ларька:

– Лалферн!

Эльфрик Лалферн, длинный тощий парень, не имел регулярных обязанностей в ларьке, кроме помощи в распаковке и упаковке товара.

– Этот человек, - сказал Фосс жрецу, - пойдет как мои глаза и уши.

Если мой присягнувший на мече попадет под суд, этот человек известит меня.

Это дозволено?

Жрец посмотрел на Лалферна и через секунду кивнул.

– Дозволено. Давайте этого, - он повернулся ко мне. - Положи оружие.

Он протянул руку к станнеру в моей кобуре, но пальцы Фосса уже держали приклад, и капитан вытащил оружие.

– Его оружие уже больше не его. Оно останется здесь. Как полагается.

Я подумал было, что жрец запротестует, но капитан был прав, поскольку на Йикторе считалось, что оружие подчиненного является законной собственностью Лорда и может быть потребовано в любое время, особенно если Лорд считает, что его присягнувший на мече нарушил какое-то правило.

Итак, без всяких средств защиты я шагнул вперед и занял свое место между двумя стражниками. Лалферн пошел сзади, в нескольких шагах от нас.

Хотя станнер - не бластер, я носил его чуть ли не всю жизнь и твердо знал, что он висит у меня на поясе, а теперь почувствовал себя каким-то голым среди необычайной настороженности вокруг. Сначала я пытался уверить себя, что это просто реакция на то, что я, безоружный, нахожусь в зависимости от чужого закона чужой планеты. Но мое беспокойство возросло, когда я понял, что это одно из предупреждений, идущих наравне с самым слабым даром эспера, который был у большинства из нас, прирожденных космонавтов. Я оглянулся на Лалферна как раз вовремя, чтобы увидеть, что он тоже оглянулся через плечо и взялся было за рукоятку станнера, но снова опустил руку, сообразив, что этот жест может быть неправильно истолкован.

Только тогда я обратил внимание на путь, которым меня вели. Мы должны были направляться к Большой Палатке, где во время ярмарки помещался суд. Я увидел широкий карниз крыши над палатками и ларьками впереди, но значительно левее. Мы шли к границе ярмарки, по пространству, где стояли палатки тех дворян, которые не жили в Ырджаре.

– Последователь Света! - громко обратился я к черно-белому жрецу, который шел так быстро, что нам пришлось ускорить шаг, чтобы не отстать от него. - Куда мы идем? Суд находится…

Он не повернул головы и не подал вида, что слышит меня. Теперь я увидел, что мы повернули от последнего ряда ларьков к палаткам Лордов.

Здесь никого не было, кроме двух-трех слуг.

– Хэлли, Хэлли, Хэлл!

Он выскочил из укрытия, этот водоворот людей, врезался в наш маленький отряд, подняв на дыбы своих верховых животных, которые били пеших тяжелыми копытами. Я услышал яростный крик Лалферна, затем стражник справа от меня дал мне такого толчка, что я, пытаясь удержаться на ногах, влетел между двумя палатками.

Острая боль в голове - и на время все кончилось.

Боль отправила меня во тьму, она же и вывела меня из нее или сопровождала меня, когда я неохотно приходил в сознание. Сначала я не мог понять, что терзает мое тело. Наконец, я осознал, что лежу ничком на спине грузового каза, привязанный, и меня больно подбрасывает при каждом шаге животного. Я слышал шум, человеческие голоса, и было ясно, что меня сопровождают несколько всадников. Но говорили они не по-ырджарски, и я ничего не понимал, кроме отдельных слов.

Не знаю, долго ли длился этот кошмар, потому что я несколько раз впадал в беспамятство. Я помолился о том, чтобы мне не выходить из благостного мрака, и он тут же поглотил меня.

Жизнь в космосе закаляет тело, оно привыкает к стрессам, напряжениям и опасностям и нелегко сдается при дурном обращении, что я болезненно констатировал в последующие дни. Меня сняли с каза самым простым способом: перерезали путы и скинули на жесткую мостовую.

Передо мной мерцали факелы и фонари, но мое зрение было так затуманено, что я лишь смутно различал фигуры моих похитителей, двигавшихся вокруг. Затем меня взяли за плечи и потащили, после чего толчок пустил меня по крутому склону в слабо освещенное место.

Сказанного мне я не понял, и фигура тяжело спустилась за мной. В лицо мне плескали жидкость, и я задыхался. Вода была хороша для моих пересохших губ, и я облизывал их горящим языком. Меня схватили за волосы, чуть не вырвав их с корнем, подняли голову, и мне в рот полилась вода, чуть не задушившая меня. Но я ухитрился сделать несколько глотков.

Этого было мало, но все же мне стало легче. Рука, державшая мои волосы, оттащила меня, я ударился головой об пол и снова впал в беспамятство.

Когда я пришел в себя после обморока или сна, или того и другого вместе, кругом была пугающая тьма. Я моргал и моргал, пытаясь прояснить зрение, пока не сообразил, что виноваты не глаза, а то место, где я находился. С бесконечными усилиями я приподнялся на локте, чтобы лучше видеть место моего заключения.

Тут не было ничего, кроме грубо сколоченной скамьи. Пол был покрыт вонючей соломой. В сущности, здесь кругом воняло, и тем сильнее, чем больше я принюхивался. В одной стене на высоте моего роста было прорезано узкое окно, не шире двух пядей, через него проходил сероватый свет, не достигающий темных углов. На скамье я увидел кувшин, и он сразу сделался для меня самой интересной вещью.

Я не мог встать на ноги. Даже попытка сесть вызвала такое головокружение, что я закрыл глаза и унесся куда-то в пространство.

Наконец, я все-таки добрался до сосуда, обещавшего воду, дополз на животе, извиваясь, как червяк.

Пока я полз, во мне боролись надежда и страх, но в кувшине действительно оказалась жидкость - не просто вода, а с чем-то смешанная, поскольку у нее был кислый вкус, сводивший рот, но

я пил, ведь приходилось лакать и хуже, и представлял себе, что это вино. Я пытался разумно ограничить себя, но как только вода попала мне на язык, облегчая мучительно пересохшее горло, разлетелись мои намерения отставить кувшин, пока жидкость еще плещется в нем. В голове прояснилось, и вскоре я уже мог двигаться без приступов головокружения. Возможно, странный привкус воде придал какой-то наркотик или стимулятор. Наконец я доковылял до оконной щели - посмотреть, что там, снаружи.

Там еще светило солнце, но его лучи доходили до меня только отраженным светом. Поле зрения было исключительно узким. На некотором расстоянии возвышалась крепкая серая стена, похожая на крепости Йиктора.

Больше ничего не было видно, кроме мостовой, которая, видимо шла от основания здания, в котором я находился, до той стены.

Затем мимо моей щели прошел человек. Он не задержался, но мне хватило одного взгляда, чтобы понять, что это вассал какого-то Лорда - он был в кольчуге и шлеме, на плаще желтая нашивка с черным гербом. Я не успел рассмотреть герб, да и не смог бы узнать его, поскольку геральдика на Йикторе не касалась Торговцев.

Желтое с черным - я ведь видел эту комбинацию! Но когда и где? Я прислонился к стене и старался вспомнить. Цвет… В последнее время я думал о цветах, о серебряном и рубиновом костюме Майлин, гвоздично-розовом и сером ее вывески, оказывающей странное влияние, вывесках других мест развлечений… тускло-красная с зеленым вывеска игорного дома, которая не просто зазывала - она кричала!

Игорная палатка! Обрывки памяти сложились в мысленную картину… Гек Слэфид за столом, столбики фишек, как башни удачи, и слева от него молодой дворянин, который так пристально вглядывался в меня, когда мы с Майлин проходили мимо. На нем тоже был плащ, блестящий, полушелковый, ярко-желтый с вышитым на груди черным знаком орла. Но из этих обрывков я не мог пока сложить приемлемую модель.

У меня была ссора с одним йикторианцем, с Отхельмом, но не с молодым человеком в желтом и черном. Я не мог найти логической связи между двумя так далеко отстоящими друг от друга людьми. Продавец животных никак не мог быть под протекцией Лорда. Мое знание йикторианских обычаев было полным настолько, насколько пленки Торговцев могли их описать, но для того, чтобы изучить все нюансы социальной жизни и обычаи, потребовались бы многие годы. И вполне могло быть, что ссора с Отхельмом привела меня к теперешнему

неприятному положению.

Где бы я сейчас ни был, это место не в районе ярмарки. Это было более, чем странно. Я мог вспомнить только часть своего пути на спине каза, меня схватили в Ырджаре, и я был насильно выведен из-под юрисдикции суда ярмарки, и это настолько противоречило всему, что мы знали об обычаях, что трудно было поверить в случившееся. Те, кто захватил меня, а также тот, кто отдал такой приказ, и тот, кто договаривался об этом деле, могут быть поставлены вне закона, как только станет известно о моем исчезновении.

Какую ценность я представлял, чтобы похитить меня такой ценой? Только время и мои похитители могут ответить на этот вопрос. Но, похоже, это будет не скоро, потому что время идет, а ко мне никто не приходит. Я проголодался и, как ни старался растянуть запас воды, все-таки выпил ее и опять почувствовал жажду.

Тусклый свет ушел, когда кончился день, и ночь окутала меня темными волнами. Я сидел, прислонившись к стене напротив двери и прислушивался, чтобы собрать какую-нибудь информацию. Время от времени до меня доходили искаженные и приглушенные звуки. Прозвучал горн, видимо, возвещавший о чьем-то прибытии. Я снова встал и поплелся к окну. На серой стене плясал луч фонаря, я услышал голоса. Потом промелькнули человеческие фигуры, одна в дворянском плаще, шага на два впереди трех других. Вскоре я услышал звякание металла на лестнице. Что-то толкнуло меня вернуться на старое место - к стене против двери.

Блеснул свет, достаточно сильный, чтобы ослепить меня и скрыть стоящих в дверях. Только когда они вошли в мою камеру, я немного разглядел их.

Это были те, что прошли мимо окна. Теперь я узнал в дворянине юношу из игорной палатки.

Есть один трюк, старый, как мир, и я применил его: молчи, чтобы твой противник заговорил первым. Так что я не стал обращаться с просьбой о разъяснении, а просто спокойно изучал их.

Двое поспешно отодвинули скамью от стены, и Лорд сел с видом человека, которому обязаны предоставлять удобства. Третий сопровождающий повесил фонарь на крючок в стене, так что вся камера была освещена.

– Эй, ты! - не знаю, удивило лорда мое молчание или нет, но в его тоне слышалось раздражение. - Ты знаешь, кто я?

Это было классическое начало разговора между йикторианскими соперниками - хвалиться именем и титулами,

дабы подавить возможного врага грузом своей репутации.

Я не ответил. Он нахмурился и наклонился вперед, положив руки на колени и расставив локти.

– Это Лорд Озокан, старший сын Лорда Осколда, Щит Йенледа и Юксесома, - пропел человек, стоящий возле фонаря, голосом профессионального герольда.

Имена сына и отца мне ничего не говорили, и земли, которые они представляли, были мне незнакомы. Я продолжал молчать. Я не видел, чтобы Озокан сделал какой-нибудь жест, отдал приказ, но один из его первоклассных ребят шагнул ко мне и так хлестнул меня по лицу ладонью, что я стукнулся головой о стену и чуть не потерял сознание от боли. Усилием воли я поднялся на ноги, стараясь, насколько возможно, сохранить ясность ума. Но будет ли это возможно? Они собирались силой отнять у меня что-то, нужное им. И Озокан грубо объяснил, чего они желают.

– У вас есть оружие и знания, инопланетный бездельник, и я получу их от тебя тем или иным способом.

Тут я в первый раз ответил, с трудом шевеля распухшими от удара губами:

– А ты нашел на мне оружие? - я не стал титуловать его.

– Нет, - он засмеялся. - Ваш капитан весьма умен. Но ЗНАНИЕ при тебе.

А если твой капитан хочет увидеть тебя снова, то мы будем иметь также и оружие, и очень скоро.

– Если ты хоть что-нибудь знаешь о Торговцах, ты должен знать, что у нас поставлены мозговые ограничители против подобного разглашения на чужих планетах.

– Да, я слышал, - его улыбка стала еще шире. - Но у каждого мира свои секреты, ты это тоже знаешь. У нас есть несколько ключей к таким мозговым щеколдам. Если они не сработают - очень жаль. Но твоему капитану будет о чем поразмыслить, и он должен будет сделать это быстро. А что касается знаний, - давай их сюда, - последний его приказ щелкнул, как кнут.

Я не хочу вспоминать о том, что было после в комнате с каменными стенами. Те, кто принимал участие в допросе, были настоящими мастерами в своем деле. Не знаю, то ли Озокан был действительно уверен в том, что я смогу, если захочу, выдать ему знания, то ли занимался этой игрой для собственного удовольствия. Большая часть всего этого совершенно исчезла из моей памяти. Всякий эспер, даже самый слабый, может частично закрыть сознание, чтобы сохранить равновесие мозга.

Они не смогли узнать ничего стоящего и были достаточно опытны в своем грязном ремесле, чтобы не терзать меня беспрерывно. Но я довольно долгое время не знал об их уходе и

вообще о чем бы то ни было. И когда боль вновь подняла меня, за окном был бледный день.

Скамья стояла у стены, и на ней снова был кувшин и еще блюдо с чем-то вроде замороженного сала.

Я подполз к скамье, выпил горькой воды, и мне стало чуть-чуть лучше, но прошло много времени, прежде чем я решился попробовать пищу. Только сознание, что необходимо иметь силы, заставило меня двигаться и давиться этой тошнотворной пищей.

Теперь я знал: Озокан похитил меня в надежде обменять на оружие и информацию - без сомнения, для того, чтобы с их помощью захватить королевский трон. Дерзость этого акта означала, что он либо имел сильную поддержку и мог противостоять законам ярмарки, либо надеялся столь быстро захватить трон, что власти не успеют выступить против него. Безрассудство его поступка граничило с крайней глупостью, и я не мог поверить в такие его надежды. Только позже я сообразил, что он уже настолько перешагнул границы, что ему ничего больше не оставалось, как держаться этого опасного пути. Он не мог повернуть обратно.

Нечего было и думать, что капитан Фосс заплатит за меня требуемый выкуп. Хотя Торговцы были тесно связаны между собой, и начальство вело себя честно со всеми, ни команда "Лидиса", ни вся добрая слава Свободных Торговцев не может и не будет подвергаться риску ради жизни одного человека. Эл Фосс может только пустить в ход машину йикторианского правосудия.

Знает ли он, где я? Что сталось с Лалферном? Если ему удалось удрать, то Фосс уже знает, что я похищен, и может принять контрмеры.

Но сейчас я должен рассчитывать не на пустые надежды, а на собственные силы. Я думал и думал.

Глава 6

Как ни измучен я был, я пустил в ход мыслеуловитель. Сейчас как раз было такое место и время, когда могут помочь только отчаянные методы.

Поскольку мыслеискатель по-разному действует у разных рас и народов, я не надеялся на какое-то открытое сообщение, может, и вообще ничего не будет.

Получалось, будто я пытаюсь вести перехват радиопередачи в таком широком диапазоне, что мой приемник ловит лишь смутный узор.

Я уловил не слова, не отчетливые мысли, а только ощущение

страха. И эта эмоция временами была такой острой, что было ясно: тот, кто излучал ее, был в опасности.

Укол здесь, укол там - возможно, каждый из них сигнализировал об эмоциях разных людей, защитников крепости. Я поднял голову к бледному окошку и прислушался. Оттуда не доносилось никаких звуков. Я кое-как встал и посмотрел. Да, уже день, узкая полоска солнечного света на той стороне.

Там царило полное спокойствие.

Я снова закрыл глаза от света и послал улавливающую мысль к одному из уколов страха, чтобы определить источник эмоции. Большая часть их все еще плавала вне поля моего действия. Одно такое ощущение я поймал поблизости от двери моей тюрьмы - по крайней мере, мне так показалось. Я стал зондировать этот мозг со всем усердием, какое мог собрать. Это было равносильно чтению пленки, которая была не только перепроявлена, но и изображала чужие символы. Эмоции ощущались, потому что базис эмоций одинаков для всех. Все живые существа знают страх, ненависть, радость, хотя источники и основания этих чувств могут быть самыми различными. Как правило, страх и ненависть - самые сильные эмоции, и их легче всего уловить.

В этом мозгу ощущался растущий страх, смешанный с гневом, но гнев был вялым, он скорее был порожден страхом. К кому? К чему?

Я закусил губы и послал весь остаток сил, чтобы узнать это. Страх… боязнь? Нужно… нужно избавиться… Избавиться от МЕНЯ!

И я понял, как будто мне сказали это вслух, что причиной страха было мое присутствие здесь. Озокан? Нет, не думаю, чтобы Лорд, который силой пытался выудить у меня сведения, вдруг сменил позицию.

Укол… укол. Я готовил свой мозг, подавляя изумление, возвращаясь к терпеливой разработке этих путаных мыслей. Пленник - опасность - не я лично был опасен, но мое пребывание здесь как пленника могло быть опасным для думающего. Может быть, Озокан настолько преступил законы Йиктора, что те, кто помогал ему или повиновался его приказам, имели основание бояться последствий?

Могу ли я рискнуть на контрвнушение? Страх очень многих толкает к насилию. Если я увеличу перехваченный мною страх и сконцентрирую его, меня тут же прикончат. Я взвесил все за и против, пока устанавливал контакт между нами.

В том, на что я решился, было так мало надежды на удачу, что все уже лежало под тенью провала. Я собирался послать в этот колеблющийся мозг мысль, что с исчезновением узника

уйдет и страх, но узник должен обязательно уйти живым. В самом простом сигнале, какой только я мог выдумать, и с максимальным усилием я послал эту мысль-луч по линии связи.

Одновременно я медленно продвигался вдоль стены к скату, который вел в камеру. По дороге я взял кувшин, выпил остатки воды и крепко зажал его в руке. Я старался вспомнить, куда открывается дверь, поскольку мои глаза были ослеплены, когда вошел Озокан. Наружу? Да, конечно, наружу!

Я поднялся до половины ската и ждал…

Освободить пленника… не будет страха… Освободить пленника…

Сильнее - он идет ко мне! Остальное будет зависеть только от удачи.

Когда человек кладет свою жизнь на такие весы - это страшное дело. Я услышал звон металла. Дверь открылась. Ну!

Дверь качнулась назад, а я бросил вперед не только кувшин, но и заряд страха. Кувшин ударился о голову стражника, тот вскрикнул и отлетел назад.

Я поднялся наверх, собрав последние силы, и вышел в дверь.

Моей первой мыслью было обыскать стражника и взять его меч. Даже с незнакомым оружием я чувствую себя увереннее. Стражник не сопротивлялся. Я подумал после, что заряд страха, ударивший в его мозг, был более сильным и неожиданным, чем тот, что нанес его телу кувшин.

Я взял его за плечо и столкнул вниз, в тот погреб, откуда я вылез. К счастью, он оставил закрывающий прут в двери, так что я быстро повернул его и удалился.

Для начала я осмотрелся. Свет резал мои привыкшие к темноте глаза, но я решил, что сейчас поздний вечер. Сколько дней я провел в камере, я не знал, поскольку смена дней и ночей ускользнула от меня.

Во всяком случае, сейчас в этом коридоре не было никого, а мои планы не шли дальше сиюминутного. Мне надо было добраться до выхода, и я не был уверен, что не встречу кого-нибудь из гарнизона. Мыслеуловитель был слишком слаб для разведки: я полностью израсходовал свой талант эспера, когда заставлял стражника открыть мою камеру. Поэтому мне приходилось рассчитывать только на физические средства и на оружие, которым я не умел пользоваться.

Коридор повернул влево. В него выходили двери, и далеко впереди я услышал голоса. Но другого пути не было, и я пошел вдоль стены, сжимая меч.

Первые две двери, врезанные в стену, были закрыты, за что я вознес бы благодарственную молитву, если бы имел возможность

ослабить внимание. Я знал, что мои способности эспера упали очень низко, но все-таки старался использовать их остаток на установление какой-либо жизни поблизости.

Я пошел дальше. Голоса стали громче. Я уже различал слова на незнакомом языке. Похоже на ссору. Из полуоткрытой двери лился яркий свет.

Я остановился и осмотрел дверь. Она тоже открывалась наружу, и щеколда запиралась, как обычно в тюрьме, - прут вставлялся в отверстие и поворачивался. Я держал взятый мною прут в левой руке, но подойдет ли он к этой двери? Смогу ли я прикрыть дверь, чтобы люди внутри не заметили? Я не рискнул заглянуть в комнату, но голоса там поднялись до крика, и я надеялся, что в своей ссоре они не обратят внимания на дверь.

Я сунул меч за пояс, взял прут в правую руку, а ладонью левой осторожно нажал на дверь. Она оказалась слишком тяжела для такого легкого прикосновения. Я толкнул сильнее и замер: любой предательский скрип, какой-нибудь перерыв в разговоре мог показать мне, что я сделал ошибку. Но дверь все-таки двигалась, дюйм за дюймом и, наконец, плотно легла в свою фрамугу. Скандал в комнате продолжался. Я вложил прут в отверстие скользкими от пота пальцами. Он слегка упирался, и я готов был бросить это, но вдруг он с легким щелчком встал на место, и я повернул его.

Все в порядке - замок закрылся.

Там, внутри, так шумели, что даже не заметили, что их заперли. Мне уже дважды везло, и я подумал, что такая удача слишком хороша, чтобы продолжаться и дальше.

Коридор еще раз повернул, и я опять мог заглянуть в окно. Я угадал правильно, был вечер, отблески заходящего солнца лежали на мостовой и на стене. Ночь, как известно, друг беглеца, но я даже не думал, что буду делать в незнакомой местности, если выйду из крепости Озокана. Два шага сразу не делаются - я думал только о том, что буду делать сию минуту.

Передо мной была широко открытая дверь во двор. Я все еще слышал ссорящиеся голоса позади, но пытался теперь уловить звуки снаружи. Оттуда донесся резкий высокий звук, но это кричал каз, а не человек. Я встал за дверью и выглянул, держа меч в руке. Налево навес, где были казы, их треугольные пасти с жесткой шерстью качались туда-сюда. Из пастей свисали изжеванные листья, из чего я понял, что им только что дали корм.

На миг я задумался над возможностью взять одного из животных, но с сожалением отказался от этой затеи. Мыслеуловитель работает с животными даже чужой породы лучше, чем с гуманоидами, - это верно, но концентрация сил,

требуемая для контроля над животным, сейчас мне не по силам. Я должен был рассчитывать только на себя, на свои физические возможности.

Здание, из которого я вышел, отбрасывало длинную тень. Я не мог видеть других ворот, но попытался добраться до самого темного места между двумя тюками корма, и это мне удалось.

Отсюда я видел много лучше. Направо широкие ворота, крепко запертые, на них что-то вроде клетки. Я уловил в ней дыхание и тут же присел за тюк.

Часовой! Я ждал оклика, стрелы из лука или другого знака, что меня видели.

Вряд ли я прошел незамеченным. Но прошло несколько секунд, и ничего не произошло. Я начал думать, что часовой обязан смотреть по ту сторону стены, а не во двор. Я прикинул, как мне двигаться: сначала под прикрытием тюков, затем позади навесов, и пошел медленно, хотя каждый нерв во мне требовал скорости. Бег мог привлечь внимание, а передвигаясь ползком, я сливался с тенью. Проходя мимо загона, я сосчитал животных, надеясь получить некоторое представление о численности гарнизона. Тут было семь верховых животных, четыре вьючных, но это ничего не давало, поскольку в гарнизоне могли быть и пехотинцы. Однако, малое число верховых животных в загоне, явно построенном для гораздо большего количества, указывало на то, что в резиденции оставался лишь костяк. Это означало также, что Озокан и его приближенные уехали.

Тут было несколько вышек для часовых, но, хотя я осторожно следил за ними, я не заметил на них никого. Едва я нырнул за выступ стены, как послышались тяжелые шаги: мимо прошел мужчина. На нем была кольчуга пешего бойца, на голове не было шлема, а на плечах он нес коромысло с ведрами воды, которые он опорожнил в каменный желоб. Вода медленно стекала по нему в стойла.

С пустыми ведрами он пошел обратно. Я в своем укрытии почувствовал внезапный подъем духа: как раз в это время человека охватило столь сильное желание, что оно дошло до меня совершенно отчетливо. Страх в нем уступил место решимости, а решимость была так сильна, что я смог уловить это.

Возможно, он отличался от своих товарищей какой-нибудь мозговой извилиной, которая делала его более открытым для моего дара эспера. Такие вариации существуют, как известно. Это был третий подарок судьбы за сегодняшний день.

Я был уверен, что человек будет действовать, отложив свои обязанности, но пользуясь ими как прикрытием для своих целей. И наступил момент, когда требовалось немедленное действие,

иначе он может не успеть.

С коромыслом и пустыми ведрами он открыто зашагал вдоль стены, а я скользил за ним, потому что он шел как раз туда, куда мне хотелось.

В другом конце двора был колодец. Из центра здания тянулось крыло, оно острым углом огибало колодец, как будто каменный блок протягивал руку, чтобы укрыть источник драгоценной воды. В крыле было много щелевидных окон и дверь. Человек, за которым я шел, не остановился у колодца, а быстро огляделся и прислушался. Видимо, успокоенный, он вошел в дверь крыла. Я подождал немного и последовал за ним.

Тут было нечто среднее между арсеналом и складом. На стенах висело оружие, разные приспособления лежали аккуратными кучками. Отчетливо пахло зерном и другой пищей для людей и животных. Позади одного тюка с провизией валялись ведра и коромысло. Смесь страха и желания у моего гида точно вела меня по следу. Я прошел в другую дверь, полускрытую мешками с зерном, и вышел на узкую лестницу, достаточно крутую, чтобы у человека, посмотревшего вниз, закружилась голова. Здесь я остановился, потому что услышал впереди шаги, а, значит, и он мог меня услышать.

Сжигаемый нетерпением, я ждал. Когда все затихло, я медленно двинулся вниз, с усилием ставя ноги и боясь, как бы мое измученное тело не подвело меня.

К счастью, спуск был коротким. Внизу оказался проход, идущий в одном направлении. Здесь было темно, я не видел ни искорки света, которая бы указывала на то, что мой гид пользуется фонарем или факелом. Видимо, он хорошо знал дорогу.

Я ничего не видел и не слышал. Затем по линии нашей мозговой связи пронесся взрыв облегчения, который заблестел в моем мозгу, как фонарь перед глазами. Он достиг своей цели, он вышел из форта, чтобы найти безопасное, по его мнению, место. И я не думал, что он задержится у выхода.

Я пустился полубегом, чтобы найти этот выход. В темноте я больно ударился об острый выступ, но не упал и вытянул руки, чтобы пользоваться ими вместо глаз. Передо мной оказался пролет другой лестницы, вверх по которой я пополз на руках и коленях, не будучи уверен, что осилю ее другим способом.

Время от времени я останавливался проверить, нет ли каких-нибудь признаков выхода. Наконец, я нашел люк и толчком открыл его. Там тоже не было света, я как бы попал в погреб или в отвал в скалах, который вряд ли был естественным, скорее, он был сознательно сделан под естественный, чтобы скрыть этот

люк. В стране, где по всякому пустяку затевались войны, такая нора была необходима в любой крепости… Я подумал, что никому она не была нужнее, чем мне.

Впервые в жизни я полностью сконцентрировал свою силу на том, чтобы меня не заметил часовой на стене. Выход скрывался в скалах, и единственный способ пройти через него - ползти на животе. И я подумал, что мог бы набросать чертеж этих скал, поскольку они показались мне частью более древней разрушенной крепости.

Того дезертира, что прошел через эту дыру, не было и в помине, но я все-таки двигался с осторожностью. Наконец, я вышел из-под укрытия.

Наверно, развалины тут кончались, так как было много осыпавшейся земли.

Теперь я мог оглядеться.

Небо пылало тем жутким цветом, которым окрашивался закат солнца на этой планете. В этом свете форт казался темным пятном, уже скрытым тенями, усиливавшими его мрачный вид. Форт состоял из одного внутреннего здания и внешней стены, он оказался меньше, чем я думал. Пожалуй, это было не укрепление, а, скорее, пограничный пост, охраняющий и защищающий землю, поскольку вокруг не было ни жителей, ни возделанных полей. Это был солдатский лагерь, а не убежище для фермеров, каким мог быть любой замок.

Между двумя рядами холмов проходила дорога, ведущая в неведомую равнинную местность. По-видимому, она связывала два центра - этой области и внешнего мира, возможно, даже Ырджара. Этим и следовало руководствоваться.

Мое путешествие сюда прошло, можно сказать, вслепую, и я не имел представления, где находится порт, на север или на юг отсюда. Впервые я подумал, что мое удивительное везение кончилось: у меня был меч, но не было ни пищи, ни воды, ни защиты от непогоды. И энергия, порожденная моей волей, которая так долго поддерживала мое истерзанное тело, угасала. Я мог бы задать себе вопрос, но боялся, потому что ответ был слишком ясным.

Форт и развалины, из которых я вынырнул, находились на склоне холма.

Проход, через который я шел, должен был бы сообщаться с подземным ходом, но я вышел на высокое место, и часовой мог легко заметить меня. Я заставил свои ноги двигаться вперед, пока можно, потом полз, извивался, перекатывался, одним словом, делал все, что мог, лишь бы двигаться.

Мне еще повезло, что методы допросов помощников Озокана

причиняли сильную боль, но не калечили тела, так что сейчас оно могло делать необходимые усилия. Но я впал в какое-то оцепенение, в котором верх взяла та часть мозга, которая не могла сознательно понимать, планировать или жить, а лежала глубоко под всем этим.

Дважды я вдруг замечал, что бреду по более гладкой дороге и что какой-то скрытый сигнал предупреждает меня о скрытой опасности. Оба раза я оказывался способным снова сойти с дороги и идти там, где кусты и скалы могли укрыть меня. Один раз мне показалось, что меня выслеживает какой-то ночной хищник. Но, видимо, это создание не сочло меня подходящей добычей и исчезло.

Луна сияла так ярко, что ее Кольца сверкали в небе огнем. У этой луны всегда было два кольца, но через определенное количество лет появлялось третье, что служило великим предзнаменованием для жителей планеты. Я смотрел на них без удивления, только с благодарностью, потому что их свет освещал мне путь.

Уже светало, когда я прошел через ущелье между холмами. Рот у меня пересох, как посыпанный пеплом, сжигавшим язык и внутреннюю поверхность щек. Только тренированная воля заставляла меня двигаться, и я боялся отдыхать, потому что потом мне не удастся не только идти, но и ползти. А мне необходимо было миновать то место, где дорога шла только в одном направлении - в западную сторону. Потом - я обещал своему телу - потом я отдохну в первой попавшейся норе.

Кое-как я прошел: холмы остались позади. Я вильнул с открытого пространства в кусты и проталкивался в них до тех пор, пока не почувствовал, что дальше ползти некуда. Последний толчок просунул мое избитое и исцарапанное тело между двумя густыми кустами.

Я вытянулся и уже не помнил, что было непосредственно за этим.

Река, драгоценная река обливала меня водой, давая новую жизнь моему высохшему телу. И был гром, удары воды о пороги речки. Я не решался пуститься вплавь по дикому течению, потому что меня разобьет о скалы.

Вода… Грохот…

Не было никакого потока. Я по-прежнему лежал на твердой поверхности, но я был мокрым, и влага лилась всюду, образуя сплошную завесу дождя. И гром действительно громыхал, но в небе.

Я приподнялся и стал слизывать воду, льющуюся по моему лицу. Над холмами сверкали стрелы молний. Наверно, был еще

день, но такой темный, что трудно было что-нибудь разглядеть. Я поднял голову и раскрыл рот, чтобы дождь напоил меня.

Громовые раскаты неслись отовсюду с затянутого тучами неба, разрываемого жуткими вспышками молний, и при свете этих молний сквозь щель между кустами я увидел отряд всадников, ехавших к востоку, как будто их гнал дождь. На них были плащи с капюшонами. Отряд растянулся длинной вереницей, уставшие животные отставали, пена капала из их пастей. Весь вид этой компании говорил о том, что их гонит какая-то неотложная необходимость. Когда они проезжали мимо меня, я почувствовал их эмоции страх, злобу, отчаяние - которые были так сильны, что меня как бы ударило.

Под плащами я не мог видеть цветов и геральдических знаков, указывающих чье походное знамя полощется над их головами, но я был уверен, что это люди Озокана. И, значит, они охотятся за мной.

Мое тело так болело, что я едва поднялся. Первые неуверенные шаги были для меня пыткой. Наверное, меня распустила и разбаловала жизнь Свободного Торговца, вот мне и трудно работать в условиях дискомфорта. Но я все-таки снова двигался в тумане, который так плотно окутал меня, что мне казалось, будто я попал в охотничью паутину краба-паука с Тайдити.

Ручьи быстро бегущей воды прокладывали себе путь в земле, словно с небес выпало столько дождя, что вода уже не могла впитаться и бежала по поверхности. Время от времени я пил, не думая о том, что в ней могут быть какие-нибудь элементы, вредные для меня. Но если я имел воду, то пищи не было, и воспоминания о жирной массе, которую я так неохотно ел - когда это было? Прошлой ночью? Две ночи назад? - преследовали меня, принимая пропорции авакианского банкета с его двадцатью пятью церемониальными блюдами. Через некоторое время я нарвал листьев с кустарника и стал жевать их, выплевывая мякоть.

Время теперь не имело значения. Сколько дней лежало позади, я не знал и не хотел знать.

Ярость дождя утихала. Что-то слабо светило в небе, но это еще не было светом.

Свет? Я внезапно понял, что твердо иду к свету. Не к желтым фонарям крепости или Ырджара…

Лунный шар… серебристый… зовущий… Только там был такой шар-лампа. Последний предупреждающий шепот в моем мозгу быстро увял… лунный шар…

МАЙЛИН

Глава 7

По воле Моластера у меня есть власть певицы и все, что с ней связано: дальнее зрение, всестороннее зрение, растягивание колец. Иногда это отягчает жизнь, когда внутреннее желание входит в противоречие со всем этим. Если так случается, тогда желание Майлин идет насмарку. Я желала только одного: оставаться на ярмарке со своим маленьким народом, а проснулась от первого ночного сна, поняв, что пришел зов, хотя не знала, откуда и от кого. И я услышала, как скулил и хныкал мой маленький народ, чувствительный к влиянию власти, потому что ее сильное принуждение задевает также и их, приносит недовольство и страх.

Моя первая мысль была о них. Я накинула плащ и пошла, водя жезлом вверх и вниз, чтобы они смотрели на меня и забыли страх. Когда я дошла до того места, где мы положили барска, я увидела животное на ногах. Оно стояло, чуть опустив голову, как бы готовясь к прыжку, его глаза горели желтым огнем, и в них жило безумие.

– Послание, - Малик подошел ко мне.

– Да, - согласилась я, - но не от языка или мозга Древних. Если не они взывали к власти, то этот ответ не им, а мне!

Он серьезно посмотрел на меня и сделал жест, частично отрицающий мои слова. Мы были кровными родственниками, хотя и не близкими, и Малик не всегда был одного мнения со мной. Он часто предостерегал меня от того, что считал безрассудством. Однако, он не мог не верить Певице, которая говорит, что получила сообщение, так что теперь он ждал. А я взяла жезл в ладони и медленно поворачивала, потому что теперь мой маленький народ успокоился, и страх был отгорожен от их мозга барьерами власти. Я направляла жезл на север, юг, запад, он не двигался в моем слабом захвате.

Но когда я повернула его на восток, он сам выпрямился, указывая точное направление. Он стал горячим, требовательным, и я сказала Малику:

– Это требование долга. С меня. Нужна расплата.

При требовании долга нельзя колебаться, потому что данное и взятое могут быть уравновешены на весах Моластера. Для Певицы это еще более справедливо, потому что только так власть питает и хранит вспыхнувший свет.

– А как насчет инопланетника и Озокана, которые составляли темные планы? - спросила я.

– Озокан может заявить о кровном родстве с Ослафом, который… Малик слегка замялся.

– Который был избран по храмовому жребию представлять Лордов в трибунале ярмарки в этом году. И не говорил ли также инопланетник Слэфид о другом родственнике Озокана, об Окоре, капитане стражи? Но все-таки никто не может ломать все законы и обычаи.

Моя уверенность увяла, потому что Малик не слишком быстро согласился со мной. Я видела, что он смущен, хотя и не опустил глаз. Он ведь был Тэсса, и между нами всегда была правда и откровенность. И я сказала:

– Есть что-то, чего я не знаю?

– Есть. Вскоре после полуденного гонг стражники взяли инопланетника Крипа Ворланда отвечать на жалобу Отхельма, продавца животных. На отряд напали всадники из-за границ ярмарки. Произошла схватка, и инопланетник исчез. Думают, что он вернулся к своим, поэтому глава жрецов приказал закрыть ларек Торговцев и их самих удалить с ярмарки.

– И ты мне этого не сказал?!

Я не рассердилась, разве что на себя: я не думала, что Озокан решится действовать. Я должна была бы лучше разобраться в нем и понять, что он из тех, кто готов на все и не думает о последствиях своего импульсивного акта.

– Наиболее разумно предположить, что он вернулся к себе на корабль, продолжал Малик. - Все знают, что Свободные Торговцы держатся друг за друга и вряд ли верят в справедливость суда.

– Тогда это нас не касается, - чуть резко сказала я. - Вернее, не касается Тэсса. Мы связаны клятвой не вмешиваться в дела равнинных жителей. Но это мой личный долг. И я прошу тебя по праву кровного родства, чтобы ты нашел капитана "Лидиса". Если Крипа Ворланда нет среди экипажа, расскажи обо всем, что произошло.

– Мы не получили ответа от Древних, - возразил он.

– Я беру это на себя и отвечу за это перед весами Моластера, - я дохнула на мой жезл, и он засиял серебряным светом.

– Что ты хочешь делать? - спросил Малик, но я знала, что он уже угадал ответ.

– Я пойду искать то, что должна найти. Но для моего ухода должна быть уважительная причина: я не сомневаюсь, что теперь за мной будут следить глаза и уши и каждый мой приход и уход будет отмечаться. Итак, - я медленно повернулась и посмотрела на клетки, - мы ставим их в фургон, я беру Борбу, Ворса, Тантаку,

Симлу и… - я показала на клетку барска, этого. Мы скажем, что они больны, и я боюсь, как бы они не заразили остальных животных, поэтому вывожу их на некоторое время подальше.

– А этого зачем? - он указал на барска.

– Для него эта причина как раз правильна. Может быть, на открытой местности его мозг поправится, и можно будет коснуться его. А здесь ему все напоминает о прошлых мучениях.

Тень улыбки скользнула по губам Малика.

– Ах, ах, Майлин, ты все еще не отказалась от своей мечты? Ты все думаешь о том, чтобы стать первой, единственной, кто принял барска в свою компанию?

– Я терпелива, и у меня сильная воля, - я тоже улыбнулась. - И я знаю, что БУДУ командовать барском. Не этим, так другим, не сегодня, так завтра!

Я знала, что он считает это безрассудством, но с теми, к кому приходит сообщение, никто не спорит, если это сообщение касается уплаты долга. Так что Малик впряг казов в ярмо фургона и помог мне разместить там тех, кого я выбрала, а клетку барска поставили отдельно и прикрыли экраном. Как ни истощено было это создание, оно следило за нами и рычало, когда мы приближались, а мои мысли не могли проникнуть ему в мозг и сбить безумие.

Мы поели, послав Уджана за жрецом, который присмотрел бы за нашей палаткой, пока Малик пойдет по моему поручению на "Лидис", а я повернула на восток. Малик требовал, чтобы я подождала его возвращения, но во мне росло ощущение настоятельности, и я поняла, что ждать нельзя, нужно ехать.

Я уже была уверена, что инопланетник не среди своих, что он где-то в другом месте и в страшной опасности, иначе послание о долге не навалилось бы на меня так резко и без предупреждения.

Фургон шел не очень быстро, и я еще должна была сдерживать шаг казов, пока мы были на виду у всех, потому что нельзя трясти больных животных, иначе у любого наблюдателя возникнут подозрения. Все во мне требовало скорости и даже больше, чем скорости. Я пустила казов легким шагом, когда проехала последний ряд палаток. Кто-нибудь мог спросить, куда я поехала, хотя я осторожно объяснила причину своей поездки жрецу и Уджану.

Те, кого я выбрала сопровождать меня, имели более острый ум и большую агрессивность, чем остальные. Борба и Ворс - глассии из горных лесов.

Длина их четыре пяди, тонкие хвосты такой же длины, что и тело, мех черный, как грозовая беззвездная ночь. У них длинные лапы с очень острыми когтями, которые они обычно прячут, но

при случае выставляют, как лезвия мечей. Головы их увенчиваются пучком серо-белых жестких волос, который плотно прижимается к черепу, когда они готовятся к бою. Они по природе любопытны и бесстрашны и открыто идут на врага куда крупнее их и часто оказываются победителями. Их редко видят в низинах, и поэтому сейчас они вполне могли сойти за редких и ценных животных, которых мы боимся потерять.

Тантака выглядела более опасной, чем была в действительности, хотя однажды ее разбуженная ярость не утихала долго и сделала ее более проворной в атаке, чем можно было предположить по ее виду. У нее было жирное тело с тупоносой мордой, маленькими закругленными ушами и обрубок хвоста, обычно прижатый к бедру. Она была вдвое шире глассии, с мощными плечами, потому что ее любимая пища на воле находилась под большими камнями, которые приходилось сталкивать, прежде чем пообедать. Ее желтоватый мех был таким грубым, что больше походил на перья, чем на волос. Она была некрасива, неуклюжа, гротескна и, когда она участвовала в шоу, зрители диву давались, как такое казалось бы неуклюжее животное может делать такие штуки.

Симла была сродни барску, но ее шерсть была очень короткой и плотно прилегала к коже. Издали казалось, что у нее вообще нет шерсти, только голая расцвеченная кожа, потому что по кремовому заду и бедрам шли темно-коричневые полосы. Хвост круглый и очень тонкий, как кнут. На ногах, казалось, совсем не было мышц, только шкура и кости, такой же выглядела и голова, так что были видны черепные швы. Симла была некрасива, как Тантака, но в противоположность неуклюжей на вид Тантаке она производила впечатление быстрой и выносливой. Так оно и было, поэтому венессы издавна использовались для состязаний в беге.

Я почувствовала легкое недовольство маленького народа: они не понимали смысла этой поездки. Я передала им ощущение опасности, и они отозвались, каждый по-своему. Как только мы потеряли ярмарку из виду, я повернула клетки таким образом, чтобы их обитатели могли видеть местность и пользоваться своими чувствами, как гидом. Ведь глаза их видели больше, чем человеческие, носы извлекали из ветра сведения, которые мы и не заметим, уши слышали то, что мы упускаем - и все это было к моим услугам.

Симла была не в духе - и не потому, что сидела со мной рядом в лучах утреннего солнца, а из-за барска. Остальные не были близки к его роду и не обращали на него внимания, как только поняли, что он не может повредить им. Но клану Симлы

он был достаточно близок, она знала о нем, и я успокаивала ее, потому что безумие - нечто столь чуждое, что вызывает панику в тех, кто сталкивается с ним.

На Йикторе есть сумасшествие, при котором мозг либо спит, либо живет в хаосе. Про таких больных говорят, что их коснулась рука Умфры, первобытной власти. Такому больному никто не сделает зла. Их отдают под присмотр жрецов и отправляют далеко в горы, в некую Долину. И от воспоминания об этой Долине мой мозг содрогнулся. Нанести вред такому сумасшедшему или убить его - значит, принять в собственное тело болезнь, которая жестоко трясет жертву. Так думают жители равнин.

Но если животные доходят до безумия, их убивают, и я думаю, что это лучше, потому что на Белой Дороге нет ни страдания, ни печали. Они поднимаются к великой системе Моластера и остаются там под присмотром и уходом. Я боялась, что мне придется поступить так с барском, но все еще оттягивала этот последний шаг. Как сказал Малик, это было моим давним заветным желанием - присоединить редкого независимого скитальца к нашей группе. Возможно, я гордилась собственным могуществом и хотела увеличить ту небольшую славу, которую уже имела как хорошо умеющая работать с маленьким народом.

Мы переправились через реку вброд и не встретили на том берегу никого, кроме нескольких запоздалых ярмарочных фигляров. Им я из осторожности сказала, что болезнь моих животных заставила меня выехать из дома. Но после полудня я свернула с дороги на тропу, тоже ведущую на восток, чтобы какие-нибудь прохожие не стали удивляться, чего ради я еду так далеко искать спокойного места для больных животных.

Перед заходом солнца мы приехали на луг к ручью и здесь разбили лагерь. Я распрягла казов, чтобы они паслись, и остальным дала побегать на свободе. Они с удовольствием все обнюхивали, полакали из ручья, но далеко не отходили. Барск остался в фургоне один.

Потом мои спутники были накормлены и легли спать. Все было хорошо, и я смотрела, как встает луна. Третье кольцо было уже более заметно. Еще одна или две ночи - и оно засияет и останется на некоторое время. Жезл в моих руках вбирал ее свет и делал его ослепительным. Мне страшно хотелось направить читающий луч, но я здесь была одна, а тот, кто читает такой луч, должен, образно выражаясь, выйти из тела, а связь так увлекает, что ему одному нелегко прийти в себя, и я побоялась. Но это желание съедало меня, и я вынуждена была встать и походить взад-вперед, чтобы успокоить нервы.

Потом я снова взяла жезл: он твердо показывал на восток.

Наконец, я решила воспользоваться К-Лак-Песней и призвать сон, потому что тело может взять верх над мозгом только в случае крайней необходимости. Певица рано познает искушение забыть, что тело сильно и может противиться. Итак, я пела четыре слова на пять тонов и открыла свой мозг отдыху.

Я слышала чириканье и писк в траве и видела утренний туман. Я еще раз выпустила маленький народ, пока готовила еду и запрягала казов. Я накормила барска, и он спокойно лежал на своей подстилке. Прикосновение к мозгу показало, что он слабеет, возрастает летаргия, как будто съедавшая его вчера ярость повредила ему, и я размышляла, так ли плоха эта слабость, если она дает мне возможность успокоить и, возможно, довести эти импульсы до нормального состояния. Но проба показала, что время для этого еще не настало и неизвестно, настанет ли.

Мы снова двинулись в путь. Тропа, по которой мы ехали, становилась все более неудобной. Я боялась, что дальше будет такой участок, что фургон не пройдет, и хотела даже вернуться поискать другую дорогу.

В воздухе чувствовалось какое-то напряжение, и мы все его заметили. Я знала, что это не предупреждение о дурном, а, скорее, предзнаменование того, что могут дать Три Кольца тому, кто откроет свой мозг их могуществу.

В это время больше ограничено то, что может испытать смелый, хотя смелости всегда не хватает, когда имеешь дело с властью.

Мы шли по холмам. Хотя эта местность была мне незнакома, я знала, что в этом направлении лежали владения Осколда. Хотела бы я знать, неужели у Озокана хватило ума привезти сюда пленника - разве что слишком большая дерзость такого поступка скроет его следы: никто не поверит, что он тайно привез пленника в центр отцовских владений. Но если Осколд сам участвовал в этом? Тогда все принимает другую окраску, потому что Осколд - человек умный и хитрый. И если он готов пренебречь законами и обычаями, значит, у него в резерве мощное оружие, которое смутит врага. Я вспомнила скрытую угрозу в словах инопланетника Слэфида, что о Тэсса известно больше, чем нужно для нашей безопасности. Я надеялась, что наше сообщение расшевелит Древних, заставит их принять контрмеры. Среди равнинных жителей всегда ходило много слухов о нас. Правда, мы жили здесь раньше их и когда-то были великим народом - как они понимают величие - прежде чем научились другим способом измерять могущество и величие. Мы

тоже строили города, от которых теперь остались только разбросанные камни, наша история знала взлеты и падения. Либо люди прогрессируют, либо разрушают сами себя и погружаются в туманное начало. Волею Моластера мы прогрессируем по ту сторону материального, и для нас теперь эти ссоры и схватки новоприбывших то же самое, что суета нашего маленького народа, да и надо сказать, маленький народ движим простыми нуждами и идет своим путем честно и открыто.

Весь День Постоянного влияния Трех Колец действовал на нас. Мой маленький народ выражал возбуждение криком, лаем или другими звуками, заменявшими им речь. Один раз я услышала, что и барск подал голос, но это был печальный вой, полный душевной боли. Я послала мысль - желание спать чтобы успокоить его. Симла предупредила меня, что к вечеру что-то случится. Я остановила фургон, вылезла и пошла пешком за Симлой по еще не побитой морозом траве и через кустарник на вершину холма, откуда была видна восточная дорога. По ней ехал отряд всадников под началом Озокана.

Он ехал без обычной пышности, просто возглавлял небольшой отряд, не было ни знамен, ни горна, будто он хотел проехать по этим диким местам как можно более незаметно. Я проводила их взглядом и вернулась к фургону. Мои казы не были в настроении надрываться и шли ровным, неменяющимся шагом. В больших переходах они легко могли обогнать таких быстрых верховых животных, как у людей Озокана, но на рывок они были не способны, и мне приходилось мириться с этим.

Ночью мы пришли к холмам. Я спрятала фургон и прошла вперед, чтобы разведать дорогу. Я нашла только одну тропу, где мог пройти фургон, и она вела к тракту. Мне очень не хотелось снова ехать по нему: слишком открытое место, где какому-нибудь Лорду может прийти дурацкая мысль поставить пост.

Я пустила Симлу, и она быстро нашла два поста с часовыми, выбранными за остроту зрения. Здесь могли не поверить моим причинам для столь далекого пути. Опасно это или нет, но я должна была этой ночью призвать власть, потому что ехать наугад было явной глупостью.

Я послала Борбу и Ворса искать то, что нам нужно - безопасное и уединенное место не очень далеко от дороги. Они сначала побежали вдвоем, потом разделились. Борба нашла требуемое. Фургон мог остаться на некотором расстоянии от этого места, спрятанный кустарником и закиданный сверху травой. Казов я отпустила пастись на лугу. Борба уселась на одного из них - не потому что они могут заблудиться, а потому, что здесь было полно воды в озерке и росли сочные плакены по

колено высотой. Барска я погрузила в глубокий сон, а остальных взяла с собой. Мы поели из взятых мною запасов, потому что телесная сила должна быть опорой силе мысли, которая мне понадобится, когда взойдет луна. Затем я выбрала стражей из маленького народа, и они послушно растаяли в темноте. Я, как могла, успокоила свои мысли, хотя Кольца действовали в обратном направлении. Спокойствие, чтобы усилить подъем, когда настанет время.

Я начертила жезлом защиту и повторила рисунок на ровном песке за озерком, отметив белыми камнями вершины деревьев. Лунный шар-лампу я поставила на камень, чтобы ее лучи освещали этот участок. Затем я запела песню защиты, глядя, как из моих камней поднимается по спирали видимая энергия. Потом я запела Мольбу и закрыла глаза от внешнего мира, чтобы лучше видеть внутренний. Когда вызывают власть с таким слабым ощущением проводника, как было сейчас у меня, то принимают все, что видят, не удерживая и не отбирая, а только запоминая кусочки и обрывки того, что позже можно собрать воедино. Так было и со мной, я как бы висела в воздухе над маленькой крепостью и смотрела внутрь - мыслью.

Я увидела там Озокана и инопланетника Крипа Ворланда и видела, что делали с инопланетником по приказу Озокана. На заре приехал вестник, Озокан и его люди оседлали животных и уехали.

Я не могла добраться мыслью до инопланетника: между нами стоял барьер, который вообще-то я могла разрушить, но сейчас у меня не было времени, и, кроме того, я не решалась тратить силу - это могло мне дорого обойтись. Я видела, что дух его силен, и что победить его нелегко.

Единственное, что я могла для него сделать - оказать некоторое влияние на его путь, чтобы судьба помогла ему, а не мешала, хотя главные усилия должен сделать он сам. Затем я вернулась обратно.

Рассвело, и моя лунная лампа бледнела и гасла. Но теперь я получила ответ: никуда не двигаться, а ждать здесь. Иной раз ждать бывает много труднее. Прошел долгий день. Мы спали по очереди, мой маленький народ и я.

Мне страшно хотелось знать, достаточно ли я помогла тому, кто находился в далекой крепости, но я хоть и Певица, но не из Древних, которые могут видеть и послать приказ на расстояние в половину мира. Я заходила в фургон позаботиться о барске. Он проснулся, поел и попил, но только потому, что я принуждала его к этому. Мозг его стал апатичным и не мог бы позаботиться о нуждах собственного тела, если бы я не поощряла его к таким

действиям.

Малик был прав, печально думала я, ничего не остается, как отпустить его на Белую Дорогу. Но я не могла взяться за это, словно надо мной висел какой-то приказ, которого я не понимала.

Пришла ночь, но луну закрывали тучи, сплетавшиеся в широкие сети, душившие звезды, - те солнца, что светят над неведомыми нам мирами. И я снова подумала о возможности побывать в чужих мирах, больше узнать обо всех чудесах драгоценных грез Моластера. И я тихонько пела, но не Великие Песни Власти, но те, которые поднимают сердце, усиливают волю, питают дух.

Маленький народ собрался вокруг меня в темноте, и я успокаивали их сердца и отгоняла тяжелые мысли.

Перед рассветом разразилась гроза, поэтому заря не рассеяла гнетущий мрак, висевший над холмами. Мы нашли место под нависшей скалой и прижались там, пока гром прокатывался по вершинам холмов. Я видела такие грозы в наших высоких землях, где жили Тэсса, но не так близко к равнинам. Мне было тепло от прижавшихся ко мне мохнатых тел, я тихонько напевала, чтобы им было спокойно, и радовалась, что это занятие отгоняет мое собственное беспокойство.

Наконец, гроза утихла. Меня коснулось сообщение - не отчетливое послание, скорее, намек. Я пошла вместе с маленьким народом к озерку, сняла с камня лунную лампу, которую уже захлестывала поднявшаяся вода, и спустилась ниже в долину, где трава была менее густой и обнажились камни.

Я поставила на один из них лунную лампу и снова зажгла ее, как маяк для кого-то. Я не знала еще, для кого именно, но во мне росла уверенность, что тот, кого я хотела спасти, находится в достаточно трудном положении, несмотря на удачу, которую я для него плела.

Симла зарычала и вскочила, оскалив зубы. Борба и Ворс подняли головы, готовясь к бою, а Тантака раскачивалась, припав на передние лапы.

По склону карабкалась человеческая фигура. Я схватила его за плечо, напрягая силы, чтобы повернуть массивное тело. Лицо его было в грязи, но я узнала того, кого надеялась увидеть.

Инопланетник вырвался от Озокана. Теперь я была готова заплатить свой долг - но как? Похоже, что он попал из одной опасности в другую. Мы находились на границе владений Осколда, где подчиняются его приказам. Крип был в глубоком обмороке, возможно, это для него сейчас самое лучшее.

КРИП ВОРЛАНД

Глава 8

В моих ушах звучала песня, низкая, монотонная, как ветер, который так редко ощущает на себе рожденный в космосе. Крип Ворланд умер в каком-то тайном месте, но теперь его снова возвратили к жизни, соединив вместе тело и дух. Когда я открыл глаза и огляделся, я увидел себя в странном обществе. Однако, странность его не удивила меня, словно я надеялся увидеть всех их - лицо девушки с серебряными волосами, выбивающимися из-под капюшона, мохнатые морды с блестящими глазами, внимательно поглядывающими вокруг.

– Вы - Майлин? - мой голос удивил меня - это было хриплое карканье.

Она рассеянно кивнула и повернула голову, вглядываясь вдаль, будто чего-то боялась. Все другие головы повернулись тоже и зарычали низко и грохочуще, каждая на свой лад. Мое сонное довольство исчезло, проснулись опасения.

Она подняла руку, и жезл в ее пальцах засветился. Она осторожно прижала его к ладони другой руки. Она не двигала его, он сам повернулся и показал направление, в котором она смотрела.

Как бы по сигналу мохнатые создания исчезли во мраке за пределами освещенного места, на котором я лежал. Майлин снова подняла жезл и указала им на лампу, которая тут же погасла. Затем Майлин подошла ко мне. Ее плащ взметнулся, как крылья и накрыл нас обоих.

– Тихо! - выдохнула она почти беззвучно.

Я стал напряженно прислушиваться. Свист ветра, журчание воды где-то неподалеку, другие звуки такого же рода и больше ничего - кроме биения моего сердца.

Мы ждали - не знаю, сколько времени, но, кажется, очень долго. Затем она сказала - может, мне, а, может, просто подумала вслух:

– Да. Они охотятся.

– За мной? - прошептал я, хотя, в сущности, в подтверждении не нуждался.

– Да. Слушай, - быстро продолжила она, - более чем вероятно, что подчиненные Озокана ищут и идут с двух сторон. И, - она засмеялась, - я не знаю, как нам пробиться сквозь сеть, которую они для нас раскинули…

– Это же не твоя забота…

Кончики ее пальцев прижались к моим губам, крепко и спокойно.

– Мой долг, человек со звездных путей, - и моя расплата, так говорят весы Моластера… Весы Моластера, - повторила она и, помолчав, зашептала снова:

– А если я дам тебе другую кожу, Крип Ворланд, чтобы обмануть врагов?

– Что ты имеешь в виду?

Хотя нас накрывал плащ, и под ним было темно, мне показалось, что ее глаза искрятся морозным светом, как глаза зверя отражают свет факела в ночи.

– В мой мозг пришел ответ Моластера, - она выглядела смущенной своей откровенностью, и я видел, как она вздрогнула. - Но ведь ты не Тэсса… не Тэсса… - тихо протянула она и замолчала, но затем заговорила с прежней уверенностью:

– будет так, как ты захочешь! Что выберешь, то и будет! Так слушай, инопланетник: я не думаю, что у нас есть хоть один шанс избежать тех, кто обыскивает эти холмы. Я читаю в их мыслях, что они хотят твоей смерти и убьют тебя сразу же, как только найдут.

– Не сомневаюсь, - сухо ответил я. - Хватит ли у тебя времени уйти отсюда? Хотя меня не учили сражаться мечом, но…

Видимо, ей это показалось забавным, потому что у нее вырвалось что-то вроде смешка.

– Храбрый, ох, и храбрый звездный скиталец! Но мы еще не дошли до такой крайности. Есть другой путь, очень необычный, и ты, может быть, предпочтешь пасть от мечей Озокана, чем идти по этому пути.

Возможно, мне почудился вызов в том, что было всего лишь предупреждением, и я отреагировал на ее слова:

– Покажи мне этот путь, если считаешь, что он спасет меня.

– Он состоит в том, что ты можешь обменяться телами…

– Что?! - я хотел вскочить, но толкнул ее, и мы оба покатились по земле.

– Я не враг тебе, - ее руки уперлись мне в грудь, задев мои синяки и заставив меня поморщиться от боли. - Я сказала - другое тело, и именно это я имела в виду, Крип Ворланд!

– А как же мое тело? - я не мог поверить, что она говорит серьезно.

– Люди Озокана возьмут его и станут о нем заботиться.

– Спасибо! - сказал я. - Значит, я либо потеряю жизнь в своем теле, либо они убьют мое тело и оставят мой дух в другом месте!

Полнейшая глупость того, что я сказал, заставила меня

несколько истерично рассмеяться.

– Нет! - возразила Майлин и откинула плащ. Мы сидели друг против друга, и я видел ее лицо, но не мог понять его выражения, хотя поверил, что она говорила вполне серьезно и именно то, что думала. - Они не повредят твоему телу, если ты уйдешь из него. Они будут считать, что ты под плащом Умфры.

– Значит, они отпустят мое тело? - пошутил я. Мои мысли были в беспорядке, поскольку в этой авантюре не было ничего реального по моим стандартам. Я решил, что это один из тех ярких снов, которые иной раз посещают спящего и погружают его во внутреннее пробуждение, так что ему кажется, что он не спит, когда берет на себя невозможные подвиги. В таком реальном сне все кажется возможным.

– Твое тело не может остаться незанятым, потому что два духа переходят из одного тела в другое. Так и должно быть, чтобы мы могли потом снова взять твое тело и произвести обратный обмен.

– Так они оставят его здесь? - продолжал я следовать по этой фантастической линии.

– Нет, они отнесут его в Храм Умфры. Мы пойдем следом за ними в Долину Забвения.

Она отвернулась, и я почувствовал, что эти слова имеют для нее какое-то значение. Для меня же они не значили ничего.

– А где буду находиться я, когда мы пойдем за моим телом?

– В другом теле, возможно, даже более пригодном для того, что может произойти.

Конечно, это был сон. Я больше не спрашивал, не поинтересовался, что еще может случиться. Правда, я все это видел не во сне - и свой побег из крепости, который сложился так удивительно удачно, кошмарное путешествие по холмам и появление здесь. Может, и предшествующее тоже было сном никто не похищал меня с ярмарки, я сплю себе спокойно на моей корабельной койке и все это вижу во сне. Во мне проснулось страстное любопытство: хотелось знать, как далеко заведет меня этот сон, какие новые удивительные события произойдут со мной.

– Пусть будет так, как ты хочешь, - сказал я и засмеялся, зная, что ничего не будет, когда я проснусь.

Она снова посмотрела на меня, и я опять увидел в ее глазах те же искры.

– Ты и в самом деле из сильной расы, звездный скиталец. А может, ты видел в космосе так много забытых дорог, что потерял способность удивляться тому, что может или должно случиться. Но тут дело не в том, чего желаю Я - это должно быть ТВОИМ ЖЕЛАНИЕМ.

– Пусть будет так, - во сне мне хотелось сделать ей приятное.

– Оставайся здесь и жди.

Она взяла меня за плечи и потянула назад, чтобы я лежал, как тогда, когда только что оказался в этой части сна. Я лежал и гадал, что будет.

Может, я проснусь на "Лидисе", на своей койке? Не все сны интересны слушателям, но этот сон так необычен, что, если я его вспомню, когда проснусь, я обязательно расскажу его. А пока я лежал на траве и смотрел в небо, вдыхая запахи лесной местности, слыша ветер и журчание воды.

Я закрыл глаза и захотел проснуться, но не мог: сон продолжался, такой же яркий и живой. Что-то зашевелилось рядом, я повернул голову и открыл глаза. Мохнатая голова пристально смотрела на меня. Мех был черный, а торчащий вверх гребень - серый. Казалось, животное носит шлем из черного металла с серым пером, вроде тех, что носят морские бродяги на Ранкини.

Морские бродяги Ранкини… мысли мои путались, плыли… но они явно не были частью сна - этого или какого-нибудь другого. Я действительно БЫЛ на одном из плавучих торговых плотов и менял стальные наконечники гарпунов на жемчужины Аадаа. Ранкини, Тир, Горф - я знал эти миры. Я перебирал их в памяти, как бусины на нитке. Теперь они кружились, кружились… нет, это я кружился.

Память исчезла. И, наконец, закрылось все сознание.

"Айе, айе, беги на четырех ногах,
Глубже вдыхай сообщение ветра,
Будь мудрым и быстрым,
Сильным и справедливым.
Подними голову и приветствуй луну.
Волею Моластера и закона К'вита
Силы твои удвоятся.
Поднимайся выше в горы, бегун!
Приветствуй солнце после ночи,
Потому что это - заря твоего рождения!"

Я открыл глаза и вскрикнул: мир исказился. Появились странные цвета, все предметы так изменились, что меня охватил ужас. И я услышал не свой крик, а какой-то испуганный вой.

– Не бойся, обмен прошел хорошо! Я могла только надеяться, но все прошло хорошо! Ты прошел через все и пришел к цели!

Непонятно, услышал ли я эти слова, или они сформировались в моем мозгу.

– Нет, нет! - я попытался издать тот вопль, который тщетно выбивали из меня люди Озокана, но у меня снова вырвалось что-

то вроде лая.

– Чего ты боишься? - голос звучал удивленно, даже раздраженно. - Я же тебе сказала и опять повторяю, что обмен прошел прекрасно. И как раз вовремя: Симла говорит, что они идут. Лежи пока.

Лежать пока? Обмен? Я хотел поднести руку к все еще кружащейся голове, но она не поднялась, хотя мышцы повиновались сигналам мозга. Я взглянул на нее - это была лапа, покрытая красным мехом, длинная и тонкая, прикрепленная к телу… Я был в этом теле! Нет, этого не может быть! Это неправда! Я дико боролся с кошмаром. Проснуться! Я должен проснуться! От такого сна человек может сойти с ума! Проснуться!

– Выпусти меня, - кричал я, как ребенок, запертый в темном, страшном чулане, но из моего рта выходили не слова, а жалобный визг. Я смутно сознавал, что эта паника ведет меня в темноту, из которой я могу не вернуться вообще. И я боролся, как никогда раньше - не с внешним врагом, а с тем ужасом, который был пленен вместе со мной в этом чужом теле…

Я почувствовал мимолетное прикосновение к своей голове и увидел глаза, смотрящие на меня с кремовой остроконечной мордочки. Высунулся язык и лизнул меня.

Это прикосновение успокоило мои взволнованные чувства и каким-то образом отвело меня от бездны безумия. Я замигал, стараясь лучше разглядеть своего компаньона, и нашел, что небольшая сосредоточенность меняет дело: искажение исчезло, исправилось. С каждой секундой я видел все яснее и яснее. Меня облизывали, и это принесло мне чувство комфорта.

Я решил встать. Меня качало из стороны в сторону: стоять на четырех ногах не то же самое, что на двух. Я поднял голову. Мой нос погрузился в запахи. Они так плотно набились в ноздри, что я не мог дышать. Однако, я все-таки вдохнул воздух, и запахи начали приносить сообщения, которые я понимал только частично. Я старался передвигаться, как человек на четвереньках, и зашатался. Животное, которое лизало мне голову, прижалось ко мне плечом и поддерживало меня до тех пор, пока я не смог стоять, не качаясь. Мне еще надо было учиться видеть под моим новым углом зрения, но я никак не мог этого сделать, потому что позади началось волнение.

Животное у моего плеча зарычало, и я услышал ответное громыхание их кустов чуть подальше. В этом рычании так ясно слышалась угроза и опасность, что я поднял голову как можно выше, чтобы видеть, кто там идет.

Искажение оставалось, меня сбивало с толку искажение

объема, и запахи брали верх над всем. Однако, я сумел разглядеть Майлин, стоящую спиной к нам, длинные складки ее плаща тянулись по земле. Напротив нее стояла группа людей. Двое были верхом и держали на поводу казов, а трое - пешие, с блестящими мечами в руках. Я почувствовал, как мои губы оттянулись, обнажив зубы - бессознательная реакция на запах людей. Я теперь открыл, что у эмоций свой запах, и здесь чувствовалась ярость, жестокий триумф и опасность. Рычание животного рядом со мной стало громче.

– Веди к нему! - сказал один из людей.

Бессмысленные, казалось бы, звуки облекались в слова. Может, я читал их через мозг Майлин, которая не выражала ни удивления, ни страха.

– То, что вы оставили от него, лежит там, - она повернула голову, указывая глазами на то, что они искали. Кто-то сидел, вернее, полулежал на земле. С отвисшей губы стекала слюна. Я моргнул и плотно зажмурился, но когда снова открыл глаза, увидел то же самое. Кто из людей видел себя, не как в зеркале, а так, будто их тело живет отдельно от разума, от их сущности? Я счел бы такое немыслимым. И вот теперь я стоял на четырех лапах и смотрел чужими глазами на СЕБЯ!

Майлин подошла к этому полуваляющемуся телу, взяла его за плечи и подняла. Но, похоже, моя оболочка была именно только оболочкой, которую ничто не одушевляло. Она жила, эта шелуха, так как я видел поднимающуюся и опускающуюся грудь под рваной туникой. Когда Майлин поднимала его, он стонал. Я зарычал: один из меченосцев остановился и уставился на меня.

– Спокойно, Джорт, - раздались в моем мозгу слова Майлин, и я угадал, что она сказала это мне, а не тому волочащемуся существу, которое она, наконец, поставила на ноги и поддерживала, потому что оно явно собиралось снова упасть. Люди смотрели на странное, бессмысленное, неохотно двигающееся создание.

– Ваша работа, оруженосцы? - спросила их Майлин. - Таким оно пришло ко мне, а вы знаете, кто я.

По-видимому, они знали и глядели на нее с опаской, даже со страхом. Я увидел, что двое сделали жест, как бы отгоняя дурную судьбу.

– Итак, я накладываю ваш долг на вас, люди, - она внимательно смотрела на них. - Осколда. Это существо под плащом Умфры, вы не отрицаете этого?

Один за другим они неохотно кивнули. Меченосцы вложили мечи в ножны.

– Тогда делайте с ним то, что полагается делать.

Они переглянулись, и я подумал, что они станут возражать. Но даже если бы они и были склонны к этому, манеры Майлин подавили протесты. Один из них подвел каза и привязал к его спине существо, которое больше не было человеком. Затем они повернули на юг.

– Что это? Почему так? - из моего рта вырвалось только тявканье, но Майлин, видимо, читала мои мысли. Как только воины уехали, она быстро подошла, встала передо мной на колени, взяла в руки мою голову и сказала, глядя мне в глаза:

– Наш план сработал, Крип Ворланд. Теперь дадим им немного отъехать и поедем следом.

– Что это? - я старался думать, а не издавать звериные звуки. - Что со мной сделали и зачем?

Она снова поглядела мне в глаза, и ее поза выражала недоумение.

– Я сделала то, что ты пожелал, звездный скиталец, я дала тебе новое тело и постаралась спасти старое, чтобы ты не истек кровью под ударами их мечей. Итак, - она медленно покачала головой, - ты не верил, что это можно сделать, хотя и дал свое согласие, однако, дело сделано и теперь лежит на весах Моластера.

– А мое… то тело - я получу его обратно? И кто я теперь?

Она ответила сначала на второй вопрос. Тут была лужица, в темноте напоминающая блюдце с водой. Майлин взяла меня за загривок, подвела к луже и провела над ней жезлом. Вода успокоилась, и я посмотрел в нее, как в зеркало. Я увидел голову животного с густой гривой между ушами, сбегающие вниз плечи, красный с золотым отливом мех.

– Барск!

– Да, барск, - сказала она. - А твое тело - они обязаны взять его и поместить в убежище, иначе рано или поздно встретятся с темными силами. Мы пойдем за ними и, оказавшись в Долине Забвения, будем спасены от Осколда.

Это ведь были люди Осколда, которые являются в этой местности смертельной ловушкой для тебя, будь ты еще в своей прежней коже. Спасшись от Осколда, ты снова можешь стать самим собой и пойти, куда захочешь.

Она говорила правду. Она знала. Я уцепился за последнюю ниточку надежды.

– Это сон, - сказал я себе, а не ей.

Ее глаза снова встретились с моими, и в них было то, что оборвало эту нить.

– Не сон, звездный странник, не сон, - она встала. - А теперь поедем, но не слишком быстро, чтобы никто ничего не

заподозрил. Осколд не дурак, и я думаю, что Озокан своим безрассудством толкнул отца на такую глупость. Я спасла тебя единственным способом, который я знаю, Крип Ворланд, хотя по-твоему это плохо.

Я пошел за ней из ложбины, как преданное ей животное, потому что обнаружил, что, хотя в теле барска живет человеческая сущность, я теперь настроился на новый лад в соответствии с формой, которую носил, и смотрел на мир уже более правильно. Те четверо, что шли со мной, были не слугами, идущими за хозяйкой, а чем-то большим - компаньоны разных пород были в союзе с той, которая понимала их, и они полностью ей доверяли.

Мы подошли к одному из фургонов, какие я видел тогда, в палатке с клетками. Мои спутники доверчиво подошли, прыгнули в фургон, открыли лапами неплотно прикрытые дверцы клеток и улеглись там. Я остался на земле и зарычал. Клетка… Я в этот момент был больше человеком, чем животным, с меня достаточно клетки в башне Озокана.

– Ладно, Джорт, - Майлин мягко улыбнулась, - так я тебя назвала, потому что на древнем языке это означает: "Тот, кто является большим, чем кажется", и было прославлено как боевое имя Мембера из Йитхэмена, когда он выступил против Ночных Волков. Я тебе расскажу об этом нашем герое.

Меньше всего на свете мне хотелось сейчас слушать фольклор Йиктора, когда я слепо ехал в будущее, казавшееся таким далеким, что только с усилием воли я мог думать о нем. Однако, я сел рядом с Майлин и изучал мир своими новыми глазами, которые все еще приносили мне странные сведения.

Потом я начал понимать, что в желании Майлин рассказать было не только намерение отвлечь мои мысли от моего бедственного положения, она мысленно говорила, и способность моего мозга воспринимать становилась полнее и крепче. Возможно, те телепатические возможности, которыми я пользовался в своем человеческом теле, все еще работали. Надо сказать, что я оценил ее рассказ. Речь шла об Йикторе, но не о сегодняшнем, а о древнем, о куда более сложной цивилизации, тогда укоренившейся здесь.

Тэсса были ее последними представителями. Многое из того, что она говорила, лежало за пределами моего понимания, упоминания о незнакомых событиях и людях вызывали во мне желание пройти в двери, которые изображались, и увидеть то, что лежало за ними.

Фургон шел не по тропе, а более открытым путем через дикую местность.

Мы были у восточных склонов ряда холмов, которые составляли барьер между владениями Осколда и равнинами Ырджара. Но возвращаться в порт в моем теперешнем обличье я совершенно не желал. Майлин продолжала уверять меня, что наша окончательная цель - таинственное убежище среди высоких холмов, куда отнесут мое тело. Она объяснила мне, что по местным верованиям умственные расстройства вызываются некими силами, такие люди становятся священными, и их надо поместить как можно скорее под опеку жрецов, умеющих о них заботиться. Но мы не могли подойти слишком близко к этому месту, чтобы люди Осколда не заподозрили какой-то хитрости - она говорила мне об этом и раньше. Наконец, я спросил:

– А каким образом ты сделала меня барском?

Она помолчала, а когда заговорила снова, ее мысли были настороженными и отчужденными.

– Я сделала это, хотя давно дала клятву, что не сделаю. За это я отвечу в другое время, в другом месте, перед теми, кто имеет право требовать ответа.

– Зачем же ты сделала это?

– На мне лежал долг, - ответила она еще более отчужденно. - Моя вина, что ты попал в такое положение, и я должна была уравновесить шкалу.

– Но при чем тут ты? Это дело рук продавца животных…

– Я тоже виновата. Я знала, что у тебя есть враг, а, может, и не один, и не предупредила тебя. Я считала, что дела других не касаются Тэсса. Я за это должна отвечать.

– Враг?

– Да.

И она рассказала, как Озокан приходил к ней с человеком с корабля Синдиката, Геком Слэфидом, и уговаривал ее завлечь Свободного Торговца в раскинутые ими сети. Хотя она открыто не поступила по их желанию, но ее любопытство послужило их целям. С этого началась цепь событий, приведших к моему похищению.

– Это неправда. Это была случайность, пока…

– Пока я не соткала для тебя лунную паутину? - перебила она. - Ах, теперь тебе это кажется величайшим вмешательством. Но, возможно, когда будущее откроется перед нами, а потом станет прошлым, ты найдешь, что я сделала для тебя то, что принадлежит только Тэсса.

Она замолчала, и я почувствовал, что ее мысли ушли за барьер, через который я не мог пройти. Ее тело сидело здесь, но глаза смотрели внутрь, она ушла, и я не мог последовать за ней.

Казы беззаботно шли вперед, словно в их мозг были вложены

директивы, которым они следовали, как навигатор по карте, с постоянной скоростью. Над нами сияло жаркое солнце. Я стал изучать свое новое тело, к которому пока не вполне привык - наверное, потому, что все еще не мог внутренне поверить в случившееся.

Глава 9

Мы ехали так два дня, останавливаясь на ночлег в укромных уголках. Я начал привыкать к своему телу и нашел, что у него есть некоторые преимущества. Тот, кто путешествует на четырех лапах и смотрит на мир глазами животного, быстро усваивает уроки. Майлин время от времени впадала в состояние обструкции, но в промежутках много рассказывала - то легенды, то о своей скитальческой жизни. Я обратил внимание, что она редко упоминала о своем народе в настоящем времени, а больше говорила о прошлом.

Я задавал ей вопросы, но она легко и ловко избегала ответа. Я пытался поставить ей ловушку, но, думаю, она знала о моих намерениях и ускользала.

На третье утро, когда мы залезли в фургон, она слегка нахмурилась.

– Теперь мы входим в страну деревень и людей. Возможно, нам придется обратиться к мастерству маленького народа.

– Ты имеешь в виду - давать представления?

– Да. Дорога в Долину одна, здесь нет обходных путей. И мы сможем кое-что узнать о тех, кто проходил тут перед нами.

Мысль, что мое тело ехало впереди, приводила меня почти в шоковое состояние. Это ощущение трудно выразить словами. Майлин все время успокаивала меня, утверждая, что те, кто везет это безмозглое существо, будут бережно хранить искру жизни в нем, потому что в их суеверном представлении всякая небрежность будет иметь роковые последствия для них.

– Я тоже буду участвовать в вашем спектакле?

– Если захочешь, - она ласково улыбнулась. - Если ты согласен, то на твою долю придется очень большая часть, потому что, насколько мне известно, - а мне известно немало - никто еще не показывал барска.

– Но ты мечтала показать.

– Да, я мечтала.

– А что случилось с разумом…

– Того, чье тело ты теперь носишь? Он поврежден. Еще день-два, и я должна была бы из сострадания послать его по Белой

Дороге.

– Значит, ты делала такие обмены и раньше? - прямо подошел я к тому, что давно пытался узнать.

– У каждого свои секреты, Крип Ворланд, - она посмотрела на меня. - Я же сказала тебе: это мое бремя, и не тебе, а мне придется отвечать за то, что случилось.

– И ты будешь отвечать?

– Буду. Теперь давай посмотрим на то, что перед нами. По этой дороге мы в середине дня приедем в Йим-Син.

Мы были ниже дорожной насыпи, и казы повернули вверх. Майлин продолжала:

– В Йим-Сине есть храм Умфры. Мы там остановимся и, если удастся, узнаем о людях Осколда, хотя они могли проехать и другой дорогой, с западной стороны гор. В эту ночь мы дадим представление, так что подумаем, чем барск может ошеломить мир.

Я охотно согласился с ее планами, так как целиком зависел от нее.

Управляет кораблем тот, кто знает это дело. И мы принялись работать над представлением, чтобы я выглядел как хорошо дрессированный зверь. Когда мы подъехали к полям, уже убранным, и спустились с холмов, Майлин остановилась. Я сошел со своего места рядом с ней и пошел в клетку, такую же, как у остальной компании.

Животные дремали, двое были по природе ночными, а Тантака была ленива, когда была сыта. Я увидел, что мое новое тело имело свои привычки, которые тут же проявились; я свернулся, уткнул нос в хвост и уснул, а фургон покатился дальше.

Запахи изменились, стали острыми, бьющими в нос. Я услышал голоса, будто вокруг фургона собралась толпа. Слышались пронзительные голоса детей. Видимо, мы в Йим-Сине.

Это была деревня фермеров, с двумя гостиницами и храмом - приютом для тех, кого отправляли в Долину. Часто те, кто имел там родственников, приезжали посмотреть на них. Все знали, что иногда жрецы Умфры делали чудеса - не все, попавшие сюда были безнадежно больными.

Поля были малы и небогаты, но зато выращивался крупный виноград.

Лендлордов здесь в окрестностях не было, были только судебные приставы и надсмотрщики в двух башнях у дороги, по которой мы ехали.

Я пытался понять, что кричат люди, но они говорили на местном диалекте, а не на языке ырджарских купцов. Вспомнив

об Ырджаре, я задумался. Хотел бы я знать, что случилось там после моего похищения.

Обратился ли капитан Фосс к начальству ярмарки? Надо полагать, кто-то из авторитетов ярмарки или их подчиненных участвовал в моем исчезновении, иначе оно вряд ли произошло бы. И что они сделали с Лалферном? Тоже захватили или убили? Почему я был настолько важен, что они пошли на такой риск? Ведь Озокан должен был знать, что я просто не могу выдать ему то, что он хочет. И Фосс тоже не может выкупить меня за требуемую цену. Майлин потянула за одну ниточку, которая могла бы дойти до клубка - участие в игре Гека Слэфида. Но война не на жизнь, а на смерть между Свободными Торговцами и Синдикатом ушла в прошлое. Почему она ожила снова? Я читал все записи прошлых лет, когда борьба была жестокой и переносилась с планеты на планету. Теперь же Синдикат имел дело, в основном, с внутренними планетами и иной раз впутывался в их политику - когда с пользой для себя, а когда и с убытком. Но что могло их интересовать на Йикторе?

Фургон поехал к стоянке. Запах, вернее сказать, вонь для носа барска стала гуще. Я выглянул из-за занавески на окружающее. Но теперь я носил шкуру того, о смертельной опасности кого ходили легенды. Борба и Ворс выглянули из клеток. Симла проскулила приветствие, на которое мои голосовые связки ответили октавой ниже. Их мысли отрывочно доходили до меня.

– Марш-марш…

– Стук-стук… - это Тантака.

– Вверх-вниз…

Они предвкушали свое участие в представлении. Видимо, они рассматривали свою работу на сцене как развлечение и радовались.

– Много запахов, - постарался я ответить.

– Марш-марш, - хором сказали глассии. - Хорошо!

Их легкие вскрикивания слились в пронзительный писк.

– Пища, - ворчала Тантака, - под камнями пища, - она фыркнула и снова задремала.

– Бегать, - задумчиво размышляла Симла. - Бегать по полям хорошо.

Охотиться - хорошо! Мы вместе охотимся…

Инстинкт моего тела ответил ей:

– Охотиться - хорошо! - и я был с этим согласен.

Майлин открыла заднее полотнище фургона и влезла внутрь. Мужчина из жителей равнин, одетый в черную мантию с перекрещивающимися белыми и желтыми штрихами на спине и

груди, подошел к ней, улыбнулся и защебетал что-то на деревенском диалекте, но через мозг Майлин смысл его слов доходил до меня.

– Нам очень повезло, Госпожа, что ты выбрала этот сезон для посещения. Урожай был хорош, и люди собираются устроить благодарственный праздник. Старший Брат скажет, когда будет удачное время для праздника. Он откроет Западный Двор для тебя и оплатит все издержки, так что твой маленький народ может порадовать всех своей ловкостью.

– Старший Брат действительно творец счастья и силы в этой благословенной деревне, - ответила Майлин несколько официально. - Но позволит ли он выпустить маленький народ побегать и размять лапы?

– Конечно, Госпожа, что бы тебе ни понадобилось, позови кого-нибудь из братьев третьего ранга, они будут служить тебе, - он поднял руку.

В пальцах его были зажаты две плоских дощечки из дерева, и он глухо щелкнул ими. У задней стороны фургона показались две головы. Коротко остриженные волосы и выжженная на лбу рука Умфры говорили о том, что это жрецы, хотя они были еще мальчиками. Они широко улыбались и, по-видимому, были очень рады служить Майлин. Она открыла клетку Симлы. Кремовая венесса выскочила и радостно помахивала хвостом, пока Майлин надевала на нее красивый ошейник. Остальные тоже были наряжены и выпущены.

Похоже, что животные были давними друзьями молодых жрецов, потому что жрецы здоровались с ними, называя каждого по имени, и так серьезно, что было ясно: маленький народ Майлин был больше чем просто животными. Затем Майлин протянула руку к щеколде моей клетки. Старший жрец шагнул вперед, чтобы лучше рассмотреть меня.

– У тебя новый мохнатый друг, Госпожа?

– Да. Иди сюда, Джорт.

Когда я прошел через открытую дверь, жрец вытаращил глаза и прошептал:

– Барск!

Майлин надевала на меня ошейник, сшитый ею на последнем привале, черная полоса с рассыпанными по ней сверкающими звездами.

– Барск, - ответила она.

– Но ведь… - жрец был ошеломлен.

Майлин выпрямилась, все еще касаясь моей головы.

– Старший Брат, ты знаешь меня и моих маленьких созданий. Это действительно барск, но он более не пожиратель плоти и не

охотник, а наш товарищ, как и все, путешествующие со мной.

Он смотрел то на нее, то на меня.

– Ты вправду из тех, кто делает необычные вещи, Госпожа, но это удивительнее всего - чтобы барск пошел по твоему зову, позволил тебе положить руку ему на голову, и ты дала ему имя и приняла в свою компанию.

Но раз ты говоришь, что он больше не встанет на путь зла, каким идет его род, люди поверят тебе, потому что таланты Тэсса, как законы Умфры, постоянны и неизменны.

Он посторонился, чтобы мы с Майлин вышли из фургона. Молодые жрецы держались в стороне, их изумление выражалось еще более открыто, чем у их начальника. Они пригласили нас пройти вперед.

Другие животные подбежали к нам. Симла дружески лизнула меня в шею и пошла рядом со мной. Мы вышли из двора, где стоял фургон, через двустворчатые ворота в другое отгороженное место. Там была мостовая из черного с желтыми прожилками камня. Двор был пуст, только вдоль стен, куда не доходила мостовая, тянулись виноградные лозы и деревья. Слева бил фонтан, вода которого лилась в каменный бассейн.

Одно из животных бросилось к бассейну и стало лакать воду. Я последовал его примеру. Вода была холодная и очень вкусная. Тантака сунула в бассейн не только свою тупую морду, но и передние лапы и зашлепала ими, разбрызгивая воду во все стороны.

Я сел и огляделся вокруг. В другом конце двора были три широкие ступени, которые вели к портику с колоннами. Дверь была покрыта искусной резьбой с вытянутым рисунком, которого я не разобрал. Это был вход в здание, вероятно, в центральную часть храма. Во всей стене не было ни одного окна, только резные панели из чередующегося белого и желтого камня оживляли черноту стен.

Майлин командовала мальчиками-жрецами, которые принесли из фургона несколько ящиков и поставили у ступеней. Я заметил, что жрецы продолжали поглядывать на меня с некоторым страхом. Когда они закончили, Майлин со словами благодарности отпустила их и села на нижнюю ступеньку. Я немедленно подбежал к ней.

– Ну?

У меня была только одна мысль: узнала ли она что-нибудь о людях Осколда и о том, что они везли с собой.

Майлин взяла в руки мою голову и повернула, чтобы посмотреть мне в глаза.

– Согласись, звездный странник, что я хорошо знаю пути

народа Йиктора. У них есть правила, которые они не нарушают, даже когда им нечего опасаться. Можно надеяться, что Осколд и его люди ЭТОМУ правилу не изменят и тем или иным путем принесут в Долину то, что принадлежит тебе.

– Ах, Госпожа, значит, это правда? - раздался голос позади, и я вздрогнул, потому что впервые "услышал" слова, которые до сего принимал лишь через посредство Майлин. Я вскочил и невольно зарычал, посмотрев наверх, на ступени.

Там стоял мужчина в мантии жреца. Он был стар, чуть сгорблен и опирался на посох, который был скорее официальным жезлом, потому что почти доходил до его лысого черепа. В его улыбке были мягкость и сострадание.

– Ты действительно сотворила чудо, - он спустился на одну ступеньку и взял Майлин под руку, приглашая подняться. Отчуждение, которое всегда было между Майлин и равнинными жителями, исчезло, в ее тоне звучала почтительность, когда она ответила:

– Да, Старейший Брат, я привезла барска. Джорт, покажи свои манеры.

Это был первый из трюков, которые мы отработали, и он был показан стражу храма: я трижды поклонился и залаял низким тоном. По-прежнему улыбаясь, жрец вежливо поклонился мне в ответ.

– Да будут с тобой любовь и забота Умфры, брат с верхних дорог, сказал он.

У Свободных Торговцев мало верований, и мы редко выражаем их, даже в своем кругу. Для присяги кораблю, при выборе постоянного спутника жизни, при усыновлении ребенка у нас были клятвы и были силы, к мудрости которых мы взывали. Я думаю, каждый разумный человек признает, что есть что-то, ЧТО ЛЕЖИТ ВЫШЕ. Иначе он рано или поздно погибнет от своих внутренних страхов и сомнений, превысивших выносливость его духа. Мы уважаем чужих богов, потому что они искаженные человеком образы того, кто стоит за непрозрачным окном в неизвестное. И теперь в этом человеке, посвятившем свою жизнь служению такому богу, я увидел того, кто близко подошел к Великой Истине, как он ее понимал. Вероятно, это и была истина, хотя и не та, в которую верил мой народ. Я забыл, что на мне шкура зверя и склонил голову, как сделал бы это перед тем, кого глубоко уважал.

Когда я поднял голову и взглянул еще раз на его лицо, я увидел, что улыбка исчезла, он внимательно смотрел на меня как на что-то новое, захватывающее. Как бы про себя он сказал:

– Что мы знаем о барске? Очень мало и, в основном, плохое,

потому что смотрим на него сквозь экран страха. Возможно, здесь мы узнаем больше.

– Мой маленький народ совсем не похож на своих диких собратьев, быстро ответила Майлин, и я понял ее недовольство и предупреждение.

Я залаял, поймал насекомое, жужжащее над моей головой, и побежал к другим животным, к бассейну, надеясь этим исправить свою ошибку.

Майлин осталась с жрецом. Их тихий разговор не доходил до моих ушей, потому что она оборвала мысленный контакт со мной, и это мне не нравилось, но я не осмеливался подслушивать каким-нибудь другим способом.

Ранним вечером мы дали представление для всех жителей деревни, которые могли поместиться во дворе, а затем повторили еще раз, для остальных. Портик храма служил нам эстрадой, мальчики-жрецы помогали Майлин сделать нужную бутафорию. Они делали это с таким умением, что я догадался - им это не впервые. Но я не знал, зачем Майлин приезжала сюда раньше.

Действия спектакля были менее отработаны, чем те, что вся труппа показывала на ярмарке. Теперь в барабан била одна Тантака, а Борба и Ворс маршировали и танцевали. Симла прыгала на задних лапах по серии наклонных брусьев, лаем отвечала на вопросы публики и играла на маленьком музыкальном инструменте, нажимая передними лапками на широкие клавиши. Я вставал на задние лапы, кланялся и делал другие маленькие трюки, которые мы запланировали. Я думаю, одного моего появления было бы достаточно, потому что крестьяне были поражены и испуганы. Я все больше и больше удивлялся страшной репутации хозяина моего тела.

Когда представление было закончено, мы вернулись в свои клетки, и на этот раз я не протестовал против такого дома. Я полностью вымотался, словно весь день работал по-человечески.

Я узнал, что сон барска не похож на человеческий. Барск спит не всю ночь подряд, а сериями коротких дрем, в промежутках я лежал, бодрствующий и бдительный, энергично узнавая носом и ушами обо всем, что происходит за занавеской фургона. Во время одного такого пробуждения я услышал движение в передней части фургона, где спала Майлин в плохую погоду или когда по каким-нибудь причинам нельзя было спать на воле. Щеколда моей клетки не была закрыта. Я открыл дверцу и вышел, хотя знал, что в деревне это делать опасно. Я обнюхал дверь и заглянул в щель.

Майлин сидела на кровати, скрестив ноги и закрыв глаза. Похоже, она спала, но тело ее качалось взад и вперед, как бы в

такт музыке, которой я не слышал. Читать в ее мозгу я не мог, так как натолкнулся на плотный барьер, как человек с разбега налетает на стену. Ее губы были полураскрыты, из них выходил слабый шипящий звук. Поет? Я, правда, не был уверен, песня ли это или какое-то заклинание, а то и жалоба. Ее руки лежали на коленях, серебряная палочка образовала мост между ее указательными пальцами, и из него выходили слабые лучи света.

Воздух вокруг меня был как бы наэлектризован. Моя грива стала жесткой и поднялась дыбом, шкура вздрогнула и закололо в носу. У нас, корабельных людей, был свой род энергии, но мы никогда не отрицали, что в других мирах есть такие виды энергии, которые мы не понимаем и не можем контролировать, поскольку искусство такого рода было прирожденным, а не выученным.

Это была как раз такая энергия, но я не знал, призывает Майлин ее к себе или посылает куда-то. В эту минуту я отчетливо понял, насколько Майлин чужая, гораздо более чужая, чем я думал.

Она замолчала, и электризация воздуха начала убывать. Наконец, Майлин со вздохом опустила голову, встрепенулась, как бы просыпаясь, легла и положила потускневшую теперь палочку под голову. Свет исчез. Я был уверен, что Майлин спит.

Утром мы выехали из Йим-Сина, провожаемые добрыми пожеланиями жителей и просьбами приезжать еще. Мы поехали по дороге, все время поднимающейся вверх. Это были уже не холмы, а горы. Воздух был холодный, и Майлин надела плащ. Когда я сел на свое место рядом с ней, я заметил, что моя толстая шкура не нуждается в дополнительной одежде. Запахи возбуждали, и я почувствовал сильное желание соскочить со своего места и бежать поросшими лесом склонами в поисках чего-то.

– Мы въезжаем в страну барсков, - с улыбкой сказала Майлин, - но я не советовала бы тебе, Джорт, знакомиться с ними, потому что, хотя здесь родина некоторой части тебя, ты быстро окажешься в невыгодном положении.

– Почему все так удивлены, что в твоей группе находится барск? спросил я.

– Потому что барска знают только с одной стороны. Это звучит загадочно, но, видимо, это так и есть. Немногочисленные жители высоких склонов - кроме Тэсса - убивают барска, который, в свою очередь, терпеливо и ловко преследует их. О барске существует множество легенд, его наделяют почти такой же силой, какую приписывают Тэсса. Многие люди жаждут иметь барска в клетке только для того, чтобы узнать, действительно ли

он либо вырывается на свободу и потом мстит людям и скоту, либо умирает по своей воле. Дело в том, что барск не терпит никакого ограничения своей свободы.

Дух, который жил в твоем теле, как раз и желал умереть, когда произошел обмен.

– А если это ему удастся? - я вздрогнул.

– Нет, - твердо сказала Майлин, - он не может. При обмене ему поставлены ограничения. Твое тело не умрет, Крип Ворланд, оно не будет пустой оболочкой, когда мы его найдем. А теперь, - перешла она к другой теме, - тут есть сторожевой пост Юлтревена. Но большая часть людей собирает урожай на склонах гор. Нас не задержат, но лучше, если часовой увидит тебя в клетке.

Я неохотно отправился в клетку. Майлин обменивалась приветствиями с двумя вооруженными людьми, вышедшими из небольшого домика у дороги. Один из них приподнял заднее полотнище фургона и заглянул внутрь. Я забился в глубину клетки, чтобы он меня не заметил, и снова подумал, что они знают Майлин, что она бывала здесь.

Мы еще раз остановились на ночлег на открытом месте, Майлин сварила котелок какого-то супа, от которого шел такой соблазнительный запах, что мы все собрались у костра и жадно принюхивались. Должен признаться, что я лакал свою порцию далеко не с лучшими манерами, как это делал бы настоящий барск.

Во время дневного путешествия меня томило ожидание, так как мы были уже близки к цели. Но когда я устроился на ночь в своей клетке - Майлин по каким-то причинам считала, что так безопаснее, чем вне фургона, - я немедленно уснул и на этот раз спал, не просыпаясь.

С первыми лучами солнца мы встали, утолили голод чем-то вроде хрустящего печенья с кусочками сушеного мяса, и фургон двинулся. Дорога стала еще круче, так что казы с видимым усилием налегали на упряжь. Мы остановились и дали им отдохнуть, а Майлин положила под колеса небольшие грузы, чтобы фургон не скатился назад. Мы не остановились для настоящего полдника, а снова поели печенья и попили воды. Ближе к вечеру мы достигли вершины горы. Теперь дорога пошла вниз между двумя холмами. То, что лежало внизу, скрывалось в тумане. Время от времени туман расходился и создавалось неопределенное впечатление бездны.

– Долина, - сказала Майлин плоским, лишенным эмоций голосом. Оставайтесь в фургоне, нам надо точно придерживаться дороги. Тут есть барьеры и охрана, которую не так просто

увидеть.

Она подала команду казам, и фургон пополз вниз, в туман и тайну.

МАЙЛИН

Глава 10

"Смотри незамутненными глазами на свои желания", - говорили Древние в кругу Тэсса. Можно не сомневаться, что все их мысли светлы, мотивы открыты, и они движимы каким-то скрытым принуждением, как мой маленький народ повинуется моему жезлу, когда мне нужно поднять их энергию. Не проснулось ли мое скрытое желание, когда я оставила Ырджар, честно говоря себе и Малику, что я только повинуюсь закону Весов? Если так, то оно действительно было глубоко скрыто. Может быть, это вспышка жизни, после того, как я нарушила клятву и пересадила инопланетника из его тела в тело барска, и это действие посеяло семена?

Может, кто-то из нас считает некоторые указания Моластера слишком далекими от нашего понимания? Для Древних такой аргумент - святотатство, они считают, что каждый ответственен за свои действия, хотя иногда они и принимают во внимание мотивы наших действий, если эти мотивы достаточно сильны.

Но мысль уже была близка к осуществлению в Йин-Сине, я это знала, однако, оказалась от нее. Когда жрец Окин разговаривал со мной наедине, он сообщил мне плохие известия и оставил меня обдумывать это в отчаянии и бессильной ярости. И когда мы поехали к Долине, где было похоронено столько надежд, я все время боролась с искушением, хотя и не могла поверить, что ничего не может быть хуже.

В то время мне очень трудно было думать о тяжелом положении Крипа Ворланда, и я решила, что, как только мы найдем то, что он ищет, я быстро произведу обмен, чтобы обмануть этот соблазн. Но я сама не могла не думать о том, кто находится здесь, и чьи дни явно сочтены.

Мы спустились в Долину через холодный туман, в ту ее часть, где принимали прибывших. Я отвечала на вопросы инопланетника так кратко, как только могла, потому что все время боролась с собой. Перед восходом солнца мы въехали во внешний двор главного храма, предназначенный для посетителей. Стражник-жрец подошел и поздоровался с нами. Я знала его в лицо, но не помнила имени, - иногда бывает нечто вроде милосердного забвения - этот человек приветствовал меня здесь в разных обстоятельствах, о которых я старалась не вспоминать. Я попросила разрешения поговорить с Оркамуром,

но мне сказали, что он занят и не может принять меня. Мы поставили фургон во второй двор, я распрягла казов и накормила маленький народ. Крип Ворланд мысленно задавал мне вопросы, и на некоторые я не могла ответить. Мы зажигали в фургоне лунные лампы, когда пришел жрец третьего ранга и сказал, что Оркамур хочет меня видеть. Крип Ворланд выразил желание пойти со мной. Он думал только о том, чтобы найти свое тело и соединиться с ним. Но я сказала, что должна подготовить Оркамура к тому, что случилось, и осторожно объяснить все, чтобы наша история не показалась ему диким бредом. Инопланетник согласился.

Не окрепла ли во мне вера, что я нуждаюсь только в одном действии, и тогда большая часть груза, который я так давно несу, отпадет? Если это так, то я все еще имела мужество сопротивляться. Оркамур немолод, ноша его тяжела и с годами не уменьшается. Он не похож на Тэсса с их стройными долговечными телами. Каждый раз, когда я вижу его, он кажется еще более сморщенным, призрачным. Однако, в нем горит такое сильное пламя воли и необходимости откликаться на нужду, что дух его возрос, в то время, как плотская оболочка ссохлась. С первой же минуты видишь только дух, а не одевающую его человеческую форму.

– Добро пожаловать, сестра! - его голос был сегодня усталым и тонким, как флейта.

Я наклонила голову над своим жезлом. Мало кому Тэсса выражают такое же полное почтение, как своим Древним. Но Оркамур заслужил признательность всего Йиктора. Я сделала три знака жезлом.

– Старый Брат, мир и благо тебе!

– Мир и благо тебе, - на этот раз его голос прозвучал глубже, сильнее, он как бы победил усталость волей. - Однако, между нами не нужны успокаивающие слова, сестра. Я не могу сказать тебе, что все идет хорошо.

– Я знаю. Я проезжала через Йим-Син.

– Надо ли было проезжать, сестра? Ты ничего не сможешь сделать, а иной раз, когда смотришь на обломки крушения, все прошлые печали охватывают сердце. Лучше вспоминать живого в расцвете сил, чем без расцвета и без зрелости.

Мои руки сжались на жезле, и я знала, что Оркамур видит это, но с ним я не стала остерегаться, в свое время он видывал и худшую потерю самообладания.

– Я пришла по другому делу, - решительно перевела я разговор. Это…

Я быстро рассказала Оркамуру об инопланетнике. Это можно

было сделать, потому что Оркамур был тем, кем был, и он не нашел бы в моих действиях ничего такого, что уронило бы меня в его глазах. Жрецы Умфры и Тэсса ближе друг к другу, чем мы и жители равнин.

Когда я замолчала, он посмотрел на меня без большого удивления и сказал:

– Путь Тэсса - не путь человеческого рода.

– Я и сама знаю! - вырвалось у меня. Все, что я вытерпела, пока ехала от Йим-Сина, сказалось в этом резком ответе. Я тут же начала просить прощения, но он отмахнулся.

– Ты должна была подумать о цене, прежде чем это делать, сестра. Ваши не легко смотрят на такое. Разве цена инопланетника выше твоей?

– Это был долг.

– За который он не должен был бы требовать с тебя оплаты, знай он все последствия. А теперь я должен сказать: люди Осколда ничего не приносили.

– Может быть, - я не очень огорчилась, - они сначала вернулись к Осколду за решением? Хотя фургон идет медленно, мы ехали коротким путем.

– А что, если его не принесут, сестра?

Я взглянула на жезл, который вертела в руке.

– Они же не могут.

– Ты надеешься, что они не могут, - поправил он меня. - Из всего, что ты рассказала, ясно, что Озокан попрал Закон ярмарки, захватив человека.

Он впутал и своего отца, когда запер пленника в пограничный форт. За пленником охотились люди, носящие цвета Осколда, чтобы убить его в твоем лагере. Возможно, они собирались спрятать тело, и пусть потом враги доказывают преступление. Ты не подумала бы об этом на месте Озокана?

– Если бы я была с мозгом жителя равнин - подумала бы. Но тот, кто был…

– Кто был под плащом Умфры? - Оркамуру не надо было читать в моем мозгу, чтобы продолжить мою мысль. - Если человек нарушил один закон, ему легче нарушить и другой.

– На ярмарке они нарушают человеческие законы. Но осмелятся ли они нарушить закон Умфры?

– Ты рассуждаешь как Тэсса, - сказал он уже более мягко, как говорят с чужими. - У вас немного Уставных слов, и ваши смертные правила так надежны, что редко оказываются под угрозой. Только, сестра, как насчет твоих собственных действий под Луной Трех Колец?

– Да, я нарушила закон, я за это отвечу. Возможно, основание

для действия перевесит само действие. Ты знаешь суд моего народа.

– Однако, ты нарушила Закон с открытыми глазами и не из страха за себя. Страх - великий бич, которым силы мрака мучают людей. Если страх очень велик, ему не могут противостоять ни человеческие, ни божеские законы. Я кое-что слышал об Осколде. Он сильный, но грубый человек. У него один наследник - Озокан, и это погибель для юноши, потому что отец слишком его балует. Как ты думаешь, Осколд спокойно примет объявление его сына вне закона?

– Но как он надеется скрыть…

– Люди могут сказать о том, что они знают, но ведь нужно еще и доказать сказанное. Полным доказательством злого дела Озокана является тело инопланетника.

– Нет!

Конечно, я должна была бы об этом подумать, какая я была слепая!

– Сестра, чего ты хочешь на самом деле? - он снова коснулся моего мозга и увидел то, что я не желала ясно видеть сама.

– Я клянусь… дыханием Моластера клянусь, я не… - я оборвала бормотание и снова овладела собой.

Оркамур спокойно смотрел на меня, и правда, или то, что теперь было правдой, стала ясной для нас обоих.

– И ты думала, сестра, что такое может быть? Говорю тебе, не тело делает человека, а то, что живет в нем. Нельзя заполнить пустой каркас и ожидать, что в нем оживет прошлое и все будет, как раньше. Многое могут сделать Тэсса, но вернуть жизнь умершему не могут и они.

– Я не думала об этом, - я отрицала мысль, ранее скрытую, а теперь ясно видимую в моем мозгу. - Я спасла жизнь инопланетнику - они безжалостно убили бы его.

– И что он выбрал, когда ему разъяснили?

– Жизнь. В последнем Вопросе большей частью цепляются за жизнь.

– И ты теперь хочешь предложить ему новую жизнь в новых условиях?

– Я могла бы, это нетрудно. Крип Ворланд был просто убит, когда осознал себя Джортом. Будет ли он колебаться снова обрести человеческое тело, если будет доказано, что его собственное тело нельзя вернуть? Нельзя вернуть… - я сжалась против искушения. - Я не сделаю такого предложения, пока не буду уверена, что все пропало.

– Но ты скажешь ему об этом сейчас?

– Скажу только, что его тело еще не прибыло в Долину. Это

ведь правда?

– Мы всегда должны полагаться на милосердие Умфры. Я отправлю посланца на западную дорогу. Если они в пути, мы будем готовы. Если нет могут быть какие-то известия.

– Спасибо, Старейший Брат. Можно мне…

– Хочешь ли ты этого на самом деле, сестра? - доброта и великое сострадание снова согрели его голос.

Какое-то время я не могла решиться. Возможно, Оркамур был прав - мне не следует смотреть на того, один вид которого терзает мое сердце. Я откажусь пройти эти несколько шагов до внутренней комнаты, до нее далеко, как до звезд, которые знал Крип Ворланд. Крип Ворланд, если бы я знала, смогу ли я выдержать свое решение, отогнать желание?

– Сейчас не могу сказать, - прошептала я.

Оркамур поднял руку для благословения.

– Ты права, сестра. Может быть, Умфра вооружит тебя своей силой. Я пошлю гонца, спи спокойно.

Спи спокойно! Хорошее пожелание, но не для меня, подумала я, возвращаясь к фургону. Инопланетник ждет известий. Часть правды - это все, что я могу ему предложить. Возможно, остальное было не правдой, а только предположением, может, посланец Оркамура встретит отряд, который мы искали, и все будет правильно - по крайней мере, для Крипа Ворланда. В этом мире многое правильно для одних и неправильно для других. Я должна отогнать такие мысли.

Я была права насчет инопланетника и его вопросов. Он был вне себя от горя, что отряд Осколда еще не прибыл, и лишь чуть успокоился, узнав о посланце. Я побоялась слишком долго мысленно разговаривать, чтобы каким-нибудь образом не выдать то, что я узнала о самой себе. Так что я сослалась на усталость, пошла к своей постели и долго лежала, слушая, как он сопит и вертится в своей клетке.

Жрец на вершине храмовой башни возвестил приход зари. Я слушала пение, которое, как власть Тэсса, таило в себе власть их рода. В этом месте, где печаль и отчаяние лежали на всем, как черное покрывало, слуга Умфры пел о надежде, о мире и сострадании. И этим пением осветился и мой собственный день.

Я выпустила маленький народ во двор, и два жреца третьего ранга с улыбками принесли нам пищи и воды. Крип Ворланд сидел рядом со мной и каждый раз, когда я взглядывала на него, я видела, что его глаза следят за каждым моим движением, как будто таким пристальным наблюдением он пытался поймать меня в ловушку. Почему я так подумала? Такие мысли из неоткуда несут зародыши истины.

– Крип Ворланд, - имя "Джорт" могло, как мне казалось, усилить его подозрительность. Он должен думать о себе как о человеке, лишь временно живущем в теле барска. - Сегодня, возможно…

– Сегодня! - жадно подхватил он. - Майлин, ты бывала здесь раньше?

– Два раза, - что развязало мне язык и заставило сказать правду? Здесь живет тот, кто считается моим родственником.

– Тэсса? - он, казалось удивился, и я поняла, что он смотрит на мою расу с тем же страхом, какой питали к Тэсса жители равнин.

– Тэсса, - сказала я горько, - такие же люди, как и все. Мы истекаем кровью, когда кто-нибудь поднимет против нас нож или меч, мы страдаем многими болезнями, мы умираем. Не думаешь ли ты, что мы недосягаемы для того, что мучит других людей?

– Возможно, по дороге я так и думал, - согласился он, - хотя должен был бы знать, что это не так. Но то, что я видел у Тэсса, позволяло мне думать, что они не похожи на остальных на Йикторе.

– Есть опасности, грозящие только нам одним. Наверное, и у тебя есть такие же, специально для твоего народа. Инопланетники встречаются с опасностями?

– Их больше, чем я могу рассказать. Но твой родственник - тот, кот получил убежище здесь - зачем ему это? Ведь он может…

– Нет, - прервала я. Объяснить, почему он под покровом Умфры, я не могла. Это слишком близко касалось плачевного состояния самого Крипа Ворланда.

Те из нас, кто становился Певцом, должны были подвергаться определенным испытаниям, которые показывали, есть у нас такой талант или нет. Маквэд пострадал как раз в то время, но не по своей воле, а от несчастного случая, которыми наугад стреляет судьба. Мы передали то, что еще оставалось живым, в руки Умфры не потому, что боялись, как большинство равнинных жителей, помешанных, а потому что знали: здесь будут бережно обращаться с жизнью, которая осталась в его оболочке. Ведь у Тэсса не было теперь своего дома.

Когда-то мы имели свои дома и города. Затем выбрали другую дорогу, и не стало необходимости требовать определенного места для жизни клана.

Древние оставались в тайных местах, где мы собирались на Совет или Дни Поминовения. Мы скитались по своей воле и жили в наших фургонах. И заботиться о таких, как Маквэд, нам было нелегко. Он был не первым, кого мы доверили Умфре. К счастью, таких было немного.

– Когда мы узнаем насчет…

Я очнулась от своих мыслей.

– Как только вернется посланный. Пойдем, я должна представить тебя Оркамуру.

– Он знает?

– Я сказала ему, так как это было необходимо.

Человек в теле барска встал не сразу. Я с удивлением прочитала его эмоции, которые не поняла: стыд. Это было так чуждо любому Тэсса, что мое удивление росло.

– Почему у тебя такое ощущение?

– Я человек, а не барск. Ты видишь во мне человека, а этот жрец нет.

Я все еще не могла понять. Это была та минута, когда двоим кажется, что они откинули особенности их происхождения, но их тянет в разные стороны их прошлое.

– Для некоторых на Йикторе это может иметь значение, но не для Оркамура.

– Почему?

– Ты думаешь, что ты один в этом мире носишь шкуру, бегаешь и изучаешь воздух длинным носом?

– Ты… ты делала это?

– И я, и другие. Слушай, Крип Ворланд, до того, как я стала Певицей, способной дружить с маленьким народом, я тоже бегала по холмам в различных телах. Это часть нашего обучения. Оркамур знает об этом, как и те, кого мы посетили недавно. Мы иной раз обмениваемся знаниями. Видишь, я сказала тебе то, что ты можешь повернуть против Тэсса, подбросив это как головню в собранный урожай.

– И ты - ТЫ была животным?!

Это было первым шоком в его мыслях, но затем, поскольку он был умным человеком и с более открытым мозгом, чем у привязанных к планете, он добавил:

– Но это действительно путь к обучению!

Я почувствовала, что часть его недовольства исчезла, и подумала, что мне надо было сказать ему об этом раньше. Теперь же я сказала потому, что это могло понадобиться: вполне может случиться, что опасения Оркамура сбудутся. Но Крип Ворланд не должен знать сейчас, что случилось с Маквэдом, не должен видеть его.

Через внутренний зал храма мы вышли в садик, где Оркамур давал отдых своему хилому телу. Он сидел здесь в кресле из дерева храта, глубоко врытом в землю, чтобы дерево снова ожило и пустило ветви, защищающие сидевшего от ветра. Этот садик был местом глубокого мира и покоя, в чем нуждался тот, кто его

создал. Оркамур приходил сюда не только для обновления духа, но и для приема тех, для кого свет померк с тех пор, как любимые ими попали под покров Умфры. Здесь присутствовала сила, которую мы все называем по-разному и которая на расстоянии внушает страх, даже ужас, так как очень редко она поднимается утешающей рукой над страдающими. А тут было именно так, и всем, кто входил сюда, становилось легче.

Оркамур повернул голову и посмотрел на нас. Его улыбка больше, чем слова, сказала, что он рад нам. Мы подошли и остановились рядом с ним.

– Настал новый день, чтобы мы записали на него желаемое, - повторил он сентенцию из вероучения Умфры. - Справедливая запись извлечет из нас лучшее, - он повернулся к Крипу Ворланду:

– Брат, Йиктор дает тебе большее, чем записано на эти дни.

– Да, - мысленно ответил инопланетник.

Оркамур знал внутренний язык. Без этого он не мог бы быть тем, кем был.

– Всякому человеку дано учиться всю жизнь, и учению этому нет границ.

Но он может отказаться от знания и тем отрезать себя от многого. Я никогда не разговаривал с инопланетником.

– Мы, как все другие люди. Мы мудры и глупы, добры и злы, живем по закону или нарушаем его. Мы истекаем кровью от ран, смеемся шуткам, кричим от боли - не так ли ведут себя люди во всех мирах?

– Справедливо. И, может быть, еще более справедливо для того, кто, как ты, повидал много миров и имеет возможность сравнивать. Не согласишься ли ты поговорить с привязанным к планете стариком и рассказать ему что-нибудь о том, что лежит над нашим небом и граничит со звездами?

Оркамур не смотрел на меня, но я поняла, что он хочет отпустить меня.

Почему он хотел остаться наедине с инопланетником, я не знала, и это меня смущало. Но я вышла, так как не могла подумать, что в Оркамуре есть хоть что-то вредное. Вполне возможно, что им действительно руководило только любопытство. Он был далек от мира в своем призвании и временами забывал, что он тоже человек, с человеческими интересами.

Я собралась, наконец, с духом и сделала то, на что не решилась прошлой ночью: повидала Маквэда. Говорить об этом мне не хочется.

Возобновлять в памяти печали прошлого и переживать их

снова - тяжелое и бесполезное дело. И я снова удивлялась, сколько делается здесь для безнадежных.

В полдень я снова пришла во двор, где оставила фургон. Маленький народ дремал в тени, но тут же вскочил и подбежал ко мне. Крипа Ворланда с ними не было. Я удивилась: неужели Оркамур разговаривал с ним все утро?

Ведь у него были срочные и нелегкие обязанности. Я подозвала одного из жрецов, которые приносили нам пищу, но он не видел барска и сказал, что Оркамур в комнате для медитации, где его нельзя беспокоить. Я встревожилась. Хотя жрецы Умфры не поднимут руку ни на одно живое существо, но здесь были и другие люди, которые могли, не подумав, отреагировать на неожиданное появление животного. Я вернулась в фургон, когда подошел второй жрец и хмуро сказал:

– Госпожа, пришло послание с западной дороги, посланное с птицей. Те, кого ты ищешь, не проходили в городские ворота.

Я механически поблагодарила, но лишь малая часть моего мозга отреагировала на его слова. Все мои мысли были заняты исчезновением барска.

– Барск, - начала я, хотя почему, собственно, жрец, не занимающийся материальными делами храма, может знать о моих животных?

– Он был здесь. Я недавно его видел. Он шел с Братом Офкедом, и я обратил на это внимание, потому что никогда не думал, что барск может идти с человеком.

– Когда это было, Брат?

– Удара за два до полудня. Гонг прозвучал, когда я уже пошел искать тебя.

Как давно! Я мысленно поговорила с Симлой. С некоторым возбуждением она коротко лайнула и бросилась к воротам.

– Похоже на то, Брат, что мой барск удрал куда-то. Я должна его найти.

Я предупреждала Крипа Ворланда еще до того, как мы вошли в Долину, о ловушках, в которые может попасть тот, кто не знает местности или останавливается на открытых местах. Я никак не могла догадаться, почему он ушел из храма. Сомнительно, чтобы он решился на такую глупость в результате разговора с Оркамуром. Симла легко могла бы найти его по следу, но барск мог уйти за это время далеко, конечно, если не попадет ни в какую западню на пути.

Мы с Симлой дошли до внешних ворот. Меня окликнули, я нетерпеливо повернулась и увидела молодого жреца с гостевого двора.

– Госпожа, говорят, ты ищешь барска?

– Да.

– Он не мог далеко уйти, он пил из бассейна, когда пришло послание.

Странное дело… - он замялся. - Можно подумать, что барск слушал наш разговор. Когда я это заметил, он залаял, а когда я снова обернулся, его уже не было.

Мог ли инопланетник понять их? Жрецы говорят между собой на высоком языке, в основном, ментообменном. В их разговоре иногда бывает два-три слова, в все остальное мысленно.

– О чем вы говорили, когда он подслушивал?

– Старший Брат спросил, где ты, - жрец отвел глаза. - Мы… мы немного поговорили о нашем пациенте. Затем Старший Брат сказал, что ты ждешь тех, кто должен принести пораженного ударом, но они так и не появились.

Неужели он бросился искать свое тело? Но почему он не пришел ко мне?

Глава 11

Я лежал на земле, и вокруг пахло землей, растениями, корнями, жизнью.

Запах был густой, навязчивый. Не знаю, далеко ли я отошел от Долины. Я лежал и лизал израненные лапы. Сейчас я был больше Джортом, чем Крипом Ворландом.

Человек? Был ли вообще человек, звавшийся некогда Крипом Ворландом?

Жрецы Умфры сказали, что с территории Осколда не выходил отряд с пустой скорлупкой от человека. Зачем же тогда меня привезли в Долину? Какой цели должен был я служить, каким желаниям - Майлин или моим? Когда я услышал, о чем говорили между собой жрецы, во мне взметнулось подозрение, и я по-новому взглянул на беседу с Оркамуром в саду. Мы говорили о внешних мирах, но, в основном, он хотел знать о людях, вышедших из этих миров, о том, что они делали до того, как стали звездными скитальцами. Мне казалось, что он пытается понять, как я рискнул превратиться в барска ради спасения своей жизни - вроде бы я сделал шаг туда, откуда мог не вернуться, вроде бы я принял такую судьбу на веки вечные.

Когда Майлин заговорила об обмене, в ее словах была логика. Она знала опасность, ох, она прекрасно знала ее, ведь жрецы, которых я подслушал, говорили не только о моем без вести пропавшем теле, но также рассуждали о Майлин и о том, что неоднократно приводило ее в Долину. Был другой, который бегал в зверином теле - возможно, по ее приказу. И обратного обмена сделано не было. И человеческая оболочка жила теперь в Долине, а о теле животного жрецы не упоминали. Может этот несчастный сидит теперь в клетке среди ее маленького народа? Эта удивительно дрессированная труппа может все они или большая часть их были мужчинами и женщинами, а не животными? Не таким ли способом Тэсса набирали животных? Возможно, и то название, которое они давали своим превращенным - маленький народ полностью соответствовало истине? Ей давно хотелось присоединить барска к труппе, она сама признавалась. И я попался в ее ловушку с наивной доверчивостью ребенка. Может, она подействовала на меня какой-то силой, когда мой мозг был смущен и растерян? Но сейчас важно не то, что случилось и чего нельзя изменить, а то, что еще

можно сделать. Где мое тело, мое человеческое тело? Живо ли оно вообще? Я должен найти его, обыскав земли Осколда. Правда, я не имел никакого представления о том, что я буду с ним делать, если найду, но горячее желание найти его захватило меня вопреки разуму и логике. Возможно, я был уже не в своем уме.

Теперь меня донимали голод и жажда. Я учуял запахи фермы, человека. Я встал, вздрогнул от боли в лапах и стал продираться между кустами.

Наверное, теперь во мне было больше от животного: человеческое знание было бы помехой в моем охотничьем мастерстве. В тусклом двойном свете я скользил от тени к тени вдоль стены из небрежно сложенных камней, мои ноздри улавливали и классифицировали сведения.

Мясо… С моего языка закапала слюна, в брюхе заурчала пустота. Запах мяса.

Я скорчился в кустах, заглядывая в открытый двор фермы. Там стоял каз, переступая тяжелыми ногами, были также четыре форса - домашние животные, длинная шерсть которых шла на изготовление зимней одежды, прочной и очень теплой. Они недовольно поворачивали длинные шеи, изгибали головы под странными углами и поглядывали на стену. Один из форсов глухо и тревожно закричал: если я унюхал его, то и он, по всей вероятности, узнал о моем присутствии. Но ни одного из них я не мог взять, они были в полтора раза больше меня. Довольно близко от моего укрытия бродила птица с длинными ногами и острым клювом, который все время что-то склевывал с земли. Птица приближалась ко мне и, видимо, не чувствовала опасности. Я выскочил из-за куста и схватил ее. Птица завертелась с такой скоростью, какой я от нее не ожидал, и больно клюнула меня, едва не лишив глаза.

Только быстрое отступление спасло меня от новой атаки, и я отскочил, понимая, что легко мог лишиться зрения. По всей вероятности, барски были достаточно хитрыми охотниками, но я-то не был барском. Животные подняли шум, и я поспешно убежал довольно далеко, прежде чем болевшие лапы и утомленные легкие заставили меня остановиться.

В моем новом теле ночь не ослепила меня. Я видел в темноте, как днем, вероятно, ночь и была днем для барска. Перед рассветом я жадно съел, конечно, не как лакомство, какое-то змееподобное существо, которое извлек из щели между камнями в русле ручья. Затем я отыскал дупло в поваленном дереве, забрался в него и уснул, просыпаясь время от времени, чтобы лизать лапы в надежде, что они смогут нести меня дальше. Я решил, что лучше перенести путешествие с дневного времени,

когда меня могут увидеть, на ночь, что было более естественно для барска. Я дремал в дневные часы и ковылял дальше, когда всходила луна.

Три кольца вокруг лунного диска ярко сияли в эту ночь. Я поднял голову и, не успев сдержать порыв, завыл низким воем, который был как бы эхом звучавшего во мне крика. Этот крик был не просто приветствием, обращенным к небесному страннику. Что-то было в этом удивительном зрелище, привлекающем и удерживающем взгляд, и я понимал, почему жители Йиктора приписывают этому феномену психическую силу.

Луна Трех Колец означала могущество, власть, но я жаждал только одной власти - той, что вернет мне мое тело. Я вернулся к ручью и снова принялся за охоту несколько более успешно, потому что на этот раз напал на теплокровное животное, пришедшее на водопой. Я пировал как Джорт, отогнав на время еды человеческую память. Затем я вдоволь напился и принялся осматриваться, ища дорогу, вдоль которой следовало идти.

Я пошел по тропе, ведущей с востока на запад через лес, потому что кустарник вдоль главной дороги кончился и осталось открытое пространство.

Земля Осколда не была густо заселена, по крайней мере, в этой части. До наступления зари я прошел мимо второй крепости, такой же, как и та, где я сидел, только при этой был поселок. Это был лагерь с бараками для тех, кого не могли вместить стены. С восточной стороны расхаживали часовые, и было привязано несколько рядов верховых казов. Мне показалось, что силы Осколда были в полной боевой готовности, как бы ожидая вторжения врага. Я прошел довольно близко от одного каза. Он принюхался и заорал, и его собратья подхватили вопль. Люди закричали и осветили фонарями хижины. Я поспешно юркнул назад.

Если внешние границы области были пустой землей, нетронутой плугом, то в той местности, куда вела меня дорога, было не так, и разумно было идти ночью, а не днем. Миновав лагерь, я дошел до деревни и прошмыгнул через поля. Урожай почти по всей стране был убран. Когда я крался мимо фермы, меня испугало тявканье охотничьей собаки, в котором прозвучало предупреждение. Другие животные подняли тревогу и всполошили всю деревню, и я опять увидел свет фонарей, услышал крики людей и дикий лай собак.

Реакция населения Йим-Сина и слова Майлин уверили меня, что барск редкое и опасное животное. Допустим, меня увидят или какой-нибудь фермер спустит собак на странного нарушителя границ. Что тогда? Идти в густонаселенную местность

равносильно самоубийству. Я ходил в чаще и выбирал место для дневного сна, слыша скулеж в собственных мыслях. Но ведь где-то в землях Осколда был ответ на вопрос о судьбе моего тела, и я ДОЛЖЕН знать его!

Наученный горьким опытом, я не рискнул охотиться в фермерских дворах.

Но дикой жизни было мало, и она была пуглива, и поиски пищи привели меня, наконец, к огороженному полю. В эту ночь на небе не сверкали Кольца, все было затянуто тучами. Это придало мне храбрости еще раз попытаться завладеть домашней скотиной.

На поле были фоду, я уже знал, что Майлин везла с собой их сушеное мясо, они были достаточно малы. Вероятно, у них и Тантаки были когда-то общие предки, но одомашнивание и направленное размножение сделали их более толстыми, на более коротких ногах и явно более глупыми. Для меня было только одно затруднение: они спали, сбившись в кучу, и все стадо вкупе могло испортить мне охоту.

Я крался вдоль стены, осторожно принюхиваясь, не пахнет ли собаками, но пролетевший ветерок донес до меня только запах спящих фоду. Если бы у меня был напарник, все было бы очень просто: один пошел бы по ветру и спугнул животных в ожидающие зубы партнера. В конце концов я решил, что мое лучшее оружие - быстрота, и побежал по ветру. Долго ждать не пришлось: куча спящих зафыркала, распалась, заворчала. Я кинулся на визжащее животное, схватил его и поднял, несмотря на его сопротивление. Перебраться через стену с таким грузом было нелегко, но голод - лучший помощник, и я утащил добычу в кучу камней на берегу, которая могла служить мне крепостью, хотя я и не думал, что меня станут осаждать.

Я утолил голод, а затем из осторожности прошел вниз по ручью, чтобы запутать следы, по которым ограбленный фермер может спустить собак. Через ручеек был перекинут мостик, и под его аркой я вышел на берег и вылизал воду из шерсти.

Занимаясь этим, я услышал глухой стук копыт. Я неподвижно скорчился в темноте. Стук копыт слышался с двух сторон, и скорость, с которой всадники ехали навстречу друг другу, говорила, что они спешат. Я подумал, что они проедут близко от меня, и прислушался: слова, которыми они перекинутся, могут объяснить их спешку.

Топот замедлился, видимо, оба всадника придержали своих казов. Я приподнял голову, прячась у края моста, в надежде услышать что-нибудь важное. Я не знал никаких диалектов, кроме ырджарского, но мысли жрецов Умфры для меня были так же

ясны, как слова на базике. Однако, теперь трудно было рассчитывать на такую удачу.

Всадники остановились. Я услышал тяжелое дыхание казов и звуки человеческих голосов. Но слова были лишь бессмысленной серией звуков, как любая человеческая речь показалась бы настоящему барску. Я сильно напряг способности эспера, чтобы подслушать мысли.

"…посылает на помощь…"

Удивление, некоторая горечь.

"…осмелится, после этого… осмелится!"

Отчаяние, интенсивное, как мозговой удар.

"Напрасно, Наш лорд вернул человека… предложил выкуп. Больше он ничего не может сделать".

Эмоции двоих на мосту были так сильны, что их отрывочные мысли становились все яснее для меня.

"…бежать… надо бежать…"

"Сумасшествие! Нашему лорду уже противоречат в Совете и из Йамака, и из Йимока, те, кто всегда зависел от него. Нас поддержит вся граница. Кто станет защищать его, если его объявят вне закона?"

"Пусть сам решает…"

"Он решит! Те же слова и услышишь. Если инопланетники имеют власть Ю, то объявление вне закона может состояться. Они имеют право отказаться от платы. Ведь они получили назад не человека, хоть ты его так назвал. Ты же его видел."

Словесного ответа не последовало, только эмоции - гнев, страх. Затем крик человека, подгоняющего животное. И каз, что шел с запада, понесся галопом. Другой не спеша направился к границе.

Я опустил голову на лапы, слыша только журчание воды. Человек может лгать языком, но его мысли говорят правду. Теперь я узнал, причем чисто случайно, что мое тело не находится больше во владениях Осколда, а вернулось к моим товарищам на корабль. У меня не было никаких сомнений, что всадники говорили именно обо мне.

Теперь моей целью был Ырджар, порт. Мое тело на "Лидисе", там наш врач сделает все, что можно, для этой безжизненной скорлупы. Допустим, я каким-то чудом доберусь до корабля, даже до своего тела - что я могу сделать? Но у Свободных Торговцев открытый мозг. Майлин не единственная Тэсса на ярмарке - там был Малик. Смогу ли я добраться до него, воспользоваться им для объяснения? Возможно, он тоже может произвести обмен. Так много сомнений и страхов стоит между мной и успехом! Однако, я цеплялся за всякую надежду, чтобы человек не был навсегда

поглощен животным.

Назад, на восток, через холмы вниз к равнинам Ырджара! Там красный мех барска будет очень заметен, но что делать, выбор у меня нет.

В глотке у меня пересохло, как будто я и не пил, ноги подкашивались, по шкуре пробегала дрожь. Но убежища здесь не было, и я вошел в воду и поплыл по течению к югу, а потом выбрался на отмель.

Теперь не было надобности идти вдоль дороги и рисковать встречей с кем-нибудь. Темные холмы были неплохим ориентиром. Далеко за ними лежали равнины, где расположены Ырджар и порт. Я быстро проносился по открытым полям или бежал рысцой по заросшим лесом местам. Я обнаружил, что хоть барсков и считают горными животными, их удивительно малые тела при почти гротескно длинных ногах были идеально приспособлены для быстрого бега по ровной местности.

На заре я миновал ту самую крепость, где начались мои несчастья. Там же, по-видимому, стоял гарнизон, люди разбили лагерь под стенами. Я сделал большой крюк, чтобы обойти линию казов.

На берегу я размышлял о том, что узнал от тех всадников. Тот, кто ехал на запад, был, бесспорно, из свиты Осколда. Не должен ли он собрать помощь для Озокана и его людей? Известно, что Осколд дорожил своим наследником, но, судя по реакции второго посланца, этому отношению пришел конец. Осколд предложил плату за мою гибель - иными словами, он пытался единственным на Йикторе законным путем разрешить спор между своим сыном и Свободными Торговцами, предложив капитану Фоссу плату за члена экипажа.

Такая плата предлагалась за непреднамеренное убийство в мирное время, но почти никогда не принималась, если жертва имела близкого родственника, способного носить оружие, потому что кровная месть рассматривалась как более благородное решение. Но если у жертвы в клане оставались только женщины и дети, слишком юные для битвы, тогда плату принимали, и сделка записывалась в храме Ырджара.

Возможно, поскольку экипаж "Лидиса" рассматривался как мой клан, предложение было сделано в надежде, что его примут. Я только удивлялся тому, что Осколд вернул мое тело. С его стороны логичнее было бы убрать как можно скорее это позорное свидетельство против его сына. Может, их пугал гнев Умфры?

Во всяком случае, было ясно, что капитан Фосс требовал полного наказания - чтобы Озокана объявили вне закона. Немилость распространялась вширь, так что старые враги

Осколда получили удобный случай скинуть как сына, так и отца. И земли Осколда были близки к состоянию осады. Хотел бы я знать, не пошел ли Осколд против всех законов и обычаев, посылая помощь сыну. Если так, то станут ли люди Осколда поддерживать его? Лояльность между лордом и его людьми была крепка, противостояла смерти и пыткам, как говорилось в балладах. Но это работало в двух направлениях: лорд был так же честен по отношению к тем, кто присягал ему в верности. Такое укрывание сына могло, я думаю, расцениваться как открытое нарушение клятвы, подвергавшее его людей слишком большой опасности.

Я мысленно представил себе город Ырджар. Мне трудно было сосчитать, сколько дней прошло со времени моего похищения, так что даже не был уверен, работает ли еще ярмарка. Что, если - я прибавил скорости - что, если "Лидис" уже ушел? Эта мысль была так ужасна, что я постарался отогнать ее.

Если "Лидис" все еще стоял в порту, может, и Малик тоже на ярмарке? А если нет? Я облизал все еще болевшие лапы и тихонько заворчал. А может ли барск снова стать человеком? Что, в сущности, случилось с тем, кого по просьбе Майлин приютили жрецы Умфры? Может, он так долго был в теле зверя, что животное взяло верх и бегает теперь по холмам, не имея никаких связей с человеком? Мне хотелось опустить голову и завыть, как я выл на луну по нечеловеческим причинам. Однако, я задушил этот вой в горле.

Грис Шервин был со мной на шоу, он видел, как мы привезли барска, он слышал мой рассказ о том, что произошло в палатке продавца животных, он сможет открыть свой мозг, если барск придет к нему теперь, он будет способен к какому-то контакту. Мы все имели способности эспера, одни больше, другие меньше. Лучшим эспером на борту "Лидиса" был Лидж, только бы мне суметь подойти к нему достаточно близко. Нет, Крип Ворланд еще не был побежден. По этим холмам я мог идти как днем, так и ночью.

Я выкопал из мягкой земли нескольких мелких животных и съел, но их едва хватило, чтобы чуть-чуть притупить чувство голода. Я поднимался все выше и выше. Захватывало дух от морозного воздуха, застывшая почва терзала натруженные лапы. Я лизал снег, чтобы утолить жажду, и с тоской вспоминал реку, где мог напиться всласть.

У полуночи я прошел через перевал и мог бы спускаться в долину, но так устал, что вынужден был поспать в укромном месте.

Когда я проснулся, солнце пригревало мою покрытую густой

гривой спину. Прищурившись от яркого света, я оглянулся и потянул носом. Сильно пахло человеком. Слабое шарканье по твердой поверхности - такое могли произвести только сапоги. Кто-то шел справа от меня внизу, стараясь производить как можно меньше шума.

Я нагнулся, коснулся мордой передних лап и посмотрел вниз. Человек нет, люди, потому что я увидел второго, ползущего в гору почти рядом со мной. Поверх кольчужной рубашки на них были грязные плащи со странными цветными пятнами. Я подумал, что только острый взгляд животного может разглядеть их на расстоянии, если они не будут двигаться. Не удирают ли это враги Осколда? Неважно, кто они, лишь бы не нашли меня. Я начал медленно отползать в кустарник. Куда они направлялись, я не мог угадать, потому что поблизости не было ни крепости, ни поста. Но решимость их была очевидна.

Мне придется снова повернуть на юг, так как ползущие по холму были частью отряда, находящегося внизу. А я знал только то, что Ырджар был где-то на западе.

Я лег и стал ждать ночи. Под Тремя Кольцами Луны я пустился во весь опор. Так всю ночь я попеременно то бежал, то шел, пока не был вынужден остановиться, потому что лапы нестерпимо болели. Я остановился возле озерка, где мне удалось также и закусить, потому что какая-то птица, обманутая моей неподвижностью, приблизилась ко мне. Это была отличная еда, лучшая, какую я ел после фоду. Затем я зарылся в кустарник, но долго спать мне не пришлось.

На этот раз я услышал сначала звук, а не запах: это были собаки с фермы, и они охотились за кем-то, кто бежал в моем направлении.

Когда я был человеком, на этих холмах за мной охотились люди Озокана, теперь я зверь и снова вижу охоту. Лай собак, наверно, должен наводить ужас на того, за кем они гонятся. Я спокойно прислушивался, полагая, что их дичь - не я.

Из кустов выскочило длинноногое животное и помчалось крупными прыжками. Я узнал его - дикое жвачное с равнины. Его мясо сушат на зиму, и оно считается обычной добавкой к меню. Охота, видимо, началась недавно, потому что животное бежало легко. Но свора была нетерпелива и молча бежала по горячему следу, лишь изредка взлаивая.

Я опять бежал к югу, далеко обходя тропинки, по которым пробежало преследуемое животное. Хорошо, если собаки будут поглощены первоначальной целью и не обратят внимание на мой след. А, может, они тоже боятся барска?

Меня тревожило, что я приближался к открытой местности.

Там не было ни скал, ни кустарника, ни деревьев, негде было укрыться от глаз охотников, кругом голые поля, где на фоне серо-желтого жнивья мой красный мех будет отчетливо виден.

Я почувствовал запах воды и вспомнил о ручье, бежавшем из этого озерка, где я пил и омывал лапы. Не пойти ли мне по ручью, чтобы сбить след? Я знал об этом по тем пленкам, которые, бывало, рассматривал для собственного удовольствия. Но такие охотничьи воспоминания, собранные с точки зрения человека, вряд ли могли быть полезными в моем теперешнем положении.

Однако, лучшего решения я не видел, поэтому вошел в воду и пошел по течению. Я не успел далеко уйти, как услышал глухой шум в том месте, где раньше лежал. Этот шум звучал реальной угрозой. Случилось самое худшее: собаки взяли мой след и, к моему несчастью, решили, что я лучшая добыча.

Меня охватила паника, которая вела к гибели. Я перестал соображать и бросился бежать. Но мои силы были подорваны, и я знал, что далеко не убегу. Я перескочил через ограду, помчался по полю и…

Под моими лапами уже не было почвы. Я падал…

Глава 12

Вокруг меня взметнулся песок, мое тело ударилось о землю с такой силой, что у меня прервалось дыхание, и я некоторое время ничего не чувствовал. Я попытался встать. Все поплыло перед моими глазами, но постепенно зрение прояснилось настолько, что я мог увидеть, что я упал в каменный колодец. Человек мог бы выбраться из него, цепляясь за неровности стены, но четыре лапы с прямыми когтями были тут бесполезны. Я откинул голову назад и зарычал. Этот рык, усиленный земляной воронкой, которая держала меня, заставил свору на некоторое время замолчать. Как бы ни были возбуждены преследованием собаки, никто из них не осмелился прыгнуть вниз, ко мне, так что они изливали свою злобу только в лае.

Затем кого-то из них отшвырнули в сторону, и я увидел смотрящих на меня людей. Один в изумлении отшатнулся, другие уставились на меня, вытаращив глаза. Один поднял лук, и я подумал, что мне, загнанному таким образом, не удастся увернуться от стрелы. Но человек, стоявший рядом со стрелком, с гневным криком ударил по луку.

Некоторое время я лежал, задыхаясь, а собаки и один человек следили за мной. Остальные люди исчезли. Затем раздался глухой стук, и на меня упала масса веревок. Я вскочил. Именно

этого они и ждали. Сеть была мгновенно затянута, и я, беспомощный, был вытащен из колодца.

Собаки бросились на меня, но были отогнаны хозяевами, а меня бросили на телегу, привезли на ферму и заперли, связанного, в темном сарае.

Там пахло животными и человеком. Я тяжело дышал, во рту пересохло.

Хотя бы несколько капель воды… Но часы шли, а к сараю никто не пришел.

От падения в колодец болело все тело, но главным была потребность в воде. Я сделал слабую попытку послать мысль, хотя и опасался, как бы суеверные местные жители немедленно не убили меня.

Мозги вокруг меня были. Но как я ни старался изо всех своих слабых сил вложить в один из них мысль о своей жажде, здесь не было никого, кого можно было бы удержать достаточно долго, чтобы довести до него мое желание.

Я впал в апатию, неспособный более к борьбе. Возможно, они даже сочли меня мертвым, когда, наконец, вошли в сарай. Сколько времени прошло, я не знал, но на улице уже стемнело. Меня снова швырнули на телегу. Мы ехали через мостик. Услышав запах воды, я понял голову и заскулил, но тут же получил жестокий удар и потерял сознание.

Дневной свет бил мне в глаза, а мои уши глохли от криков, которых я не понимал. Телега остановилась. Двое мужчин стояли возле нее и осматривали меня.

– Воды… - пытался я выговорить, но из моей широко разинутой пасти вырывался только отчаянный хриплый визг. Один из мужчин подошел ближе и сказал на ырджарском наречии, на котором я тоже когда-то говорил:

– Барск… Десять весовых знаков.

– Десять? - взорвался другой. - Ты когда-нибудь видел здесь барска?

Да еще живого?

– Пока живой, - согласился первый. - Посмотрим, доживет ли до вечера.

А шкура, - можно, конечно, выделать, но мех ничего не стоит.

– Двадцать.

– Десять.

Их голоса монотонно звучали, колыхались туманным занавесом, упавшим мне на глаза. Мне хотелось уплыть в темноту, которая обещала покой без страданий.

Но меня снова вернули к жизни, когда стащили с телеги и отнесли в более темное место, где спирало дыхание от зловония

плохо содержащихся животных. В моей памяти, как искра, мелькнуло забытое. Я когда-то слышал подобную вонь. Где?

Железные тиски вокруг моего горла, жестокие, душащие… Я слабо пытался скинуть их, разгрызть, но меня втолкнули в маленькое темное помещение. Я оказался в тесной тюрьме, крышка которой захлопнулась. Два отверстия в стене давали немного света и очень мало воздуха. На полу было немного вонючей соломы - видимо, не я один был пленником. И пахло здесь не только другими телами, но и мыслями, наполненными страхом, ненавистью и отчаянием.

Я кое-как свернулся, положил голову на лапы, ища какое-то облегчение в том, чтобы откинуть память, мысли, все окружающее. Я тянул существование, но уже не жил.

Воды здесь на было. Я думал или смутно грезил о воде, о том, как я шел по ручью, и вода бурлила вокруг моих ног, приглаживая мех, и мне казалось, что все это было сном, что никакого мира не существует вне этого тесного ящика. Время исчезло, остались только вечные муки.

Над головой раздался щелчок. Верх ящика поднялся, впустив воздух и свет. Я хотел поднять голову, но что-то тяжелое ударило меня по шее, пригвоздив к вонючему полу. Я не видел, кто стоял надо мной.

– …скоро сдохнет. И ЭТО вы предлагаете моему лорду?

– Это же барск. Ты когда-нибудь видел вблизи живого барска, Господин?

– Живой? Вот-вот сдохнет, я же сказал. А его шкура ничего н стоит. Ты просишь пятьдесят весовых знаков? Созрел для Долины, если запрашиваешь такую цену.

Давление на мою шею исчезло, и крышка тут же захлопнулась.

"Скоро подохнет - скоро подохнет - скоро…", - жужжало в моих ушах.

– "Барск… скоро подохнет…"

Барск животное. Но я не животное, я человек! Они должны знать, должны выпустить меня, я человек, а не животное! Искра жизни, которая еще мерцала, готовая угаснуть минутой раньше, теперь загорелась снова. Я хотел прислониться к стене ящика, чтобы сражаться за свою свободу, но ничего не вышло. Мускулы сводило судорогой, все силы покинули меня.

– Человек! Человек! - я не мог произнести никакого звука, кроме тихого визга. Но мои мысли устремились в мир по ту сторону клетки.

– Здесь умирает человек! Не животное, человек!

И мысль, отчетливая и сильная, сплелась с моей. Я вцепился

в нее, как вышедший из корабля в космос цепляется за свой спасательный трос.

– Помогите умирающему человеку…

– Где? - пришел вопрос, такой ясный, что его сила подняла энергию моего мозга.

– В клетке - в теле барска - человек, не животное… - я пытался удержать этот мысленный трос, который, казалось, выскальзывал из моего захвата, как корабельный трос из смазанных маслом перчаток. - Человек - не животное!

– Думай, держи мысль! - пришел приказ. - Меня надо вести, так что думай!

– Человек - не животное… - я не мог держать линию связи, она ускользала. Я снова попытался из последних сил:

– Человек, не барск - в клетке - не знаю, где, но в городе…

– Ырджар?! В Ырджаре?

– В клетке… как барск… барск… не барск - человек!

Мне не хватало дыхания, тьма накрывала меня так плотно, что раздавливала меня.

– Человек… я человек, - цеплялся за эту мысль, но тьма наваливалась еще плотнее, и я отбивался от небытия.

– Здесь!

Сквозь тьму снова пришел этот ответный мозговой удар, быстро и остро зашевелился во мне, но я уже не мог слышать, здесь была только тьма и конец всякой борьбы.

Далекий свет и ничего не означающие голоса. Затем две руки приподняли мою голову. Я смутно увидел лицо.

– Слушай, - пришел в мозг приказ, - ты должен помочь мне. Я сказал, что ты из моего маленького народа, что ты дрессированный. Ты можешь подтвердить это?

Подтвердить? Ничего я не могу подтвердить, даже то, что я человек, а не зверь, бегающий на четырех ногах и загрызающий по ночам добычу.

Вода полилась на мой распухший язык, в пасть, но я не смог проглотить ее. Затем снова руки взяли мою голову, глаза встретились с моими.

– Джорт! Выполняй приказ!

Когда-то это что-то обозначало, но я никак не мог вспомнить. Кто-то дал мне это имя и…

Я кивнул головой и попытался поднять передние лапы. Там были ступеньки, и на них человек в черно-желтой мантии, он смотрел на меня.

Значит, я должен поклониться и сделать все то, что мы вместе планировали.

Мы? Кто это - мы?

– Это мое животное!

– Это не доказано, Господин.

– Я отдам тебе то, что ты заплатил за него или мне позвать уличного стражника?

Руки все еще держали мою голову. В мой рот снова полилась вода, и я мог глотать. С водой понемногу возвращалась жизнь. Но руки не выпускали меня.

– Соберись с силами. Мы скоро уйдем.

Голоса над моей головой стерлись. Затем руки подняли меня и понесли.

Я взвизгнул и зажмурился от яркого света. Тот, кто нес меня, опустил меня на мягкий мат, и я растянулся, не в силах двигаться. Поверхность подо мной качнулась, двинулась, я услышал стук колес по булыжной мостовой.

Мы ехали в фургоне, и запах города душил меня. Я не пытался смотреть по сторонам, у меня на это не было сил. Грохот, скрежет, опять грохот…

Фургон остановился.

– Дрессированное животное…

Полотнище в задней части фургона отдернулось и снова закрылось.

Фургон двинулся. Воздух посвежел. Опять остановка. Кто-то сошел с переднего сиденья, подошел ко мне и опустился на колени. Мою голову снова подняли и влили в рот жидкость - на этот раз не просто воду, а с какой-то кислой и острой добавкой. Я открыл глаза.

– Майлин, - мысленно сказал я, но это не была женщина Тэсса, толкнувшая меня в это безнадежное приключение, это был мужчина, бывший с ней на ярмарке. Память слабо пробивалась через навалившиеся сверху тяжелые события.

– Я Малик, - пришел ответ. - Теперь отдыхай, спи и ничего не бойся.

Мы вовремя вырвались.

Смысл его слов не полностью дошел до меня, потому что я послушался его приказа и заснул, и это не было оцепенением приближающейся смерти.

Когда я проснулся, я увидел недалеко от себя костер. В языках пламени было что-то успокаивающее. Человек и огонь, его древняя защита и оружие, он с давних времен связывался в нашем представлении с безопасностью, он поднимает наш дух, когда мы смотрим на него.

Позади костра был другой свет, и я, увидев его, зарычал - и тут же умолк: когда я проснулся, я в первый момент был Крипом Ворландом, и как тяжело было снова оказаться Джортом.

На мое рычание пришел ответ из тени, до которой не доходил ни свет костра, ни лучи лунной лампы. Мой нос сказал мне, что здесь много живых существ.

Человек вошел в свет костра с котелком в одной руке и с ковшиком в другой. Он шел вдоль ряда чашек, стоящих на земле, и наливал в каждую из котелка. Он подошел ко мне.

– Малик из рода Тэсса, - мысленно сказал я.

– Крип Ворланд из рода инопланетников.

– Ты знаешь меня?

Он улыбнулся.

– Здесь только один человек в теле барска.

– Но…

– Но меня не было, когда ты надел меховую шкуру, хочешь ты сказать?

Ты воспользовался властью Тэсса, мой друг. Неужели ты думаешь, что это пройдет незамеченным?

– Я ею не воспользовался, - возразил я.

– Ты не думал об этом пути, - с готовностью согласился он. - Однако, это пошло тебе на пользу.

– Вот как? - отозвался я.

– А разве нет? Не думаешь ли ты, что остался бы жив после встречи с подчиненными Осколда, если бы Майлин не сделала для тебя все, что смогла, и притом очень своевременно?

– Но дальше…

Он присел на корточки, так что я, сидя, был чуть выше его.

– Ты думаешь, что она воспользовалась тобой для своих целей?

– Да, - правдиво ответил я.

– У всех рас есть свои нерушимые клятвы. Так вот, я клянусь тебе: то, что она сделала в ту ночь, она сделал исключительно ради тебя, спасая жизнь.

– В ту ночь, возможно, но затем? Мы пришли в Долину, моего тела там не было, но было другое…

Он, казалось, не удивился, да я и не думал, что Тэсса покажет свои эмоции, как это делают другие расы. Он некоторое время молчал, потом спросил:

– Почему ты так решил?

– Она говорила мне о каких-то опасностях, но у нее были свои причины привезти меня в Долину. И это было не для моего, а для ее блага.

Он медленно покачал головой.

– Послушай, инопланетник, она не послала бы тебя ни в одну опасность, которой не испробовала сама. Если бы ты не убежал, ты не оказался бы в такой беде, в какой я тебя нашел. Ни один

Певец из Тэсса не получает возможности призывать власть, пока не побывает в меховой шкуре или оперении. Майлин прошла этим путем еще до того, как твой звездный корабль приземлился в порту Ырджара.

– А тот, что в Долине?

– Разве я говорил, что на пути не бывает никаких опасностей? Мы не убиваем живых существ в нашей зоне, но это не значит, что смерть обходит ее стороной. Маквэд был в теле животного, а лорд пришел охотиться без нашего разрешения и послал роковую стрелу. Это был один шанс из десяти тысяч, потому что никто не ходил по нашей святой земле, и мы не остерегались. А что касается тебя, то подумал ли ты, что Майлин придется расплатиться за то, что она использовала нашу власть для помощи чужаку?

Она искренне верила, что люди Осколда принесут твое тело в храм и все будет хорошо. Помни это…

– Но мое тело в Ырджаре.

– Да. И теперь нам нужен новый план, и я не отрицаю, что нужно торопиться. Твои друзья не поймут и в своем неведении будут лечить твое тело и тем убьют его.

У меня мороз пробежал по коже.

– Нам надо идти в Ырджар…

– Не сразу. Сейчас мы выехали из Ырджара. Мне удалось вывезти тебя из города только потому, что я обещал уехать с тобой подальше от населенных мест. Майлин знает или скоро узнает, где мы. Она приедет сюда, потом зайдет к твоему капитану, расскажет ему все, если он из тех, кто может поверить необычному рассказу. Затем мы контрабандным образом доставим тебя в порт, и Майлин исправит то, что было сделано. Но не знаю, - он нахмурился, - что обо всем этом подумают Древние, потому что это нарушение Уставных Слов и дает в руки тех, кто не из рода Тэсса, тайное оружие, о котором мечтают наши враги.

– Разве равнинные жители не знают, что вы можете меняться телами?

– Нет. Подумай - эти люди не имеют понятия о духе, они знают лишь тело и мозг. Расскажи невеждам, что в этом мире живут такие, кто может превратить человека в животное, а животное в человека, и представь себе, что случится.

– Страх побуждает людей к убийству.

– Именно так. Начнется такая охота, что Тихие места утонут в крови.

Мы уже знаем, что говорят о нас, от того инопланетника, Гека Слэфида, который собирался использовать это знание как рычаг

для торга. То ли он выудил эту информацию у Озокана, то ли еще у кого, мы не знаем. Думаю все-таки, что не от Озокана, иначе песня Майлин не спасла бы тебя от гибели, его слуги убили бы тебя в любом облике - барска или человека.

Никаких намеков от местных жителей пока не доходило. Теперь наши Древние ищут мыслью. Мы идем по узкому осыпающемуся краю земли над бездной.

– Здесь идут сражения, соседи Осколда пошли против него. Если один лорд ссорится с другими, не выигрываете ли вы время? - спросил я и рассказал о посланцах, которых я видел на холмах.

– Да, его соседи видят шанс скинуть Осколда, но как ты думаешь, не ухватится ли он за возможность оторвать их от своей глотки и кинуть на Тэсса? Поэтому Гек Слэфид и молчит.

– Если вы обменяете меня обратно, я уеду с этой планеты и клянусь, что никто здесь не услышит об этом от меня.

Он хмуро посмотрел на меня.

– Древние позаботятся о том, чтобы языки зря не болтали. Конечно, чем скорее мы произведем обмен и отправим тебя с Йиктора, тем лучше. Сейчас Озокан и его приспешники объявлены вне закона. Они не могут жить только набегами, и ни одна рука не поднимется помочь им. Рано или поздно люди объединятся, выследят его и прикончат. Не знаю, какие оправдания получил Осколд от своего сына и поддерживает ли его хотя бы тайно. Если он предполагает это сделать, он должен действовать ОЧЕНЬ тайно, иначе его собственные люди скажут ему, что он нарушал клятву и оставят его.

Объявление вне закона - не пустяк, и те, кто помогает такому отверженному, сразу же сами становятся проклятыми. Достаточно клятвы трех свободных арендаторов, чтобы осудить человека. Осколду хватает забот и с теми, кто вторгается в его земли.

– Теперь, значит, мы будем ждать Майлин, - вернулся я к своим делам.

Ссоры феодальных лордов не касались моего будущего, по крайней мере, я так считал.

– Будем ждать Майлин. Затем она поедет в Ырджар, к твоему капитану.

Как я уже говорил, многое зависит от того, насколько открыт его мозг.

Возможно, ты передашь с ней что-нибудь, что подтвердит ее слова, - скажем, о каком-нибудь инциденте, который известен только вашим, а на Йикторе о нем никто знать не может. Если он примет ее рассказ, мы договоримся о дальнейшем.

У Свободных Торговцев открытый мозг. Они повидали так много в самых разных мирах, что не могут сказать: "Такого не

бывает!". Но это дело несколько исключительное - может ли вера простираться так далеко? Намек Малика был неплох: я подумал над тем, что могло бы подтвердить рассказ Майлин и послужить мне на пользу.

Когда время становится главным фактором в жизни, оно может быть таким же тяжелым бичом, каким подгоняют рабов-гребцов на Горфе. Малик занимался животными, а у меня были только мысли, острые, как шипы. Они гоняли меня с места на место мимо костра.

Пища и питье, что давал мне Малик, видимо, содержали не только питательные вещества, но и стимуляторы, потому что я чувствовал удивительную бодрость, впервые с тех пор, как оставил Долину для напрасных поисков.

Малик покончил со своими обязанностями и сел перед огнем, повернув вниз лунную лампу. Я сел рядом с ним, желая уйти от всего, что давило на меня. Я неожиданно спросил:

– Почему Тэсса выбрали бродячую жизнь?

Он посмотрел на меня, и его большие глаза, казалось, стали еще больше. Он ответил вопросом:

– А почему вы хотите крутиться от мира к миру, не имея своего дома?

– Потому что я рожден и воспитан для такой жизни. Ничего другого я не знаю.

– Теперь знаешь. Мы, Тэсса, тоже рождены и воспитаны для такого образа жизни. Когда-то мы были разными народами, родственными тем, кто теперь живет на равнинах. Затем наступил момент выбора. Нам был показан другой путь исследования. Но все в мире что-то стоит, и за этот новый путь пришлось платить. Это означает, что надо было вырвать собственные корни и отвернуться от всего, что казалось безопасным и нерушимым. Нас более не окружают стены, мы тесно сплотились одним кланом. Мы держимся в стороне от жизни других людей. И теперь равнинные жители смотрят на нас как на бродяг, не имеющих крова. Они не понимают, почему мы не нуждаемся в том, что им кажется ценным, и сейчас и для будущего. Они сторонятся нас. Время от времени они смотрят на то малое, что дал нам наш выбор, и держат нас в страхе, хотя и сами боятся нас. Мы участвуем во всей жизни, а они нет. Ну, не совсем во всей жизни, кое в чем мы не принимаем участия: в росте дерева, в появлении листьев, в созревании плодов. Но мы можем взять птичьи крылья и изучать небо по примеру крылатых созданий, можем надеть меховую шкуру и побегать на четырех ногах. Ты знаешь многие миры, звездный странник, но никто из вас не узнает жизнь Йиктора, как знают ее Тэсса.

Малик умолк и уставился в огонь, подкармливая его время от времени хворостом из кучи. Между нашими мыслями возник барьер. Хотя у Малика не было того отрешенного взгляда, какой я видел у Майлин однажды ночью, я подумал, что он близок к такому же отрешенному состоянию.

Ночной воздух доносил до моего носа массу сведений. Через некоторое время я прошелся в темноте вокруг лагеря. Большая часть маленького народа спала в своих клетках, но некоторые были часовыми, и вряд ли кто-нибудь мог незамеченным пробраться в лагерь.

Майлин приехала перед восходом солнца. Я услышал ее запах раньше, чем до моих ушей донесся скрип колес фургона. Позади меня раздались одновременно сигналы и приветствия. Малик очнулся от своего забытья у почти погасшего костра, и я подошел к нему. Мы стояли рядом, пока Майлин ехала по полутемному лагерю.

Она смотрела на меня. Не знаю, чего я ожидал. Может быть, выговора за мое глупое исчезновение из Долины, хотя я не считал, что оно было глупым, если принять во внимание то, что я знал или подозревал в то время. В конце концов, как могут Тэсса понять, что означают их обычаи для другого человека?

На ее лице была только тень усталости, как у человека, долгое время простоявшего на часах без смены. Малик протянул ей руку, чтобы помочь сойти, и она со вздохом приняла помощь. Я видел ее сильной, теперь она изменилась, но я не понял, как именно.

– На холмах всадники, - сказала она.

– Осаждают Осколда, - Малик пригласил ее к костру, снова раздув умиравшее пламя. Затем он вложил ей в руку рог, в который налил что-то из фляжки. Она медленно пила, останавливаясь после каждого глотка. Затем, прижав рог к груди, она сказала мне:

– Время не терпит, Крип Ворланд. На рассвете я выеду в Ырджар.

Я думал, что Малик запротестует, но она даже не взглянула на него, а уставилась в огонь и потихоньку отпивала из рога.

Глава 13

Было яркое утро. Крепкий, как вино, ветер освежал нос и глотку, солнечные лучи ослепляли, человек и животное чувствовали, что жизнь хороша. Еще до того, как солнце осветило наш лагерь, Майлин села на верхового каза, которого Малик

оседлал для нее, и поехала на запад. Мне очень хотелось бежать рядом с ней. Но здравый смысл, останавливающий меня, был крепче любых брусьев клетки.

Когда Майлин скрылась из виду, Малик прошел вдоль клеток, открывая дверцы, чтобы их обитатели могли входить и выходить по желанию. Некоторые еще спали, свернувшись меховыми шарами, другие моргали, просыпаясь. Вышли немногие. Симла толкнула дверцу плечом и бросилась ко мне, пронзительно визжа в знак приветствия, ее шершавый язык уже готовился ласково облизать меня, но Малик опустил руку на ее голову. Она сразу же посмотрела на него, припала к земле, взглянула направо и налево и исчезла в кустах.

– Что это? - спросил я Тэсса.

– Майлин говорила, что на холмах люди. Может, они и не собираются нападать на Осколда. Где-то бродят объявленные вне закона.

– Ты думаешь, они нападут?

– Чтобы выжить, нужна пища, а достать ее они могут только одним способом, то есть силой. У нас очень мало запасов, но отчаявшийся человек будет драться за каждую крошку.

– Животные…

– Некоторые вполне могут быть мясом для такого отряда. Других просто убьют, потому что люди, лишенные надежды, убивают ради убийства. Если придет беда, маленький народ может спастись бегством.

– А ты?

Он сделал приготовления, словно считал, что набег вот-вот произойдет.

На его поясе висел длинный нож, который у жителя Йиктора считался обычной частью одежды. Меча у него не было, но в лагере я видел боевой лук. Теперь он улыбался.

– Я хорошо знаю местность, лучше, чем те, кто может напасть на нас.

Как только наши часовые поднимут тревогу, налетчики найдут лагерь пустым.

Я догадался, что Симла была на страже.

– А ты, если хочешь… - продолжал Малик.

Почему бы и нет? Я бросился в кусты по примеру Симлы и пустил в ход нос, глаза и уши. Через несколько минут я оглянулся назад, на фургоны. Их было четыре - на одном, поменьше и полегче остальных, приехала Майлин. Три других Малик, видимо, привел из Ырджара. Но кто же правил ими? Ведь Малик был один, если не считать животных. Я задумался. Возможно, казы просто шли следом за тем фургоном, которым правил Малик.

Хотя клетки были вытащены из фургонов и расставлены вокруг костра, который все еще дымился, остальное имущество не было распаковано. Я смотрел, как Малик шел от фургона к фургону и делал что-то внутри каждого.

Возможно, он снова увязывал то, что можно было взять с собой. Я не мог понять, зачем Малик привез нас на эту опасную территорию. Я взбирался на холм, пока не нашел хорошо скрывающий меня кустарник. Хотя листья уже облетели, частая поросль, по-моему, хорошо маскировала меня. Отсюда я хорошо видел лагерь и местность вокруг него. Дороги к лагерю тут не было, только следы колес фургонов были все еще видны на увядшей траве и на земле, и вряд ли можно было скрыть их сейчас.

Малик скрылся в одном из фургонов, не было видно и животных, вышедших из своих клеток. Сцена выглядела спокойной, сонной, убаюканной ожиданием.

Утихающий ветерок донес до меня легкий запах. Я стал принюхиваться. Симла, видимо, скрывалась с южной стороны. На западе, надо думать, тоже были стражи.

Солнце плыло по безоблачному небу, играло совершенно по-летнему, хотя была уже середина осени.

Из фургона вышел Малик с коромыслом на плече, на крюках покачивались ведра. Он спустился к ручью. Мне отсюда не было видно ручья, я видел только вспыхивающие тут и там на воде солнечные блики. Затем громка залаяла Симла. Один раз.

Я выскочил из своего укрытия. Порыв ветра донес до меня предупреждение. Я прыгнул вниз, в густой кустарник, и пополз, хотя он жестоко кололся. Единственный военный клич Симлы - и больше ничего…

Ничего, только запах и звуки, которые человеческое ухо не могло бы услышать, но барск слышал их, как фанфары. Я выскользнул из кустов, пробрался ползком в лагерь и подлез под ближайший фургон.

Малик, шатаясь, поднимался по склону от ручья. Коромысло и ведра исчезли. Он спотыкался и скользил, одна его рука была прижата к груди, а другую он откинул, как бы пытаясь ухватиться за какую-то опору, но опоры не было.

Он упал на колени, дополз до клеток и медленно качнулся вперед. Между его лопаток дрожала от тяжелого дыхания стрела. Он попытался оттолкнуться от земли, но тщетно. Вскоре он затих.

Оставшиеся до сих пор в клетках животные, как по сигналу, выскочили и молча разбежались. Возможно, они и скрылись от человеческих глаз, но не от моих ушей и носа.

Я полз, хотя такой способ передвижения был трудноват для

барска.

Кто-то поднимался с берега, пытаясь двигаться бесшумно, в чем, с моей точки зрения, мало преуспел.

Держась в тени фургона, я подбирался к костру. Малик не шевелился, но напавший на него был очень осторожен. Возможно, он не знал, что Тэсса был в лагере один, не считая животных. Я коснулся мозга Малика. Он был еще жив, но уже не осознал моего мысленного послания.

Я добрался до конца фургона. Здесь стояли клетки, но я не был уверен, что они достаточно высоки, чтобы укрыть меня. Может, мне лучше бежать открыто, изображая испуганное животное? Пока я раздумывал, слева от меня мелькнула рыжая полоса. Симла! Что она тут делает?

Она не остановилась возле Малика, а свернула к тому, кто был в разведке перед лагерем. Я вскочил и помчался за ней. Я еще не видел ее добычи, но услышал человеческий вопль и в следующий момент увидел яростную битву человека и венессы. Человек больше не кричал, а старался оттолкнуть ее зубастую пасть от своего горла.

Я прыгнул и рванул его, а Симла вцепилась ему в горло. В эти секунды я был больше барском, чем человеком, во мне кипела дикая ярость, которую, кажется, нельзя было потушить.

Раздался крик, что-то просвистело так близко от моего плеча, что меня как бы обожгло. Симла все еще терзала свою добычу. Я прыгнул второй раз и опрокинул ее на землю своим весом.

– Оставь! - послал я мысленный приказ. - Оставь! Беги!

Снова пролетела стрела. Запах крови распалял мою звериную ярость, но я боролся против этих эмоций.

– Оставь, беги!

Я разинул пасть, чтобы схватить Симлу, тогда она выпустила свою жертву, посмотрела на меня сверкающими красным блеском глазами и зарычала, как бы отгоняя меня от ее законной добычи.

– Беги! - я снова бросился на нее, и на этот раз она откатилась от мертвого тела. Она опять зарычала, но едва вскочила на ноги, как стрела вонзилась в землю в том месте, где она только что лежала. Симла злобно щелкнула зубами над дрожащей в земле стрелой и бросилась со мной вверх по холму.

Они продолжали стрелять, и я бежал зигзагами, надеясь, что Симла последует моему примеру. Мы прибежали в лагерь и оказались всего в нескольких футах от Малика, который лежал там же, где упал. Симла обнюхала его голову и жалобно завыла.

– Вперед! - настаивал я. Она обернулась, оскалила зубы, как бы собираясь броситься на меня. Затем красный свет в ее глазах погас, и она побежала со мной плечо к плечу между фургонами за

пределы лагеря.

Я не имел представления, куда скрылись остальные животные, но улавливал их смешанный запах и подумал, что они пошли той же дорогой. Я даже не был уверен, сколько их и каких они пород.

– Наверх! - приказал я Симле. Она остановилась и оглянулась на лагерь. Ее обычно мягкий мех жестко топорщился на спине, голова опустилась между сгорбившимися плечами, когда она, рыча, морщила нос, виднелись окрашенные кровью клыки. Она сделала было шаг или два в обратном направлении, но затем снова повернулась и на дикой скорости повела меня в заросли.

Мы проделали немалый путь к вершине холма, пока, наконец, не остановились, измученные. Там мы легли и стали следить за лагерем. В нем были люди. Они пинали клетки, дверцы которых были открыты, тыкали мечами во внутренность фургонов, как бы выгоняя кого-то, кто там мог прятаться.

Из фургона Майлин выкинули ящики и разламывали их, доставая запас печенья и сушеного мяса. По нетерпению и жадности, с какими они пожирали эти запасы, было видно, что эти люди давно уже не видели пищи. Они оттащили тело Малика в сторону и затолкнули под фургон. Двое людей прошли вдоль линии казов, которые фыркали, рвались с привязи и лягали всех, кто приближался к ним.

Пустые клетки не давали людям покоя: они толкали их, переворачивали, трясли, будто не верили, что они пусты, и старались что-то вытрясти.

В разгромленный лагерь приехали еще трое. Один человек поддерживал другого в седле, а третий ехал сзади, прикрывая тыл. Теперь настала моя очередь зарычать: с тем, за кем так ухаживали, я встретился в пограничном форту. На лагерь напал отверженный отряд Озокана, и их вождь, видимо, недавно был крепко потрепан: его правая рука была привязана к груди, лицо было бледным и исхудалым. Это был жалкий призрак того самонадеянного князька, который пытался диктовать свои условия Свободным Торговцам.

Разграбление фургонов продолжалось. Люди вытаскивали содержимое ящиков и корзинок. Пища, видимо, была их первой заботой, и они жадно ели, а остатки складывали в седельные сумки. Затем некоторые пошли в юго-западном направлении и вернулись с верховыми казами. Некоторые казы хромали, и на всех лежал отпечаток тяжелого и долгого перехода.

Однако, люди не спешили покидать лагерь. Они сняли Озокана с седла и положили на диван, вытащенный из фургона Майлин. Тот, кто поддерживал Озокана в пути, согрел воду на

костре и взял на себя заботу о ране вождя.

Похоже, что Озокан больше не командовал, потому что по приказу того, другого, грабители принялись наводить порядок в том разгроме, который они учинили. Он встал на колено у фургона, под которым лежало тело Малика, и внимательно осмотрел жертву. Затем по его приказу тело Тэсса вытащили и унесли в кусты.

Я почувствовал, как рядом со мной напряглись мышцы Симлы, услышал ее почти беззвучное рычание и послал ей мысль:

– Потом. Потом, подожди.

Я не знал, смогу ли удержать ее, но оценивал наше печальное положение. Майлин уехала в Ырджар и скоро должна вернуться, а, по всему, отщепенцы не собирались скоро покидать лагерь. Наоборот, они сложили все, что вытащили, назад в фургоны, убрали с глаз разграбленные ящики. Один прошел вдоль пустых клеток и не только расставил их в прежнем порядке, но даже закрыл дверцы на щеколды. Когда все было сделано, офицер огляделся вокруг и кивнул. Насколько я понимал, они старались, чтобы лагерь выглядел нетронутым. Это могло означать только одно: они считали, что Малик - это еще не все Тэсса, и устроили западню. Знают ли они о Майлин? Может, они выследили ее накануне и теперь ждали, чтобы захватить ее?

Я понюхал воздух. Многие запахи были мне знакомы. Маленький народ хотя и разбежался, но был недалеко. Мой нос обнаружил десять или двенадцать животных неподалеку от того места, где прятались я и Симла. Я попытался открыть им свой мозг и испытал слабый толчок. Животные не только собрались здесь все вместе, но и объединились в одной цели, чего я никак не предполагал у обычных животных, да еще разных пород. В их мозгах и мысли не было о побеге, они думали только о сражении.

– Нет! - я старался передать им свою мысль от мозга в мозг, но они противились мне. Я ведь не Малик, не Майлин и не другой лидер, которого они признавали.

– Потом! - твердил я и приходил в отчаяние, что не могу повлиять на них. При дневном свете, против сильных вооруженных людей мохнатая армия почти не имела шансов на успех.

– Майлин! - я мысленно нарисовал образ Майлин, какой я ее видел, облеченной властью, в рубинах и серебре, дирижирующей своим маленьким народом на сцене. - Майлин! - посылал я мысль. - Вспомните Майлин!

Симла заскулила очень мягко - она вспомнила. А как другие? Доберусь ли я до них? Я почти закрылся от мира света, звука, запаха, держал только мир мысли, рисовал Майлин, стараясь

заставить их ответить на этот рисунок.

– Майлин!

И они ответили! Я уловил облегчение и возбуждение в этом ответе и сосредоточился на том, что собирался выдать им сейчас.

– Майлин идет.

Усиление возбуждения.

– Нет еще, - поторопился я исправить то, что могло вызвать роковое движение. - Но скоро… скоро…

Нечто вопросительное.

– Скоро. Те люди внизу - они ждут Майлин… - я шел ощупью, пытаясь быть твердым, сознавая, что могу совершить ошибку, которая пошлет их туда, куда им нельзя идти.

Гнев, подъем ненависти.

– Мы должны найти Майлин, пока она не пришла сюда, - я, насколько мог, нарисовал мысленное изображение Майлин, на этот раз едущей к лагерю.

– Найти Майлин до того, как она приедет!

Эта мысль покатилась, как морская волна, от одного маленького мозга к другому. Теперь я знал, что они пойдут, но не к лагерю и врагам внизу, но далеко обойдут опасное место и направятся в западные равнины.

Я лежал на прежнем месте, продолжая наблюдать за лагерем. Хотя у меня не было военного опыта, я считал, что правильно интерпретировал действия врага. Озокана поместили в фургон Майлин, его опекун и страж спрятался там же. Остальные притаились в других фургонах или под ними. Один человек поил и кормил казов. Еще один, посовещавшись с офицером, исчез в западном направлении - разведчик, как я подумал. Я сказал Симле:

– Оставайся здесь, следи…

Ее губы поднялись над клыками:

– Останься… следи.

Ее первое возражение погасло, она заворчала.

– Не сражаться, следить… Майлин идет.

Ее согласие было смазанным, нечетким, не таким, какое я мог бы получить от Майлин, от Малика или другого человека. Мне оставалось только надеяться, что она останется в том же настроении, когда я уйду.

Моим первым объектом был разведчик. Я выполз из укрытия, мне надо было далеко обогнуть лагерь. Те, кто спрятался там, наверняка недоумевали, что случилось со сбежавшими животными, и, надо думать, наблюдали как за двуногими, так и за четвероногими путешественниками.

Я не видел у отверженной банды никаких собак и считал, что

никому из нас ничего не грозит, если только мы сами по глупости не обнаружим себя.

Так что когда между мной и лагерем лег порядочный кусок лесной местности, я понесся так, как было естественно для моего длинного тела, взяв курс на запад. Я рассчитывал пробежать по холмам, пересечь дорогу тому разведчику, напасть неожиданно и довольно далеко от лагеря, чтобы скрыть это от остальных бандитов.

Дважды я встретился с членами группы Майлин и спрашивал их о разведчике, но оба раза получал отрицательный ответ. Но я задерживался достаточно долго, чтобы внушить им необходимость скрываться, пока не встретят хозяйку.

Малика убили около полудня. Майлин должна была вернуться в лучшем случае через два дня. И я надеялся, что тем, кто устроил засаду, надоест пребывание в лагере. Стратегия, с помощью которой я поставил животных вне опасности, могла сработать, лишь бы только они не потеряли терпение и не вернулись в лагерь.

Захват разведчика может иметь двойную выгоду, размышлял я, продолжая свой поиск. Если человек не вернется, они могут послать другого - еще одна добыча - или подумают, что им тут грозит опасность, и уйдут.

Я спустился к реке и увидел там следы, оставленные бандой, когда она ехала к нам. Я вволю напился, перевернул носом один из камней, достал тамошнего жителя из его норки и закусил. На настоящую охоту не было времени, а тело требовало топлива.

Начало смеркаться, а я все еще бегал туда-сюда, подгоняемый запахом, глазами и ушами. Ход вражеского отряда легко прослеживался, хотя с тех пор прошло много часов. Но я до сих пор не нашел следов разведчика. Затем я вспомнил, что среди всех запахов один возникал снова и снова. Запах каза.

Я ошибочно связал его со старым следом, а ведь он был силен, как свежий. Я решил исследовать его поближе. Пятно на влажной почве объяснило мне все.

Оно сильно пахло казом, но отпечаток не был сделан копытом каза и вообще не походил на след какого-либо животного. Я в отчаянии сунул в него нос и глубоко втянул запах. Он был так силен, что почти забивал все остальные, потому что там были еще два запаха. Я снова принюхался. Сквозь сильный до зловония запах каза пробивался запах какой-то травы и человека. Вроде бы человек, желающий избежать тех, кому запах служит сильным помощником, натерся травой, чтобы отбить собственный запах, а затем надел сверху что-то пахнущее казом. Это могло быть ответом на загадку, и я принял такой ответ. Значит,

следовать за этим "казом"…

Все еще сомневаясь в своих способностях пользоваться инстинктом барска, я двинулся дальше в своих рассуждениях. Возможно, животных нашей труппы можно таким образом одурачить. За этим стоял Озокан или офицер, принявший теперь командование. Они были умны и использовали этот способ как раз против того, что сделал я - против преследования. Я побежал по следу, идущему от этого неясного отпечатка. Запах был мучительно сильным, но я время от времени различал в нем другие запахи и не рисковал бежать за "казом" по прямой, потому что он то и дело пересекал ранние следы настоящих казов, очевидно, тех, на которых ехали отверженные.

Сумерки сгущались. След каза по-прежнему вел на запад, теперь уже по более открытой местности, где было очень мало укрытий и преследователя легко увидеть. Я сел и послал мысленный зов.

Первым ответ пришел с севера - либо Борба, либо Ворс. Я попытался спросить:

– Существо пахнет казом, но не каз. Где?

– Не каз? - ответили вопросом.

– Пахнет казом, но не каз, - повторил я.

– Нет, - был выразительный ответ.

Я снова послал зов и получил слабый ответ.

– Каз, но не каз?

– Каз… да…

Я повернул на юг. Может, это был фальшивый след, но я должен был проверить. И тут я открыл, что тот, за кем я охотился, был мастером в этой игре, потому что я снова дошел до свежей и резкой вони каза. Я так обрадовался, что нашел искомое, что подбежал и глубоко втянул в себя запах, прежде чем понял опасность.

Резкая боль заполнила мой нос, я подскочил вверх, затем сунул нос в землю, тер его лапами. Гнусный запах так пристал ко всей голове, что мои глаза наполнились слезами.

Я катался по земле, зарывал в нее нос, скреб его, пока тупыми когтями не порвал кожу. Я не чувствовал более никакого запаха, кроме этой вони, которая, казалось, стала частью моей плоти. И меня так тошнило, что я крутился и терся мордой об землю, пока, наконец, не заставил себя вспомнить, встал, и меня сразу вырвало.

Мой ум заработал не сразу. То ли тот, кого я выслеживал, подозревал, что за ним идут, то ли принял предосторожности на всякий случай, но он залил свой путь какой-то тошнотворной жидкостью, которая убила такое важное для меня чувство, как

обоняние. Мои глаза все еще слезились, но все-таки видели, в носу болезненно пульсировало. Но у меня оставались глаза и уши и, возможно, помощь других животных.

Я снова послал зов. Откликнулись трое - с близкого расстояния. Я сообщил:

– Каз - не каз - человек, злой запах…

Быстрое согласие всех троих, видимо, запах дошел и до них. Издалека ответила Борба.

– Человек идет…

Я еще раз обтер голову о землю. Глаза слезились, но видели. Ночь создана для активности барска, для меня тени не были густыми, как для человека. Я остановился за скалой, прислушался и ждал, забыв о своем злосчастном носе. Конечно, настоящий барск или другое животное удрали бы от такого оружия. Несчастье разведчика заключалось в том, что ему встретился не НАСТОЯЩИЙ барск.

Он шел медленно. По виду походил не на человека, а на какой-то бесформенный тюк, скрывающая его шкура каза свободно болталась на нем. Я приготовился…

Время от времени он останавливался, вероятно, пытаясь разглядеть в темноте какие-то ориентиры.

Может быть, барск нападает с криком, я же молча метнулся вперед, нацелившись на ту часть приближающейся округлой фигуры, которую я считал своей лучшей мишенью. И каким бы ловким он ни был, я победил его неожиданностью.

Глава 14

Я совершил убийство по образцу, показанному мне Симлой, и, задыхаясь, лег рядом с тем, кто еще недавно ходил, дышал и был человеком. Я смутно удивлялся, что не чувствую тяжести содеянного мной, словно я был куда больше барск, чем человек. Я убил - но этот факт ничуть не задевал меня.

Мы, Свободные Торговцы, пользовались оружием для защиты, но никогда не несли с собой войны, предпочитая при затруднительных обстоятельствах обходные пути. Я видел мертвых и до того, как попал ни Йиктор, но они, в основном, умерли своей смертью или от несчастного случая. Если же это было убийство, оно случалось только в результате ссоры между чужаками и отнюдь не касалось Торговцев, и я не имел к нему никакого отношения.

Но в это убийство я был втянут, как, наверное, не вовлекались мои предки за целые века. Однако, меня это не

тревожило, и я даже был удовлетворен хорошо проделанной работой. Правда, во мне шевельнулось опасение, что, чем больше я останусь в этом теле, тем сильнее станет во мне звериное начало, пока, наконец, не останется только четвероногий Джорт, а двуногий Крип исчезнет.

Но сейчас не время было поддаваться страхам, и я поспешил отогнать тревожные мысли. Я предпочел обдумать то, что стояло непосредственно передо мной. Если я оставлю этого разведчика здесь, его может найти тот, кого пошлют за ним. Может, лучше ему исчезнуть вовсе?

– Мертвый - мертвый! - из кустов вышел один из длинноносых большеухих зверей, которых я видел бьющими в барабаны на эстраде Майлин на ярмарке.

На его спине сидел всадник, загнувший колечком хвост. Оба они уставились на разведчика, и от них исходила волна удовлетворения.

– Мертвый, - согласился я, облизал лапы и потер ими все еще болевший нос.

Большеухий зверь понюхал тело, выразил отвращение и отступил. Я посмотрел на останки и решил оставить все, как есть. На мягкой земле остались отчетливые следы. Оба существа посмотрели на меня с удивлением.

Их вопрос ясно читался.

– Оставить знаки - все против людей, - объяснил я, хотя вовсе не был уверен, что они поймут. Возможно, они повиновались лишь тогда, когда мое внушение совпадало с их собственными желаниями. Но насчет идей я сильно сомневался.

Они пристально посмотрели на землю, где я оставил свою подпись отпечатки. Затем маленький спрыгнул со спины своего товарища и поставил обе передние лапки с сильно расставленными пальцами рядом с моими отпечатками. Встав на задние лапы и склонив голову набок, он осмотрел результат. Его отпечатки походили на следы маленьких человеческих рук.

Большеухий неуклюже прошелся взад и вперед, оставляя путаные следы своих ног с длинными пальцами. Затем маленький вновь оседлал его. Я осмотрел почву. Пусть теперь разведчика найдут. Запись вокруг него заставит их призадуматься: трое совершенно разных животных, похоже, сообща разделали человека. Если враги поверят, что все животные лагеря выступают против них, им придется дважды оглядываться на каждый куст, каждое дерево, они будут ждать нападения даже из-под листвы. Трудно представить себе, что такая разношерстная компания животных могла объединиться против общего врага, это не в их природе. Однако, Тэсса имеют власть, которая уже и так держала

равнинных жителей в страхе. Поставленные вне закона были людьми достаточно отчаявшимися, чтобы убить Малика. Возможно, теперь они решат, что против них действуют не только природные, но и сверхъестественные силы. А для людей, и так уже скрывающихся, такое соображение может оказаться гибельным и сломить их вконец.

Первое время мы шли, не только не прячась, а, наоборот, оставляя полные следы троих, путешествующих вместе. Потом мы стали скрывать следы: пусть следопыты решат, что мы растаяли в воздухе.

Заря застала нас в ложбине, где журчал ручей. Там были скалы, в которых мы и укрылись. Мои товарищи задремали, как и я, но были готовы в любой момент проснуться. Мы находились к востоку от лагеря и достаточно близко к тому пути, которым должна была вернуться Майлин. Но как скоро мы могли надеяться ее увидеть? Мой нос был все еще забит той вонью, и я ничего не мог уловить.

Это был необычный день: солнце скрывалось в облаках, но не было и намека на дождь, только туман закрывал горизонт. Создавалось впечатление, что за пределами видимости было значительное и, возможно, опасное изменение, независимо от того, что сообщали нам глаза. Мне очень хотелось, чтобы у кого-нибудь из нас были крылья и можно было бы полнее и лучше осмотреть местность.

Но если среди меленького народа и были птицы или какие-то летающие создания, я их не видел. Так что наш обзор был ограничен. Самым удивительным в этот день был просто невероятный контакт с остальными разбежавшимися животными. Они так соединили свои мозги, что фрагментарные сообщения быстро шли по достаточно широкой линии связи, и я надеялся, что эта линия перекроет весь путь, по которому может вернуться Майлин.

Там были парные комбинации вроде той пары, что была со мной в ложбине - большеухие животные и их наездники. По-видимому, такое партнерство существовало не только на сцене, а оставалось и здесь. Отвечали все:

Борба, Ворс, Тантака, те, кто барабанил на сцене, и те, кого я не мог опознать. Симла, видимо, оставалась у лагеря, как я просил, поскольку от нее ответа не было.

В этот день я обнаружил, удерживая и читая мысли маленького народа, что он не равняет Тэсса с равнинными жителями, а рассматривает последних как естественных врагов, избегает их и относится к ним враждебно и презрительно. Тэсса же принимались маленьким народом сердечно, как родственники

и надежные товарищи. Я вспомнил слова Майлин и Малика о том, что Тэсса, готовящиеся стать Певцами, поселяются на время в тела животных.

В чьем теле жила Майлин, когда бегала по камням? Была ли она Ворсом, Симлой или кем-нибудь из тех, кто сейчас сопровождает меня? Имело животное выбор или назначалось? Или это происходило случайно, как со мной, потому что барск был болен и оказался под рукой?

В течение дня я дважды выходил на открытое место, скрываясь, как мог, и смотрел, нет ли каких-нибудь путешественников. При второй вылазке я заметил отряд, едущий к холмам. Но эти всадники были под знаменем какого-то лорда, вооруженные, возможно, только что завербованные, и они были довольно далеко к югу. Я знал, что никого из нас они не смогут увидеть.

К ночи наше нетерпение возросло. Мы держались на ногах, ходили по линии, которую сами наметили. Мне пришлось оставаться с пустым брюхом, потому что я не мог унюхать дичь. Зато воды было достаточно, и я решил, что не умру, если похожу голодным.

К ночи пришло сообщение:

– Идет!

Я подумал, что только одна особа могла вызвать такое сообщение от тех, с кем я разделил ночное бдение. Я посла в ночь настоятельный зов:

– Майлин!

– Иду! - пришел ответ, тихий, шепчущий, если можно так сказать о мыслях.

– Майлин, - сообщил я по контрасту как бы криком, - беда… Берегись!

Жди… Дай нам знать, где ты.

– Здесь, - мысль прозвучала громче, и это было сигналом для нас выскочить из кустов и травы.

Она появилась в лунном свете на своем верховом казе. После сумрачного дня ночь была ясной, три кольца горели во всем своем великолепии. На Майлин был плащ, голова скрыта капюшоном, так что видели мы не женщину, а всего лишь темную фигуру на казе. Я прыжками бросился к ней.

– Майлин, беда!

– Что? - ее мысленный вопрос снова опустился до шепота, будто вся сила ушла из нее, и она держалась только усилием воли. Меня щипнул страх.

– Майлин, что случилось? Ты не ранена?

– Нет. Что произошло? - ее вопрос прозвучал громче, тело

выпрямилось.

– Люди Озокана напали на лагерь.

– А Малик? А маленький народ?

– Малик… - я заколебался, не находя способа выразиться лучше. Малик умер. Остальные здесь, со мной. Мы ждали тебя. В лагере засада.

– Так! - это слово прозвучало, как удар хлыста. Ее усталости как ни бывало. - Сколько их там?

– Человек двенадцать. Озокан ранен, командование принял другой.

В моей злобе присутствовала ненависть и что-то обжигающее, а в той волне эмоций, которая исходила от Майлин и теперь коснулась меня, был только холод, холод и смерть. Это была настоящая бездна, и я невольно подался назад, как будто увертывался от удара.

Лунный свет заискрился серебром на ее жезле, и из него тоже полился свет, когда она подняла его перед моими глазами. У меня закружилась голова. А Майлин запела, сначала низким бормотанием, которое входило в душу, пульсировало в венах, нервах, мускулах. Пение становилось все громче, западало в голову, изгнало все, кроме стремления к цели, к которой она призывала нас, и делало из нас единое оружие, державшееся в ее руке крепче, чем меч в руках жителей равнин.

Я увидел, как серебряный жезл двинулся, и послушно пошел за ним, как и вся остальная мохнатая группа. Майлин и ее присягнувшие-на-мече выступили в поход.

Я ничего не помню из этого путешествия с холмов, потому что я, как и те, что шли со мной, был полон только одним стремлением утолить жажду, вызванную во мне песнью Майлин, - жажду крови.

И вот мы тайно подползли к лагерю. Он выглядел пустынным, только казы били копытами и кричали в своих загонах. Но мы чуяли, что те, на кого мы охотимся, еще здесь.

Майлин снова запела - а может быть, во мне все еще звучало эхо ее прежней песни, - пошла вниз по склону, покачивая жезлом. Ночью жезл горел в лунном свете, и теперь, когда уже светало, он все еще сверкал, и из его верхушки капал огонь.

Я услышал в лагере крик, и мы кинулись туда.

Эти люди обычно имели дело с животными, которых считали низшими существами: охотились на них, убивали, приручали. Но животные, которые не боялись человека, которые объединились, чтобы убивать людей, - такого просто не могло быть, это противоречило природе, люди это знали, и необычность нашего нападения с самого начала выбила их из колеи. Майлин

продолжала петь. Для нас ее песня были призывом, поощрением, а чем она казалась изгоям - не знаю, но помню, как двое людей в конце концов бросили оружие и катились по земле, зажимая руками уши и издавая бессмысленные вопли. Так что расправиться с ними было нетрудно. Конечно, не всем нам повезло, но мы узнали об этом только после того, как песня кончилась. Мы остались в лагере и подсчитывали потери.

Я как бы проснулся после яркого страшного сна. Увидел мертвецов, и одна часть меня знала, что мы сделали, но другая проснулась и отогнала все воспоминания.

Майлин стояла тут, но не глядя на тела, а уставившись куда-то вдаль, как будто боялась смотреть на хаос, возникший вокруг нее. Ее руки безвольно повисли, в одной из них был жезл, но он более не мерцал живым светом, а был тусклым и мертвым. Ее лицо было пепельно-серым, глаза смотрели в себя. Я услышал жалобный крик.

К Майлин ползла Симла, на ее заду была большая кровоточащая рана.

Затем послышались крики и визг других раненых животных, пытающихся добраться до своей хозяйки. Но она не видела их, глядя в пространство.

– Майлин!

Страх закрался в мой мозг. Не было ли то, что стояло здесь, не обращая внимания ни на что, лишь пустой оболочкой женщины Тэсса?

– Майлин! - снова мысленно закричал я, собрав все силы.

Симла застонала, подползла к ногам Майлин и положила голову на ее пыльную обувь.

– Майлин!

Она шевельнулась, почти неохотно, словно не хотела возвращаться из небытия, державшего ее. Пальцы ее разжались, и жезл покатился в кровавую грязь, к мертвецам. Затем ее глаза ожили и взглянули на Симлу. С отчаянным криком Майлин опустилась на колени и положила руку на голову венессы. Я понял, что она снова вернулась к нам. Теперь надо было перевязать раненых, посмотреть, что можно сделать для оставшихся в живых. Из людей не выжил никто. Я нашел ведро и принес воды, потом еще и еще: Майлин варила питье для раненых. Во время третьего такого похода мой нос, освободившийся, наконец, от захватившего его зловония, сказал мне об опасности.

Человеческий запах, сильный, свежий, уходил в кусты. Я бросил ведро и обнюхал след, но дальше не пошел, потому что пришел мысленный оклик, приглашающий меня вернуться.

По-моему, лучше всего было бы как можно скорее идти по этому следу, но я все-таки вернулся. Видимо, кто-то спрятался от битвы в фургонах, а даже один человек может залечь над склоном и перестрелять нас из боевого лука. Полный этими мыслями, я прибежал в лагерь. Прежде чем я успел сказать о своем открытии, Майлин обратилась ко мне:

– Я должна сказать тебе…

– Майлин, там… - хотел я прервать ее.

Почти величественно она отказалась слушать меня и продолжала:

– Крип Ворланд, я привезла из Ырджара плохие новости.

В первый раз за эти часы я вспомнил о Крипе Ворланде и его бедах, и меня испугала болезненность возвращения от Джорта к Крипу.

– Капитан "Лидиса" обратился к Закону Ярмарки, когда тебя увезли люди Озокана, а твоего товарища ударили и бросили, считая мертвым. Его нашли, и он рассказал о том, что произошло, опознал клан похитителей. Дело дошло до Верховного Правосудия, и был предъявлен иск Осколду, на земле которого нашли твое тело. Тело привезли в Ырджар и решили, что твой мозг разрушен пытками Осколда. Врач "Лидиса" сказал, что оказать тебе помощь можно только дома. И вот… - Майлин сделала паузу, ее глаза встретились с моими, но ничего не выражали, потому что она смотрела мимо меня, на что-то большее, чем Крип Ворланд или Джорт. - И вот, - начала она снова, "Лидис" ушел с Йиктора с твоим телом на борту. Вот и все, что я смогла узнать, потому что в городе творится что-то страшное и тревожное.

Что-то подсказывало мне, что она говорит правду. Она говорила что-то еще, но все это уже не имело значения, и я не слышал, будто она говорила на другом языке.

Нет тела! Эта мысль билась в моей голове, звучала громче и громче, пока я не завизжал в том же ритме. Это были только удары, и я ничего не понимал. Теперь Майлин смотрела не в пространство, а на меня и, мне кажется, пыталась добраться сквозь этот грохот до моего мозга. Но ничто не действовало. Я не Крип Ворланд и никогда не буду им снова, я Джорт!

Я слышал звуки, я видел Майлин сквозь красный туман, ее большие глаза, шевелящиеся губы. Ее команды доносились откуда-то издалека, заглушаемые грохотом. Я был Джортом, я был смертью, я охотник…

Затем я шел по следу, что нашел в кустах у реки. Свежий сильный запах наполнил мои ноздри. Убить… Только ради убийства стоит еще немного пожить. Нельзя быть беспечным,

барск коварен… барск…

Зверь с вековой хитростью овладел моим мозгом. Пусть Джорт будет полностью Джортом. Я отогнал, спрятал, как ненужные остатки, то, что когда-то было человеком, и следил за выходом зверя на его извечное дело охоту. Я различал три разных запаха, смешанные вместе. Не казы - эти люди шли пешком. И вокруг одного был тошнотворный запах, говорящий о повреждении тела. Трое направлялись к холмам. Их можно выследить, но для этого потребуется хитрость. Туда носом, сюда носом, следить издали за всем, что может оказаться засадой. Возможно, человеческая хитрость все еще сочеталась во мне со звериной.

Похоже, они не могли подняться по более крутым склонам. Вероятно, раненому было трудно идти, потому что перед его следами шли более легкие следы.

Я нашел место, где они останавливались. Там виднелись окровавленные тряпки, которые я пренебрежительно обнюхал. Однако они упорно шли вперед, к границам земель Осколда. Я шел по следу захватчиков, и у меня и мысли не было, что у меня отнимут добычу.

Мой мозг постоянно что-то дергало издалека, хотя я поставил барьер против этого и отказался открываться зову. Я был Джортом, а Джорт охотился, и это было единственной реальностью.

Выше и выше… Я дошел до места, где были срублены два молодых деревца, а затем пошел по следу только двоих людей. Двое несли третьего, и их шаг замедлился.

Я бросился вслед, потому что вошел в овраг между крутыми склонами и подумал, что моя дичь может остаться внизу, но не понесся наугад, а пополз от одного укрытия к другому. Я не тыкался носом ни во что пахнущее, памятуя о трюке, сыгранном со мной разведчиком.

Настала ночь, а я все еще не видел их. Я даже удивился их способности уйти так далеко с грузом - разве что они оставили лагерь еще до нашей атаки. Луна помогала мне, где отчетливо выделяя пейзаж, а где пряча его в тени, что скрывало мое продвижение.

Наконец, я увидел их. Двое стояли, прислонившись к скале. Затем один соскользнул на землю и сел, опустив голову на грудь и безвольно уронив руки между вытянутых ног. Другой тяжело дышал, но оставался на ногах.

Третий вытянулся на носилках, издавая слабые стоны.

Двое обессилены, решил я, но за третьим, стоящим, следовало внимательно следить. Наконец, он пошевелился, встал

на колени и поднес фляжку к губам лежащего на носилках, но тот махнул рукой и с резким раздражающим криком оттолкнул фляжку. Она ударилась о камень и разбилась.

На камне остались темные брызги. Тот, кто держал ее, хрипло заворчал, стал собирать осколки, затем поднял голову и дико огляделся, как будто искал в окружающей их дикой местности что-то, что могло бы избавить его от несчастья.

Все это время сидящий не шевелился. Он медленно покачивал головой из стороны в сторону, как бы вглядываясь в темноту. Затем он встал, опираясь о скалу. Теперь луна освещала его лицо, и я узнал в нем того, кто охранял Озокана с тыла, когда они вели своего раненого лорда в лагерь Тэсса. Я узнал и другого: он выполнял волю своего лорда в тесной камере пограничного форта.

Крип Ворланд… Кто такой Крип Ворланд, что призывает Джорта-барска к мести? Неважно… Главное - убить…

Поскольку я рассматривал их как свою добычу, я выскочил на открытое место, издав боевой клич своей породы - глубокий грудной вой. Тот, кто лежал на носилках, скорее всего, был беспомощен, а двое других пусть сражаются за жизнь. Это был самый лучший путь.

Я прыгнул на стоящего человека. Видимо, его отупевший мозг и уши не известили его о моем присутствии раньше, чем я всем своим весом ударил его в грудь, сбил с ног, и мои клыки нацелились куда надо. Легкая добыча!

Я грыз его и рвал, затем вскочил и встретил второго. Он ждал, полусогнувшись, между мной и носилками, в его руке был меч, сверкающий в лунном свете. Человек закричал. Был ли то военный клич или призыв на помощь - какое мне дело? Это не для моих ушей, и меня не касалось.

Меч ожил, и мы закачались друг перед другом в сложном рисунке какого-то ритуального танца. Я все время заставлял человека вертеться и раскачиваться, и это помогло мне, потому что смертельная усталость сковывала его члены. Наконец, мои челюсти сомкнулись вокруг его запястья, и меч выпал. За этим последовал быстрый конец.

Задохнувшись от этого танца смерти, я повернулся к носилкам. Тот, кого несли на них, теперь сидел. Может быть, страх поднял его ослабевшее тело и вернул ему энергию. Я увидел, как дернулась его рука, вспышка света мелькнула в воздухе и ударила меня между шеей и плечом, уколола сильно и глубоко, как нож. Но поскольку человек не убил меня сразу, он не спас себя.

И вот я лежал среди своих мертвецов и думал, что скоро

здесь умрет и Джорт, барск, который только частично был человеком. Это был хороший конец для того, кто не имел больше надежды вернуться назад по странной тропе, приведшей его в это время и место.

МАЙЛИН

Глава 15

Весы Моластера. Давно - ночи и луны назад - я вступила на этот странный путь в согласии с весами Моластера. Но теперь они вышли из равновесия, как всегда бывает, и вместо добра мои усилия приносят зло.

Удивительно, как много зла таится в надежде на добро. Я думаю, что Моластер оставил меня, и я брошена в прилив и не могу выплыть. Видимо, я чересчур верила в себя и в свои силы, и теперь за это наказана.

Я стояла в лагере среди мертвых - и врагов, и моих маленьких существ, и смотрела вокруг, зная, что все это началось частично из-за меня, из-за моих действий, за которые должна была бы отвечать только я. Некоторые думают, может быть, и правильно, что мы всего лишь игрушки в руках великих сил и движемся туда-сюда не по собственному желанию. Но если такая вера успокаивает чье-то сердце и отгоняет чувство вины, она не поддержит того, кто знает дисциплину Певца. Я, например, отказываюсь в это верить.

Мой дух оплакивал маленький народ и Малика, хотя я знала, что Белая Дорога не тяжела для тех, кто в близком содружестве с нами. Иногда гораздо тяжелее возвращаться к этой жизни, чем пройти через ворота на дорогу, которая ведет куда-то в другое место. Мы не должны позволять себе горевать о тех, кто ушел: ведь они только снимают старые одежды и надевают новые.

Это относится и к моему маленькому народу. Но те, кто еще страдает… ах, я также чувствую их боль, их лихорадку, их несчастья. Я должна также нести груз жизни и для другого - того, кто убежал из лагеря с такой грозой в душе, какая бывает у человека, идущего на смерть. Я должна найти его, если смогу, потому что я в глубоком долгу перед ним.

Я подозреваю худшее - что в глубине души я желала именно такого конца. И если такие сильные желания взвешиваются на весах, они влияют на происходящее. Хотя я не воплощала эти желания в жизнь пением, могу ли я быть уверенной, что бессознательно я не влияла на будущее?

Я знаю, что я могу предложить один выход человеку, который был Крипом Ворландом из другого мира, и если он его примет, то…

Я говорила моему маленькому народу успокаивающие слова,

говорила им то, что должна была сказать, и пела над жезлом, хотя был еще день, а не ночь, поскольку не могла ждать темноты. Затем я накормила и напоила тех, кто так долго был моими товарищами. После этого я села с Симлой и сказала ей, куда я должна уйти и почему. Солнце заходило, когда я вышла из лагеря.

Без силы моего жезла я не нашла бы след. Но когда Крип Ворланд входил в тело Джорта, жезл помогал этому и мог теперь найти его, куда бы он ни ушел по земле Йиктора. Я взяла с собой рюкзак с продуктами, поскольку не знала, далеко ли придется идти, хотя и чувствовала, что Джорт близко.

Поразмыслив, я отказалась от того, чтобы искать его мыслью: может быть, он теперь закрыл свой мозг для меня, а, может быть, мой зов отвлечет его как раз тогда, когда ему понадобятся вся его ловкость и хитрость для спасения собственной жизни. Я была более чем уверена - он не просто бежал, куда глаза глядят, когда узнал правду, он, скорее всего, ушел искать битвы. И вполне возможно, что он намерен умереть в этой стычке.

Когда мы принимали форму маленького народа, мы всегда знали, что одновременно принимаем и свойственные им мерки. А когда человек находится в таком состоянии, в каком был Крип Ворланд, он реагирует в новой форме самым диким образом. Из всех животных барск - самый хитрый, умный и свирепый, и эти три качества резко отличают эту породу от всей другой жизни на Йикторе. Только потому, что барск был болен от дурного обращения, я и могла работать с ним, пока в мой лагерь не пришел Крип Ворланд.

Вот почему я была уверена, что создание, которое я ищу, стало на время диким охотником. Он наверняка преследует какого-нибудь беглеца из банды Озокана. Среди убитых не было тела Озокана, возможно, теперь он и служит приманкой. А сколько людей с ним? Все, кого мы застали в лагере, теперь покойники, но ведь захватчиков могло быть и больше.

Дорога вела к границам владений Осколда. Настала ночь, и с ней пришла луна, всегда помогавшая Тэсса. Я запела - не словами, выводящими мою власть наружу, а внутренне, спрашивая, почему жезл не указывает направление. И я не устала, потому что жезл цвел и тем питал мой дух.

Когда поешь, не думаешь ни о чем, кроме цели, образующей ноты. Я шла с единственным желанием - найти потерявшегося. Если Моластер поможет мне хоть самую малость, все еще может кончиться хорошо.

Дорога вела меня вверх, но все вокруг меня было в темноте. Я не была более в устойчивом мире, луна воевала с тьмой, то та, то

другая захватывали полосу земли. Я шла быстро, потому что тот, кого ведет песня и жезл, не может тащиться нога за ногу.

В предрассветных сумерках я вошла в долину, где господствовал запах смерти, устрашающий дух. Я увидела тела трех людей. Двоих я не разглядывала, потому что не знала их, а третий был Озокан. Когда я подошла к тому месту, где он лежал на грубых носилках, как будто ему так и полагалось по рождению, я увидела того, за кем пришла.

Я поискала мысль, боясь найти молчание мертвого тела. Но нет! Дух слабо мерцал, но все еще держался! Я успела как раз вовремя.

Воткнув жезл в грязную землю, я послала пламенную благодарность Моластеру, а затем осмотрела раны в красном мехе, таком близком по цвету к крови, что страшно было смотреть.

Серьезная рана была только одна, причиненная глубоко вонзившимся поясным ножом. Он так и торчал в ней. Я стала работать, как никогда еще не работала. По отношению к моим маленьким существам я действовала из любви и жалости, а здесь я должна была спасать разум, чтобы последний шанс для каждого из нас не был потерян. Я победила смерть своими руками, своим знанием и властью песни.

Обычно мы боремся со смертью, не переходя последней баррикады. Среди Тэсса не встретишь таких, кто посягнул бы на свободу другого и отрицал бы его право на Белую Дорогу, если тот уже сделал по ней первые шаги.

Вытаскивать его обратно с дальнего пути - это значит повредить его будущему. Но в данном случае речь шла не о Тэсса. Я встречала расы, разделявшие наш взгляд на Великий Закон. Для некоторых же народов, я знаю, смерть считается полным уничтожением, и они относятся к ней с ужасом, омрачающим им жизнь. Я не знала, как Крип Ворланд смотрит на смерть, но была убеждена, что он имеет право сделать свой выбор - видеть ли в смерти врага или Врата. Поэтому я старалась для него, как ни для кого из своих.

Дух еще жил в нем, но останется ли он, смогу ли я его удержать, об этом я боялась думать. Ранним утром я снова запела, на этот раз громко, призывая всю власть, которую могла собрать. И под моим жезлом слабое биение сердца усилилось, и я поверила, что нить стала более крепкой. Наконец, я подняла безвольное тело. Оно оказалось легче, чем я думала. Я почувствовала кости под шкурой, как будто Джорт долгое время голодал.

Мы возвращались через холмы, и я все время пела и пела,

борясь за жизнь существа, которое удержала на земных путях.

Когда мы пришли в лагерь, маленький народ так обрадовался, что нарушил мою сосредоточенность своими криками и мыслями. Я опустила Джорта рядом с Симлой. Она все еще была жива, на что я не надеялась. Я снова перевязала ее рану, но видела, что Симле осталось недолго. Я взяла ее обеими руками за голову, как делала часто, и задала ей Вопрос. Она долго сидела так, а потом дала Ответ. Остальные сидели вокруг и тихонько повизгивали. Ведь маленький народ - не Тэсса, им нужно много мужества, чтобы дать такой Ответ, они не верят, как мы. Я вызвала у Симлы самые лучшие воспоминания и пустила ее блуждать по ним, в то время, как вся боль ушла из ее тела. Симла была довольна и счастлива. И в наивысший момент ее счастья я дала освобождение согласно Ответу. Но в меня будто вонзился меч, потому что память и горька, и сладка, и это стало добавкой к моей тяжести.

Я завернула Симлу - ту ее часть, которая больше не имела отношения ни к нам, ни к той части, что освободилась, и положила среди скал. Джорт крепко спал. Если возможно выздоровление, то оно начнется…

Затем я осмотрела лагерь, зная, что должна уйти и найти помощь, если смогу, и сделать это быстро. Потому что, если пришел Озокан, могут прийти и другие. Поев сама и накормив маленький народ, я занялась приготовлениями к отъезду.

Один из фургонов пришлось оставить, и я взяла из него все, что могло нам понадобиться. Грабители многое уничтожили, но все, что осталось из пищи и лекарств, я погрузила. Клетки маленького народа я поставила в два фургона и удобно устроила их обитателей. Джорта я положила на мягкий мат за своим сидением в передней части фургона и приказала казам отправляться.

Фургоны следовали один за другим, так что задним фургоном не было нужды управлять.

Солнце светило неярко, потому что уже приближалась зима. Каждый сезон имеет свое очарование. Некоторые считают осень печальным явлением, потому что многое, жившее при жаркой погоде, как бы умирает и исчезает с земли, и приход зимы страшит их. Но ведь у каждого времени года своя жизнь и энергия, и каждый сезон имеет какие-то свои преимущества перед остальными.

Для Тэсса зима - время отдыха, встреч членов клана и духовного общения, время суда и обучения. И в этом году я, Майлин, предстану перед судом моего народа. Но пока еще осень не ушла из страны. Хотя искра жизни Джорта чуть тлела, она все

еще не погасла.

Дважды издали я видела отряды всадников, но даже если они и видели мой маленький поезд, они не обратили на нас внимания, потому что искали не меня. Может быть, было и к лучшему, что мы ехали открыто, средь бела дня ведь Тэсса всегда были чужаками для равнинных жителей и известными бродягами, а ночное путешествие могло возбудить подозрения.

Казы, хорошо отдохнувшие в лагере и вдоволь накормленные и напоенные, уже много часов шли небыстрым, но ровным ходом, и я намеревалась проехать больше того расстояния, что обычно проходили за день. Я спешила, потому что время было мне не другом, а страшным врагом. Иногда я останавливалась и смотрела на свой народ. Больше всего мне не хватало Симлы.

Она значила для меня больше, чем другие, потому что нас связывал давний обмен. Эту связь нельзя объяснить словами. Никто другой не смог бы заменить мне Симлу. Если бы я ушла из жизни раньше ее, она тоже чувствовала бы такую же пустоту.

Интересно знать, если Крип Ворланд снова получит свое тело, а дух барска вернется в свою законную оболочку, будет ли этот инопланетник считать себя объединенным с другой формой жизни? Никто из его рода не испытал такого обмена.

Мы опять ехали в Долину. Теперь я думала о Древних. Что случилось с нашим посланием из Ырджара? Малик говорил мне, что ответа не было. Придет время, которого я не могу и не хочу избежать, когда я должна буду предстать перед собранием, рассказать обо всем, что сделала, и обосновать сделанное. Однако, я не верю, что мои причины будут достаточно сильны, чтобы противостоять весу гнева Древних.

Я изгнала эти размышления из своего мозга, потому что темные мысли навлекают несчастья. Вместо этого я собрала все, что могла, для блага, и выбрала растущую песню, ибо рост - близкий родственник выздоровления и, может быть, один - часть другого. Казы по-прежнему шли к Йим-Сину, я пела для Джорта и для маленького народа. В такой песне вся энергия связана в единую волю-желание, но может и распасться, если понадобится.

Наступила ночь, и я увидела в темноте отблеск огня, указывающий на какое-то насилие. За холмами лежала страна Осколда, мы ехали сейчас по равнине. Может быть, Осколд объявил войну захватчикам, а может, распространилась какая-то давняя ссора. Я вспомнила разговоры, слышанные в Ырджаре, о том, что "Лидис" ушел с планеты, чтобы избежать какой-то опасности.

Во время войн равнинных жителей Тэсса, следуя древнему правилу, поднимались в горы, в безопасные места. Так что,

думала я, возможно, и другие фургоны движутся в эту ночь, но не рискнула послать мысль. Я пела, и в песне было больше могущества, чем обычно, так как мы ехали под Луной Трех Колец.

Я поняла это, когда повернулась на сидении и подняла свою палочку над исхудалым телом барска. И почувствовала, как она ходит вверх и вниз, не касаясь ни кожи, ни меха, и изменяет всю энергию за одно движение. Моя рука устала, во рту пересохло, горло саднило. Я отодвинула жезл в сторону и наклонилась. То, что было чуть мерцающей искрой, теперь горело ровно. Я слишком устала, чтобы посылать мысль, но теперь знала, что это чуть не погибшее создание будет жить. И с возвращением жизни наверняка будет принято и то, что я могла ему предложить.

Мы остановились у поворота на главную дорогу в Йим-Син. Я выпустила тех животных, которые хотели побегать, и занялась оставшимися. Борба прибежала с сообщением, которое немедленно выгнало меня из фургона на дорогу.

Мой нос не мог ощущать того, что было ясно написано для моего маленького народа, но и мои глаза видели, что по этой дороге проехали большие отряды всадников. Я не слышала запахов, как мои животные, но зато улавливала в воздухе нечто другое. Здесь проехали опасность и злоба, причем проехали недавно. Ехать за ними могло быть опасно.

Однако, выбора у меня не было. Что выслеживают эти люди? Всем известно, что эта дорога ведет только в Долину, а этого места остерегались, туда ехали только те, кого посылал рок. Я не могла поверить, что какой-то всадник поедет туда добровольно. Была только одна причина, которая могла объяснить такое безрассудство и пренебрежение обычаями:

Долина имела два выхода, с запада, с той дороги, где мы сейчас находились, и с востока, где путь шел через земли Осколда. Неужели какой-нибудь из его врагов, движимый безумной ненавистью, решился ввести своих людей в Долину, чтобы выйти затем в центр владений Осколда? Для вождя такое оскорбление обычаев было почти невероятным, однако, во время диких войн творилось и худшее, что потом удивляло людей, оглядывающихся назад и не способных поверить, что такое было. Людей вело безудержное желание победы над врагами, и они сметали все, что случайно попадалось на их пути.

Я думала о тишине и покое Умфры и о тех, кто хранил этот покой несчетные годы и теперь не мог поверить, что кто-то может смутить его. Они могли оказаться в роли насекомых под чьими-то неосторожными шагами.

Конечно, всего этого могло и не быть. Да у меня и не было другого пути, так что я собрала свою компанию, накормила и

напоила ее, и мы стали ждать луны. В эту ночь мне нужна была луна, она поднимала и укрепляла мой дух, давала мне силу.

Луна взошла, ее не закрывали облака, но ее свет тускнел от огней внизу. Я увидела это и закусила губу: огонь поднимался от Йим-Сина, и такие красные цветы выращивала только война. То, чего я боялась, действительно было!

Я снова запрягла казов и выехала на дорогу. По ее гладкой поверхности мы ехали быстрее. А, собственно, зачем торопиться? Приехать в горящие развалины разграбленного Йим-Сина? У меня был свой род оружия, но оно не для таких баталий.

Можно было свернуть с дороги. Впереди была некая точка, от которой я могла добраться до безопасной высокогорной области. Если весь Йиктор сошел с ума, здоровым лучше собраться вместе и отсидеться - пусть остальные уничтожают друг друга.

Позади послышалось то, за чем мои уши внимательно следили - слабое движение мата. Я оглянулась. Глаза барска были открыты, но никаких признаков разума в них не блестело. Меня кольнул страх - неужели Джорт действительно взял верх, а человек ушел в небытие? Иногда случалось, хоть и редко, что человек не мог пересилить звериную природу.

– Крип Ворланд! - мысленно окликнула я его, резко, как призыв к оружию, со всем своим мастерством.

Его глаза были пустыми, в них ничто не жило. Как будто я снова смотрела на барска, которого я отобрала у Отхельма, на животное, глубоко пораженное бедствиями и уже уходящее из жизни.

– Крип Ворланд! - еще раз воззвала я к его мозгу.

Его голова шевельнулась, как будто он хотел избежать удара. Он и в самом деле отступил, его мозг был так же далек от меня, как его жизненная сила была далека от прежней.

– Крип Ворланд! - я подняла жезл, подставила под лунный свет и опустила на голову барска.

У него вырвался крик боли и ужаса, такой плач, какого я никогда не слышала ни от одного животного, и мой маленький народ ответил ему, каждый на свой лад. Барск пытался встать, но я положила руку на его плечо, стараясь не касаться раны, и под давлением он лег снова.

– Ты - Крип Ворланд! - я выпустила каждое слово, как стрелу из лука, вбивая в его мозг и крепко удерживая, чтобы они не выскочили. - Ты человек! ЧЕЛОВЕК!!!

Он снова взглянул на меня глазами животного, но в них уже было что-то иное. Отвечать он не пытался. Если его оставить в покое, он снова уйдет. Я не могла допустить этого, потому что не была способна вернуть его к жизни вторично.

– Человек, - повторила я. - И пока человек жив, живо и его будущее.

Клянусь тебе… - я поставила пылающий жезл между нами и увидела, как его взгляд переходит с жезла на меня и обратно. - Я клянусь тебе властью этого жезла, а меня такая клятва связывает больше, чем жизнь или смерть, что еще не все потеряно!

Достаточно ли он готов принять эти слова, понять их, а поняв, поверить?

В это время и в этом месте я ничего больше не могла сделать, остальное зависело только от него самого. А что я знала о движущих силах инопланетников и могла ли указать ему ту или иную дорогу?

Долгую-долгую минуту я боялась, что все пропало, что он понял, но не поверил.

– Что осталось?

Его мысль-речь была очень слабой, я с трудом ухватила ее.

– Все! - я торопилась поддержать и укрепить контакт.

– А что все?

– Временно - новое тело, человеческое тело. В нем ты можешь беспрепятственно отправиться в Ырджар. Там ты либо последуешь в космос за своим кораблем, либо найдешь способ вызвать его за тобой на Йиктор.

Примет ли он это?

– Какое тело?

Меня подбодрило, что его мысль окрепла. Он больше не отталкивал контакт со мной, как вначале.

– Оно ждет нас.

– Где?

– На холмах.

Я надеялась, что говорю правду. Я должна верить, что это правда, или все пропадет. Он посмотрел мне в глаза.

– Ты, видимо, имеешь в виду то…

Контакт снова ослабел, но на этот раз не по его воле, видимо, ослабело тело.

– Да. Но ты серьезно ранен, тебе надо спать.

Я была больше, чем уверена, что, пока он так слаб, надо отложить решение или немедленные действия. Он снова положил голову на мат, закрыл глаза и уснул. Фургон ехал дальше. Мне было не до сна. Я не могла подвергать опасности маленькие жизни, тесно связанные со мной. Один раз я воспользовалась ими, приняла их помощь. Теперь же надо было отправить их в безопасное место. Как только мы доедем до поворота в наше высокогорье, мы разделимся. Я вложу в мозг казов программу их движения на день-два. Затем, конечно, если Тэсса не уловят

сигнал бедствия, который я тоже пошлю, животные могут уйти в пустынные места для безопасности. Это было лучшее из того, что я могла сделать для них.

Все шло так, как я планировала. Я оставила один фургон, а два отправила, вложив приказ в мозг казов. Через несколько часов он мог ослабеть, но я дополнительно включила маленький механизм, который заставит их держать направление к возвышенности и известит Тэсса, что животным нужна помощь. Они были в незакрытых клетках, я оставила им пищу и воду.

Я долго смотрела вслед фургонам. Когда они скрылись из виду, я вернулась в свой фургон. Джорт все еще спал. Нас везли два самых лучших каза, приспособленных к тяжелой работе. Я посмотрела на далекий огонь. Он несколько потускнел. На заре следующего дня мы попадем в опасность, но в чем она заключается, я не пыталась угадать.

Глава 16

Как всем Тэсса, возвышенные места нравились мне больше, чем равнинные, где иногда трудно дышать, где столько пыли от земли и от людей с их тупым мозгом и тяжеловесными мыслями. Я не знала, откуда пришла наша раса, наша история так длинна, что ее начало затянуто туманом. Некоторые считают, что мы, возможно, и не с Йиктора, а происходим из другого мира, на этой планете мы чужаки, как тот инопланетник, что едет со мной. Но если это и так, мы здесь уже настолько давно, что даже легенд о нашем прибытии сюда не осталось.

Когда мы еще жили под крышами, наши города располагались в горах, поэтому мы без затруднений остались наверху, когда другая раса пришла из-за моря и поселилась здесь, на равнинах. Для них были низины, для нас высокие места.

Теперь, когда фургон поднимался к Йим-Сину, моему сердцу стало чуть легче, как бывает с каждым странником, когда он входит в страну, где его рады видеть. Но одновременно возрос и страх. Будь здесь Симла, она могла бы разведать все, была бы моими глазами и ушами. Но никто не мог заменить мне ее.

Солнце вставало, но было скрыто вершинами холмов, так что для нас не было ни полного света, ни тепла. Я поела, не останавливая фургона, но больше не пела, потому что моя сила упала после всех призывов, которые я сделала за последние несколько часов, а то, что осталось, могло понадобиться в качестве оружия. Мы все еще видели следы отряда, прошедшего перед нами.

На склонах холмов были виноградники. Их листья увяли и покраснели. Но не было ласкового ветерка, шевелящего листья, только запах гари. Я уже угадывала, что найду в Йим-Сине.

Дым все еще тянулся из куч золы. Из зернохранилища валили маслянистые клубы. Я намочила шарф и завязала нос и рот. Глаза ело. Огонь пощадил только храм Умфры, но большие ворота криво висели на петлях, и было видно, что их протаранили. Йим-Син был захвачен внезапно, горстка его обитателей ухитрилась добраться сюда в надежде, что святыню не тронут.

Эти убийства и разрушения были так бессмысленны, как будто сделавшие их были оболочками людей, причем куда более скверными, чем любой человеческий дух, обитающий в этих оболочках. Каким же может быть человек, когда он сбрасывает всякий контроль над зернами жестокости и зла, живущими в нем! Я Певица и для получения своей силы прошла через множество проверок и испытаний. Я из рода Тэсса, народа, давшего обет мира. То, что я увидела в Йим-Сине, превосходило всякое понимание. Меня трясло и тошнило, я не могла поверить, что это сделали называющие себя людьми.

Если такое случилось с Йим-Сином, что же с Долиной? Правда, в Долине была стража, готовая грудью защитить тех, кто жил там. Может быть, стражники унесли их, чтобы спасти от убийц?

Я пошла обратно к фургону и дала приказ казам. Джорт поднял голову и взглянул на меня.

– Что случилось?

Я откровенно рассказала ему о том, что нашла здесь, и добавила, что смерть идет перед нами.

– Кто? Почему?

– Ничего не могу сказать. Предполагаю только, что враги Осколда идут на него через Долину.

– Я думал, что Долина и ее дороги священны, неприкосновенны…

– Во время войны богов оскорбляют или забывают. Так бывает часто.

– Но как могли равнинные жители сделать такую вещь только ради того, чтобы потихоньку напасть на лорда, - настаивал он.

– Я думала об этом, но не нашла ответа. Прошлой ночью на равнине пылали пожары. Я предполагаю, что это не просто вторжение в земли Осколда, конфликт распространился гораздо шире, и, может быть, уже вся страна в огне и крови. То, что я видела здесь, не отвечает здравому смыслу.

Объявленные вне закона могут совершать такие акты, но их банды не столь велики, чтобы напасть на городок, да и кто эти

отщепенцы? Ведь Озокан и его люди умерли.

– Но мы пойдем туда, в Долину?

– Я поклялась тебе, - устало ответила я. - Я сделаю все, что могу, чтобы хоть как-то исправить сделанное. Смогу ли - ответ на это в Долине.

– Ты хочешь предложить мне тело Маквэда?

Меня не удивили его слова. Он не глуп, а сложить два и два не так уж трудно.

– Да, тело Маквэда, если ты согласен. Затем ты можешь пойти в Ырджар, и я пойду с тобой. Мы все расскажем, на твой корабль сообщат, и он, конечно, вернется.

– Очень уж много "если". Скажи, Майлин, почему ты отдаешь мне его тело?

– Потому что оно - единственно возможное, - медленно сказала я.

– У тебя нет других причин? Например, желания, чтобы Маквэд снова жил?

– Маквэд умер. Осталось только то, что пока поддерживает жизнь тусклый образ.

– Значит, вы, Тэсса, отделяете человека от тела?

Я не совсем поняла, что он хотел сказать.

– Ты - Крип Ворланд. Разве ты чувствуешь себя менее Крипом Ворландом, раз находишься в другой внешней оболочке?

Он молчал, обдумывая. Я надеялась, что правильно ответила на его мысль. Если он согласится, что главное - не тело, а то, что в нем живет, тогда обмен не будет таким тяжелым для него.

– Значит, вашему народу все равно, какое тело вы носите?

– Конечно, нет! Я была бы безумной, если бы утверждала подобное. Но мы верим, что внутренняя часть неизмеримо выше внешней, она и составляет нашу истинную сущность, а внешняя часть - только одежда для глаз и чувств.

Внешняя оболочка Маквэда все еще жива, но то, что было Маквэдом, ушло из оболочки и от нас. Я предлагаю тебе его бывшее тело, чтобы ты опять стал человеком.

– Тэсса, - поправил он меня.

– А разве это не одно и то же?

– Нет! - резко возразил он. - Мы очень разные. Как Джорт, я узнал, что остаток законного обитателя все еще живет в этом теле и может влиять на меня. Не получится ли так же, если я испробую другое перемещение? Не стану ли я Крипом-Маквэдом вместо Крипа Ворланда?

– Кто руководит Джортом - человек или барск?

– Человек, я надеюсь… теперь… - нерешительно ответил он.

– Разве Крип Ворланд не останется Крипом Ворландом

независимо от тела, в котором он живет?

– А ты уверена?

– Есть что-нибудь в этом мире, под любым солнцем, в чем можно быть уверенным?

– Только в смерти.

– А вы, инопланетники, уверены в смерти? Вы верите, что она конец, а не начало?

– Кто знает? Вряд ли мы можем получить правильный ответ на вопрос, какой хотели бы задать. Итак, ты предлагаешь мне тело, близкое к моему, пропавшему. Ты сказала, что потом мы поедем в Ырджар. Но, похоже, нам придется иметь дело не только со своими заботами, но и с войной, лежащей между нами и Ырджаром.

– Крип Ворланд, разве я обещала тебе, что все будет легко и просто?

– Нет, - согласился он. - Но как ты вообще можешь обещать мне тело, если те, кто идет перед нами, расправятся с Долиной, как с Йим-Сином?

– В Долине есть стражники, а здесь их не было. Они могут защитить тех, кто там живет. Я предложила тебе лучшее из того, что могу, Крип Ворланд. Большего не может сделать никто - ни человек, ни Тэсса.

– Согласен.

Он, видимо, только сейчас заметил отсутствие остальных членов нашей компании, потому что спросил:

– А где животные?

– Я отослала их туда, где, я надеюсь, мой народ встретит их. Если же этого не случится, они будут бродить по своей воле.

После паузы он сказал:

– У всех нас изменилась жизнь после той прогулки на ярмарке в Ырджаре. Я никогда не поверил бы этой истории, если бы не пережил ее сам.

– Материал для легенды, - согласилась я. - Говорят, что если глубже покопаться в любом древнем сказании, то в нем обязательно найдешь зернышко истины.

– Майлин, кем был для тебя Маквэд?

Я была застигнута врасплох, и он, видимо, почувствовал это.

Неожиданность вырвала у меня правду.

– Он был спутником жизни моей родной сестры Мерли. Когда… когда он ушел от нас, я боялась, что она последует за ним. Она до сих пор отворачивает лицо от полноты жизни.

– Скажи, вернется ли эта связь с возвращением Маквэда? - второй его вопрос был так же остр.

– Нет. Ты будешь носить тело Маквэда, но ты не Маквэд.

Однако, увидев тебя, она, может быть, примирится с правдой и снова выйдет из тьмы к свету.

Наконец, мое несчастное, раздражающее желание было высказано словами.

– Но твой народ узнает, что я не тот, кем кажусь?

Он, видимо, не слышал моих последних слов. Я улыбнулась, но улыбка вышла кривой.

– Не думаешь же ты, что скроешь от Тэсса свою истинную сущность, Крип Ворланд? Всякий узнает тебя с первого взгляда. И я должна сказать тебе, что они этого не одобрят. Я нарушаю все наши Уставные Законы, отдавая тебе жилище Маквэда даже на время. Они не могут предотвратить это действие, но я за него отвечу.

– Тогда зачем…

– Зачем я это делаю? Надо ли спрашивать, инопланетник? Я поклялась самой сильной клятвой своего народа, что сделаю для тебя все, что в моих силах. Не могу сказать, почему все это свалилось на меня, но тот, кто несет груз, ниспосланный Моластером, не должен жаловаться.

Больше он ни о чем не спрашивал, и я была рада, что он погрузился в свои мысли, потому что я занялась своими. Я сказала ему чистую правду. Он будет в теле Маквэда, но Маквэдом не станет. Однако, как зверь влияет на вселившегося в его тело человека, так и Маквэд в какой-то степени повлияет на него. Тем более, что этот инопланетник восприимчив к власти эспера.

Маквэд был Певцом второй степени. Он должен был по своим знаниям подняться выше, когда его убили в теле животного. Это было молодое животное, еще ни разу не использованное для обмена, и после тяжелого ранения оно впало в каталепсию, так что мысленные приказы не достигали мозга. Но животная часть не могла полностью овладеть всем человеческим мозгом, как и человек не может полностью владеть животным. Значит, остальное осталось в Маквэде, может быть, даже большая его часть? Даже Древние не знают, насколько полным бывает обмен. Во всей нашей истории не было случая, чтобы человек вернулся в человеческое тело, но не в свое.

Допустим, что этот остаток в теле Маквэда проснется и повлияет… Я не уверена в этом, но надеюсь, что даже часть Маквэда может осветить на время дни Мерли и заставит ее вернуться к нам.

Я смотрела на спины казов и на дорогу, но не видела ничего, кроме лица Мерли и обмена, который может привести к тому, что Маквэд - часть Маквэда - какое-то время будет рядом с ней. Даже

если того, о чем я мечтала, не произойдет, я все равно сдержу клятву - мы поедем в Ырджар и постараемся сделать обмен, если это удастся.

Я думала о Долине и о том, что могло там случиться за эти дни. По всем признакам те, кто покончил с Йим-Сином, должны уже достичь Долины, а мы двигались медленно. Мы проехали участки, где когда-то стояли часовые и спрашивали путешественников о цели их поездки. Теперь там часовых не было, и я не останавливалась искать их. Я не торопилась со спуском, чтобы не приехать как раз во время сражения. Стража Долины может не разобраться, кто друг, а кто враг. И кто знает, возможно, какая-то доля здравого смысла заставит всадников вернуться наверх. Мы остановились в пустынном месте. В горном потоке бурлила вода. Я распрягла казов, чтобы они попаслись.

– Никаких других следов? - спросил инопланетник, когда я принесла ему воды.

– Кроме них, никто не ехал этим путем. Но кто они и зачем они здесь… - я покачала головой.

– Ты могла бы своей властью ограничить их?

– Ты можешь посылать мысль. А владеешь ли ты телепортацией или чем-нибудь подобным?

– Нет. Есть такие, кто владеет, но я еще не встречал ни одного. Но я думал, что Тэсса…

– Могут совершать еще более удивительные действия? Иногда да, но для этого должно быть подходящее место и время. Имея и то, и другое, я могу послать читающий луч и частично увидеть будущее, вернее, усредненное будущее.

– Усредненное? Разве оно разное?

– Да, потому что оно зависит от действий. Разве человек всегда думает одинаково - сейчас и через час, сегодня и завтра? То, что кажется правильным и разумным сейчас, позднее выглядит иначе. Следовательно, можно прочесть только будущее в широком смысле. Но наше положение в будущем меняется из-за необходимости встречаться с тем или иным кризисом. Я могу сказать тебе о судьбе нации, но не о судьбе отдельного ее члена.

– Но ты могла бы сказать о будущем Долины?

– Возможно, будь у меня время, но у меня его нет. Долина слишком далека.

– Ну, скоро мы узнаем это на себе. Когда я встретил тебя в той ложбине? Давно это было? С тех пор я потерял счет дням.

– Дни, носящие числа, - я покачала головой, - не касаются Тэсса. Мы давно перестали иметь дело со счетом дней. Мы помним, что произошло, но в какой именно день, не знаем.

Будь Ворланд сейчас человеком, он бы рассмеялся.

– Вы совершенно правы, Госпожа! Того, что случилось со мной на Йикторе, вполне достаточно, чтобы забыть счет дням. Но когда я пришел из крепости Озокана в ваш чистый лагерь, я думал, что вижу какой-то живой и очень неприятный сон, и я был склонен время от времени возвращаться к этой уверенности, потому что это могло объяснить случившееся, и это легче, чем думать, что я наяву жил и живу… здесь.

– Я слышала, что в иных мирах есть методы, чтобы вызвать такие сны.

Возможно, ты испытал их и поэтому готов был поверить в такое и здесь. Но если ты спишь, Крип Ворланд, то я-то не сплю! Если только я не часть твоего сна…

– Майлин, ты замужем?

Я вспомнила, что за все время этого странного приключения, в котором мы участвовали, мы ни разу не задавали таких вопросов и не интересовались прошлым друг друга.

– Нет. Я Певица. Пока я пою, у меня нет спутника жизни. А у тебя? Я слышала, что Торговцы имеют семьи. Может, у вас, как у Певцов: либо либо?

– В этом роде.

И он рассказал мне о жизни своего народа, повенчанного со многими звездами, а не с одной. Торговцы женятся, но только тогда, когда достигают определенного ранга в своих кампаниях. Иногда женщины с планеты принимают ради мужа жизнь Торговца. Но чтобы Торговец покинул свой корабль ради женщины - это немыслимо.

– Ты похож на Тэсса, - сказала я. - Укорениться в одном месте - для нас смерть. Мы летаем по всему Йиктору, суше и морям, по своей воле. У нас есть определенные места, где мы собираемся, когда нужно. Но в остальное время…

– Цыгане.

– Что? - спросила я.

– Древнее слово. Обозначает народ, который всегда странствует.

Видимо, когда-то была такая нация, очень-очень давно в каком-то далеком мире.

– Вот и у Тэсса пристрастие к свободному пространству. Я говорила тебе однажды о корабле, о маленьком народе и о посещении других миров.

– Такое в принципе возможно, но будет стоить больше весовых знаков, чем их есть в сокровищнице храма Ырджара. Такой корабль надо строить в другом мире после долгого изучения и экспериментов. Это только мечта, Майлин, потому что ни у кого нет и не может быть такого богатства, чтобы воплотить

эту мечту в жизнь.

– Что является сокровищем, Крип Ворланд? Что есть богатство? В разных мирах оно принимает разные формы?

– Сокровище - это редкая и ценная вещь на каждой отдельной планете. В некоторых случаях редкость - самое прекрасное и ценное, в других же самое бесполезное. На Законе сокровище - это Знание, законцы считают его своим богатством. Привези им неизвестный артефакт, легенду, намек на что-то новое в Галактической истории - и ты дал им сокровище. На Сарголе это мелкая травка, когда-то бывшая самой обычной на забытой Земле, она неотразима для сарголийцев, которые охотно дают в обмен на нее драгоценные камни. А на другой планете в обмен на такой камешек величиной с ноготь твоего мизинца человек может жить как лорд на Йикторе лет пять, а то и больше. Я могу насчитать тебе целую кучу сокровищ для четверти Галактики, так как они проходят через наши склады. Так вот, у каждого мира есть свое сокровище, то, кажется целым состоянием на одной планете, - а на другой окажется либо ничем, либо даже большим.

Он мысленно засмеялся, даже пасть барска раздвинулась в слабом подобии улыбки.

– Но обычно меньше, чем больше. Лучше всего камни, потому что камни и произведения искусства у многих рас и народов считаются ценностью и оберегаются.

– А какого рода сокровища понадобятся в тех местах, где могут построить такой корабль для моего маленького народа?

– Все, что является высокой ценностью. Люди на внутренних планетах пресыщены самым лучшим из сотен миров. У них есть торговля, есть корабли, привозящие все сокровища, какие только можно достать. Нужно что-то очень редкое, никогда не виданное, или такая сумма торговых кредитов, на которую можно купить половину наших складов.

Я запрягла казов, и мы снова двинулись в путь. По дороге я думала о природе сокровищ и о том, как по-разному они ценятся в разных мирах. Я знала, что берут инопланетники на Йикторе, и представляла себе, какой груз считается обычным. У нас есть камни, но не такие редкие, чтобы инопланетные торговцы стремились их покупать. И я решила, что в глазах таких экспертов Йиктор может считаться бедной планетой.

Тэсса не собирали материальных богатств, как равнинные жители. Если у нас оказывалось больше вещей, чем было необходимо, мы оставляли лишнее в тех местах, где собирались, чтобы их взяли те, кому понадобится. Наши шоу животных собирали много денег, но мы не копили их. Мы рассматривали шоу как тренинг и для животных, и для Певца, а кроме того, как

хороший предлог для скитальческой жизни.

Лежать на каком-то сокровище и беречь его - это чуждо нам. Если мы поступали так в прошлом, когда жили в городах, то теперь забыли об этом.

Пока мы медленно ехали по дороге, я спросила:

– А что у вас считается самым драгоценным? Камни? Какие-нибудь редкие вещи?

– Ты имеешь в виду меня или мой народ?

– То и другое.

– Я отвечу одним словом, потому что как для меня, так и для моего народа, самое дорогое - корабль!

– И вы ничего не собираете?

– Мы собираем, сколько можем, те сокровища, которые нужны другим, и все это, за исключением, конечно, того, что мы тратим, складываем в корабль на наш счет.

– И много ли ты когда-нибудь соберешь?

– Может быть, столько же, сколько в поместьях лордов на Йикторе. Им тоже нелегко их завоевать, хотя способы у нас разные.

– А ты уверен, что у тебя когда-нибудь будет это богатство?

– Никто добровольно не расстается с мечтой, даже когда возможность ее реализовать ушла в прошлое. Я думаю, человек всегда надеется на счастье, пока жив.

Мы сделали привал, но не на всю ночь, а лишь на несколько часов. Я смотрела, как восходит луна, но не сделала ни одного движения, чтобы призвать ее власть - сейчас не время. Так что я не поднимала жезл и не пела. Я только помогала казам мысленной силой, когда и где могла.

Луна низко висела, когда мы подъехали к спуску в Долину. Барск завозился и пытался встать. Я остановила его.

– Мы над Долиной. Лежи, отдыхай, пока можно.

– Ты спускаешься?

– Я приму все предосторожности, - я выставила жезл, запела внутреннюю песню и стала спускаться.

КРИП ВОРЛАНД

Глава 17

Когда я проснулся с сознанием, что все еще жив, перевязан Майлин и нахожусь опять в фургоне Тэсса, мне показалось, что сон, завладевший мной, сделал полный круг.

Когда мы спускались в окутанную туманом Долину, Майлин вела фургон точно по середине дороги. Я читал в ее мозгу, что те предосторожности или защита, о которых она говорила, вполне могут стать нашей гибелью, несмотря на то, что мы шли с миром. Могло случиться, что мы разделим участь тех, за кем следуем.

Еще одна печаль изводила меня. Хотя мой мозг и был насторожен, тело было еще слабым и не повиновалось мне. Если на нас нападут, я ничего не смогу сделать, даже защитить себя. Я мог только поднять голову и вытянуть лапы, лежа на мате. Если я делал глубокий вдох, начиналась боль, накатывалась слабость. У Майлин была власть излечения, это я знал, но может ли она сделать что-нибудь с такой раной? Были все основания полагать, что лезвие Озокана прошло глубоко и что возвращение к жизни моего теперешнего тела не означает выздоровления.

Когда я выслеживал Озокана и его приверженцев, я искал смерти.

Пораженный известиями, привезенными Майлин из Ырджара, я впал во временное безумие. Но в каждом человеке, по крайней мере, в моей породе, сидит упорное сопротивление концу существования. И теперь крохотный клочок надежды послужил оплотом моему духу. Альтернатива, внушенная мне Майлин, имела некоторые возможности. Обрядившись в тело Тэсса, я действительно мог вернуться в Ырджар. У Торговцев есть на планете консул. Я видел его, когда "Лидис" приземлился здесь. Я мог пойти к Прайдо Алсею, рассказать ему все и просить его известить капитана Фосса. Проще простого составить такое сообщение, какое мог послать только Крип Ворланд, и тем самым удостоверить свою личность. Затем, когда вернется мое собственное тело, последует новое переключение, и я по-настоящему стану самим собой.

Конечно, было множество препятствий и ловушек между теперешними трудными моментами и тем, столь желанным. И многие из этих ловушек, может быть, лежат прямо перед нами. Я старался двигаться, поднять отяжелевшую голову, чтобы взглянуть на переднее сидение, но ничего не вышло, и я лежал,

страдающий, слабый, встревоженный своим состоянием.

Теперь я начал осознавать, что Майлин не просто направляет казов вниз по дороге: вокруг нее была аура, выходящая из мозга, посыл энергии. Я лежал так, что мне был виден ее профиль, суровый и неподвижный. Волосы не были уложены затейливыми локонами, как при нашей первой встрече, а подняты вверх и слабо связаны, как серебряный шлем. Не было и арабеска из серебра и рубина на лбу. Глаза ее были полузакрыты, веки опущены, она словно смотрела внутрь себя. Но в лице ее был такой свет, что я даже опешил. То ли свет луны падал на ее прекрасную кожу, то ли это был внутренний свет, отражение хранившейся там силы. Сначала я видел в Тэсса человека, теперь она казалась мне более чужой, чем животные, с которыми делил я жизнь и сражения в эти последние дни.

"Принять предосторожности", так она это назвала. Я бы сказал:

"Вооружиться". Я опустил тяжелую голову и больше не видел Майлин, но осознание ее, как она сидит, что делает, было во мне, как будто я по-прежнему наблюдал за ней.

Пока фургон громыхал, к нам пришло новое ощущение - нечто вроде предупреждения, как если бы некий разведчик с отдаленного холма отгонял нас. Так как мы не послушались этого предупреждения, беспокойство возрастало, и в мозгу появилась тень предчувствия, становившаяся все чернее. Может, это был кто-то из защитников Долины, я не знал. Но, по-видимому, на Майлин это не произвело эффекта и не отклонило ее с пути.

Моя усталость все увеличивалась. Временами я сознавал, где я и что со мной, а потом продолжал кружить в пустоте небытия, результатом чего было страшное головокружение, и я не мог сказать, был ли реальным туман, заволакивающий мои глаза, когда я пытался рассмотреть какую-то часть фургона, или туман был порождением моей невероятной слабости.

Путь казался бесконечным. Время исчезло, вернее, его нельзя было измерить. Я был потерянным, словно лежал на челноке, снующем туда и сюда и ткавшем будущее, которое ускользало от меня.

Воздух дрожал и бился вокруг - может, от качания челнока, который нес меня? Нет, это была пульсация, прерываемая ритмом, который удерживал меня в фургоне. Затем я услышал звук, бывший частью этого биения, - наверное, песню. Звук исходил не от Майлин, а поднимался из Долины, и он становился громче с каждым шагом казов.

Это странное биение звука делало меня сильнее, будто в мое вялое тело вливалась жизненная сила, ушедшая с тех пор, как

нож Озокана искал мою жизнь. Я лежал и чувствовал, как она входит в меня. Правда, что-то снова отходило, откатывалось, но то, что оставалось, бодрило меня. Теперь я уже не просто угрюмо цеплялся за жизнь, а был способен думать о чем-то помимо собственного тела.

Я еще раз приподнялся и взглянул на Майлин. Она откинула голову и протянула руки перед собой, держа жезл между ладонями. Он кружился, разбрасывая серебряные искры, которые падали ей на голову и грудь, исчезая. И она пела песню - не ту, что все еще витала в воздухе, но высокую и нежную, и ее звуки притягивали меня.

Я кое-как оперся передними лапами о пол, и мне удалось встать. Теперь мои глаза были на уровне сидения Майлин. Я бросил взгляд наружу: была еще ночь или очень раннее утро. Луна уже не сияла. Впереди внизу виднелся другой свет, но не оранжевый свет пожаров, а голубая тень лампы, лунного шара Майлин, только они не были фиксированы, а качались, как мощные фонари. Как раз из этого освещенного места поднималось пение, становилось все сильнее и глубже. Я потащился дальше, пока не вытянул, несмотря на боль, одну переднюю лапу на сидение и положил на нее голову. Майлин не обратила на меня внимания, она была поглощена пением.

Двое мужчин с лунными шарами пришли встретить нас. Я увидел черные с белым и желтым узором мантии жрецов. Однако, они не приветствовали Майлин и не остановили нас, а лишь стояли, один справа, другой слева. Лица их оставались бесстрастными, и они продолжали свою песню, слов которой я не понимал.

Мы проехали мимо многих жрецов Умфры, занятых работой на дороге. Я слышал вонь горелого, и нос барска улавливал в нем запах крови. Нет, Долина не избежала участи Йим-Сина. Однако я считал, что несчастье здесь не столь полное, как в городке.

Казы повернули без всякого видимого знака со стороны Майлин, и мы проехали через ворота. Портал был весь в трещинах и зарубках и ощетинился стрелами из боевых луков. Дым разрушений стоял, как туман. Мы въехали в первый двор храма. Только тут Майлин двинулась, подняла свой все еще сверкающий жезл и приложила его к своему лбу. Свет, выходивший из него, погас, и когда она снова опустила руки, в них была только палочка. Майлин открыла глаза. К нам подошел жрец. Его голова была забинтована, правая рука на перевязи.

– Где Оркамур? - спросила Майлин.

– Он осматривает свой народ, Госпожа.

– Зло крепко поработало здесь, - она серьезно кивнула. - Как

велико это зло, Брат?

– Большая часть стен разрушена, - мрачно сказал он. Поднятое к нам лицо с глубоко сидящими глазами было лицом человека, вынужденного быть свидетелем разрушения того, что было большей частью его самого. - Но фундамент уцелел.

– С Йим-Сином поступили хуже. А кто эти люди?

– Насчет Йим-Сина мы знаем. Кто они? Люди, впавшие во тьму, выросшую из откуда-то принесенных семян. Однако, они не преуспели в своем зле.

– Они убиты?

– Они сами себя убили, потому что не обратили внимания на стражников, но после себя оставили руины.

– А те… те, кто находился под покровом Умфры… - начала она почти робко. - Что с ними, Брат?

– Тот, кого ты держишь в сердце, жив. Некоторые другие отпущены Умфрой по Белой Дороге.

Она вздохнула и, положив жезл на колени, потерла лоб.

Итак, Маквэд был жив. Я ухватился за это.

Приступ боли в груди заставил меня отползти назад и свалиться на мат.

Последние остатки сил покинули меня.

Яркий свет ударил мне в морду, проник у неплотно зажмуренные глаза. Я попытался отвернуться, но меня удержали. Я вдохнул резко ароматизированный пар, и в моей голове прояснилось. Я открыл глаза и увидел, что лежу в комнате, а Майлин наклонилась надо мной с чашей золотистой жидкости, от которой исходил пар, приведший меня в чувство.

Здесь был человек, чье старое доброе лицо было мне знакомо: когда-то, очень давно, мы с ним сидели в тихом саду и разговаривали о жизни за той звездой, что служит Йиктору солнцем, о людях, выполняющих свое назначение во многих чужих местах. Это был Оркамур, слуга Умфры.

– Младший Брат, - его слова сформировались в моем мозгу, - ты желаешь, в самом деле желаешь оставить свое теперешнее тело и получить другое?

Слова, слова… Ну, да, конечно, я этого желаю! Я был человеком! Я требую человеческое тело. И это поднялось во мне не как простое желание, а как просьба, сконцентрированная со всей силой, на какую я был способен.

– Будь по вашему желанию, сестра и брат!

Оркамур ушел из моего поля зрения, как бы отплыл назад. Майлин снова наклонилась надо мной с чашей, чтобы оживляющие пары очистили мой мозг.

– Повтори, Крип Ворланд, слово в слово: я желаю всей силой

избавиться от меха и клыков и снова стоять и ходить, как человек!

Я медленно, торжественно проговорил мысленно эту просьбу. Мне хотелось бы произнести ее вслух, громко, с вершины какой-нибудь горы, чтобы меня слышал весь мир.

– Пей! - она ближе поднесла чашу с ароматной жидкостью. Я стал жадно лакать, мне показалось, что это холодная вода из горного источника. Я не сознавал своей жажды, пока не сделал первый глоток. Это было очень вкусно, и я пил, пока чаша не опустела, пока язык не слизнул последнюю каплю.

– Теперь… - Майлин убрала чашу и выдвинула вперед одну из лунных ламп. В комнате и так было светло, а теперь стало еще светлее. - Посмотри на нее! Отпускай, смотри и отпускай!

Отпускать? Что отпускать? Я уставился на лампу. Это был серебряный мир, какой можно было увидеть на видеоэкране "Лидиса", когда корабль снижается над планетой в новой системе, серебряный шар вытягивался, притягивая к себе…

Кто бродит на серебряных шарах, и что они там видят? Из каких-то глубин пришла ко мне эта мысль. Это был не сон, а явь, однако, мне не хотелось открыть глаза и посмотреть, потому что тут было что-то иное, и какая-то осторожная часть меня желала изучить это иное, не торопясь.

Я глубоко вздохнул, ожидая, что мой нос барска расскажет мне обо всем. Но обоняние как будто ссохлось, умирало. Конечно, запахи тут были аромат какого-то растения, другие запахи, но все они были очень слабыми. Я не решался двигаться, но когда еще раз глубоко вдохнул, то оказалось, что боль, которая не покидала меня и стала почти частью меня, исчезла! Я открыл глаза. Искажение! Цвета стали, с одной стороны, менее отчетливыми. а с другой - пронзительно яркими. Я щурился и мигал, чтобы окружающее стало выглядеть нормально. Но этого не произошло. Требовались усилия, чтобы заставить глаза снова послушно служить. А ведь это уже один раз было - мелькнуло в моей памяти.

Я уставился вдаль. Широкое пространство, стена, в ней окно. За окном колышутся на ветру ветки. Мой мозг легко давал названия всему, узнавая, то, о чем сообщали глаза, хотя видели они совсем по-другому. Я открыл рот и хотел облизать свои острые клыки, но язык стал короче и касался зубов, а не клыков барска.

А лапы? Я приказал передней лапе вытянуться в пределах моей видимости, так как не решался еще поднять голову, и увидел… руку, кисть, пальцы, сгибающиеся по моему приказу.

Рука? Значит, я не барск, а человек!

Я резко сел, и комната, все еще какая-то искаженная, стремительно завертелась. Я был один. Я поднял человеческие руки, осмотрел их, потом взглянул на человеческое тело. Оно было бледным, таким бледным, что почти неприятно было смотреть. Это не правильно - я должен быть смуглым. Я сел на край постели и внимательно оглядел все свое новое тело, его бледность, худобу, близкую к истощению. Затем ощупал лицо. Оно было явно человеческим, хотя я не мог определить на ощупь, похоже ли оно на лицо похищенного на ярмарке в Ырджаре Крипа Ворланда. Нужно зеркало. Я должен УВИДЕТЬ!

Слегка покачиваясь от усилий держаться прямо, как человек, после того, как долго бегал на четырех лапах, я встал и неуверенно сделал шаг вперед. Руки мои балансировали, пока я перекачивался с одной ноги на другую. Но когда повернулся, чтобы подойти к окну, мое доверие к такому способу передвижения вернулось, как будто прежнее умение, забытое на время, снова ожило. Я огляделся, ища мохнатое тело, которое звалось Джортом, но его не было видно. Я так и не увидел его больше.

Комната была маленькая, большую часть ее занимала кровать. В противоположной стене была дверь, в углу сундук, служивший также и столом, судя по тому, что на нем стояли на подносе чашка и графин. Из окна несло холодом, так что я вернулся к кровати, снял с нее одеяло и завернулся в него. Мне страшно хотелось увидеть свое лицо. Судя по телу, я был Тэсса Маквэд…

К моему удивлению, я обнаружил в себе некоторое сожаление о чувствах, которыми так хорошо пользовался Джорт. Похоже, у Тэсса те же ограничения, что были и у бывшего меня.

Я подошел к сундуку и посмотрел на чашку. Она была пуста, но графин полон. Я осторожно налил в чашку золотистую жидкость. Она была холодной, прекрасно утоляющей жажду, и по моему телу распространилось ощущение радости бытия, единства с моим новым телом. Я услышал покашливание и увидел жреца с забинтованной головой. Он поклонился и, подойдя к кровати, положил на нее одежду с красными крапинками, какую носят Тэсса.

– Старейший Брат хочет поговорить с тобой, Брат, когда ты будешь готов, - сказал он.

Я поблагодарил и начал одеваться, еще не вполне уверенный в своих движениях. Одевшись, я подумал, что я, наверно, похож на Малика.

"Малик!" - болезненно кольнуло в памяти. Малик вывел меня из ада, уготованного барску в Ырджаре, и каков был его конец! Я

так мало его знал и так много был ему должен!

На моем поясе висел длинный нож, но меча не было и, конечно, не было жезла, какой носила Майлин. А мне хотелось бы схватиться за оружие при мысли об убийцах Малика. Без зеркала я не мог видеть весь облик, который теперь имел. Выйдя из комнаты, я увидел ожидающего меня мальчика-жреца. Он хромал, и на лице его был тот же отпечаток шока и усталости, как и у старших жрецов. Здесь все еще пахло горелым, хотя и не так сильно, как пахло для Джорта.

Мы пришли в тот же садик, где Оркамур однажды уже принимал меня. Он сидел в том же кресле из дерева с побегами, только листья на них увяли и засохли. Там была еще скамейка, и на ней сидела, опустив плечи, Майлин.

Глаза ее были пустыми, как у человека, затратившего большие усилия к собственной невыгоде. Во мне вспыхнуло желание подойти к ней, согнать это ее равнодушие, взять ее вялые руки в свои, поднять ее. Когда я тайно подглядывал за ней в Ырджаре, она казалась мне чужой, и чужой она была все время наших путешествий, теперь же этого больше не было. Теперь казалось только, что она имеет права на меня, что она устала и измучена. Но она не взглянула на меня и не поздоровалась. Глаза Оркамура встретились с моими и так всматривались, будто он хотел видеть каждую мысль, как бы глубоко она ни пряталась. Затем он улыбнулся и поднял руку, и я увидел на ней большой, страшного вида кровоподтек, а один из пальцев был расщеплен и туго связан.

Жест его был изумленно-радостным.

– Сделано, и сделано хорошо! - он не сказал этого вслух. Его мысль вошла, видимо, и в мозг Майлин, потому что она встрепенулась, и ее глаза, наконец, остановились на мне. Я увидел в них изумление и, в свою очередь, удивился: ведь она сама проделала этот обмен, почему же результат ее удивляет? Она сказала:

– Это хорошо сделано, Старейший Брат.

– Если ты имеешь в виду, сестра, что выполнила то, что желала - да, это сделано хорошо, если ты думаешь о том, что это приведет к еще большим осложнениям, - тогда я не могу ответить ни да, ни нет.

– Мой ответ, - прошептала она, если можно мысленно шептать. - Ладно, что сделано, то сделано, а это НАДО было сделать. С твоего разрешения, Старейший Брат, мы поедем и увидим конец всего этого.

Она все еще не говорила со мной и не хотела смотреть на меня, потому что после первого взгляда она вновь отвернулась. Я

похолодел, как если бы протянул в приветствии руку, а ее не только не взяли, но и самого меня игнорировали. Теперь я не стал бы делать никакого движения, чтобы привлечь снова ее внимание.

Мы вышли поискать еду. Майлин ела явно только по необходимости, как заправляют машину перед поездкой. Я тоже поел и обнаружил, что мое тело с удовольствием принимает все, что я ему даю. Майлин была как за стеной, и я не мог ни пробить эту стену, ни перелезть через нее.

Мы вышли во двор храма. Там не было и признака фургона, но нас ожидали два оседланных каза, через седла были перекинуты дорожные плащи, седельные сумки полны провизии. Я хотел помочь Майлин сесть в седло, но она оказалась проворнее меня, и я пошел к своему казу. Неужели она относится с отвращением к любому контакту со мной?

Мы ехали по опустошенной Долине. Там были почерневшие от огня руины и другие признаки ударов ярости, которые калечили, но не полностью разрушали. Майлин поехала по дороге в Йим-Син. Видно было, что она отчаянно пытается осуществить свой план - вернуться со мной в Ырджар и разрешить, насколько возможно, роковое сплетение, опутавшее нас.

Она по-прежнему не смотрела на меня, даже не обменивалась мыслями.

Неужели ей так неприятно, что я нахожусь в теле ее близкого родственника, который теперь кажется ей умершим дважды? Меня это стало раздражать. Я не виноват в том, что со мной случилось, и я ни о чем не просил. Ан нет ответила мне память, дважды в какой-то степени я просил ритуалов Тэсса для этих обменов. И они дважды спасали меня от смерти.

Поскольку мы ехали быстрее, чем в фургоне, мы выехали из Долины еще до заката. На рассвете мы могли бы увидеть руины Йим-Сина, но мы поехали через равнины к Ырджару. И все-таки, что тут произошло? Мне нужно было хоть чуть-чуть заглянуть в будущее, поэтому я заставил себя обратиться к своей спутнице:

– Говорили ли слуги Умфры, что тут случилось?

– Те, кто пришел с запада, - ответила она, - были иноземцами. Похоже, что Йиктору угрожает новый враг, гораздо более безжалостный, чем любой равнинный народ, и эта сила идет от инопланетников.

– Но ведь Торговцы… - я был так поражен, что у меня перехватило дыхание.

– Не все Торговцы такие, как на "Лидисе". Эти пришельцы режут друг друга, чтобы укрепиться на нашей земле, завоевать

власть и основать свое королевство. Часть лордов уже разбита, потому что среди их людей тайно велась подрывная работа, других привлекли обещанием большого богатства, натравливают одних на других и помешивают в котле войны такой ложкой, которая заставляет его яростно кипеть. Не знаю, что мы найдем в Ырджаре, не уверена даже, что мы попадем в город. Но попытаемся.

Все это было не слишком понятным и не слишком обещающим. Похоже, случилось большее, чем мы подозревали. Страшно было углубляться в страну, где каждый поднимал руку на соседа, но порт находился на границе Ырджара, и там была моя единственная надежда на возвращение на "Лидис".

До Ырджара еще далеко. Обдумывая сказанное Майлин, я представил себе, каким долгим покажется нам это путешествие. Да и разумно ли ехать вообще?

Я поворачивал в мозгу эту мысль, когда пришел зов, резкий и сильный, как сигнал горна, но я услышал его не ушами.

Минута тишины - и снова трезвон, приказ, которому нельзя не повиноваться. Легкий протестующий крик Майлин…

Помимо своей воли мы повернули казов направо, к диким горам, на зов, которому должны подчиниться и мозг, и тело. Это был внутренний горн Тэсса, он звучал только в исключительно важных случаях.

Глава 18

Йиктор, который я знал, был похож на все планеты этого типа: равнины, перемежающиеся холмами, растительность в разных стадиях. Ырджар, форт Озокана, Йим-Син, храм Умфры имели своих аналогов на многих планетах, но там, где мы сейчас ехали, все было по-другому.

Призыв накладывал на нас такие обязательства, что нам и в голову не приходило ослушаться его. И мы ехали дальше и дальше на север и поднимались все выше и выше. Здесь не было ни деревьев, ни кустарников, только небольшие участки, покрытые травой, уже убитой первым дыханием зимы, прерывали общее уныние камней.

Поистине, печальная местность. Я бывал на планетах, сожженных атомной войной в незапамятные времена, задолго до того, как мой народ вышел в космос. У каждого, кто видел те руины, сжималось сердце. Здесь же все выглядело еще более чуждым: бесконечное, безбрежное одиночество, отвергающее ту жизнь, которую мы знаем, обглоданные кости самого Йиктора.

Тем не менее жизнь здесь была. Пока мы все больше углублялись в дикую страну голого камня и песка, мы видели следы тех, кто прошел тут до нас следы фургонов и верховых казов.

Мы были как очарованные. Мы не разговаривали друг с другом, и у меня не было желания оглянуться на равнины, на то, что раньше казалось мне самым неотложным делом. Наступала ночь. Время от времени мы спешивались, давали отдых казам и сами ели из запасов в седельных сумках, ходили, разминая ноги, затем снова пускались в путь.

На рассвете мы проехали между двумя высокими утесами. Я подумал, что когда-то, на заре Йикторианской истории, здесь было русло великой реки.

Здесь были песок, гравий и валуны, но ничего живого, даже обычного кустика высохшей травы. Это речное русло вывело нас в громадную круглую чашу.

Видимо, когда-то здесь было озеро, был целый ряд широких отверстий, обрамленных резьбой, теперь уже почти незаметной. Сейчас в этом каменном жилище были обитатели, поскольку перед ним стояли фургоны и поднимался дым от костров. Но людей не было видно.

Майлин подъехала к частоколу, сошла с каза и тут же расседлала его.

Каз потряс головой, лег и с фырканьем стал кататься по песку, и мой каз сделал то же самое, когда я расседлал его.

– Пойдем, - обратилась ко мне Майлин впервые за эти часы.

Я положил седло и пошел через долину к южной точке стены. Там был вход, раза в два больше остальных. Я подивился затейливой резьбе, но не мог понять, что было изображено, настолько она стерлась от времени.

Где же Тэсса? Повсюду я видел только фургоны и казов и получил ответ на свой вопрос, лишь когда подошел к двери: оттуда доносился звук, который был чем-то большим, чем просто песня. Он каким-то образом смешивался с движением воздуха - в нашем словаре нет слов, чтобы описать это. Я бессознательно уловил ритм и тогда понял, что мне хорошо. Рядом со мной поднялся в песне голос Майлин.

Через тяжелый портал мы вошли в зал. Там было светло от лунных ламп, висевших высоко над головой, и мы шли в лунном свете, хотя в нескольких шагах за дверью светило солнце. И Тэсса здесь было так много, что и не сосчитать. Перед нами в самом центре зала находилось возвышение, и Майлин подошла к нему. Я неуверенно шел шага на два позади. Песня звучала в ушах, билась в крови, стала как бы частью нас.

Мы подошли к овальной платформе, на которую вело несколько ступенек.

На платформе стояли четверо: двое мужчин и две женщины. Они были крепки телом, с живыми блестящими глазами, но над ними была такая аура возраста, авторитета и мудрости, которая поднимала их над другими, как их теперешнее положение на платформе ставило их физически выше остальных.

Каждый из них держал жезл, но не такую относительно короткую палочку, как у Майлин - верхушка их жезла доходила до головы, а конец упирался в пол и свет, сиявший на древках, соперничал со светом ламп и заставлял его бледнеть.

Майлин не стала подниматься по ступенькам, а остановилась у них.

Когда я нерешительно подошел и встал рядом, я увидел ее замкнутое холодное лицо.

Они все пели, и мне стало казаться, что мы не на твердом полу, а плывем в волнах звуков. Мне казалось, что я вижу не Тэсса, а каких-то духов. Я не видел их полностью - они были призраками того, чем могли бы быть.

Долго ли мы стояли так? Я по сей день не знаю и могу только догадываться о смысле того, что происходило. Я думаю, что своей объединенной волей они составляли большую силу, из которой черпали, сколько требовалось, для их целей. Это очень неумелое объяснение того, к чему я присоединился в этот день.

Песня умирала, слабея в серии рыдающих нот. Теперь она несла с собой тяжкий груз печали, как будто вся личная скорбь старого-старого народа просочилась сквозь века и каждая мельчайшая капля отчаяния хранилась для будущей пробы.

Эта последняя песня Тэсса была не для посторонних ушей. Я мог носить тело Маквэда и каким-то образом соответствовать путям Тэсса, но все-таки я не был Маквэдом и потому зажал уши - я не мог больше выносить эту песню.

Слезы текли по моим щекам, из груди рвались рыдания, хотя вокруг меня люди не выражали никаких внешних признаков нестерпимого горя, которое они разделяли.

Один из четверых на возвышении качнул жезл и указал им на меня - и я больше ничего не слышал! Я был освобожден от облака, которое не мог вынести. И так продолжалось, пока не кончились песни.

Затем пошевелился второй главный в этом собрании и указал жезлом на Майлин. Ее собственный символ власти сам собой вырвался из ее пальцев и полетел к большому жезлу, как железо к магниту. Майлин вздрогнула и протянула руку, как бы желая удержать его, но тут же опустила руку и застыла.

– Что ты скажешь в этом месте и времени, Певица?

Вопрос, прозвучавший также и в моей голове, не был высказан вслух, но был от этого не менее понятным.

– Дело было так… - начала Майлин и рассказала все просто и ясно.

Никто не перебивал ее, не комментировал наши невероятные испытания. Когда она кончила, женщина на помосте сказала:

– И еще что-то было в твоем уме, Певица: в твоем клане есть одна, испытавшая сердечный голод, и если подобие того, о ком страдает ее сердце, вернется, возможно, это принесет ей облегчение.

– Это правильно? - спросил мужчина, стоящий справа от говорившей.

– Сначала я не думала об этом. Позже… - рука Майлин поднялась и упала в слабом жесте покорности.

– Пусть та, кого это касается, выйдет вперед! - приказала Женщина.

Движение в толпе - и вышла девушка. Хотя я не силен в определении возраста Тэсса, я сказал бы, что она была еще моложе Майлин. Она протянула Майлин руку, их пальцы сцепились во взаимном приветствии и глубокой привязанности.

– Мерли, посмотри на этого мужчину. Тот ли это, кого ты оплакивала?

Она быстро повернулась и взглянула на меня. На секунду на лице ее появилось что-то вроде пробуждения, глаза вспыхнули, как у человека, увидевшего чудо, затем глаза погасли, лицо затуманилось.

– Это не он, - прошептала она.

– И не может быть им! - резко сказала другая женщина на помосте. - Ты и сама это знаешь, Певица! - ее резкость усилилась, когда она обратилась к Майлин. - Уставные Слова не могут измениться, Певица, ради личных причин, каковы бы они ни были. Ты давала клятву, и сама ее нарушила.

Мужчина на возвышении поднял свой жезл и провел его светящейся верхушкой по воздуху между Майлин и остальными тремя главными.

– Уставные Слова, - повторил он. - Да, мы полагаемся на Уставные Слова, как на якорь и поддержку. А теперь мне кажется, что эта печальная спираль началась как раз из-за Уставных Слов. Майлин, - он один назвал ее по имени, и в его голосе слышалось страдание. - Первый раз она спасла этого человека, уплачивая долг. За большую часть того, что случилось с тех пор, она также не ответственна. Поэтому мы обязаны сделать то, что она предполагала - вернуться с ним в Ырджар и исправить то, что

было сделано ее властью.

– Она не может этого сделать, - сказала женщина с резким голосом, и я услышал в ее тоне удовлетворение. - Разве вы не слышали, что случится с Майлин-Певицей, если ее там увидят?

Майлин подняла голову и с удивлением посмотрела на нее:

– Что ты имеешь в виду, Древняя? Какая опасность грозит мне в Ырджаре?

– Инопланетники, которые зажгли пожары, убивали людей и выпустили барсков войны, уверяли, что Майлин околдовала Озокана, сделала его сумасшедшим, и ее нужно убить. Многие этому верят.

– Инопланетники? Какие? И зачем? - я вмешивался вроде бы не в свое дело, оно касалось только Майлин и правительства ее народа. Но инопланетники? Причем они тут?

– Не твоего племени, сын мой, - сказал один из мужчин. - Это тот, кто приходил к Майлин до всей этой истории и хотел сделать ее своим орудием, а также те, для кого он действовал. Похоже, что у тебя и твоего народа тот же сильный враг, что принес войну на Йиктор.

– Но… если ты имеешь в виду людей Синдиката, - я ничего не понимал.

– У меня нет личных врагов среди них. В древние времена наш род и их враждовали, это правда. Но в последнее время наши разногласия были улажены. Это какое-то безумие!

Одна из женщин на платформе печально улыбнулась.

– Всякое убийство и война - безумие, будь то между человеком и человеком или между человеком и животными. Однако по каким-то причинам те люди сражаются на равнинах и назначили цену за Майлин. Возможно, они боятся, что она слишком много о них знает. И ехать в Ырджар…

– Как Майлин, - сказала девушка, стоящая рука об руку с моей спутницей, - наверное, нельзя. А как Мерли?

Старейший задумался, затем кивнул почти с сожалением.

– Сейчас самое время. Третье кольцо уже начинает бледнеть, а только под ним можно по-настоящему обменяться Тэсса с Тэсса. У вас это сохранится не более четырех дней.

– Наверное, надо, - сказала Мерли, - произвести обмен не здесь, а на холмах, на границе с равнинами. Тогда четырех дней будет достаточно, чтобы съездить в Ырджар.

Майлин покачала головой.

– Лучше уж я поеду в своем теле, чем рискну твоим, сестра. Я сама плачу свои долги.

– Кто говорит, что ты не платишь, - возразила Мерли. - Я прошу только, чтобы ты следовала мудрости, а не глупости. Ты

говорил, - Мерли обратилась к вождю, - что Майлин имеет право довести эту авантюру до конца. В Ырджаре многие знали, что Маквэд и я были спутниками жизни. Если мы пойдем вместе, кто нас в чем-нибудь заподозрит? Это самый лучший способ.

Наконец, было решено, что ее план хорош. Меня не спрашивали. По правде сказать, я был занят мыслями об инопланетниках. По словам Майлин, Слэфид с самого начала был замешан в интригах Озокана и угрожал Майлин и Малику. Но ведь я знал, что он всего-навсего младший офицер на корабле Синдиката. Зачем Синдикату война на Йикторе? В прошлом они устраивали такое на примитивных планетах - мы знаем об этих кровавых историях - и ловили рыбку в мутной воде, когда обе воюющие стороны истощались. Но на Йикторе, насколько я знаю, нет таких богатств, чтобы стоило идти на риск привлечь внимание Патруля.

Я ломал себе голову над этим, пока мы ехали обратно по своему следу.

Ехали мы верхом - я, Майлин, Мерли и двое мужчин Тэсса, ехали с такой скоростью, на какую были способны животные. Через три дня скачки мы добрались до укромного уголка у спуска на равнины и разбили там лагерь.

В эту ночь мы спали и на следующий день оставались там же, так как обмен между Майлин и Мерли требовал ненапряженных, отдохнувших тел. Тем временем я пытался узнать, что мог, относительно инопланетников. Понимая мою заинтересованность, все обсуждали со мной этот вопрос, но никто не мог представить себе, по каким причинам Йиктор оказался мишенью для подобного вмешательства.

– Ты говорил о сокровищах, которых много и самых разных, - сказала Майлин. - Ты говорил, что вещь, стоящая в одном мире дороже человеческой жизни и свободы, в другом мире - ничто, детская игрушка. И я не знаю, что у нас есть такого ценного, что принесло нам бедствие со звезд.

– Я тоже не знаю, - сказал я. - Ничего нового и потрясающего на ярмарке не появилось. Все товары, что были там, уже известны Свободным Торговцам. Мы, наверное, взяли на Йикторе выгодный груз - иначе "Лидис" не ушел бы - но груз недорогой, не тот, что мог заставить Синдикат броситься в набег.

– Матэн, - сказал один из Тэсса своему товарищу, - когда мы снова поедем, нам, пожалуй, не придется говорить "это не наше дело, пусть равнинные жители сами разбираются", потому что весь наш мир может оказаться запутанным в это дело, и тогда это коснется и нас.

– В Ырджаре есть консул-инопланетник, - я ухватился за

последнюю надежду узнать, как и почему случилось все это. - Он должен знать, хотя бы частично!

На вторую ночь заработала магия Тэсса. На этот раз я в ней не участвовал, и меня послали ждать ту, что выйдет из маленькой палатки, которую они поставили для своих действий. И когда она вышла, одетая в плащ и готовая ехать, мы с ней отправились к равнинам. Остальные остались.

Признаки войны были заметны и здесь, и мы старались как можно меньше быть на виду. Я уже начал сомневаться, попадем ли мы вообще в Ырджар.

Вполне возможно, что город в Осаде. Майлин, бывшая в теле Мерли, не разделяла моего пессимизма. Ырджар всегда был нейтральным городом, местом для встреч, даже когда ярмарка не работала. И если восстание действительно спровоцировано инопланетниками, они первым делом постараются сохранить свободный доступ к космопорту. Войны на Йикторе, в основном, проходили в набегах, быстрых атаках, а не в осадах хорошо укрепленных фортов. От такой осады мало пользы, и свободно организованные объединения бойцов быстро теряют терпение.

К счастью, нам не надо было ехать в окруженную стеной часть города, так как дом консула стоял на краю площади порта. Так что мы свернули на юг, оставив дорогу в Ырджар в стороне, и въехали в порт. Там был всего один корабль - официальный курьер, и я заметил, что он стоит необычно близко к дому консула. В остальном порт был абсолютно пуст. Мы ехали медленно, усталые от двухдневной скачки. Наши казы чуть не падали от усталости, и нам нужны были новые, если нам, вернее, Майлин придется ехать снова. Если все пойдет хорошо, меня выгонят из Ырджара только на корабле.

Мы доехали до края поля без какого-либо оклика, и мне не нравилась тишина, ощущение, что жизнь существует только по ту сторону, в остальном мире. Мы осторожно подъехали к воротам консульства и там были остановлены, но не стражниками, а силовым полем. Видимо, оно окружало все здание.

Я приложил ладонь к переговорному устройству внешнего поста, хотя ладонь Тэсса ничего не значила для замка, и сказал в микрофон, что у меня важное дело к Прайдо Алсею. Долгую, очень долгую минуту я думал, что либо войду в пустой офис, либо покажусь столь подозрительной фигурой, что скорчусь от удара луча.

Но затем экран осветился, я увидел лицо консула и знал, что он тоже меня видит.

Когда я заявил о своем деле, я говорил на языке Торговцев, и теперь консул смотрел на меня с удивлением. Он повернул

голову и что-то сказал через плечо, потом снова взглянул на меня.

– Что у вас за дело? - спросил он по-ырджарски.

– Важное, и именно к вам, Благородный Гомо, - ответил я на базике.

Видимо он не поверил мне, потому что не ответил. Но через несколько секунд отворилась дверь во внутренний двор, и консул появился там с двумя охранниками. Да и силовой щит был достаточно надежной защитой против любого оружия, известного на Йикторе.

– Кто вы?

Я решил сказать правду, в надежде, что кажущаяся ложь разбудит его любопытство, и он позволит мне рассказать все.

– Крип Ворланд, помощник суперкарго, Свободный Торговец с "Лидиса"!

Он уставился на меня и сделал какой-то жест. Один из стражников подошел к стене, и на мгновение свет силового поля исчез. Оба охранника направили на нас излучатели, как бы захватывая нас лучом. Мы въехали на шатающихся казах во двор, и я услышал свист, будто за нами задвинулся экран.

– А теперь, - торопливо сказал Алсей, - для разнообразия начните с правды.

Все, кто ходит по звездным переулкам, должны принимать самые невероятные вещи, переходящие всякие границы достоверного. Однако я думаю, консул в Ырджаре нашел мой рассказ наиболее странным из всего, что когда-либо слышал. Но хотя я и выглядел Тэсса, я выложил столько инопланетных деталей, что консул согласился, что такое мог знать только тот, кто служил на корабле Торговцев. Когда я закончил, он долго смотрел то на меня, то на Майлин.

– Я видел Крипа Ворланда, вернее, то, что от него осталось, когда его принесли. А теперь появляетесь вы и рассказываете мне обо всем этом. Что вы хотите?

– Сообщить на "Лидис". Позвольте мне самому составить сообщение. Я могу указать детали, которые докажут, что я говорю правду.

– Я дам вам разрешение, Ворланд, - он сухо улыбнулся, - передать все, что вы захотите - если вы сможете.

– Как это - если смогу?

– Я, как вы могли угадать по моему приему, больше не являюсь свободным агентом на Йикторе. Тут работает спутник-перехватчик на орбите.

– Спутник-перехватчик! Но…

– Вот вам и "но". Сто лет назад это было бы обычной, вполне

приемлемой ситуацией, но в наше время это просто ошеломляет, правда?

Кобург, глава Синдиката, или какие-то агенты, представители этого Синдиката высадились здесь и уверены, что все в их руках. Я видел доказательства их безжалостных действий.

– Но чего они добиваются? - спросил я. Как он справедливо заметил, сто лет назад такое пиратство никого не удивляло, но сейчас! Патруль давно уже подрезал аппетиты крупных компаний и синдикатов, и за подобные действия строго взыскивалось.

– Что-то есть, - ответил Алсей, - но что именно, не вполне ясно.

Итак, ваша проблема становится относительно малой - разумеется, не для вас. Дело в том… - он замялся. - Наверное, я не должен был бы рассказывать вам об этом, но вы должны быть готовы. Я видел ваше тело, когда оно вернулось сюда. Ваш врач не был уверен, что вы сможете лететь, и протестовал. "Лидис" получил частное предупреждение от местных купцов и согласился отвезти мое письмо в ближайший пост Патруля. Потом из разных намеков и слухов я понял, что "Лидис" стартовал как раз вовремя. Но вы или ваше тело - возможно, не пережили взлета.

Я взглянул на свои руки, лежащие на столе. Длинные тонкие пальцы, кожа цвета слоновой кости - чужие руки, но они служат мне хорошо и слушаются моих команд. А что, если консул прав, если Крип Ворланд, взятый обратно на "Лидис", теперь мертв, положен в гроб по обычаю моего народа и будет вечно кружиться среди звезд?

Рядом зашевелилась Майлин.

– Я должна ехать, - голос ее был слабым и очень усталым. Я вспомнил: обмен между Майлин и ее сестрой не может длиться долго. С каждой минутой опасность для них росла.

– Вы так и не узнали, чего хочет здесь Кобург?

– Тут многое. Недавние перемены в Совете, особенно потому, что они касались правительств некоторых внутренних планет. Этот мир может служить убежищем или базой, временно, конечно, но, возможно, необходимой для какого-нибудь экс-президента, которому не повезло в его родном мире. Здесь он может тренировать армию, а потом вернуться с нею.

Это звучало неправдоподобно, но консул был лучше меня подготовлен к угадыванию правды. Ясно, что сейчас нечего и думать добраться до "Лидиса".

Если капитан Фосс сумел попасть на пост Патруля, то пройдет некоторое время, прежде чем они появятся на Йикторе.

С другой стороны, у Майлин остается очень мало времени. Нам лучше вернуться к ее народу и переждать войну. Я попросил

аппарат для звукозаписи и продиктовал письмо, по которому, как я надеялся, меня узнают на "Лидисе". Затем я сообщил Алсею, что собираюсь делать, и он одобрил мой план.

Он дал мне новых казов, правда, не таких выносливых и привычных к горам, как те, что везли нас в Ырджар. В сумерках мы выехали из порта. На этот раз нам не удалось остаться незамеченными: нас выследили, и только благодаря влиянию Майлин на казов мы ушли от преследования. Пение еще больше истощило Майлин, и она потребовала увеличить скорость, так как боялась упасть раньше, чем мы достигнем лагеря. Под конец этой кошмарной скачки я пересадил Майлин на своего каза, потому что она больше не могла сидеть одна. Выбиваясь из сил, мы въехали в овраг между двумя холмами, где остальные должны были ждать нас.

На Земле валялась скомканная, разодранная палатка. Запутавшись в ее складках, лежал один из Тэсса.

– Мунстенс! - Майлин вырвалась из моих рук и бросилась к нему. Она взяла его за голову обеими руками, вглядывалась в неподвижное лицо и прислушивалась к его дыханию. Весь перед его туники был в алых пятнах, однако он каким-то образом удерживал последние капли жизненных сил до нашего приезда.

– Мерли, - раздался его мысленный шепот, хотя ни одного слова не вышло с помертвевших губ, - ее увезли, думали, что это ты…

– Куда? - одновременно спросили мы.

– На восток…

Он многое сделал для нас, но это был конец. Легкий вздох - и жизнь ушла из него.

Майлин взглянула на меня.

– Они искали меня. Хотят моей смерти. Если они поверили, что теперь я в их руках…

– Мы поедем следом! - обещал я, и будь что будет, но я сдержу свое слово.

Глава 19

Я увидел, что воля человека может заставить его перейти границы физических возможностей: Майлин, которую я вез почти на руках, проявила такую волю, выехав из разоренного лагеря.

Я закатал тело Тэсса в лоскут палатки и огляделся в поисках следов другого нашего спутника.

– А где Матэн?

Майлин уже сидела в седле, закрыв лицо руками.

– Он ушел вперед, - ответила она.

– Тоже пленником?

– Моя сила так быстро падает. Я не могу сказать, - она уронила руки и взглянула на меня такими пустыми глазами, будто жизнь отлила из них.

– Привяжи меня. Я не знаю, смогу ли я ехать.

Я сделал то, что она меня просила, и мы выехали из оврага по следу налетчиков, которые не трудились скрывать его. Так было множество следов казов. Я подумал, что тут было не менее десятка всадников.

Мы ехали не по дороге, как раньше, а через холмы. Майлин не правила своим казом, тот сам вплотную следовал за моим. Она опять закрыла руками лицо, и я подумал, что она теперь скрылась и от физического, и от умственного мира, чтобы поддерживать связь, ведущую к цели.

Ночь сменилась днем, и мы обнаружили место привала, где зола была еще горячей. Голова Майлин опустилась, руки бессильно повисли, она тяжело дышала и поднялась только по моему настоянию. Я влил ей в рот воды и увидел, как ей больно и трудно глотать. Она выпила совсем немного.

Странно было видеть ее такой покорной, когда я привык считать ее одаренной сверхчеловеческой властью. Ее полузакрытые глаза остановились на мне, когда я напоил ее, и в них было знание.

– Мерли еще жива. Они везут ее к какому-то верховному лорду, - еле слышно прошептала она.

– А Матэн?

Я надеялся, что другому Тэсса удалось избежать смерти или плена и что он может присоединиться к нам в слабой попытке отбить тело Мерли у захватчиков.

– Он… ушел.

– Умер?!

– Нет. Он ушел звать…

Ее голова снова упала на грудь, стройное тело качалось на ремнях, которые держали ее в седле. Я не стал поднимать ее. Я стоял в пустом лагере врага и думал, что теперь делать. Майлин явно не может продолжать путь, а ехать одному глупо. Но бросить след я тоже не мог.

– Ах-х-х… - не то вздох, не то тихое пение послышалось со стороны Майлин. Я подскочил к ней. Этот звук выходил из ее губ, но она еще не вышла из оцепенения.

В кустах зашуршало. Я быстро обернулся, неуклюже выхватив нож Тэсса я не привык к этому оружию. Из кустарника, еще сохранившего листья, появилось животное - нет, животные, и не

родственные. Первый зверь, высунувший клыкастую морду из кустов, вовсе не был того же образца, что и другие. Тут были Борба и Ворс, похожая на них Тантака, были похожие на Симлу - в общем, великое множество!

Животное, которое вело это молчаливое, целеустремленное передвижение, было новым для меня: длинное гибкое тело, грациозные кошачьи движения, остроухая голова и… глаза, светящиеся человеческим разумом!

– Что это? Кто это? - встретил я лидера вопросом.

– Матэн!

А другие? Тоже Тэсса? Или кто-то из тех, кого отпустила Майлин? Может быть, компаньоны других хозяев и хозяек?

– И те, и другие, - ответил Матэн, мягко прыгнул к казу Майлин, встал на задние лапы и посмотрел на нее.

– Ах-х-х… - снова протянула она, не открывая глаз и не глядя на Матэна и компанию. Это была именно компания, а не полк.

Снова шелест веток, новые головы. На меня смотрели суженные глаза животных.

– Она не может ехать дальше, - сказал я Матэну. Мохнатая голова повернулась, круглые глаза встретились с моими.

– Она должна! - он схватил зубами один из ремней, которыми она была привязана, и резко дернул. - Это удержит. Она ОБЯЗАНА ехать!

Если он и дал своей армии какую-нибудь команду, я ее не слышал, но они хлынули потоком мимо Майлин к западу и исчезли. Не знаю, сколько их было, но, во всяком случае, много больше, чем я когда-нибудь видел.

Кошка-Матэн пошел перед нами, и мы поехали. Я старался держаться рядом с Майлин, чтобы поддержать ее, если понадобится. Она наклонилась вперед и почти легла на шею каза, полностью забыв о нас и о дороге.

Животные появлялись и исчезали, временами они подбегали и смотрели на Матэна. Я был уверен, что они приносили сообщения, но никакой информации не мог уловить. Мы быстро ехали по холмам, и дорога привела нас не к ущелью, а к крутому подъему. Я спешился и пошел рядом с Майлин. Здесь не было признака какой-нибудь тропы, и мы некоторое время потихоньку двигались по острому гребню. Я не поднимал глаз от своих ног, чтобы не закружилась голова.

Наконец, мы вышли на ровное пространство. Здесь шел снег, и тонкие его хлопья жалили мне ноздри, яркими точками сверкали в воздухе. На равнинах еще стояла осень, а здесь зима уже пригладила землю. Я плотнее запахнул плащ на Майлин, она зашевелилась под моей рукой. Я чувствовал, как пробегает дрожь

по ее тонкому телу, слышал ее тяжелое дыхание, затем крик. Она оттолкнула мою руку, села, как не сидела уже несколько часов, посмотрела на меня, на скалы, снег сначала диким невидящим взором, а потом узнавая все.

– Майлин! - пронзительно крикнула она. Ей ответило эхо и низкий рык животного с глазами Матэна. Она сразу же прижала руки к губам, как бы желая задушить свой крик.

Только что усталая и беспомощная, она теперь сидела прямо, как будто в нее вливались волны силы. На ее щеках появился даже нежный румянец, более яркий, чем я когда-либо видел у Майлин.

Майлин? Теперь мне было ясно, что это была не Майлин. Мерли вернулась в свое тело. Прежде чем я успел высказать это или спросить, она кивнула.

– Мерли.

Это я и сам угадал. Время Майлин кончилось, обмен совершился без всякой церемонии и без внешних признаков.

– А Майлин? - спросили мы с Матэном - я вслух, а он мысленно.

– С ними, - она вздрогнула, и я знал, что не от холода, хотя дул холодный ветер.

Она обвела глазами пики, как будто искала ориентиры, а затем показала на один из пиков справа.

– Их лагерь там, на дальнем склоне.

– Надолго? - спросил Матэн.

– Не знаю, они ждут кого-то или какое-то распоряжение. Они держат Майлин по приказу начальника. Я не знаю, кто он. Не думаю, что у нас много времени в запасе.

Матэн снова зарычал и исчез, блеснув красновато-серым мехом, и я знал, что не все те, кого он призвал в свой необычный отряд, помчались за ним. Мерли взглянула на меня.

– Я не Певица. У меня нет власти, которая могла бы помочь нам сейчас.

Я могу быть только проводником.

Она погнала каза вслед за Матэном, и я поехал за ней. В эти минуты я хотел бы снова оказаться в теле барска и бежать за воином Тэсса. Бег уверенно ступающего животного в этом лабиринте скал и обрывов был бы куда быстрее, чем наши осторожные шаги. Меня подгоняло нетерпение, я еле сдерживался, чтобы не обгонять Мерли.

Она несколько раз бросала на меня быстрый взгляд и тут же отводила его, как будто искала что-то и каждый раз убеждалась, что этого нет. Я знал, что именно привлекало и затем отталкивало ее.

– Я не Маквэд.

– Нет. Глаза могут обмануть, они ворота для иллюзии. Ты не Маквэд.

Однако сейчас я рада, что ты носишь то, что принадлежало ему. Майлин попала в спираль, не соответствующую ее вращению. Сердце не один раз предавало мозг.

Я не понял ее слов, да это и не имело значения, потому что я знал только одно: пусть я Тэсса только внешне, я никуда не сверну с дороги, лежащей теперь перед нами. Был ли я все еще Крипом Ворландом, спрашивал я себя, не скрывая сомнений. Когда я жил в теле барска, случалось, что человек терялся перед животным, теперь я тоже мог соединиться с тем, что оставалось от Маквэда в его оболочке. А если я снова вернусь в тело Крипа Ворланда - на что теперь мало надежды - стану ли я только Крипом Ворландом?

– Зачем им нужна Майлин? И как они нашли вас?

– Они не случайно нашли нас, а выследили, но как именно, не знаю.

Зачем им Майлин, тоже трудно сказать. Я слышала, что они хотят возложить на нее вину за то, что с ними случилось. Думаю, что они собираются как-то воспользоваться ею, чтобы склонить Осколда на свою сторону и открыть какую-то дверь на западные земли, где он может стать верховным лордом.

Тем, кто ее держит, дан приказ - только держать и больше ничего. Решать будет тот, кого ждут.

Мы поднимались, спускались и опять поднимались по бездорожью, но где казы все-таки могли поставить ноги. Мы были под тенью пика, на который указывала Мерли. Вокруг было тихо, не было ни одного животного из той армии, что маршировала с нами, если не считать четких подписей отпечатков лап то там, то тут.

– Казы дальше не пойдут, - Мерли спрыгнула с седла. Отсюда мы пойдем сами.

Путь был крутым и опасным. Временами мы почти висели, удерживаясь кончиками пальцев, но все-таки дюйм за дюймом продвигались вперед. Мы обогнули скалу и вышли на другую сторону.

Снегопад прекратился, но сменился морозом, щипавшим легкие при каждом вздохе. Мы вошли в нишу и заглянули вниз, в красноватую бездну у подножия восточных холмов страны Осколда.

Наступила ночь. Я жалел, что у меня нет глаз Джорта, чтобы видеть в темноте. Земля была такой же жесткой и шероховатой, как и пещера, где мы укрылись. Спускаться в темноте было

рискованно, но медлить мы не могли.

Мерли показала:

– Там!

Ни палаток, ни фургонов, только костер. Видимо, там не боялись привлечь внимание. Я пытался определить место на склоне, где мог находиться их пикет разведчиков. Мелькнула тень. Прикосновение к мозгу это прибежала Борба.

– Иди… - она качнула головой, показывая тропинку, и мы побрели за нею следом, стараясь как можно меньше шуметь. Спускаясь, мы заметили черную кучу. Из нее высовывалась рука ладонью вверх, с неподвижными пальцами. Борба оскалила зубы, зарычала и прошла мимо руки и того, что лежало на ней. Наконец, мы спустились со скалы на землю. Отсюда нам не был виден маяк лагерного костра, пришлось положиться на мохнатого проводника.

У меня больше не было обоняния Джорта, но, возможно, нос Тэсса устроен лучше, чем у моей породы: я улавливал запах животных и мог сказать, что армия Матэна залегла здесь в ожидании. Затем как из-под земли выросло животное покрупнее, и я уловил мысль Тэсса:

– В лагерь идет отряд. Торопись!

Мы пошли в тени скалы. Огонь костра поднялся выше, дал больше света: двое мужчин энергично подбрасывали в костер топливо. Я насчитал восемь человек в поле зрения. Все они, по-моему, были копией любого присягнувшего-на-мече, которых я видел в Ырджаре. Эмблемы на их плащах я не мог разглядеть.

– Чьи? - послал я мысль Матэну.

– Люди Осколда - тот, тот и тот, - указал он на троих. - Остальные…

Я никогда не видел этой эмблемы.

Резкий и отчетливый звук горна оборвал разговор в лагере. Секунда молчания - затем приветственные крики.

– Где Майлин?

– Там, - ответила Мерли. В свете костра неподвижно лежало то, что я принял за сверток одеял. - Они боятся ее, боятся взглянуть ей в глаза. Они укутали ее плащами, чтобы она не обратила их в животных. Они говорят, что не только она, а все мы можем это сделать.

Я не слышал рычания Матэна, но чувствовал вибрацию мохнатого плеча, прижавшегося ко мне.

– Не можем ли мы подобраться к ней… - начал я, но тут на свет костра вышел второй отряд. На плащах и шлемах сверкал и искрился орнамент.

Предводитель был заметно выше остальных.

– Осколд, - опознал его Матэн.

До нас донеслись голоса, но слова чужого, неизвестного языка я не понимал и попытался опознать эмоции. Торжество, удовлетворение, злоба. Да, эмоции легче понять, чем слова.

Один из тех, кто занимался костром, схватил узел с Майлин и потянул вправо. Другой выступил вперед, взялся за ту часть плаща, которая покрывала ее голову и плечи, и сдернул. Ее серебряные волосы оказались на свободе. Гордо подняв голову, она стояла перед Осколдом.

– Берегись, лорд, она превратит тебя в зверя! - крикнул один из спутников Осколда, оттаскивая его назад. Его мысль была так интенсивна, что я мог прочесть ее.

Осколд засмеялся. Его рука в перчатке, усиленной кастетом с металлическими шипами, размахнулась и ударила Майлин в лицо. Она упала.

Так Осколд дал нам сигнал. Как только Майлин упала, из темноты выпрыгнули тени - они рычали и визжали, выли и рвали, рвали, рвали. Я услышал крики людей, вопли животных и бросился к Майлин.

Я не мастер меча, и мой нож был для меня плохим оружием, но я снова почувствовал в себе ярость Джорта, в мозгу вспыхнул красный занавес, закрывающий мысли и оставивший мне только одну цель. Так было, когда я гнался за Озоканом и его людьми…

Она не шевельнулась под моей рукой, в ней не было жизни, лицо было обращено к небу - кровавое месиво из костей и мяса. Я наклонился над ней и зарычал, как те мохнатые существа, которые сражались рядом.

Как было с отщепенцами, убившими Малика, так было теперь и с этими.

Их охватил дикий ужас от такого способа ведения войны, человеческий ум не мог постичь его. Волны животных обрушились на них. Некоторые от страха лишились присутствия духа, хотя были воинами, другие сопротивлялись, убивали, третьи отступали, но животные преследовали их, сбивали с ног и убивали.

В этой вражеской группе для меня существовал только один, и я пошел на него, сжимая в руке нож. Несмотря на внезапность нашего нападения, один из охранников Осколда держался рядом с ним, ограждая его своим щитом от напора двух венесс, которые прыгали и снова отскакивали, ожидая удобного момента. Споткнувшись о чье-то тело, я упал вперед, едва не угодив в костер. Руки мои упали на лучемет - вещь, которую я никак не предполагал найти здесь, но которая улеглась в моей ладони также привычно, как и разношенная перчатка. Я даже не стал

вставать, а лежа нажал кнопку оружия, которое не имело права здесь быть.

Его луч пронесся опаляющим глаза огнем. Никакой щит не мог устоять против него, не только человек. Я хотел, чтобы Осколд почувствовал на себе мои руки, но я держал то, что послала мне судьба, и воспользовался инопланетным оружием. Раз… два! Осколд, наверное, уже упал, но там были другие его люди. Шипение - и луч умер, кончился заряд. Я швырнул лучемет в костер и бросился к Майлин.

Ее глаза под ужасной раной были теперь открыты. Она увидела меня и узнала - в этом я был уверен. Я поднял ее и отнес к скале, где была Мерли.

Я слегка пошатывался и вынужден был прислониться к холодному камню. Мерли была все еще там, она не дотронулась до того бедного свертка, который я держал, а только положила руку мне на плечо. Поток силы перелился от нее ко мне.

Это была битва, здесь сражались и умирали люди и животные. Для меня она была таким кошмаром, что я даже не помню деталей. Наконец, все успокоилось, и мы снова пошли к костру. Все выглядело как наша победа, но вполне могло оказаться и поражением.

Я положил Майлин на платья Мерли, которые она расстелила. Майлин все еще смотрела на меня, на Мерли, на животных, на оставшегося пока кошкой Матэна, у которого была рана в боку. Но мысли Майлин не доходили до меня.

Только глаза ее говорили мне, что она жива. Внезапно я почувствовал, что не могу ни на кого смотреть, встал и пошел куда глаза глядят, спотыкаясь о мертвецов. Кто-то пошел за мной и, подпрыгнув, схватил зубами мою болтающуюся руку. Я взглянул - это была Борба. Из ее разорванного уха капала кровь, но неустрашимые глаза пристально смотрели на меня.

– Иди…

Ничто теперь уже не имело значения, и я пошел за нею. Мы пробрались через кусты и подошли к линии казов. Кто-то двигался впереди, раненый.

Борба зашипела и потянула меня за руку, понуждая идти туда. Фигура, нащупывая поводья, повернулась ко мне. В темноте я не мог разглядеть лица, но понял, что это беглец из лагеря. Я бросился на него. Он упал под моим весом, но попытался сопротивляться. Я нанес ему такой удар, что моя тонкая рука Тэсса онемела. Но и тот подо мной не шевелился более. Я схватил его за воротник и потащил к свету.

– Крип Ворланд! - донесся до меня призыв. Я бросил бесчувственного пленника и побежал к тем троим, что ждали

меня. Матэн лежал, положив голову на колени Мерли, а Майлин… Я не мог собраться с духом и взглянуть на нее. Но ведь она призывала меня! Я опустился на колени и взял ее руки в свои. Ее руки не ответили мне пожатием. Жили только ее глаза. Рядом с ней кто-то шевелился и скулил - Ворс или кто-то из той же породы.

Мерли пошевелилась. Матэн поднял голову. Было светло от костра, но над нами висела луна. Ее три кольца, бывшие такими яркими и отчетливыми в начале нашего безумного приключения, теперь затуманились. Видимо, они скоро исчезнут.

– Луна! - чуть шептала мысль. - Матэн, луна!

Ее руки были совсем холодными, и не было ничего, что могло бы согреть их. Глассия вдруг пронзительно вскрикнула. Голова Матэна поднялась выше.

Из его горла вырвался громкий звук, но это не было звериным ревом, это было пение, которое входило в мою голову, в кровь, проходило через меня.

Мерли подхватила песню, она не могла быть запевалой, но вторить могла. А глаза Майлин были прикованы к моим, они старались найти что-то, прикоснуться к той части моего теперешнего мозга, о которой Крип Ворланд ничего не знал. И я, кажется, тоже запел, хотя не особенно в этом уверен.

Мы сидели в легком тумане угасающих лунных колец и песней помогали Майлин выйти из смерти в новую жизнь.

Когда я снова обрел полное сознание окружающего, в моих руках были руки оболочки, которую покинул дух. А на сгибе моего локтя лежала теплая, маленькая мохнатая головка…

Я выпустил руки смерти, чтобы прижать к себе тепло и жизнь.

Пленник, захваченный мной у линии казов, смотрел на меня, когда мы привели его в чувство, но, конечно, не узнал. Зато я его узнал: он мало изменился с того дня, когда внушил мне мысль встретиться с Майлин. Гек Слэфид! Он пытался торговаться с нами - это с Тэсса-то! Такой глупости я от него не ожидал - разве что мой способ брать в плен временно лишил его разума. Затем он стал угрожать, рассказывая, что случилось со всеми Тэсса, если его немедленно не отпустят, намекал на тех, кто стоит за ним. Тут, видимо, его тоже подгонял страх. Но мы услышали достаточно для того, чтобы я смог угадать остальное…

Алсей попал в точку относительно начала всего этого. К Йиктору уже не первый год приглядывались те, кто нуждался в примитивной планете как базе и складе боеприпасов. Кобург так глубоко увяз в политической игре, что мог утонуть, если эти исследователи не помогут ему. Они считали, что Тэсса представляют угрозу, и планировали организовать против них

великий крестовый поход. Предполагалось объединить лордов в армию под одним вождем, чтобы можно было отправить эту армию куда потребуется. Однако старинная вражда и соперничество между лордами затрудняли работу, и было решено воспользоваться столкновением Майлин с Озоканом, чтобы подхлестнуть этот крестовый поход.

Кто знает, к чему это могло привести? Сейчас Слэфид выбыл из игры, и я уверен, что сознание этого разъедало его, и он без устали бормотал, отказываясь признать крушение своих честолюбивых планов.

Мы взяли его с собой в ту странную долину на дне бывшего озера. И там мы все стояли перед Древними. На Слэфида они почти не потратили времени, а отдали его мне, чтобы я отвез его в порт и поставил перед судом его собственного народа. Они знали, что он моей крови и поэтому должен быть под моей ответственностью.

Затем они судили Майлин по своим законам. Мне не позволили ни спрашивать, ни говорить, и дали понять, что только из любезности разрешают мне присутствовать.

Когда я уезжал оттуда, со мной поехал страх Тэсса. Я вез с собой мохнатое существо, но не Ворса, а другое.

Таков был их приговор - она остается в теле, добровольно отданном ей той, которая любила ее, и будет жить в нем до тех пор, пока луна и звезды не встанут в благоприятное для нее положение, согласно каким-то неясным подсчетам Древних. И все это время она должна быть со мной, поскольку, как они сказали, я был ее жертвой - с чем я не был согласен.

Мы привезли Слэфида, впавшего теперь в мрачное молчание, в Ырджар.

Здесь ему пришлось заговорить - с офицерами Патруля, которые прилетели по письму, доставленному "Лидисом". Так кончилась эта инопланетная авантюра, по крайней мере, в том, что касалось Йиктора. Планета осталась зализывать раны и наводить хоть какой-то порядок в хаосе.

И вот я сидел с капитаном Фоссом и остальными с "Лидиса" и поглядывал в зеркало, висевшее на стене жилой комнаты консула. Там я видел Тэсса. Но в теле Тэсса был, может, изменившийся, но все-таки Крип Ворланд. Пути Тэсса - не мои пути, я не был настоящим Тэсса и не мог жить их жизнью. Они открыли бы для меня свои фургоны и палатки - Матэн, снова приняв человеческий облик, приглашал меня в свой клан, но среди них я был бы кем-то вроде однорукого, хромого и одноглазого калеки.

Все это я рассказал Фоссу, но, по нашему обычаю, решение

принадлежало не только ему, а всей команде. Ведь пустая скорлупа от Крипа Ворланда, увезенная с Йиктора, умерла и была выброшена в космос. И теперь я ждал, сочтут ли Крипа Ворланда действительно умершим или позволят ему вернуться к жизни.

– Свободный торговец, - задумчиво сказал Фосс, - я видел за свою жизнь много вещей и много обменов в разных мирах, но впервые вижу обмен телами. Ты сказал, что эти самые Тэсса смотрят на свою внешность, на мясо и кости, как мы смотрим на одежду, и могут сменить ее в случае необходимости. Это остается в силе и для тебя?

Я покачал головой.

– С моим собственным телом - да, но не с другими. Я Тэсса только по виду, но не по власти. Я останусь таким, каким вы меня видите.

– Вот и хорошо! - Лидж ударил ладонью по столу. - Раньше ты знал свое дело, делай его и в другом теле. Как, ребята, согласны?

Он взглянул на Фосса и на остальных. И я почти прочел их вердикт еще до того, как услышал его. По правде сказать, я внутренне сомневался, имею ли я право просить о возвращении на "Лидис": ведь во мне была какая-то часть Джорта и Маквэда. Возможно, я получил не только тело. Но если они меня считают Крипом Ворландом, я постараюсь стать им полностью. Я должен отбросить всякие сомнения. Джорт и Маквэд ничто по сравнению с тем, чего ждали от меня. Я Крип Ворланд, Торговец, вот и все. Так и должно быть!

Но я увез с Йиктора не только другое тело. Мою кабину и мои мысли делит маленькая мохнатая особа. Я часто вижу ее не такой, какая она сейчас, а какой она была. Она пришла по своей воле и по воле Тэсса.

Время между звездами растягивается, и судьба поворачивается то хорошей, то дурной стороной. Есть сокровища и сокровища. Может, одно из них попадет в наши руки и лапки. И у нас будет свой корабль, и мы с компанией маленького народа пойдем по звездным трассам. Как знать?

Я - Крип Ворланд с "Лидиса", и все уже забыли, что я раньше выглядел по-другому. Но я не забыл, кто живет в шкурке глассии и в один прекрасный день снова пойдет на двух ногах. Мы снова увидим Йиктор, и если он будет тогда под Луной Трех Колец - кто знает, что может случиться?